ТЕРТУЛЛІАНЪ

И

ЕГО ТВОРЕНІЯ.

К. М. Мазурина.

Студента Лицея Цесаревича Николая.

Fatis agimur: cedite fatis!

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульв.

1892.

www.Word-BookShop.narod.ru

Отъ Московскаго Духовно-цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Москва. Сентября 3 дня 1892 года.

Цензоръ Священникъ *Николай Елеонскій.*

ЛИЦЕЮ ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ

ВЪ ПАМЯТЬ

М. Н. Каткова

И

въ благодарность всѣмъ своимъ наставникамъ

трудъ свой посвящаетъ

авторъ.

ОТЪ АВТОРА.

Никогда, безъ сомнѣнія, молодыя силы не взялись бы за такой трудъ, который можетъ составить задачу цѣлой жизни, какъ по множеству и важности сопряженныхъ съ нимъ вопросовъ, такъ равно и по громадному количеству работъ, посвященныхъ предмету въ наукѣ, по обширности литературы предмета. Достаточно сказать, что уже въ древности существовали о нашемъ авторѣ различныя мнѣнія. Одинъ древній писатель говоритъ: «Hic apud Latinos nostrorum omnium facile princeps judicandus. Quid enim hoc viro doctius? Quid in divinis et humanis rebus exercitatius? Nempe omnem philosophiam et cunctas philosophorum sectas... omnem historiarum et studiorum varietatem mira quadam mentis capacitate complexus est... Iam porro orationis suae laudes quis exsequi valeat?... Cujus quot pene verba, tot sententiae, quot sensus, tot victoriae (Vincentius Larinensis. Commonitor). Съ другой стороны, встрѣчаемся съ мнѣніемъ Лактанція. «Septimius quoque Tertullianus, говоритъ онъ, fuit omni genere litterarum peritus; sed in eloquendo parum facilis et comptus, et

multum obscurus fuit.» (Instit. divin. V, 1). Не менѣе разногласій встрѣчаемъ и у новѣйшихъ ученыхъ.

Мы не думали предстать предъ русской публикой во всеоружіи учености, съ законченными взглядами на предметъ,—и то и другое въ наше время едвали возможно. Не писать новое изслѣдованіе о предметѣ, не высказывать новые взгляды на предметъ,—нѣтъ! мы желали дать возможность дальнѣйшей разработки предмета въ русской литературѣ, дать такой трактатъ, чтобы будущему изслѣдователю не пришлось затрудняться неизвѣстностью существующаго матеріала, воззрѣній, поставленныхъ вопросовъ и методовъ ихъ разрѣшенія,—словомъ, мы желали указать вѣрный путь, идя которымъ можно скорѣе всего придти къ научной цѣли—всестороннему освѣщенію личности и ея дѣятельности. Это представляется намъ тѣмъ болѣе необходимымъ, что существующіе, по нашему предмету, въ русской литературѣ, труды, вслѣдствіе своей несамостоятельности не могутъ совсѣмъ удовлетворять серьезнаго изслѣдователя. Мы, съ своей стороны, полагали, что всего скорѣе разрѣшимъ задачу: 1) давъ по возможности полную библіографію предмета и 2) познакомивъ читателя съ сочиненіями Тертулліана, остановившись на наиболѣе характерныхъ мѣстахъ, причемъ сочли нужнымъ дать полный переводъ главнаго и наилучше обработаннаго труда Тертулліана, именно его апологіи. Надѣемся, что не одни спеціалисты, но и вообще русская образованная публика не оставитъ безъ вниманія труда, посвященнаго великому писателю, живщему и дѣйствовавшему среди знаменательной эпохи, интереснѣе и важнѣе которой едва-ли представляетъ всемірная исторія. Мракъ язычества, со всей языческой мерзостью, уже рѣдѣлъ. Заря христіанства разгоралась все болѣе и болѣе... Новый міръ зарождался, по мѣрѣ того, какъ древній уходилъ безвозвратно въ бездну минувшаго... Ничто не въ состояніи поставить насъ, такъ сказать, въ самый центръ этой знаменательной эпохи, перенести въ нее цѣликомъ, оживить ее снова предъ нами, какъ знакомство съ сочиненіями Тертулліана, имѣющими не только интересъ литературный, но и чисто-жизненный.

Еще одна оговорка: спеціалисты, хорошо знакомые съ дѣломъ, съ тѣми трудностями, которыя представляетъ самостоятельное изученіе нашего автора, надѣюсь, оцѣнятъ по справедливости этотъ опытъ ознакомленія русской публики съ великимъ апологетомъ христіанства и не вмѣнятъ автору въ вину случайные недосмотры, неизбѣжные впрочемъ при всякой большой работѣ, уже одно напечатаніе которой создаетъ не мало трудностей и хлопотъ. Приношу мою искреннюю благодарность уважаемому М. И. Хитрову, который, ознакомившись съ моимъ трудомъ и указывая на пользу его для русской богословской литературы, согласился взять на себя трудъ по напечатанію книги, вмѣстѣ со всѣми хло-

потами, сопряженными съ этимъ дѣломъ, что значительно ускорило появленіе ея въ печати.

Въ заключеніе скажемъ словами нашего писателя, что для полнаго ознакомленія съ предметомъ «peregrinandum est in historias et litteras orbis. Et tamen quasi partem jam probationis intulimus, cum per quae probari possint, aspersimus. Verum differre praestat, ne vel minus persequamur festinando, vel diutius evagemur persequendo...» (Apol. c. 19).

ЧАСТЬ I.

БИБЛІОГРАФІЯ ИНОСТРАННАЯ И РУССКАЯ.

ОТДѢЛЪ I.

Иностранная литература предмета.

А. Источники общаго историко-литературнаго значенія.

1) Ioh Christ. Felix *Bähr*, Geschichte der Römischen Litteratur. Supplementband: Die christlich-römische Litteratur. II. Abtheilung: Die christlich-römische Theologie nebst einem Anhang über die Rechtsquellen. Carlsruhe. 1837. p. 15.

2) I. *Nirschl*, Lehrbuch der Patrologie und Patristik. I Bd. Mainz. 1881. p. 266.

3) Phil. *Schaff* въ: *Real-Encyclopädie* für protestantische Theologie und Kirche. 15 Bd. Leipzig. 1885. p. 343.

4) A. *Dictionary* of *Christian Biography* Litterature, Sects and Doctrines During the first eight centuries... Edited. by William Smithe and Henry Wace. Vol IV. London. 1887. p. 818. Статья I. M. Fuller'a.

5) W. S. *Teuffel*, Geschichte der Romischen Litteratur, neubearbeitet von Ludwig Schwabe. 5. Auflage. Leipzig. 1890. p. 939.

Болѣе краткія сообщенія см. въ:

6) E. *Hübner*, Grundriss zu Vorlesungen über die römische Litteraturgeschichte. 4. Auflage. Berlin. 78.

7) Cyclopedia of Biblical, Theological and Ecclesiastical Litterature. Prepared by the Rev. John M-r Clintock, D. D. and fames Strong. S. T. D. Vol X. New. Jork. 1881. p. 288.

B. Источники касательно жизни Тертулліана.

Источниками, могущими служить разъясненію вопроса о жизни Тертулліана, признаются:

1) Свидѣтельства древнихъ писателей: Евсевія и Іеронима,—въ разныхъ мѣстахъ ихъ сочиненій.

2) Соч. Тертулліана, изъ которыхъ путемъ комбинацій и умозаключеній можно такъ или иначе придти къ извѣстному выводу, такъ какъ его сочиненія въ различныхъ мѣстахъ могутъ служить отраженіемъ его духовной жизнедѣятельности.

I. Кромѣ того, изъ древнѣйшихъ трудовъ о нашемъ авторѣ существуютъ:

Jac. *Pamelius*, Tertulliani vita въ его изданіи Тертулліана. Antwerpen 1579.

Эта vita была также помѣщена въ изд. Nic. Rigaltius. Lutet. 1634; въ изд. Migne Patrologiae Cursus Completus. T. I. p. 78; въ изд. Oehler'a. T. III p. 1.

P. *Allix*, De Tertulliani vita et scriptis въ его: Dissertationes tres, Lutet. 1680.

Dupin, Nouvelle bibliotheque des auteurs ecclesiastiques. 2 Ed. 1690. T. I. p. 90.

Tillemont, Memoires pour servir à l'histoire ecclesiastique. Bruxelles. 1694. p. 196; 654. (2 Edit. Paris. 1710—12).

Fabricius, Bibliotheca Latina. III. Hamburg. 1712. p. 347.

Ceillier, Histoire générale des auteurs sacres et ecclesiastiques. Paris. 1723. T. II. p. 374.

N. *Funccius*, de vegeta Latinae linguae senectute. X. Marburg. 1744. p. 2.

Semler, Dissertationum in Tertullianum I: Tertulliani Vita въ изданіи его же. Halae. 1770 p. 222.

Schröckh, Kirchengeschichte. Leipzig. 1772 – 1803. T. III. p. 317.

Saxius, Onomasticon. I. p. 339.

Tricaletius, Bibliotheca manualis patrum. Passau. 1883. I. p. 93.

P. G. *Lumper*, Historia theolog. crit. de vita, script. et doctrin. patrum. Издан. Vindel. 1789.

Schoenemann, Bibliotheca historico-litt. patrum. Lips. 1792. T. I. cp. 2.

Coenen, De Tertulliano. Utrecht. 1825.

Münter, Primordia ecclesiae Africanae. 1829. Cp. 21. p. 128.

Изъ перечисленныхъ здѣсь старыхъ сочиненій наибольшаго вниманія заслуживаютъ труды Pamelius'a, Allix, Dupin, Ceillier, Semler, Lumper и до сего дня, хотя они были въ своихъ выводахъ разработаны и исчерпаны слѣдующими, болѣе новыми учеными:

II. Новыя изслѣдованія:

K. Hesselberg, Tertullians Leben und Schriften. Dorpat. 1848.

Grotemeyer, Ueber Tertullians Leben und Schriften. I, II. Kempen. 1863. 1865.

F. Boehringer, Tertullianus, Stuttgart. 1873. (II изданіе).

A. Hauck. Tertullian's Leben und Schriften. Erlangen. 1877.

E. *Noeldechen*, Tertullian. Gotha. 1890.

Изъ перечисленныхъ въ особенности заслуживаетъ вниманія по своей основательности книга *Hauck'a*; съ другой стороны трудъ *Noeldechen'a* остроуменъ и талантливъ; приложено много монографій и періодическихъ изданій. Словомъ, — занявшись спеціально Тертулліаномъ, онъ обработалъ и приложилъ къ дѣлу всѣ до него существовавшія научныя данныя, хотя, въ частности, въ своихъ заключеніяхъ, заходитъ слишкомъ далеко.

Въ особенности хорошо написана статья Tertullian als Mensch und Bürger въ Sybels historiches Zeitschrift. 54. 1885. p. 225. Другія его статьи суть: Tertullians Geburtsjahr, помѣщена въ Zeitschrift für wissenschaftl. Theologie. 29. Bd p. 207.

Tertullian in Griechenland. тамъ же. 30 Bd. p. 385.

Tertullians Erdkunde помѣщена въ Zeitschrift für Kirchliche Wissenschaft. 7. Bd. p. 310.

C. Сочиненія Тертулліана.

Рукописи и тексты.

Ch. Troggot Gotlieb. *Schoenemann*. Bibliotheca Historico-Litteraria Patrum Latinorum a Tertulliano principe usque ad Gregorium M. et Jsidorum ad Billiothecam Fabricii Latinam accomodata. Tom I. Lips. 1792 p. 57.

Приводитъ 20 рукописей:

J. P. *Migne*, Patrologiae Cursus Completus. Tom I. Parisiis 1878 p. 34.

Описываетъ 30 кодексовъ:

Древнѣйшій и наиболѣе цѣнный кодексъ это—Codex *Parisinus latinus 1622 г.* Онъ представляетъ изъ себя письмо на пергаментѣ временъ 9 вѣка. По первому обладателю его архіепископу Агобарду Ліонскому онъ называется обыкновенно Cod. *Agobardinus.*

Этотъ кодексъ, по Index'у помѣщенному вначалѣ, содержалъ 21 сочиненіе Тертулліана, но половина его утрачена (послѣдняя), такъ что недостаетъ конца трактата „de Carne Christi" и слѣдующихъ за этимъ 8 сочиненій. См. по этому поводу *Maximilianus Klussmann*, Curarum Tertullianearum particulae tres. Gothae. 1887. p. 6 и Praefatio въ изданіи Тертулліана Reifferscheid-Wissowa. 1890. p. VI.

Эта рукопись вслѣдствіе вліянія сырости и дурнаго сохраненія очень испорчена, такъ что въ концѣ листы сильно закруглены и во многихъ мѣстахъ уничтожены, поэтому при обработкѣ текста необходимо прибѣгать къ болѣе раннимъ сличеніямъ (они относятся ко времени, когда Codex находился въ болѣе сохранномъ и лучшемъ видѣ).

Изъ этихъ свѣреній слѣдуетъ отмѣтить:

Jac. Gothofredus въ его изданіи соч. „ad Nationes". Genevae. 1625.

Оба сличенныхъ текста были употреблены *Oehler'омъ* для его изданія сочиненій Тертулліана; изъ нихъ одинъ относится къ *Stephanus Baluziu.* (на одномъ Мюнхенскомъ экземплярѣ изд. Rigaltiana отъ 1641 г.; записано на поляхъ), другой обнародованъ Gustav'омъ *Fridrich Hildebrand'омъ.* Наконецъ Codex Agobardinus былъ сличенъ *Reifferscheid'омъ* для его изданія соч. Тертулліана. (Болѣе подробныя свѣдѣнія касательно этого пункта обѣщаны *Wissowa* къ 2 тому этого изданія).

Большой важности является затѣмъ изданіе соч. Тертулліана Joannes *Gagneius*, Parisiis, 1545, которое содержитъ въ себѣ 9 до сихъ поръ неизданныхъ соч. Тертулліана (въ editio princeps Beatus Rhenanus). Gangneius пользовался для своего изданія двумя рукописями такъ, что первая попала въ основаніе текста, а Codex Agobardinus, въ его разночтеніи, онъ употребилъ, какъ замѣчанія на поляхъ.

За симъ слѣдуетъ отмѣтить изданіе *Sigismundus Gelenius.* Basileae. 1550. Онъ говоритъ въ предисловіи, что пользовался очень хорошей рукописью (изъ англійскаго монастыря Masburg), которую вѣроятно сочеталъ съ главною рукописью и которая идентична Gagneius'y.

Jac. *Pamelius* въ своемъ изданіи 1579 г. употребилъ утерянный Codex Joannes Clemens *Anglus'a*, который впрочемъ, какъ надо думать, представлялъ мало цѣннаго.

Къ сказанному нужно прибавить (кромѣ cod. Agobardinus) Codex *Ambrosianus.* Именно въ codex Agobardinus не достаетъ послѣднихъ главъ изъ соч. „de Oratione" (нач. съ сар. 21). Изданія Gelenius'a и Pamelius'a ихъ также не помѣстили, а заканчиваютъ 19 главой какъ бы заключительной; между тѣмъ конецъ, неизвѣстный этимъ ученымъ, содержитъ въ себѣ вышепоименованный Cod. Ambrosianus, на основаніи котораго было сдѣлано изданіе Muratori. 1713.

Что касается до критики текста, то ею занимались вообще всѣ издатели, изъ коихъ въ особенности обращаютъ на себя вниманіе:

Nic. *Rigaltius* съ своимъ изданіемъ 1634 г.

Franz *Oehler.* Изд. 1851 г.

Относительно послѣдняго изданія смотри сообщеніе и дополненіе съ разъясненіями касательно Тертулліановыхъ рукописей въ Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie, 1860. p. 82, 363—статья Ernst'a *Klussmann*'a.

Наилучшее изданіе текста, обѣщающее отвѣчать всѣмъ требованіямъ филологической критики—это почти послѣднее изданіе *Reifferscheid-Wissowa*, котораго вышелъ 1-й томъ: Quinti Septimii Florentis Tertulliani opera ex recensione Augusti Reifferscheid et Georgi Wissowa. Pars I. Vindobonae, Pragae, Lipsiae. 1890, какъ Vol. XX Corpus'a scriptorum ecclesiasticorum.

Изданіе это содержитъ: de Spectaculis, de Idololatria, ad Nationes libri duo, de Testimonio animae, Scorpiace, de Oratione, de Baptismo, de Pudicitia, de Jeiunio adversus psychicos, de Anima. Существенное отличіе этого изданія заключается въ томъ, что въ основу положено сличеніе Codex'a Agobardinus, сдѣланное Reifferscheid'омъ (умершимъ за этимъ трудомъ), а также и въ строго-разумномъ выборѣ разночтеній, сдѣланномъ для 2-го тома профессоромъ классической филологіи въ Марбургѣ *Wissowa'*омъ, который обѣщаетъ болѣе подробное введеніе касательно исторіи текста и критики онаго, пока же цитаты дѣлаются на основаніи большаго *Oehler'*овскаго изданія.

Сообщеніе о критикѣ текста см. въ Göttinger Nachrichten. 1878, 15 статья P. de *Lagarde.*

D. Изданія.

Наиболѣе *старыя изданія* приводитъ:

Saxius, Onomasticon Litterarium, trajecti ad Rhenum. 1775, tom. I, p. 338.

Schoenemann, Bibl. Patr. I tom., p. 9 – 56.

Въ заключеніе – къ послѣднему изданію *Migne*, Patrologiae cursus completus, Tom. I, p. 37—72, даетъ подробную библіографію до 1843 года. Наиважнѣйшія изданія оцѣниваетъ кратко Fr. Ad. *Ebert*, Allgemeines bibliographisches Lexicon. 2. Bd. Leipzig. 1830. №№ 22563—22585.

E. Полныя собр. сочиненій.

Editio princeps per *Beatum Rhenanum*. Basileae apud Froben. 1521. Переиздано въ 1525, 1528, 1536 гг.

Editio Basileensis. II. 1539.

Editio Parisiensis I per *Gagnaejum*. 1545.

Ed. Basileensis III. 1550 (curavit Sigism. Gelenius).

Ed. Basileensis IV. 1562 (повтореніе предъидущаго).

Ed. Basileo-Parisiensis. 1566. (Excud. Andr. Wechelus).

Ed. *Pameliana-Antverpensis*. I, cum Jacobi Pamelii argumento et adnot. 1579.

Ed. Barraeana. 1580, studio et labore Renati Laurentii de la Barre. Parisiis apud Mich. Julianum.

Ed. *Pameliana-Parisiensis*. I. 1583.

Ed. Pameliana-Parisiensis. 1584 (per Jo. Mercerium).

Ed. Pameliana-Parisiensis. III. 1585.

Ed. Heidelbergensis. I. 1596.

Ed. Pameliana-Franeckerae. I, cum notis Francisci Junii. 1597.

Ed. Pameliana-Genevensis. I. 1597.

Ed. Pameliana-Parisiensis. IV. 1598.

Ed. Pameliana-Heïdelbergensis. II. 1599.

Ed. Pameliana-Heidelbergensis. III. 1601.

Ed. Pameliana-Franeckerae. II. 1607.

Ed. Pameliana-Parisiensis. V. 1608.

Ed. Pameliana-Antwerpensis. II. 1609.

Ed. Pameliana-Parisiensis. VI. 1610.

Ed. Pameliana-Parisiensis. VII. 1616.

Ed. Pameliana-Coloniae. I. 1617.

Ed. La Cerdae imperfecta. Parisiis. 1624, 1630. Libri IX ex codice Agobardï, ed. Rigaltius. 1626 и 1628. (Typis Rob. Stephani).

Ed. *Rigaltiana*. I. Lutetiae. 1634. Nicolai Rigaltii observationibus et notis illustrata.

Ed. Rigaltiana. II. 1641.

Tertullianus redivivus auct. P. *Georgio*. Parisiis. 1646—50.

Tertulliani opera omnia, op. *Caroli Moreau*. Parisiis. 1658.

Editio Pameliana-Rothomagensis. 1662.

Ed. *Pamelio-Rigaltiana Priorii*. Lutet. 1664.

Ed. *Pamelio-Rigaltiana Priorii*. II. 1675.

Ed. Pamelio-Rigaltiana Priorii. III. 1695.

Ed. Pameliana-Franeckerae. III. 1697 (у Migne не упомянуто).

Ed. *Veneta*. I. 1701.

Ed. Veneta. II. 1744.

Ed. *Halensis*, recensuit Jo. Sal. *Semler* 1769—76.

Ed. Veneta. III. 1776. (у Migne не упомянуто).

Ed. *Wirceburgensis,-ed Oberthür*. 1780—1781.

Ed. Halensis. II. 1827—29.

Tertulliani opera, ed. E. F. *Leopold*. Lips. 1839—41. Cur. E G. Gersdorf. въ Bibliotheca patr. eccles. latin. selecta, IV—VII. (не приведено у Migne).

Editio Parisiensis, ed. Migne (Patrologiae Cursus Completus. Tom I, II, III). Parisiis. 1843, переиздано 1878.

За симъ изъ послѣднихъ изданій—Tertulliani opera, quae supersunt omnia. Edidit *F. Oehler*. Lipsiae 1851—54, въ трехъ томахъ; третій томъ содержитъ статьи—dissertationes:

1. Jac. Pamelii—Vita Tert.
2. P. Allïx—Vita Tert.
3. Nic. le Nourry-Apolog., ad Nationes, et unam ad Scapul. dissert.
4. Laur. Mosheïm disquisit. Chronolog.
5. Got. Centnerus-omnia in Montanismo scripta.
6. Jo. Aug. Noesselt—de Vera aetate.
7. Semler—de Varia et incerta indole librorum.
8. Joh. Kaze—de Tertull. et ejus script.

Oehler, кромѣ того, въ заключеніе издалъ въ Лейпцигѣ небольшое собраніе текстовъ.

Tertulliani opera ex recensione Aug. *Reifferscheid* et *Georgii Wissowa*. Pars I. Vindobonae, Pragae, Lipsiae. 1890. Какъ vol. XX. Corpus'a scriptor. ecclesiastic. lat.

Oehler'ское изданіе, какъ мы уже замѣтили, до появленія новаго изданія *Reifferscheid Wissowa*, заслуживаетъ полнѣйшаго вниманія и можетъ служить образцовымъ текстомъ.

F. Отдѣльныя изданія:

I. Apologeticum.

Venetiis, per Bernardinum Benalium, безъ года (1483).
Mediolani per Uldericum Senizinzeler. 1493.
Вмѣстѣ съ Лактанціемъ: Венеція, 1494, Парижъ, 1500 и далѣе 1502, 1509, 1511, 1513, 1515. 1535.
Apologet. cum commentar. Desiderii Heraldi. Parisiis. 1613.
Apologetic. et ad. Scapul. liber вмѣстѣ съ Oct. Minuc. Felix'омъ Cantabrigiae. 1686.
Apologetic. ed. S. Havercampius. Lugd. 1718.
Apolog. ed. Ritter, Elberfeld. 1827.
Apolog. et ad Nationes libri duo, ed. F. Oehler. Halae 1849.
Apolog. ed. Joh. Kayser, Padeborn. 1865.
Apolog. ed. T. Herbert. Bindley. Oxford. 1889.

II. De Praescriptionibus adv. haeret.

Parisiis (apud Wechelum). 1561.
Coloniae, 1601.
Cracoviae, 1605.
Bruxellii (cum scholiis Christ. Lupi). 1675.
Romae. 1702 и 1769.
Salisburgi. 1752.
In Assisi. 1784.

III. De Pallio.

Lugduni Batav. 1595.
Parisiis. 1600 (cum notis et interpet. gallica).
Parisiis. 1614.
Parisiis. 1622; Claudius *Salmasius* recens. Относительно спора, возникшаго между этимъ и Anton. Kerkoetius'омъ по поводу текстовъ, см. Ebert, Allgem. Bibliogr. Lexikon, Nr. 22574.
Lugduni. 1626.
Lugduni Batav. 1656.

IV. Ad Nationes.

Genevae. 1625 (cum notis Jac. Gothofredi).

V. De Oratione.

Patavii 1713, ed. Muratorius.

VI. De Spectaculis.

VII. Ложно-Тертулліановскія стихотворенія:

Tertulliani opera poetica, ed. Andr. Rivinus, 1651.
Carmen de Iona et Ninive, ed. a Chr. Daumio. Lips. 1684.
Tertulliani poemata. Lond. 1715.
Tertulliani carmina, ed. Pisaurii, 1780.
Всѣ указаны у *Migne*, Patrolog. Cursus, Tom II.
Fragmentum ex libris Tertulliani de exsecrandis gentium diis, erutum e Bibliotheca Vaticana, studio Ios. Mar. Suarezii. Paris. 1630.

Касательно соч., ложно приписываемыхъ Тертулліану, см. *Walchius*, Bibliotheca patristica, p. 199.

G. Переводы.

I. На нѣмецкій яз.:

Rösler, Bibliothek der Kirchenväter in Uebersetzungen und Auszügen. Lips. 1776. III, p. 32.
Besnard, Tertullian's sämtliche Schriften, übersetzt und bearbeitet von Franz Ant. Besnard, 2 Bd. Augsburg. 1837—1838.
Karl. Ad. *Kellner*, Tertull. sämtl. Schrift., aus dem lat. übersetzt. 2 Bd. Köln. 1882.
Laur. Alb. *Franc*, de Praescript. adv. haeret. übersetzt. 1572.
Luc. *Maii*, de Patientia. 1582.
Apologeticum. 1682, Lüneburg.
Ad. Scapulam. 1682.
Apologeticum. 1797, Frankfurt.
De Praescript. adv. haeret. 1797, Wien.
Joh. Hein. Lud. *Schröder*, de Patientia. Thorn. 1836.

II. На французскій яз.:

Aubert de *Maiere*, de Praescript. adv. haeret. 1562. *Brosse*. 1612; 1683.
Lud. *Gyrius*, Apologeticum. 1636, 1646.
Amsterdam. 1701.

Paris. 1714—15, 1780; 1822.

Apologeticum et de Praescript. adv. haeret. Lyon. 1823.

Apologeticum. 1827.

De Pallio, Titreville. Paris, 1640.

De Pallio, Patientia, exhortatio, ad Martyres. 1665.

De Cultu feminarum и de Virg. velandis, Paris, 1565; Genf, 1580; de Cult. fem., de Spectacul., de Baptismo, de Patient. 1733.

De Poenitentia, Paris, 1645; 1667.

De Corona militis par Aub. de Hacere. 1563; par Richeaume. 1594.

De Oratione и de Patientia, Hobiorius. 1640.

De Carne Christi. Paris. 1601.

Ad Martyres, 1673; 1733.

De Testimonio animae, 1832.

III. На итальянскій языкъ:

Opere di Tertull. trad. in Toscano, Roma. 1756.

Degli *abbigliamenti* e delle *acconciature* delle donne, Firenze. 1781

De Prescript. adv. haer. 1784.

IV. На испанскій языкъ:

Obras, parte I: de Patientia, de Testimonio animae, ad Scapulam etc.—Jos Pellecier, Barcelona. 1639.

Apologeticum Petr. *Manero*. 1644; Madrid. 1657, 1789.

Ad Scapulam, 1644, 1792. de Patientia, 1644.

V. На англійскій языкъ:

Apologeticum. London. 1655; Cambridge. 1843.

Ad Uxorem, 1550, London; de Praescript. adv. haer. Oxf. 1722.

Ad Scapulam. 1780.

VI. На шведскій языкъ:

Forswarskrift for de Kristen mod. Haedningerne. Oversat af C. I. Arnesen. Christiania. 1880.

Udvalgte Skriften. Oversat af I. Arnesen. Christiania. 1887 (in Vidnesbyrd af Kirke fadrene XV).

II. Потерянныя сочиненія.

Относительно этихъ сочиненій см: N. *Funccius*, De vegeta Lat. linguae senectute, Marburg. 1714, X, § 3.

P. G. *Lumper*, Historia Theologico-critica de vita, scriptis et doctrinis patrum. Aug. Vindel. 1783. V. p. 231.

Изъ извѣстныхъ сочиненій, находящихся на лицо, были писаны на греческомъ языкѣ и переведены самимъ Тертулліаномъ на латинскій, слѣдующія: de Spectaculis, de Baptismo, de Virgin. velandis, de Corona militis.

Извѣстны, на основаніи цитатъ, слѣдующія потерянныя сочиненія: de Censu animae, de Spe fidelium, de Paradiso, de Extasi libri VI, de Aaronis vestibus, de Animae submissione, de Superstitione saeculi, de Carne et Anima, de Trinitate, de Animalibus mundis et immundis, de Circumcisione, de Virginitate.

I. Изслѣдованія частныя.

Критическія изслѣдованія касаются преимущественно слѣдующихъ пунктовъ: возникновенія (время) Тертулл. соч.; ихъ объясненія; выраженныхъ въ нихъ религіозныхъ и философскихъ взглядовъ Тертулліана; характеристики Тертулліана, какъ писателя, и наконецъ—языка.

I. Время возникновенія сочиненій.

Allix, de Tertulliani Vita et Scriptis. Paris. 1680.

Lumper, de Vera aetate ac doctrina scriptorum Tertulliani въ цитованной Historia theol. crit., ve vita.... patrum, Aug. Vind. 1789. (напечатана у Migne. Patrolog. Curs. I. p. 126).

J. A. *Nösselt*, de Vera aetate ac doctrina scriptorum Tertullani въ его же opuscula ad histor. eccles. 3, 1, напечатано у Oehler'a T. 3. p. 540).

H. *Kellner*, zur Chronologie Tertullian's, I, въ Tübinger. Theolog. Quartalschrift. 52, p. 547; 53, p. 585.

G. *Uhlhorn*, Fundamenta chronologiae Tert. Göttingen. 1852.

Harnack, zur Chronologie der Schriften Tertullian's въ Zeitschrift für histor. Theologie. 1878, p. 575—582.

G. N. *Bonwetsch*, die Schriften Tertullian's nach der Zeit ihrer Abfassuug, Bonn. 1879.

E. *Noeldechen*, die Abfassungs Zeit der Schriften Tertullian's въ Texte und Untersuchungen zur Geschichte der christ. Litteratur, V, 2. Leipzig. 1889. Рецензія была сдѣлана G (ustav) K (rüger) въ Litterarisches Centralblatt, 30 Maiz, 1889. Отвѣтъ Noeldechen'a см. въ Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie. 1889 (32) p. 411. Сравни Zeitschrift für Kirchliche Wissenschaft. 7, 87.

II. Объясненіе соч. Тертулліана.

Краткія резюме содержанія соч. Тертулл. помѣщены въ цитованныхъ соч. *Bähr'a*, *Nirschl'я*, *Dictionary of Christian Biography. Realencyclopedie für protestant. Theolog. und Kirche.* A. *Ebert*, Geschichte der christ. lat. litt. p. 32. Dictionaire de Theologie par ab. Bergier.

Болѣе подробное изложеніе содержанія даютъ Boehringer, Hauck и Noeldechen, кромѣ того—A. *Neander*, Antignosticus, Geist des Tertullian's и Einleitung in seine Schriften. Berlin. 1849 (1 Auflas.).

K. *Hesselberg*, Tertullian's Lehre aus seinen Schriften entwickelt. Dorpat. 1848.

E. *Noeldechen*. Tertullian von dem Kranze въ Zeitschrift für Kirchengeschichte. II. Bd. 1890. p. 353.

P. *Tamburini*, analisi del libro delle prescrizioni, Pavia, 1782. (переведено на Португальскій языкъ, Lisb. 1788). Кромѣ того:

Nani, Breve confronto del libro de Praescriptionibus coll'analisi fattane in Pavia, Bologna. 1784.

Chr. *Ballenstedt*, Terrullian's Geistes Fähigkeiten, Religion, Kenntnisse und Theologie. Helmst. 1785.

Friedr. Aug. *Burckhardt*, Die Seelenlehre Tertullian's nach dessen Tractat. de Anima. Programm Budissin. 1857.

Carl. L. *Leimbach*, Beiträge zur Abendmahlslehre Tertullian's, Gotha. 1874.

Oehninger, Tertullian und seine Auferstehungslehre. Augshurg. 1878.

N. J. *Laforet*, Etude philosophique sur Tertullien. Louvain. 1869.

G. R. *Hauschild*, Tertullian's Psychologie nnd Erkenntnisstheorie. a. M. 1880.

Günther *Ludwig*, Tertullian's Ethik. Dissert. Leipzig. Programm. Frankfurt. 1885.

Pagano Paganini Il Materialismo di Tertulliano. Pisa 1870.

III. Тертулліанъ, какъ монтанистъ.

Shhwegler, Der Montanismus und die christliche Kirche des 2 jahr, Tübingen. 1841.

Baur, Das Wesen des Montanismus nach den neuesten Forschungen въ Thelog. Jahrbücher. 1851. p. 538.

Baur, Kirchengeschichte der Drei ersten Jahrhunderte. 3 Ausg. Tübingen. 1863. p. 235.

P. *Gottwald*, De Montanismo Tertull. Vratislaviae. 1863.

G. *Caucanas*, Tertullien et le Montanisme. Genf. 1876.

Révelle, Tertullien et le Montanisme въ Revue des deux Mondes. LIV p. 166.

Bonwetsch, Die Geschichte des Montanismus. Erlangen. 1881.

О значеніи Тертулліана въ исторіи догматики въ особенности заслуживаютъ вниманія:

Harnack, Lehrbuch der Dogmengeschichte. 1—3 Bd. Freiburg. 1890. 1 Bd. p. 434.

У католиковъ:

Kolberg, Verfassung, Cultus und Disciplin der christlichen Kirche nach den Schriften Tertullian's.

I. *Kaye*, Ecclesiastical History af the second and third Centuries, illustrated from the writings of Tertullian. London. 1845 (3 изд.).

К. О языкѣ.

Касательно церковно-латинскаго языка вообще см.

Koffmann, Geschichte des Kirchenlateins. 1879.

Отдѣльныя изслѣдованія:

Index glossarius styli Africani въ Editio *Rigaltiana*. I. (Lutet. 1634).

Index latinitatis Tertullianeae въ 6 t. Semler'овскаго издан. Halae 1776.

Статья E. F. *Leopold'a* у Migne, Patrol. Gurs. I. p. 72.

P. Langen, De usu praepositionum Tertullianeo. Münster. 1868—70.

J. *Schmidt*, De latinitate Tertullianea. Erlangen. 1870.

J. *Schmidt*, de nominum verbalium in tor et trix apud Tertullianum copia et vi. Erlangen. 1878.

Kellner, Die sprachlichen Eigentumlichkeiten Tertullian's въ Tübinger Theolog. Quartalscrift. 58. p. 229.

G. R. *Hauschild*, Die Wortbiltung bei Tertullian. Leipzig. 1876; 2 Theil. Frankfurt, a M. 1881.

J. P. *Condamin*, De Tertulliano christianae linguae artifice. Lyon. 1877.

Библію Тертулліанъ цитуетъ по-латыни; касательно сего см:

Herm. *Rolusch*, Das neue Testament Tertullian's. Aus den Schriften des letzten möglichst vollstandig reconstruirt. Leipzig. 1871.

Касательно такъ называемой Италы, см. болѣе точныя свѣдѣн. J. *Teuffel*, Geschicht. der lat. Litt. p. 942.

L. Характеристика Тертулліана.

Нравственный образъ Тертулліана всего лучше обрисовывается въ его произведеніяхъ,— затѣмъ въ трудахъ, посвященныхъ этому предмету, изъ которыхъ наибольшаго вниманія заслуживаютъ:

Dupin, Nouvelle bibliotheque des auteurs ecclesiastiques. 1688. p. 320.

Neander, Antignosticus. Berlin. 1849.

Сочиненія *Boeringer'a*, *Hauck'a*, а также статьи этого послѣдняго: *Tertullian und S. Paul* въ Zeitschrift für wiss. Theolog. XXIX, 4. p. 478; — *Tertullian als Mensch und Bürger* въ Sybel histor. Zeitschrift. 54 (1885) p. 22.

Краткія, но хорошія характеристики представляютъ:

Ebert, Geschichte der christl. lat. Litt. Leipzig. 1874. p. 32 и въ Real-Encyclopädie für protestantische Theologie und Kirche. 15 Band. p. 343. v. Phil. *Schaff*.

M. Varia.

I. О Тертулліанѣ и современномъ ему юристѣ того же имени, котораго отождествляли съ нашимъ писателемъ, см:

Teuffel, Gesch. der Römich. Litt. (5 Aufl. 1890) p. 939.

A. *Ebert*. Ueber Tertullian's Verhältniss zu Minuzius Felix въ Abhandl. der Sachs. Gesellschaft der Wissenschaften. 12. p. 321. и въ Geschichte der chrisfl. lat. Litt. des Mittelalters p. 32.

Masselieau, Rev. de l'historie des relig. 1888. Tom. XV. № 33.

II. Касательно ложно Тертулліановыхъ стихотвореній см:

L. *Müller*. Rhein Museum. 2è (1867) p. 329.

E. *Hückstädt*, Ueber das pseudotertull. Gedicht adversus Marcionem, ein Beitrag zur christl. lat. Litteratur-Geschichte. Leipzig. 1875.

Относительно Carmina Sibyllina см. Lumper. Ibid. p. 156. VI Bd.

О заблужденіяхъ Тертулліана см. статьи:

Paradoxa Tertulliani cum antidoto *Pamelii* въ Editio-Pameliana ntwerpensis. I. (1579); также у *Migne* Patrol. Curs. c. I. p.

226. Сравни: *Moroni*, Dizionario di erudizione stoico ecclesiastica подъ рубрик. „Tertullian".

Касательно выраженій Тертулліана см.

Proverbiales formulae operis Tertullianei contentae brevibus scholiis illustratae per Andream *Hoyum* въ Editio Pameliana-Parisiensis, I (1583); перепечатано у Migne, I. p. 258.

V. Касательно географическихъ свѣдѣній Тертулліана см:

Nöeldechen, Tertullian's Erdkunde въ Zeitschrift fur kirchliche Wissenschaft. 7. p. 310.

N. Добавленія.

Только что вышелъ первый выпускъ труда:

D-r I. *Van Der Vliet*, Studia ecclesiastica. Tertullianus. 1891. I. Lugduni Batavorum. 1891.

Сочиненіе строго научнаго характера представляетъ цѣну какъ по обработкѣ матеріала, которымъ пользовался авторъ, такъ и по характерному освѣщенію личности Тертулліана Въ особенности интересны его *observationes*.

Весьма обстоятельная характеристика Тертулліана и его сочиненій съ массой выдержекъ изъ нихъ см. у—

Karl Iohannes *Neumann*. Der Römische Staat und die allgemeine Kirche bis auf Diocletian. Leipzig. 1890. T. 1. Второй томъ долженъ былъ выйти въ 1891 г.

ОТДѢЛЪ II.

Русская литература предмета.

Квинта Септимія Флорента Тертулліана. Защищеніе христіанъ противъ язычниковъ, съ латинск. *Аѳанасіемъ* переведено. Москва. 1802. Очень точный переводъ апологетика, хотя безусловно устарѣлый по языку.

Христіанское чтеніе 1832 г. Часть XLV, стр. 269 и слѣдующ. Переводъ сочиненія *ad Scapulam* (при Спб. Д. Акад.).

Тертулліанъ и его сочиненія. Христіанское чтеніе. 1842 г. Часть 2, стр. 371—420; часть 3, стр. 72—152.

Тертулліанъ и его вѣкъ. Савельева-Ростиславича. Спб. 1848.

Сочиненія Тертулліана. Пер. *Карнѣева.* 4 части. 1847—1850. Переводъ, повидимому, сдѣланъ не съ латинскаго. Мѣстами совершенно невѣренъ, мѣстами представляетъ переложеніе. Есть основаніе полагать, что авторъ усердно пользовался французскимъ переводомъ Genoude (см. примѣч. къ Apologeticus), потому что лишніе обороты и вставки, не находящіяся въ текстѣ и добавленныя во французскомъ переводѣ, также находятся и у г. Карнѣева. Притомъ изложены не всѣ творенія Тертулліана.

Историческое ученіе объ отцахъ Церкви. Соч. *Филарета* архіеп. Черниговск. и Нѣж. Спб. 1882, Т. I. Изданіе второе. Первое изд. въ 1859 г.

Статья о Тертулліанѣ занимаетъ отъ 150—168 стр. Раздѣлена на §§ съ краткимъ, но характернымъ изложеніемъ каждаго.

§ 78. „Тертулліанъ. Его жизнь“. Предметъ излагается кратко и очень опредѣленно. Такъ авторъ категорически выражаетъ мнѣніе, что Тертулліанъ былъ адвокатомъ. Правда, нѣкоторые ученые дѣлаютъ также этотъ выводъ и въ доказательство своего взгляда указываютъ въ языкѣ нашего писателя на лексическія особенности

и словообразованія спеціальнаго характера, напр. praescriptio, formulam dare, ex forma agere, crimen retorquere и др. Но многіе ученые, не соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ, или не касаются этого вопроса, или скорѣе склонны считать его риторомъ, такъ какъ значительныхъ основаній для этого взгляда не существуетъ.

Къ примѣч. 7. Намъ кажется не вполнѣ убѣдительнымъ заключеніе о возрастѣ Тертулліана по тому увѣщанію, которое онъ написалъ для своей жены (Lib. I, ad Uxorem, c. 7). Авторъ полагаетъ, что „завѣщаній не пишутъ въ молодости“. Но это не можетъ служить основаніемъ для сдѣланнаго вывода, потому что сочиненіе ad Uxorem есть не завѣщаніе въ собственномъ смыслѣ, а скорѣе увѣщаніе (Cap. 2. 3. 6), которое могло быть написано во всякомъ возрастѣ. Тертулліанъ на случай смерти (на самомъ дѣлѣ, какъ видно изъ трактата, авторъ и не опасается скорой смерти) проситъ свою жену не выходить вторично замужъ, не потому, чтобы онъ ожидалъ скорой смерти, а для того, чтобы delectissima in Domino conserva знала, post discessum meum quid sectandum sit (Cap. 1). Въ этомъ мы видимъ вполнѣ естественную заботу мужа о любимой женѣ, особенно если вспомнить, что увѣщаніе писалъ строгій ревнитель воздержанія, давшій особый трактатъ объ единобрачіи. Nam disjunctis a matrimonio duae species humanae imbecillitatis necessarias nuptias faciunt. Prima quidem potentissima, quae venit de concupiscentia carnis, sequiens de concupiscentia saeculi... Et tu adversus consilia haec ejus adhibe sororum nostrarum exempla, quarum nomina penes dominum, quae nullam formae vel aetatis occasionem praemissis maritis sanctitati anteponunt. Malunt enim Deo nubere. Deo speciosae, deo sunt puellae. etc. (Cap. 4).

§ 79. „Характеръ и заблужденія“.

§ 80. Лучшія сочиненія: апологетическія—апологетикъ и свидѣтельство души. Краткое изложеніе содержанія этихъ сочиненій.

§ 81. Полемико-догматическія: о давности противъ еретиковъ, о крещеніи.

§ 82. Противъ Праксея и Маркіона.

§ 83. Нравственныя сочиненія о покаяніи, о молитвѣ, о зрѣлищахъ.

Приведемъ сужденія автора о нѣкоторыхъ трактатахъ:

О свидѣтельствѣ души. „Небольшое сочиненіе стоитъ ученаго разсужденія и показываетъ намъ, въ какомъ отношеніи находилось зычество къ христіанству“ (стр. 161).

О давности противъ еретиковъ. „Составляетъ превосходное опроверженіе всѣмъ еретическимъ и раскольническимъ толкамъ, не исключая протестантовъ и неологовъ. Ибо отдѣленіе отъ единства и власти апостольской церкви, отверженіе преданія, произволъ въ объясненіяхъ Писанія точно такъ же проповѣдуютъ протестанты и неологи, какъ проповѣдывали Маркіонъ, Валентинъ и другіе современные Тертулліану еретики“ (стр. 164).

О крещеніи. „Съ полною точностію опредѣляетъ понятіе о крещеніи и о видимой и невидимой сторонѣ сего таинства, описываетъ и самый чинъ крещенія, и, такимъ образомъ, важно какъ для догматики, такъ и для ученія объ обрядахъ церкви“ (165).

Противъ Праксея. „Тертулліанъ съ торжествующею силою опровергаетъ Праксея и утверждаетъ догматъ откровенія. Онъ же первый изъ латинскихъ учителей опредѣляетъ ученіе о Св. Троицѣ ясными выраженіями и выполняетъ это съ особеннымъ искусствомъ. Но первый опытъ не могъ быть безъ недостатковъ и Тертулліанъ тамъ, гдѣ своими соображеніями объясняетъ откровенную мысль, не всегда выражается прилично“ (165).

Къ женѣ. „Сочиненіе замѣчательное какъ по благочестивому духу своему, такъ по описанію весьма многихъ богослужебныхъ дѣйствій времени Тертулліана“ (168).

О зрѣлищахъ. „Съ немногими измѣненіями все сочиненіе можетъ быть отнесено къ зрѣлищамъ нашего времени“ (168).

Вообще, по словамъ автора, значеніе Тертулліана въ области развитія догматики стоитъ очень высоко. „Самые трудные вопросы о единствѣ Божіемъ, о свойствахъ Божіихъ, о воплощеніи Тертулліанъ рѣшаетъ превосходно“ (167).

Тертулліанъ. Духовная Бесѣда. 1868. № 31.

Исторія среднихъ вв. Спб. 1863 г. Н. Стасюлевича. Ч. 1. Помѣщена часть Апологетика (XXXV—XLVI), съ краткой библіографіей.

Трактатъ Тертулліана о молитвѣ Господней и трактатъ *о Зрѣлищахъ. К. Скворцова.* Труды Кіевск. Дух. Ак. 1865.

Статья представляетъ переводъ 10-й лекціи аббата Freppel'я изъ его курса „Cours d'eloquence sacrée“, читаннаго въ Сорбоннѣ въ 1861—1862 гг.

Философія Тертулліана. К. Скворцовъ. Въ Трудахъ Кіевск. Дух. Акад. 1866. Томъ II.

Философія отцевъ и учителей Церкви. Періодъ апологетовъ. К. И. *Скворцова.* Кіевъ, 1868.

Статья о Тертулліанѣ занимаетъ 135—183. Авторъ разсматриваетъ источники познанія истины; ученіе о Богѣ, Св. Троицѣ, о человѣкѣ, о составѣ человѣческой природы, о происхожденіи душъ и о безсмертіи, о воскрешеніи тѣла, а также и нравственное ученіе Тертулліана.

При этомъ—краткая характеристика Тертулліана.

Сочиненіе носитъ скорѣе популярный, чѣмъ строго-научный характеръ; намѣчаются характерныя черты, поворотные пункты во взглядахъ Тертулліана; въ подробности авторъ не входитъ.

Сочиненія Ешевскаго. Ч. I. Москва. 1870 г. Въ „Очеркахъ язычества и христіанства“—впрочемъ далеко не самостоятельная работа, мѣстами простое переложеніе съ нѣмецкаго, сравн., напр., на стр. 438, о вопросахъ, занимавшихъ гностиковъ, съ подходящимъ мѣстомъ у Неандера.

Тертулліанъ и его двѣ книги ad Nationes. Переводъ *Н. Щеглова.* Въ Труд. Кіевск. Дух. Ак. 1876. Т. III.

Ереси и Расколы первыхъ трехъ вѣковъ христіанства. Изслѣдованіе профес. Моск. Университета протоіерея А. М. *Иванцова-Платонова.* Часть I. Москва 1877.

Въ VII главѣ, отъ стр. 233—249, кратко изложены сочиненія Тертулліана и снабжены подробными примѣчаніями библіографическаго характера. Глубокая начитанность автора и знакомство съ источниками по данному предмету дѣлаютъ этотъ трудъ однимъ изъ необходимѣйшихъ руководствъ и настольной книгой всякаго, кто возьмется за затронутые въ немъ вопросы. Впрочемъ авторъ не имѣлъ въ виду, такъ сказать, педагогическаго удобства при его составленіи, и весь мелкій шрифтъ, преобладающій въ изложеніи, является не столько для уясненія крупнаго, сколько самостоятельнымъ изслѣдованіемъ. Не устанавливая своего собственнаго, новаго взгляда на сочиненія, воззрѣнія или внѣшніе факты изъ жизни Тертулліана, а ограничиваясь изложеніемъ мнѣній и гипотезъ, созданныхъ западными учеными, авторъ въ особенности обращаетъ вниманіе на слѣдующіе пункты: „подлежитъ изслѣдованію вопросъ, насколько онъ (Терт.) пользовался трудами предшествовавшихъ обличителей маркіонитства (ср. гл. 3, прим. 18), и, между прочимъ, имѣлъ ли онъ въ виду Ипполитово сочиненіе противъ Маркіона (5 гл., стр. 172—173)“. Тертулліанъ интересуетъ автора не самъ по себѣ, а лишь поскольку съ нимъ связана исторія ереси или раскола, что̀, впрочемъ, объясняется задачей автора. Относительно

Тертулліана—„содержаніе послѣднихъ книгъ сочиненія противъ Маркіона, говоритъ авторъ, въ настоящее время представляется особенно важнымъ въ виду возбужденнаго вопроса о первоначальномъ канонѣ священныхъ новозавѣтныхъ книгъ".

„Тертуллианово сочиненіе противъ Праксея въ изложеніи патрипассіанскаго ученія представляется много сходнымъ съ Ипполитовымъ соч. противъ Ноэта".

Ставится вопросъ: въ какомъ отношеніи между собой находятся эти два писателя?

Для разъясненія его данныхъ мало. Если же признать заимствованіе, то скорѣе—Тертуллліаномъ у Ипполита. Насколько Тертулліанъ могъ пользоваться греческими писателями—вопросъ неясный. Другой вопросъ: какъ относится опровергаемый Тертуллліаномъ Праксей къ обличаемымъ Ипполитомъ представителямъ монархіанства—Ноэту, Епигону, Клеомену, Савеллію? Названіе Праксея не есть ли имя какого-либо изъ представителей монархіанства, обозначенныхъ въ философуменахъ,—если не самого Ноэта, какъ предполагаетъ Землеръ, то, напр., Епигона?

Нравственное ученіе Тертулліана. Статья В. К. Варежанина, въ Тр. К. Дух. Академіи.

„При чтеніи твореній западныхъ писателей Церкви, мы часто по необходимости возвращаемся къ Тертулліану, какъ къ началу, изъ котораго вытекаетъ и которымъ объясняется многое въ оригинальномъ направленіи Западной церкви и латинской христіанской письменности". Христіанскій міръ знаетъ Тертулліана болѣе всего, какъ нравоучительнаго писателя, поэтому авторъ и задается цѣлью разъяснить главнымъ образомъ нравственное ученіе Тертулліана. Онъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1. Сопоставляя мораль стоиковъ съ нравственнымъ ученіемъ Тертулліана, можно какъ будто бы видѣть между ними прямое сошеніе.

2. Въ дѣлѣ нравственности Тертулліанъ приписываетъ большое значеніе человѣческому знанію и естественнымъ силамъ человѣка.

3. Человѣкъ долженъ только прислушиваться къ законамъ и стремленіямъ души, долженъ руководствоваться лишь свѣтомъ своей разумной природы, гдѣ и найдетъ начала для нравственной жизни.

4. Неправильное, одностороннее пониманіе гармоническаго соединенія божественнаго съ человѣческимъ, естественнаго съ благодатнымъ выразилось съ особенной силой въ западномъ христіан-

ствѣ и замѣтно уже у Тертулліана, перваго изъ западныхъ писателей. Въ монтанистическихъ сочиненіяхъ особенно замѣтно преувеличеніе нравственныхъ силъ и дѣйствій человѣка въ дѣлѣ спасенія. Отсюда выводъ: взглядъ Тертулліана на начала христіанской нравственности истекаетъ не изъ вліянія стоиковъ, а изъ односторонняго пониманія естественнаго и благодатнаго состоянія человѣка. Поэтому разгадки особенностей нравственнаго ученія Тертулліана слѣдуетъ искать въ особенностяхъ христіанскаго образованія Тертулліана и въ его догматическихъ воззрѣніяхъ.

5. Авторъ задается вопросомъ: „какая основная идея нравственности у Тертулліана, какое главное, господствующее начало, изъ котораго выходятъ всѣ частные трактаты Тертулліана"? Эта основная идея—торжество духа надъ плотію, господство его при помощи благодати Божіей надъ чувственностью. Но Тертулліанъ не остался вѣренъ ей. Онъ далеко не полно понялъ и усвоилъ духъ Христовой вѣры и нравственнаго ученія Евангелія, допустивъ много крайностей и преувеличеній, противныхъ духу истиннаго христіанства.

6. Природная суровость Тертулліана и живое, пылкое воображеніе, пораженное страшною безнравственностью современнаго языческаго общества, расположили его къ крайне-мрачному ригоризму, который много ему повредилъ.

7. Переходъ въ монтанизмъ объясняется стремленіемъ къ самоусовершенствованію. Богъ Тертулліана—Богъ правды; духъ христіанства—строгость заповѣди, строгость суда и вѣчнаго возмездія. Въ своихъ нравственныхъ требованіяхъ поэтому онъ заходитъ за предѣлы умѣренности; отсюда—недружелюбный взглядъ на бракъ и удобства жизни; осужденіе украшеній въ одеждѣ и удовольствій; аскетизмъ, подавленіе естественныхъ стремленій; строгость и продолжительность постовъ и проч.

8. Описывая характеръ Тертулліана, авторъ находитъ, что онъ былъ человѣкъ увлеченія быстраго, судорожнаго, но, въ то же время, рѣшительнаго и безповоротнаго, притомъ съ сильной наклонностью къ меланхоліи. Свои разсужденія авторъ подкрѣпляетъ характерными выдержками изъ нравоучительныхъ сочиненій Тертулліана.

О зрѣлищахъ. Пренебрежительное отношеніе къ жизни и ея удовольствіямъ и стремленіе къ однимъ духовнымъ радостямъ руководило рукой писателя. Интересы духа рѣшительно преобладаютъ надъ земными отношеніями. Ср. отзывъ пр. Филарета.

О цѣломудріи. Монтанистически-ригористическій взглядъ на бракъ, противный истинно-христіанскому ученію; стремленіе подтвердить свои взгляды неправильно понятыми мѣстами Писанія.

Объ одѣяніи женщинъ. Осужденіе употребленія разноцвѣтныхъ тканей; стремленіе къ искусственнымъ украшеніямъ—дерзкое нарушеніе воли Божіей и служба діаволу, стремящемуся извратить дѣла Божіи.

9. Отступая во многомъ отъ истиннаго смысла христіанства (стр. 276), Тертулліанъ больше всего любитъ свои взгляды, свою идею нравственности, но—не человѣка, о которомъ онъ какъ-бы забываетъ, человѣка съ его немощами и слабостями, живое существо съ сердцемъ, съ его радостями и горемъ... Надъ всѣмъ—царитъ суровый, непреклонный долгъ... (стр. 277).

10. Отсутствіе въ нравственномъ ученіи Тертулліана высокаго, животворнаго начала любви, безъ которой невозможна истинно-добродѣтельная, истинно-христіанская жизнь, вело у Тертулліана къ понятію правовой, юридически-оцѣниваемой праведности. Поэтому онъ опускаетъ изъ виду постепенное нравственное развитіе и усовершенствованіе личности; для него существуютъ только два разряда людей: праведники и грѣшники, духовные и душевные (ad Uxorem 1, cap. 3. См. стр. 281). Такимъ образомъ нравственный идеалъ Тертулліана оказывается ниже и уже евангельскаго, особенно если обратить вниманіе на тѣ побужденія къ исполненію нравственнаго закона, какія выставляетъ Тертулліанъ (страхъ и надежда, наказанія и награды).

Тертулліанъ, его теорія христіанскаго знанія и основныя начала его Богословія. К. *Попова*. Кіевъ. 1880.

Сочиненіе раздѣлено на четыре отдѣла. Въ введеніи авторъ обрисовываетъ личность Тертулліана и устанавливаетъ планъ своего труда. Второй отдѣлъ содержитъ изложеніе теоріи христіанскаго знанія вообще и,—въ частности, теоріи Тертулліана. Третій посвященъ основнымъ началамъ Богословія Тертулліана и содержитъ ученіе о Богѣ въ Самомъ Себѣ. Наконецъ, въ четвертомъ излагается ученіе объ откровеніи Бога въ мірѣ.

Авторъ приходитъ къ слѣдующимъ результатамъ:

1. Тертулліанова теорія христіанскаго знанія представляетъ одну изъ болѣе удачныхъ попытокъ установить начала христіанскаго знанія, указанныя въ Св. Писаніи, хотя и не можетъ считаться окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса. По истолкованію смысла и

значенія источниковъ и нормъ христіанскаго знанія она противоположна гностическо-еретической теоріи знанія (гнозиса), по своей положительности отлична отъ философско-умозрительнаго направленія въ Богословіи и близка ко взглядамъ Иринея, дѣлая дальнѣйшій шагъ въ ихъ развитіи. Заслуга Тертулліана состоитъ въ точномъ опредѣленіи объема знанія посредствомъ ограниченія его ученіемъ вѣры и устраненіемъ языческо-философскаго элемента, въ вѣрномъ опредѣленіи отношенія между положительными и субъективными источниками и нормами христіанскаго знанія... Не чужда недостатковъ по отношенію къ истолкованію смысла и значенія нѣкоторыхъ элементовъ знанія.

2. Основныя начала Богословія, развитыя въ ученіи о Богѣ Самомъ въ Себѣ, состоятъ въ установленіи единства Божія, троичности божественныхъ ипостасей и ихъ взаимномъ отношеніи, не противорѣчащемъ единству или монархіи. Раскрытіе этихъ важнѣйшихъ пунктовъ христіанскаго вѣроученія не чуждо значительныхъ недостатковъ.

3. Въ ученіи *объ откровеніи Бога въ мірѣ въ качествѣ Творца его*—раскрыты слѣдующія положенія: откровеніе Бога въ твореніи міра есть дѣло благости Творца, создавшаго міръ изъ ничего,—въ противоположность ученію еретиковъ о твореніи міра изъ вѣчной матеріи. Относительно происхожденія зла—Богъ создалъ духовныя существа, не лишенныя, однако, sui generis тѣлесности, одаривъ ихъ свободною волею, въ силу которой они уклонились отъ своего назначенія и стали злыми, хотя въ силу той же свободы они могли пребыть въ добрѣ. Ученіе о демонахъ, вообще о духахъ, не чуждо также недостатковъ. Въ ученіи о человѣкѣ развиты два общія положенія: человѣкъ не есть соединеніе двухъ противоположныхъ началъ—добраго и злаго. Зло, произведенное человѣкомъ, имѣетъ нравственный, а не космологическій характеръ: обладая свободною волею, онъ, подобно ангеламъ, могъ устоять въ добрѣ, такъ что Богъ не отвѣтственъ за грѣхъ человѣка, равно и за зло, происшедшее отъ грѣха.

4) Богословіе Тертулліана выступаетъ предъ нами съ положительнымъ, конкретно-реалистическимъ характеромъ, идущимъ рука объ руку съ супранатуралистическимъ элементомъ, хотя нельзя сказать, чтобы было вовсе чуждо спекулятивнаго элемента.

Книга г. Попова свидѣтельствуетъ о добросовѣстномъ изученіи предмета и справедливо занимаетъ въ русской литературѣ о Тер-

туллiанѣ почетное мѣсто. Въ западной литературѣ мы могли бы сравнить съ трудомъ г. Попова Tertullian's Ethik. Dr. Ludwig. Leipzig. 1885. Послѣдній трудъ нѣсколько полнѣе и подробнѣе развиваетъ вопросы, затронутые г. Поповымъ.

Тертулліанъ, защитникъ христіанства. А. Балановскаго, въ Православномъ Обозрѣніи за Августъ 1884 г.

„Главныя мысли Тертуллiановой апологетики лежатъ не въ философской области, а коренятся на болѣе реальномъ грунтѣ".

Переходя къ изложенію апологетическихъ трудовъ, авторъ трактуетъ о доказательствахъ въ пользу христіанства, которыя Тертулліанъ находитъ въ созерцаніи природы, въ порядкѣ и цѣлесообразности, царствующихъ въ мірѣ. Затѣмъ переходитъ къ тѣмъ „свидѣтельствамъ въ пользу истины христіанства", которыя апологетъ добываетъ изъ области *психологическихъ* фактовъ, къ доказательствамъ, которыя заимствуются изъ всеобщаго Богосознанія, изъ голоса совѣсти человѣческой, изъ природы души. Не онъ (Терт.) открылъ область этихъ фактовъ, но зато онъ первый самымъ глубокомысленнымъ и вдохновеннымъ образомъ началъ проповѣдывать свидѣтельство „души по природѣ христіанской."

Рядомъ съ психологическими доказательствами истины христіанства и въ непосредственной связи съ ними идутъ у Тертулліана доказательства *историческія*, „въ исторіи народовъ". Послѣдній рядъ доказательствъ, дающій основаніе говорить о важности апологетическихъ трудовъ Тертулліана, авторъ видитъ въ *соціальномъ* оправданіи христіанства. Въ противоположность древне-языческой культурѣ христіанство открывается, какъ религія свободы и любви.

Тертулліана Апологетикъ Н. Щеглова. Переводъ, въ Трудахъ Кіевск. Дух. Ак. 1887 г. №№ 8, 9, 11, 12; 1888 г. №№ 2, 3.

Тертулліанъ, пресвитеръ Карѳагенскій. Очеркъ учено-литературной дѣятельности его. *Николая Штернова*. Курскъ. 1889.

Обстоятельное изложеніе съ подробнымъ воспроизведеніемъ эпохи въ религіозномъ, умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ.

Жизнь и труды св. отцовъ и учителей Церкви, соч. *Ф. В. Фаррара*. Переводъ съ англ. Лопухина. С.-Петерб. 1891.

Статья о Тертулліанѣ занимаетъ 88—143 стр., снабжена многими примѣчаніями. Изложеніе живое и полное интереса. Авторъ свободно разбирается въ многосложныхъ вопросахъ предмета.

ВВЕДЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Начало африканской церкви теряется во мракѣ времени. Какъ во всякомъ неясномъ вопросѣ, здѣсь мы встрѣчаемся съ различными предположеніями и догадками. Нѣкоторые приписываютъ ея основаніе Апостолу Петру (Бароній), другіе — Апостолу Симону Кананиту (греческіе писатели). Для даннаго вопроса, намъ кажется, большой вѣсъ представляютъ указанія самого Тертулліана, который, противопоставляя заблужденіямъ еретиковъ авторитетъ апостольскаго преданія, перечисляетъ церкви, основанныя самими Апостолами, но ничего не говоритъ о томъ, чтобы въ Карѳагенѣ подвизался кто-нибудь изъ Апостоловъ [1]. Напротивъ, мы встрѣчаемъ у него слѣдующія выраженія: «Si autem Italiae adjaces, habes Romam, unde nobis quoque auctoritas praesto est». Описывая достоинство римской церкви, онъ говоритъ: ista quam felix ecclesia, cui totam doctrinam apostoli cum sanguine suo profuderunt, ubi Petrus passioni Dominicae adaequatur... и т. д.» Безъ сомнѣнія, нашъ авторъ не выражался бы такимъ образомъ, еслибы карѳагенская церковь могла указать на кого-нибудь изъ Апостоловъ, какъ на своего основателя. Болѣе ясности представляетъ вопросъ объ отношеніи карѳагенской церкви къ римской. Есть основанія предполагать, что первоначальная организація христіанской общины въ Карѳагенѣ была дѣломъ Рима, какъ и слѣдуетъ предполагать, вслѣдствіе всесторонняго вліянія, которое имѣлъ Римъ на все, его окружавшее и такъ или иначе соприкасавшееся съ нимъ. Какъ бы то ни было, мы знаемъ, что въ концѣ

II вѣка африканская церковь находилась въ цвѣтущемъ положеніи. Около 200 года Карѳагенскій епископъ Агриппинъ собралъ соборъ изъ 70 епископовъ, принадлежавшихъ только къ нумидійскимъ провинціямъ и проконсульской Африкѣ.

Но для нашей цѣли—всесторонняго, хотя по возможности, и краткаго освѣщенія эпохи, въ которой жилъ и дѣйствовалъ знаменитый церковный писатель, недостаточно ограничиться скудными собственно церковно-историческими данными.

Вслѣдствіе тѣсной связи христіанства тогдашняго времени съ окружавшими его историческими условіями эпохи намъ необходимо набросать хотя нѣсколько чертъ, рисующихъ ту, такъ сказать, нравственную атмосферу, которою дышалъ нашъ писатель.

Послѣ ожесточенной, три раза все съ новой силой разгоравшейся, борьбы Карѳагенъ палъ подъ всесокрушающими ударами желѣзнаго Рима. Съ 146 года, со времени разрушенія Карѳагена Сципіономъ Эмиліаномъ, началось распространеніе и утвержденіе римскаго господства въ Сѣверной Африкѣ. Цезарь покорилъ Мавританію, которая при Калигулѣ окончательно была присоединена къ имперіи. За Мавританіей настала очередь и для Нумидіи. Какъ-бы мощнымъ размахомъ, охватилъ могучій Римъ свои новыя владѣнія цѣлымъ рядомъ твердынь, слѣды которыхъ не изгладились и по настоящее время.

За присоединеніемъ къ имперіи слѣдовало, само собой разумѣется, учрежденіе въ завоеванныхъ земляхъ римскаго управленія и распространеніе римской образованности. Западная половина Сѣверной Африки раздѣлялась на нѣсколько провинцій: новая Африка (часть Триполиса), Африка (нынѣшній Тунисъ), Нумидія (восточный Алжиръ), Мавританія Императорская (часть Алжира) и Мавританія Tingitana (Марокко). Въ этихъ провинціяхъ основано было государствомъ около 30 римскихъ колоній, не считая гораздо большаго числа свободныхъ поселеній Римлянъ. Естественныя богатства и торговыя выгоды мѣстности, при быстротѣ и легкости сообщенія съ метрополіей, естественно, привлекали сюда

переселенцевъ изъ Италіи. Такимъ образомъ запустѣніе Африки, послѣ паденія Карѳагена, не могло быть продолжительнымъ. Города возвышались изъ развалинъ. Быстро вновь развились торговля и земледѣліе, такъ что скоро новыя провинціи получили названіе питательницы Рима, Nutrices Romae. Воскресъ и древній Карѳагенъ къ новой жизни. Августъ основалъ тамъ колонію изъ 3000 римскихъ семействъ. Во времена Тиверія Карѳагенъ уже по справедливости считался столицею Африки. Прежній торговый и промышленный духъ возродился въ новыхъ обитателяхъ Карѳагена, чему безъ сомнѣнія способствовало изумительно выгодное положеніе города. Карѳагенъ снова грозилъ сдѣлаться соперникомъ Рима, конечно, теперь уже не на политической аренѣ, но въ отношеніи промышленности, торговли и связаннаго съ ними накопленія огромныхъ богатствъ, равно какъ и въ сферѣ образованности. Постройки новаго Карѳагена грозили затмить своимъ блескомъ и великолѣпіемъ римскій капитолій и форумъ. Улица Coelestis вся сплошь была наполнена величественными храмами и зданіями, вызывавшими изумленіе путешественниковъ. Тоже самое можно сказать объ улицѣ Банкировъ и другихъ. Разноцвѣтный мраморъ и щедрой рукой разсыпанныя украшенія изъ золота громко говорили о богатствахъ обитателей Карѳагена. Геродіанъ [2] говоритъ, что, кромѣ Рима, развѣ только одна Александрія могла поспорить съ Карѳагеномъ въ этомъ отношеніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Карѳагенъ скоро сталъ средоточіемъ образованности для всего сѣверо-западнаго угла Африки. Поэты, философы, риторы и ораторы стекались сюда со всѣхъ концовъ имперіи и находили здѣсь самый радушный пріемъ и почетъ. Къ ихъ услугамъ здѣсь были знаменитыя школы философіи и декламаціи, публичныя чтенія, библіотеки, театры. Имъ щедро выдавались денежныя пособія, въ честь ихъ воздвигались статуи. Поэты не оставались въ долгу у гостепріимнаго города. Они величали его небесною музою, Каменою людей, облеченныхъ въ тогу. (Муза Coelestis, Camena togatorum). Даже въIV столѣтіи, по словамъ бл. Августина, на свѣтѣ было только duae

litterarum artifices, Roma atque Carthago. И дѣйствительно, мы видимъ въ исторіи римской литературы цѣлый періодъ, который по всей справедливости носитъ названіе латино-африканскаго. Языческій періодъ начался около половины II втораго столѣтія и продолжался почти до конца III вѣка, заключившись Немезіаномъ. Отсюда вышло много знаменитыхъ юристовъ, ораторовъ, но наиболѣе видпымъ представителемъ сѣверо-африканской литературы считается Апулей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по мѣрѣ увяданія языческой образованности, начинаетъ процвѣтать христіанская письменность. Въ числѣ ея представителей стоитъ славное имя Тертулліана, далѣе—Минуцій Феликсъ [3] и позднѣе св. Кипріанъ, Арнобій, Лактанцій и наконецъ величайшій изъ христіанскихъ учителей, вліяніе котораго глубоко отразилось въ средніе вѣка, бл. Августинъ. Все это свидѣтельствуетъ о томъ глубокомъ, неотразимомъ вліяніи, какое оказывалъ римскій духъ на подвластныя населенія.

Но съ другой стороны нельзя отрицать и того вліянія, какое несомнѣнно оказывалъ на характеръ сѣверо-африканской образованности туземный, мѣстный элементъ. Какъ ни тяжела была рука желѣзнаго Рима, гѣмъ не менѣе она не могла изгладить коренныхъ прирожденныхъ чертъ подвластныхъ національностей. Въ сѣверо-западной Африкѣ римляне должны были считаться съ финикійской цивилизаціей, пустившей тамъ глубокіе корни. Въ области языческой литературы Апулей, въ области христіанскаго учительства Тертулліанъ служатъ наглядными примѣрами того, какъ изъ-подъ римскихъ литературныхъ формъ рѣчи пробивается наружу вліяніе мѣстнаго племеннаго элемента. Но не только въ языкѣ — сила мѣстнаго элемента должна была сказаться въ складѣ ума, въ особенностяхъ пароднаго характера, даже въ физической организаціи. Страстная, необузданная натура сказывается въ той чудовищной безнравственности, которая поражала современниковъ, засвидѣтельствовавшихъ, что не было такого порока въ мірѣ, который не имѣлъ бы мѣста среди африканцевъ. Ужасная безнравственность языческаго общества заражала и христіанъ. На гробницахъ мучениковъ, въ храмахъ происходили оргіи, носившія языческій характеръ... Въ самомъ воздухѣ, если можно такъ выразиться, висѣла необходимость энергическаго протеста противъ страшной распущенности. Дѣйствительно рука объ руку съ послѣдней мы встрѣчаемся здѣсь съ проявленіями мрачнаго ригоризма, отразившагося въ твореніяхъ Тертулліана, равно какъ и въ церковной жизни вообще.

Не станемъ распространяться о томъ, что древнія финикійскія божества вновь ожили подъ именами римскихъ боговъ, что во второмъ столѣтіи продолжали еще приносить въ жертву Ваалу подъ именемъ Сатурна живыхъ дѣтей. «Никакой богъ не мѣняетъ своего природнаго характера»! восклицаетъ Тертулліанъ. Мы скорѣе укажемъ на то, что среди африканцевъ, одаренныхъ необузданнымъ воображеніемъ, всѣ возникавшія въ то время ереси принимали особенно вредный характеръ.

Такимъ образомъ подъ могущественнымъ воздѣйствіемъ римской цивилизаціи съ одной стороны, съ другой на почвѣ неизглаженныхъ слѣдовъ мѣстныхъ національныхъ особенностей развился могучій, богато одаренный отъ природы, характеръ величайшаго изъ христіанскихъ апологетовъ.

Принимая во вниманіе всѣ обстоятельства эпохи, среди которыхъ жилъ и дѣйствовалъ Тертулліанъ, мы легко поймемъ, что его дѣятельность выразилась главнымъ образомъ въ двухъ направленіяхъ: въ открытой съ борьбѣ съ язычествомъ съ одной стороны, и съ вліяніемъ, которое проявляло язычество на внутреннюю жизнь христіанскаго общества съ другой. Вражда язычества противъ христіанства выразилась, въ свою очередь, въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, въ гоненіяхъ, которыя воздвигались какъ властями, такъ и со стороны враждебно настроенной толпы, и во вторыхъ — въ тѣхъ нападкахъ и клеветахъ на христіанство, которыя слышались какъ изъ устъ образованныхъ представителей язы-

чества, философовъ, такъ и невѣжественной черни. Противъ всего этого выступилъ Тертулліанъ въ качествѣ страстнаго, глубоко убѣжденнаго въ правотѣ своего дѣла апологета. Самостоятельность въ гражданскомъ устройствѣ Карѳагена, доходившая до того, что городъ имѣлъ свой сенатъ, магистратовъ и т. п., отчасти объясняетъ намъ смѣлый, исполненный благородства и достоинства тонъ его апологіи, переходящей отъ защиты угнетенныхъ въ открытую грозную обвинительную рѣчь противъ гонителей. Самъ не отличаясь глубиною и возвышенностью мысли, нашъ авторъ не любилъ философіи, не находилъ нужнымъ и препираться съ философами. Считая философію источникомъ всѣхъ ересей, онъ не хотѣлъ имѣть съ нею никакого дѣла. Его умъ скорѣе твердый, ясный, логическій. Тѣмъ не менѣе по мѣстамъ, опровергая ереси, онъ касается и воззрѣній философскихъ на разные вопросы — разумѣется не къ чести философовъ.

Переходя къ внутренней жизни церкви, мы видимъ, что и здѣсь дѣятельность Тертулліана носитъ двоякій характеръ: полемическій и нравственно-практическій. Въ ересяхъ нашъ авторъ справедливо видитъ пережитки язычества въ христіанскомъ мірѣ. Возставая противъ господствующей ереси вѣка—противъ гностицизма, онъ не вдается въ препирательства отвлеченнаго, спекулятивнаго характера: какъ римлянинъ, онъ противопоставляетъ имъ, какъ главный аргументъ, авторитетъ давности и церковнаго преданія, довольствуясь затѣмъ, какъ оружіемъ, насмѣшкой и прямо отклоняя своихъ собратій отъ споровъ съ еретиками по существу, равно какъ и на основаніи Священнаго Писанія. Возставая противъ распущенности вѣка, громовержецъ—моралистъ доходитъ до преувеличенной строгости, обнаруживая аскетически-настроенный мрачный характеръ. Подъ конецъ онъ переходитъ въ монтанизмъ, отвѣчавшій его мрачной, суровой восторженности. Чтобы не ходить далеко за историческими аналогіями, укажемъ, напр., на Савонароллу, громившаго современные ему пороки.

Итакъ Тертулліанъ явится передъ нами 1) какъ апологетъ, 2) какъ полемистъ, разоблачившій ложь многобожія и безсиліе человѣческой мудрости; 3) какъ антигностикъ, борецъ противъ ересей и 4) какъ суровый проповѣдникъ-моралистъ.

ГЛАВА II.

Указавъ главныя и существенныя стороны той среды, въ которой подвизался Тертулліанъ, мы считаемъ возможнымъ перейти къ краткой біографіи писателя, отмѣтить, такъ сказать, поворотные пункты въ его жизни, ибо точныхъ свѣдѣній для его жизнеописанія мы не имѣемъ, а предположеній и догадокъ передавать не будемъ. Большинство писателей полагаютъ датой его рожденія 160 годъ по Р. Хр., хотя вопросъ этотъ одинъ изъ спорныхъ и неустановившихся. Такъ Ludwig, Schoenemann, Freppel, Alzog, Böringer принимаютъ 160 г.; Zöckler и Nöldechen 150 годъ; другіе-же довольствуются только тѣмъ, что указываютъ моменты вѣка, въ предѣлахъ которыхъ они предполагаютъ годъ его рожденія. Достовѣрно однако извѣстно, что Квинтъ Септимій Тертулліанъ (Quintus Septimius Florens Tertullianus) родился въ Карѳагенѣ и былъ сыномъ одного римскаго сотника, состоявшаго при проконсулѣ [4]. Что касается до его первыхъ двухъ прозваній, то, вѣроятнѣе всего, здѣсь видѣнъ порядокъ его рожденія въ числѣ прочихъ дѣтей того же семейства, а именно — онъ былъ quintus—пятый; въ прозваніи же Septimius Florens, выражено вѣроятно то расовое отличіе, которое семья его считала нужнымъ удержать за собой и передавать изъ рода въ родъ.

Не смотря на кажущееся столь точнымъ опредѣленіе его личности, многіе старались отождествить Тертулліана съ именемъ другаго Tertullian'a или Tertylian'a, [5] но мнѣніе, основанное исключительно на сходствѣ именъ, не имѣетъ за себя исторически вѣрнаго основанія. Молодость Тертулліана про-

текла въ ревностномъ ученіи, результатомъ чего явилась его громадная эрудиція.

Одинаково способный ко всему, онъ легко изучилъ, какъ это явствуетъ изъ его сочиненій, всѣ современныя науки, почему и обладалъ глубокими и основательными историческими, юридическими, философскими и естественно-историческими свѣдѣніями, и хотя мы не беремся рѣшать вопросъ о томъ, былъ ли Тертулліанъ впослѣдствіи адвокатомъ или риторомъ, тѣмъ не менѣе, считаемъ нужнымъ указать на мнѣніе Евсевія, считавшаго Тертулліана большимъ знатокомъ римскихъ законовъ [6]; его мнѣніе, вмѣстѣ съ нѣкоторыми мѣстами въ сочиненіяхъ самаго Тертулліана, подали поводъ къ этому предположенію.

Вполнѣ преданный язычеству во все время своей юности [7], онъ, по нашему предположенію, около 190 года перешелъ въ христіанство [8] и предался ему со всей пылкостью своей страстной души [9]. До перехода въ христіанство имъ были написаны уже нѣкоторыя сочиненія; такъ извѣстенъ одинъ его трактатъ, писанный къ другу о неудобствахъ брака, что не мѣшало ему однако впослѣдствіи жениться самому.

Относительно причинъ, способствовавшихъ его переходу въ христіанство, можно сдѣлать три предположенія, хотя въ то распущенное время всякая нравственная натура могла бы ихъ отыскать множество. Первою и наиважнѣйшею причиною нужно считать несостоятельность вообще язычества и недостаточность философскихъ системъ для утоленія религіозной жажды души.

Второй причиной было знакомство съ книгами Священнаго Писанія, могущественно воздѣйствовавшаго на воспріимчивую и впечатлительную натуру.

Наконецъ, еще больше вліяли на окружающихъ язычниковъ въ пользу христіанства мученическія кончины и величайшія пытки, принимаемыя за вѣру Христову.

Тертулліанъ въ своемъ Apologeticus особенно указываетъ на это, когда говоритъ: «никого христіанинъ не стыдится, ни въ чемъ не раскаивается, кромѣ того, что не всегда былъ

христіаниномъ; если на него доносятъ, что онъ принадлежитъ къ числу христіанъ, онъ радуется; обвиняемый, онъ не защищается; допрашиваемый, онъ исповѣдуетъ свою вѣру; осужденный благодаритъ». Говоря дальше, Тертулліанъ, вѣроятно, описываетъ собственныя впечатлѣнія при знакомствѣ съ христіанами. «Какой странный родъ, говоритъ онъ, преступленія, не имѣющій характерныхъ признаковъ его: боязни, стыда, скрытой измѣны, раскаянія, сожалѣнія!

Что за преступленіе, въ которомъ обвиняемый человѣкъ радуется, и обвиненіе составляетъ предметъ его благочестивыхъ желаній, а наказаніе—его счастіе»?

На защиту этихъ угнетенныхъ возсталъ онъ со всею силою своего таланта, защищалъ новую религію отъ язычества, громилъ ереси, одну за другой рождавшіяся на почвѣ ложнаго пониманія христіанства, ободрялъ мучениковъ, шедшихъ на испытаніе, проповѣдывалъ среди всеобщей распущенности строгое воздержаніе,—словомъ, отдался весь, всѣми силами души своей на служеніе христіанству.

Въ то время, когда Тертулліанъ явился на защиту угнетенныхъ собратій, борьба язычества съ церковью происходила на всемъ протяженіи римскихъ владѣній. Царствованіе Марка Аврелія было суровымъ временемъ для учениковъ Христа. Во время Коммода, преемника Марка Аврелія, для христіанъ наступилъ нѣкоторый отдыхъ, вслѣдствіе того вліянія, которое имѣла на сына Марка нѣкоторая женщина, по прозванію Марсія [10], вслѣдствіе чего въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ отъ 180 до 192 года христіанство подвергалось преслѣдованіямъ только случайнымъ или мѣстнымъ; но вотъ проходитъ краткій вѣкъ правленія Pertinax'а и Дидія Юліана. Послѣдній умираетъ насильственной смертью; претендентами на престолъ являются Септимій Северъ, Песценній Нигеръ и Клавдій Альбинъ. Вслѣдствіе политическихъ неурядицъ, вниманіе магистрата и народа обращается на ненавистную христіанскую церковь. Въ 202 году новый эдиктъ направляется къ тому, чтобы положить предѣлъ успѣхамъ христіанства [11]. Впрочемъ, впослѣдствіи Септимій Северъ, если и не

явился особеннымъ защитникомъ христіанства, по крайней мѣрѣ, не относился къ нему враждебно, благодаря особому случаю въ его жизни [12].

Каракаллу, сына его, какъ передаетъ самъ Тертулліанъ, кормила кормилица изъ христіанъ, а къ молодому сыну правителя допускались и товарищи сверстники изъ христіанъ, какъ мы это знаемъ изъ біографіи Каракаллы Элія Спартіана [13], однако все это не препятствовало мѣстнымъ преслѣдованіямъ, то и дѣло вспыхивавшимъ вслѣдствіе разнообразныхъ поводовъ. Въ концѣ II вѣка Вигеллій Сатурнинъ обагрилъ христіанскою кровью Африку, чѣмъ открывается кровавая африканская эра, среди ужасовъ которой раздалась громовая рѣчь Тертулліана. Скоро однако карѳагенскія темницы были переполнены христіанами, и къ нимъ то, по всей вѣроятности, и относится трактатъ Тертулліана ad Martyres.

Изъ еще немногаго достовѣрно извѣстнаго о жизни Тертулліана можно замѣтить, что, женившись, онъ вступилъ въ санъ пресвитера и нѣкоторое время пребывалъ въ Римѣ [14]. Около 202 года перешелъ въ монтанизмъ и сдѣлался его главнѣйшимъ представителемъ въ Африкѣ вплоть до самой смерти, послѣдовавшей въ 220 году [15]. Школа его послѣдователей продолжала существовать вплоть до 5 столѣтія подъ именемъ Тертуллianистовъ.

ГЛАВА III.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію сочиненій Тертулліана, считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о его языкѣ и дать *приблизительное* установленіе дать, къ которымъ можно относить его отдѣльныя сочиненія. По языку Тертулліанъ принадлежитъ къ архаическому періоду исторіи латинскаго языка; стиль его рѣчи, мѣстами очень замысловатой, теменъ, какъ вслѣдствіе присущаго ему лаконизма, такъ и по инымъ причинамъ; характеренъ своею жесткостью

и нѣкоторой неправильностью выраженій. Тертулліанова рѣчь, въ смыслѣ лексическомъ и стилистическомъ, уже давно обращала на себя вниманіе ученыхъ, и по этому вопросу существуетъ значительное количество спеціальныхъ изслѣдованій, хотя эти работы не всегда могутъ удовлетворить читателя. Такъ Engelhardt [16] передаетъ только общія характеристики содержанія его сочиненій, довольствуясь заявленіемъ, что «Тертулліанъ пишетъ такъ, какъ пишетъ только онъ». Neander [17] обращаетъ гораздо больше вниманія на установленіе дать сочиненій Тертулліана, обходя молчаніемъ языкъ и и стиль. Точно то-же дѣлаютъ и другіе авторы [18], писавшіе на эту тему. Изъ дѣльныхъ статей, касающихся чисто лексической разработки, интересны труды Langen'a—de Usu praepositionum Tertullianeo. I. Münster. 1868 и Hauschild'a Die Grundsätze und Mittel der Wortbildung bei Tertullian, изъ которыхъ послѣднее заслуживаетъ наибольшаго вниманія [19].

Не смотря однако на подобный, мало разработанный характеръ этой стороны Тертуллiановскаго вопроса, лица, занимающіеся языками новыми, въ частности группой языковъ романскихъ, нерѣдко обращаются при изслѣдованіи словообразованія къ нашему автору; это, напримѣръ, дѣлаетъ знаменитый ученый, создавшій, такъ сказать, романскую филологію—Диць [20]. Съ другой стороны, Ebert въ своемъ изслѣдованіи объ историческомъ старшинствѣ Минуція Феликса по отношенію къ Тертулліану говоритъ объ обѣихъ апологіяхъ, что aus deren Schatze die modernen Literaturen zum Theil wenigstens hervorgingen und unter deren erzichenden Einflusse sie alle erwachsen sind [21] и что in der individuellen Verschiedencheiten der beiden Werke schon jene doppelte Richtung kund, in der diese Literatur sich bewegt hat: auf der einen Seite eine vollkommenne Geringschätzung der Form als solcher... auf der andern Seite das Streben die antike formelle Bildung zu erhalten und dem christlichen Genius zu assimiliren и т. д. Ebert находитъ, что выразителемъ перваго характера является Тертулліанъ, а втораго—Минуцій Фе-

ликсъ, между тѣмъ какъ Hauschild касательно Тертулліана не находитъ достаточныхъ основаній такъ полагать и надѣется только еще въ заключеніи своей работы придти къ тому или другому выводу. Кромѣ этихъ ученыхъ, Тертулліаномъ занимались и другіе филологи, такъ называемые классики, которые однако смотрѣли на него, какъ на образецъ неправильнаго слога, какъ на примѣръ того, какъ не нужно писать.—Конечно, они имѣютъ свои основанія, съ которыми, однако, можно и не соглашаться [22]. Ritschl, сочиненіе котораго мы уже имѣли случай указать читателю, говоритъ въ своей книгѣ объ языкѣ Тертулліана, что хотя африканизмъ и носитъ въ стилѣ языка печать высокой возбужденности духа, вслѣдствіе богатой фантазіи и пламенной ревности тамошнихъ христіанъ, однако ему нельзя отказать въ своеобразной силѣ и энергіи выраженій, примѣры которой мы можемъ встрѣтить въ твореніяхъ такихъ мужей, какъ Тертулліанъ, Арнобій и другіе, о которыхъ можно сказать—въ «Sprachbildung hochst merkwürdig». (См. lib. cit. 81—83).

Въ дѣлѣ разработки языка нашего автора большую услугу оказалъ Rönsch своими изслѣдованіями и изысканіями, особенно для установленія идентичности Ital'ы съ народнымъ латинскимъ языкомъ. (См. lib. citat. стр. 21, 3, 22, 6). Этимъ онъ занимался предварительно, и послѣдующимъ разультатомъ его трудовъ явилось его сочиненіе—Das neue Testament Tertullian's, написанное по сочиненіямъ нашего автора, причемъ приложена критика текстовъ и лексическія примѣчанія. Rönsch устанавливаетъ три точки зрѣнія по отношенію къ Тертулліановскому языку: юридическую, церковную, раздѣляющуюся въ свою очередь, на библейскую и догматико-этическую и, наконецъ,—національную, которую Hauschild находитъ возможнымъ подраздѣлить еще на три подраздѣленія: на народный языкъ, встрѣчавшійся повсюду въ римской имперіи и не имѣвшій разнохарактерности въ своемъ строеніи, вовторыхъ, формы этой рѣчи, вошедшія въ употребленіе въ письменный языкъ Африки, и, наконецъ, африканскую и пуническую латынь, отличающуюся характерными выраженіями, спеціально свойственными африканской провинціи.

Воззрѣнія Hauschild'а, которыя можно принять (насколько намъ извѣстно) за послѣднее слово науки въ этомъ вопросѣ, хотя и не исчерпываютъ его безусловно, потому что работа его требуетъ еще дальнѣйшаго труда въ этомъ направленіи, тѣмъ не менѣе ихъ нужно признать настолько основательными, что, по всей вѣроятности, они должны удержаться въ наукѣ, и его ученіе о словообразованіи Тертулліана можетъ быть предложено въ качествѣ введенія въ изученіе языка этого автора.

Не велико число тѣхъ именъ, которыя связаны съ литературою времени, предшествовавшаго плеядѣ христіанскихъ писателей, нарождавшейся начиная со II вѣка.

Теренцій только по происхожденію своему принадлежитъ Карѳагену, ибо его языкомъ былъ языкъ образованнаго класса римскихъ гражданъ, среди которыхъ онъ провелъ почти всю свою жизнь; его стиль не напоминалъ даже о мѣстѣ его рожденія; точно тоже можно сказать и по отношенію къ грамматику Сульпицію Аполлинарію, извѣстному намъ по стихотворнымъ эпиграфамъ, которые онъ сдѣлалъ къ сочиненіямъ своего земляка Теренція. Еще пожалуй риторъ Фронтонъ лучше прочихъ даетъ понятіе о томъ родѣ краснорѣчія, который преобладалъ въ то время въ Африкѣ. Не смотря на то, что онъ старался возвыситься надъ холодными декламаціями современныхъ ораторовъ, не могъ однако достичь благородной простоты классическихъ писателей, отъ которыхъ его стиль стоялъ очень далеко. Онъ старается риторическими ухищреніями загладить въ своихъ рѣчахъ пустоту мысли, что доказывало упадокъ современнаго вкуса и силы самого языка.

Наиболѣе характернымъ представителемъ латинской литературы въ Африкѣ въ эпоху, когда христіанство уже было готово дать ей свое собственное отраженіе, былъ, безспорно, Апулей, литературная карьера котораго заканчивается какъ разъ въ то время, когда Тертулліанъ только что началъ свою.

Апулей, воспитанный школой римскихъ риторовъ, принесъ съ собой въ Карѳагенъ и вкусъ къ тому декламаторскому краснорѣчію, которое процвѣтало въ современномъ ему Римѣ. Достаточно пробѣжать его Florides, чтобы замѣтить однообразіе и искусственность слога, служившаго для панегириковъ либо самому автору, либо его слушателямъ. Правда, когда серьезный вопросъ возбуждалъ Апулееву душу, какъ, напримѣръ, когда онъ былъ вынужденъ представить проконсулу Африки апологію, въ которой защищалъ себя противъ обвиненія въ магіи, то рѣчь его еще можетъ показаться достаточно вѣскою, но въ остальныхъ случаяхъ всѣ его труды представляютъ пустую и скучную фразеологію [23]; что касается самого языка, то онъ представляетъ большую аналогію съ языкомъ Тертулліана, который принялъ въ себя много латинизированныхъ греческихъ словъ.

Вообще о современной нашему писателю языческой латыни слѣдуетъ сказать, что никогда болѣе искусственный и тонко выработанный слогъ не являлся на служеніе литературы, болѣе бѣдной по своему идейному содержанію. Въ этомъ отношеніи особенно старался превзойти свою эпоху Апулей [24], приводившій въ систему неологизмы и видѣвшій въ этомъ своего рода заслугу.

Вотъ откуда въ литературныхъ произведеніяхъ эпохи эта темнота и неясность — результатъ усилій играть словами, вводить новыя и странныя формы, способствующія стилю и застилающія мысль.

Безспорно, Апулей имѣлъ наибольшее вліяніе на современную литературу, и она, явившись отраженіемъ этого писателя, приняла, конечно, въ себя и всѣ его недостатки вмѣстѣ съ его достоинствами и въ свою очередь вліяла на литературу послѣдующихъ африканскихъ писателей. Въ результатѣ мы имѣемъ то, что первые писатели латинской церкви не имѣли передъ собой живыхъ образцовъ Цицероновскаго стиля. Латинскій языкъ потерялъ уже свою элегантность и чистоту, но съ другой стороны христіанское вдохновеніе сумѣло настолько оживить и одухотворить этотъ

пустой по бѣдности мысли языкъ, что онъ становится сильнымъ и живымъ, обладая въ тоже время грамматическими неправильностями, которыхъ изъ-за живой рѣчи упускаютъ незамѣченными. И вотъ когда Тертулліанъ берется передавать свои взгляды на этомъ грамматически неправильномъ языкѣ — все наше вниманіе приковывается къ этой рѣчи, и мы вынуждены сознаться, что немногіе обладаютъ той убѣдительностью, которую придаютъ рѣчи нашего автора искренность и глубина убѣжденія и пламенная ревность къ защищаемому имъ дѣлу. Если даже еще обладаетъ ею кто-нибудь!

Правда, стиль его рѣчи уже не гармонически-кадансированный стиль Цицерона, ни художественный стиль Демосѳена, но если краснорѣчіе заключается въ томъ, чтобы внушать своею рѣчью другимъ высокія мысли, чтобы развертывать передъ слушателями рядъ могучихъ идей, иллюстрируя его живыми образами, представляя въ глубокихъ чертахъ и въ тоже время согрѣвая все страстностью своей собственной души, то мы должны безусловно согласиться, что въ этомъ удивительномъ человѣкѣ сказалось все, что было создано лучшаго въ Греціи и Римѣ, въ его глубоко-искреннихъ и страстныхъ изліяніяхъ передъ міромъ, передъ человѣчествомъ вообще.

Вникая въ рѣчь Тертулліана, мы замѣчаемъ въ ней результатъ хорошаго знакомства съ міромъ языческимъ.

Это въ особенности высказалось въ соч. «de Idololatria», «Apologeticus» и въ трактатѣ «ad Nationes». Отъ него первыхъ узнаемъ мы имена мѣстныхъ божествъ, обрядовъ и обычаевъ, принадлежавшихъ къ языческому культу [25].

Знакомство съ общественною жизнью не замедлило также проявиться въ его сочиненіяхъ. Игры, театры и тому подобныя общественныя забавы, связанныя тѣсно съ жизнью языческаго міра,—все отразилось въ языкѣ Тертулліана соотвѣтствующимъ словообразованіемъ [26]. Не могла остаться безъ результата и его научная подготовка, которая, какъ намъ извѣстно, была всесторонняя и заключала въ себѣ приблизительно все современное ему знаніе [27]; она тоже въ

свою очередь характеризуется словообразованіемъ, бывшимъ въ употребленіи, вѣроятно, въ школахъ его времени [28]; слова эти либо были взяты изъ греческаго языка и перенесены на латинскую почву [29], либо были придуманы для соотвѣтствія какому-нибудь греческому слову [30].

Ко всему сказанному нужно еще присоединить вліяніе на его рѣчь юридическаго настроенія, независимо отъ того, принимать ли мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ, утверждающихъ, что Тертулліанъ былъ адвокатомъ, за предположеніе вѣрное или же оставаться при взглядѣ, что онъ просто былъ риторомъ [31]; это нисколько не исключаетъ того факта, что въ его сочиненіяхъ видны стремленія опираться на общія законоположенія [32]; знаніе законовъ въ частности [33]; мастерское умѣніе давать опредѣленія [34] и наконецъ громадная юридическая терминологія [35]. Чтобы не быть голословными, приведемъ нѣсколько примѣровъ такихъ словъ, которыя повидимому были изобрѣтены имъ для лучшей передачи мысли и удержавшіяся впослѣдствіи не только въ юридическомъ языкѣ, но и вошедшія во всѣ прочія языки, какъ слова иностранныя. Такъ напримѣръ: concivis; municipatus; consistorium; juridicina; dispunctio; dispunctor; manumissor; archivum—testimonialis, defensorius, authenticus; sponsare, sequestrare; justificare. Изслѣдуя далѣе вопросъ о происхожденіи словообразованій Тертулліана, мы замѣчаемъ, что большинство таковыхъ имѣютъ отношеніе къ христіанству и являются какъ бы его слѣдствіемъ. Первопричинами таковыхъ нужно безъ сомнѣнія признать Священныя Писанія іудейства и христіанства. Что касается до перваго источника, то Тертулліанъ или переносилъ непосредственно въ латинскій языкъ слова еврейскаго текста [36] и не слѣдовалъ строго (LXX) тексту, который имѣлъ уже сильный отпечатокъ κοινὴ διάλεκτος [37], или же давалъ точный переводъ цитаты на латинскій языкъ [38].

Но Новымъ Завѣтомъ Тертулліанъ пользовался съ меньшимъ своеволіемъ; онъ болѣе строго придерживался текста

и или оставлялъ непереведенною [39] какую-нибудь греческую форму, либо придавалъ ей латинское окончаніе.

Нужно замѣтить, что въ это время сильно пользовались греческимъ текстомъ, т. е. черпали оттуда многія доказательства, такъ сказать, основы для убѣдительности своей рѣчи, но заимствованіе это не имѣло строгихъ провѣрокъ; часто мѣста толковались, какъ заблагоразсудится автору, критической провѣрки не существовало [40], причиною чего явилась масса разночтеній. Самъ Тертулліанъ, приводя нѣкоторыя мѣста изъ Библіи, цитируетъ ихъ различно.

Hauschild полагаетъ, что, можетъ быть, именно Тертулліановы цитаты дали точку отправленія для «Vetus Latina» и загадочной Ital'ы [41].

Наиболѣе полно выразился Тертулліанъ, какъ переводчикъ, не въ томъ смыслѣ однако, какъ мы это понимаемъ теперь, подразумѣвая сейчасъ какой-нибудь полный и обширный переводъ съ одного языка на другой, — нѣтъ, здѣсь слово переводчикъ имѣетъ чисто спеціальное значеніе—заимствователя въ пользу какого-нибудь языка словъ и выраженій языка иностраннаго, по отношенію къ первому. Съ этой точки зрѣнія мы желаемъ указать, какимъ образомъ Тертулліанъ пользовался греческимъ языкомъ, и вообще какова его роль, какъ заимствователя.

Однимъ изъ обыкновеннѣйшихъ заимствованіемъ было конечно перенесеніе слова цѣликомъ въ латинскую рѣчь, при снабженіи его наиболѣе подходящею характеру данныхъ звуковъ латинскою флексіею. Подобное, съ перваго раза какъ будто ненужное наполненіе языка греческими формами, объясняется очень просто: автору приходилось выражать понятія, для яснаго и точнаго обозначенія которыхъ не доставало подходящихъ словъ на его родномъ языкѣ. Приходилось прибѣгать къ описательному способу передачи новыхъ понятій, что много вредило бы краткости и ясности изложенія, дѣлая рѣчь растянутою и ослабляя ее множествомъ вводныхъ предложеній. Вмѣсто этого, какъ это можемъ видѣть хотя бы на примѣрѣ русскаго языка, иностранное слово переносится

въ другой языкъ и мало-по-малу пріобрѣтаетъ здѣсь право гражданства.

Вотъ причина, принуждавшая заимствованіе, такъ сказать, голаго слова изъ другаго языка.

То же можно сказать и о глаголахъ, образовавшихся изъ именъ, которыхъ у Тертулліана насчитывается до 75.

Обратимъ вниманіе, какъ, напримѣръ, распорядился Тертулліанъ съ греческимъ словомъ γεέννα. Это намъ дастъ общее понятіе о томъ, что̀ можно сдѣлать изъ любаго слова.

Вопервыхъ, онъ старается его добросовѣстно перевести и дефинируетъ его ignis perpes et jugis, но вѣдь это очень длинно, а поэтому когда въ другой разъ нужно было употребить это же понятіе, то онъ (de Resur. carn. 35) предпочитаетъ сказать occidi in gehennam, переводя греческій текстъ (Ев. отъ Матѳея 10. 28) ἀπολέσαι ἐν γεέννῃ, а затѣмъ не стѣсняется придавать ему всевозможныя значенія смотря потому, какіе оттѣнки желаетъ онъ придать ему самъ [42].

Достаточно было такого отношенія со стороны ученаго, чтобы народъ, привыкшій къ слову gehenna, передѣлалъ его въ глаголъ gehennare [43]. Посмотримъ, что было съ этимъ словомъ дальше; глаголъ gehennare переходитъ въ новые языки, въ частности въ новофранцузскомъ выразился въ формѣ gêner отъ древне-французскаго gehenne (Montaigne пишетъ: Je me suis contraint et gehenné...), и въ наше время, когда мы сплошь и къ ряду употребляемъ выраженіе «ne vous gênez pas», намъ не можетъ и въ голову придти, что родоначальникомъ этого gênez было греческое слово γεέννα. На этомъ примѣрѣ ясно видно вліяніе на новѣйшіе языки Тертулліановаго словообразованія.

Въ основѣ всего лежитъ, конечно, то обстоятельство, что римляне получили образованіе отъ Грековъ [44]. Цицеронъ прямо заявляетъ, что doctrina Graeca nos et omni litterarum genere superabat...

Поэтому вполнѣ понятно, что слова, соприкасающіяся съ понятіями объ искусствѣ, театромъ и т. п. учрежденіями, составлявшими особенность греческой жизни, спѣшили проникнуть въ римскую будничную жизнь. Сами римляне держались относительно этого вопроса различныхъ мнѣній.

Одни отрицали возможность латинскимъ языкомъ передавать греческія мысли [45]. (Illa, говоритъ Цицеронъ, quae a graecis accepissent, latine dici posse diffidunt); другіе въ равномѣрномъ пользованіи и развитіи обоихъ языковъ видѣли не только пользу для себя въ образовательномъ смыслѣ,— такъ Цицеронъ говоритъ: ad meam utilitatem semper cum Graecis Latina conjunxi [46], но видѣли въ этомъ ступень общаго образовательнаго подъема [47]. Это стремленіе впередъ путемъ греческой образованности, а въ частности помощью греческаго языка, Hauschild очень остроумно отмѣчаетъ, какъ несоотвѣтствіе, — именно то, что языкъ народа, чья общественная жизнь выражалась только форумомъ и лагеремъ, хотѣлъ идти рука объ руку съ языкомъ спокойныхъ мыслителей Платона и Аристотеля, Эпикура и Зенона [48].

Большее или меньшее пользованіе греческою формою или мыслью въ латинской рѣчи являлось мѣриломъ образованности, какъ самого писателя, такъ, съ другой стороны, и его читателей, потому что авторы всегда приспособлялись къ пониманію публики.

Тертулліанъ въ частности оказывается весьма начитаннымъ въ греческой литературѣ, какъ духовной (Ветхій и Новый Завѣтъ), такъ и философско-изящной.

Самъ Тертулліанъ стоялъ, повидимому, на высотѣ греческой образованности, ибо достовѣрно извѣстно, что онъ писалъ даже по-гречески, такъ какъ нѣкоторые его трактаты (de Spectaculis, de Corona militis, de Baptismo) были имъ выпущены на этомъ языкѣ [49], а съ другой стороны, онъ говоритъ (de Virg. vel. 1): proprium jam negotium passus meae opinionis, latine quoque ostendam virgines nostras velari oportere.

Трактатъ «adversus Valentinianos» еще больше обнаруживаетъ его греческую образованность, ибо онъ составленъ, по его собственному же свидѣтельству, на основаніи переводовъ и компиляцій изъ сочиненій греческихъ отцевъ церкви [50].

Резюмируя способы Тертулліана пользоваться греческимъ языкомъ, мы получаемъ слѣдующіе выводы: онъ приводитъ греческія слова въ греческомъ начертаніи или a) съ греческой же флексіей безъ перевода ихъ или объясненія; такихъ словъ немного; напр. ἐπινοήματα, νοῦς, βύθος, σιγή, νοητός, αἰων, ἀρχή и др. b) или съ греческой флексіей и лат. переводомъ, который иногда самъ является уже неологизмомъ. Hauschild даетъ такую таблицу для этихъ словъ:

Μετεμψύχωσις	redanimatio (respiratio).
διαμαστίγωσις	flagellatio.
ἀνάστασις	resurrectio.
ἀγάπη	dilectio (agape).
προβολή	(prolatio) (probole).
πολιτεία	(civitas) politia.
συμπολίτης	concivis.
συνταιλαίπωρος	commisero.
μετενσωμάτωσις	recorporatio, revisceratio.
μάθησις	discentia (mathesis).
ἀνάμνησις	reminiscentia.
(γένεσις)	nativitas.
(προβολή)	prolatus.
πολίτευμα	municipatus.
(γέννημα?)	genimen.
συμμισούμενος	coodibilio.
(πεσιψύχειν?)	circumgelare.
	(ordinativus, potestativus).

Повсюду проявляется стремленіе Тертулліана по возможности точнѣе передать греческое понятіе, причемъ при передачѣ греческ. словъ на латинскій замѣтно наблюдаетъ нѣкоторыя правила, такъ греч. σι—ς передаетъ чрезъ *tio*, διαμαστίγωσις, flagellatio, ἀνάστασις, resurrectio. Окончаніе μα чрезъ *men*: γέννημα, genimen.

Новообразованія происходятъ большею частію путемъ предлоговъ, такъ напр. Цицероновское animare продолжаетъ онъ въ redanimare, откуда французское ranimer, англ. to reanimate; существ. redanimatio. Неологизмъ recorporatio, перешедшій во французск. recorporation, происходитъ отъ Тертулліановск. recorporare, продолженіе Цицероновскаго corporare и т. п. Hauschild приходитъ къ заключенію, что неологизмы, предлагаемые и создаваемые Тертулліаномъ, не теряютъ подъ собой латинской почвы; что языкъ Тертулліана составляетъ важное звено въ цѣпи развитія латинск. языка; что онъ имѣетъ важное значеніе, какъ источникъ романскихъ языковъ; что, наконецъ, языкъ Тертулліана только тому можетъ показаться horrida et monstruosa, кто будетъ смотрѣть на него съ высоты Цицероновской латыни и, въ концѣ концовъ, приводитъ слѣдующую статистику словообразованій:

A. Образованія.

Окончанія.	Дальнѣйшее образованіе Тертулліана.	Неологизмы.
tio	142	96
(nt) ia	38	28
tus	47	35
tas	46	40
o (onis)	8	8
men, mentum	18	17
bilis	82	71
ivus	20	20

При этомъ слѣдуетъ понимать дѣло такимъ образомъ, что, напр., дальнѣйшимъ образованіемъ будетъ recorporare, неологизмомъ —recorporatio.

B. Сочетанія.

	Съ прилагат.	Съ существ.	Съ глаголомъ.
cum (con, co)	7 (27)	5 (39)	33 (13)
re (red)	2 (8)	2 (37)	22 (3)

Въ своемъ послѣдующемъ трудѣ, служащемъ продолженіемъ перваго, Hauschild находитъ еще слова, переданныя греческимъ написаніемъ:

a) съ греческою флексіею, помѣщенныя для объясненія новосозданнаго латинскаго выраженія (Hauschild, p. 2).

b) съ греческою флексіею и рядомъ помѣщеннымъ латинскимъ объясненіемъ (p. 46).

c) съ греческою флексіею и дальнѣйшимъ (непрямымъ) латинскимъ объясненіемъ (p. 49).

Въ заключеніе своего втораго изслѣдованія Hauschild приводитъ перечень словъ, впервые появившихся въ латинскомъ языкѣ благодаря Тертулліану и приведенныхъ въ его статьяхъ «Grundsätze und Mittel der Wortbildung bei Tertullian». Ихъ насчитывается у него 204 слова.

Переходя къ установленію датъ, къ которымъ пріурочиваются сочиненія Тертулліана, мы находимъ достаточнымъ приложить только таблицу, составленную по указаніямъ, находимымъ у пяти ученыхъ изслѣдователей: Pamelius, Cave, Nösselt, Hesselberg и Bonwetsh. [51].

Pamelius.

de Pallio 196
adv. Judaeos 199
Apologeticus.
ad Nationes libri II 200
de Testim. animae.
de Poenitentia.
de Oratione 201
ad Scapulam.
ad Martyres.
de Patientia 202
de Praescript. 203
de Baptismo 204
de Spectaculis.
de Idololatria.
de Habitu mulier.
de Cultu femin.
ad Uxorem libri II 205
adv. Apellecianos.

adv. Germogen.
de Censu animae.
adv. Valentinian 206
(Около этого времени переходъ въ монтанизмъ).
de Paradiso.
de Spe fidelium.
de Anima 207
adv. Marcion. libri IV.
de Carne Christi.
de Resurrectione carnis.
adv. Marcion. lib. V 208
de Corona militis.
Scorpiace 209
de Virg. veland.
adv. Prax 210
de Fuga in pers 212
de Exhort. castit. 213
de Monogamia 214
de Jejuniis 215
de Pudicitia 216
de Extasi libr. VI.
Septimus adv. Apollonium 217

Nösselt.

(Домонтанистическія).

de Oratione.
ad Martyres 197
de Spectaculis.
de Idololatria 198
Apologeticus.
ad Nationes libr. II.
de Testim. anim.
de Baptismo.
ad Uxorem libri II.
(adv. Iudaeos) 199

(Монтанистическія).

da Virg. veland.
de Corona mil. ..... 200—201
de cultu femin. libri II ..... 201—202
de Fuga in pers.
de Exhort. cast.
de Monogamia.
de Jejuniis.
de Pudicitia.
adv. Prax.
adv. Hermog.
de Anima 202
Scorpiace.
adv. Valentinian 204
adv. Marcion. lib. I.
de Praescription.
adv. Marcionem. libri II—IV.
de Carne Christi.
de Resurrectione carnis.
adv. Marcionem, lib. V. ..... 207—208
de Pallio.
(de Patientia) 208
ad Scapulam.
(de Poenitentia) 211

Cave.

(Домонтанистическія соч.).

de Baptismo.
de Poenitenta.
de Oratione 199

(Монтанистическія).

Apologeticus (no Allix) 217
ad Nationes.
de Testim. amimae.

de Pudicitia
de Jejuniis } неопредѣленно между 199—209
de Monogamia 202
de Spectaculis.
de Idololatria 204
de Fuga in pers. (вѣроятно).
de Cultu femin. libr. II.
ad Uxorem libri II.
de Virg. veland.
de Exhort. castit. (до 209) 205
adv. Marcion. lib. V.
de Praescript.
de Anima.
de Carne Christ.
de Resurrectione carnis 207
adv. Iudaeos.
de Corona militis.
de Pallio 208
adv. Prax.
adv. Hermog. (послѣ соч. de Praescript.)
Scorpiace 209
ad Scapulam.
ad Matyres.
de Patientia.
(adv. Valentian. не приведено) 217

Hesselberg.

(Апологетическій періодъ).

(первыя сочиненія).

de Baptismo haer.
de Oratione 193
de Baptismo.
de Poenitentia 196

(Время преслѣдованій).

(adv. Iudaeos).
ad Martyres 197
de Spectaculis.
de Idololatria.
de Cultu femin. libri II..... 198
Apologeticus.
ad Nationes libri II.
de Testimon. anim 199

(Переходный періодъ).

de Patientia.
ad Uxorem libri II 200

(Монтанистическій періодъ).

(1-я стадія.)

de Virginibus veland.
de Corona milit..... 201
de Fuga in persec..... 202

(2-я стадія.

de Spe fidelium 203

(Полемическій періодъ).

(антимонархіанская полемика.)

adv. Praxeam..... 204
de Praescript..... 205

(Антигностическая полемика)

(Догматическ. сочиненія 1-го цикла).

adv. Marcion.
adv. Germogen.
de Censu animae.
de Paradiso.
de Anima..... 205

(Догматическія сочиненія 2-го цикла).

adv. Valentinian.
adv. Marcion. lib. I.

(позднѣйшее изданіе).

adv. Apellecianos.
adv. Marcion. lib. II—IV.
de Carne Christi.
de Resurrectione cornis.
adv. Marcion. lib. V.
de Pallio..... 207—208
ad Scapulam.
Scorpiace..... 212

(Монтанистическій періодъ).

(послѣдняя стадія).

de Exhortatione.
de Monogamia.
de Jejuniis.
de Pudicitia.
(de Exstasi lib. VI, et septimus
adv. Apollonium) 212

Bonwetsch.

(Домонтанистическія).

(апологетическія).

ad Martyres, лѣто или осень..... 197
Apologeticus—осень..... 197
ad Nationes lib. I.
ad Nationes lib. II.
de Testim. animae.
adv. Iudaeos.
de Oratione.
de Baptismo.
de Baptismo haer.
de Poenitentia.
de Spectaculis
de Cultu femin 1-е изд.
de Idololatria
} около ..... 198—199

de Cultu femin. 2-е изд.
de Patientia.
ad Uxorem libr. II.
de Praescript.
de Spe fidelium
de Paradiso } 207
de Fato

(Монтанистическія).

3 изданіе 1 кн. adv. Marcion 207
de Praescript.
adv. Marcion. lib. II.
adv. Hermogenem.
de Censu animae.
de Fato (см. Bonwetsch. p. 42, прим. 55).
de Paradiso.
adv. Apelleciacos.
de Anima.
lib. III adv. Marcion.
lib. IV.
de Carne Christi
de Resurrectione carnis } около ..... 208—209
de Pallio
V lib. adv. Marcion.
adv. Valentian.
ad Scapulat..... 211—213
Scorpiace ..... 203—204
de Virginib. veland..... 203—204
de Monogamia
de Jejuniis } до..... 207
de Pudicitia.
de Exhort. cast.
de Corona—во второй полов. 202
de Fuga..... 203
de Exstasi до..... 207

Приведенныя распредѣленія суть результаты кропотливыхъ изслѣдованій, которыя, какъ намъ кажется, далеко не разрѣшили многихъ спорныхъ пунктовъ. Указаны лишь предѣлы, между которыми можно предполагать появленіе того или другаго сочиненія. Съ своей стороны, мы болѣе склонны принять слѣдующую схему, по которой, намъ кажется, лучше всего можно получить цѣльное представленіе о сочиненіяхъ Тертулліана, расположивши послѣднія по поворотнымъ пунктамъ Тертуллiановой дѣятельности. По прилагаемой схемѣ мы и намѣрены познакомить читателя съ сочиненіями нашего автора.

ДОМОНТАНИСТИЧЕСКІЙ ПЕРІОДЪ:

Группа сочиненій апологетическаго характера:

Apologeticus; ad Nationes; de Testimonio animae; adv. Judaeos.

Антигностическія: de Praescriptionibus; adversus Marcion. lib. I

Аскетическія: ad Martyres; de Spectaculis; de Cultu feminarum; de Idololatria; de Patientia.

Дисциплинарныя: de Baptismo; de Poenitentia; de Oratione; ad Uxorem libr. II.

МОНТАНИСТИЧЕСКІЙ ПЕРІОДЪ:

Апологетическаго характера: de Pallio; ad Scapulam.

Антигностическія: Scorp.; adv. Hermog.; adv. Valentinian. (adv. Apell.; de Fato.; de Paradis.; de Orig. anim.); de Anima; de Carne Christi; de Resurrect. carn., (de Spe fidel.); adv. Marcion. 2 и 3 изд.; adv. Praxeam; (de Exstasi).

Аскетическія: de Virg. vel.; de Corona militis; de Fuga in persecut.; Adhort. cast.

Дисциплинарныя: de Pudicitia; de Monogamia; de Jejuniis.

Для удобства изложенія, книги противъ Маркіона мы разсматриваемъ вмѣстѣ.

Сочиненіе ad Nationes считаемъ просто дополненіемъ къ Apologeticum.

ЧАСТЬ II.

ТВОРЕНІЯ ТЕРТУЛЛІАНА.

Апологетиконъ [1].

(„Apologeticus adversus gentes“).

Въ правленіе Септимія Севера, Тертулліанъ, побуждаемый пламенною ревностью къ жестоко гонимой религіи, счелъ своимъ долгомъ предпринять защиту христіанства и представилъ римскимъ властямъ апологію съ цѣлію укротить ихъ свирѣпость противъ христіанъ. Его апологія принадлежитъ къ превосходнѣйшимъ произведеніямъ въ этомъ родѣ: по характерному способу выраженія, по силѣ доводовъ, по многосторонности научныхъ свѣдѣній, нашъ писатель своимъ произведеніемъ далеко оставляетъ за собою болѣе раннія попытки въ томъ же родѣ. Къ доказательствамъ въ защиту христіанства, извѣстнымъ уже изъ прежнихъ апологій, онъ прибавляетъ много новаго, а, самое главное, изъ обвиняемаго становится обвинителемъ, обращая противъ язычества и язычниковъ большинство упрековъ, которые дѣлались христіанамъ.

Argumentum:

Гл. 1. Недостаточность свѣдѣній о христіанствѣ служитъ причиной ненависти къ нему и гоненій на него.

Гл. 2. Образъ дѣйствія, принятый начальствующими лицами по отношенію къ христіанамъ, нарушаетъ всѣ формы судопроизводства и принципы юриспруденціи.

Гл. 3. Язычники сами себѣ не могутъ указать удовлетворительнаго мотива для всеобщей ненависти къ имени «христіанъ».

Гл. 4. Опроверженіе воззрѣнія, будто строй христіанской религіи противорѣчитъ государственнымъ законамъ.

Достоинства и недостатки человѣческихъ законовъ зависятъ отъ ихъ цѣлесообразности и проникающаго ихъ нравственнаго смысла.

Гл. 5. Возраженіе противъ законовъ, изданныхъ противъ христіанъ.

То обстоятельство, что только дурные императоры издавали законы противъ христіанъ, возбуждаетъ нелестное мнѣніе о ихъ достоинствѣ.

Гл. 6. Исторія и собственный опытъ учатъ, что законы также могутъ быть упразднены и часто упразднялись.

Гл. 7. Нисколько не констатировано, что у христіанъ совершаются преступныя дѣянія—кровосмѣшеніе и прелюбодѣянія; это мнѣніе есть чистое изобрѣтеніе клевещущей молвы

Гл. 8. Эти обвиненія безсмысленны и нелѣпы сами по себѣ.

Гл. 9. Напротивъ, у язычниковъ на самомъ дѣлѣ совершаются такія вещи, которыя приписываются христіанамъ.

Гл. 10. Почему христіане не желаютъ принимать участія въ культѣ языческихъ боговъ? Боги послѣднихъ не болѣе, какъ обожествленные люди.

Гл. 11. Логическая и физическая невозможность происхожденія второстепенныхъ боговъ.

Гл. 12. Такъ называемые боги язычниковъ суть умершіе люди, и ихъ изображенія не болѣе, какъ неодушевленная матерія.

Гл. 13. Объ этомъ свидѣтельствуютъ и ихъ отношенія къ своимъ поклонникамъ и обратно, равно какъ и самый культъ.

Гл. 14. Разнообразныя отрасли литературы сходятся въ томъ, что разсказываютъ много недостойнаго о богахъ.

Гл. 15. Въ театрахъ публично освистываютъ, осмѣиваютъ, а въ храмахъ безчестятъ и презираютъ боговъ.

Гл. 16. Народныя представленія язычниковъ о Богѣ христіанъ.

Гл. 17. Христіане почитаютъ Творца міра, какъ единственнаго и истиннаго Бога. Язычники также иногда невольно Его призываютъ.

Гл. 18. Богъ явилъ Себя. Священное писаніе.

Гл. 19. Книги Моисея и ихъ глубокая древность.

Гл. 20. Возвышенность и достовѣрность Священнаго Писанія.

Гл. 21. Связь христіанства съ іудействомъ. Логосъ, Его божественность, воплощеніе, рождество, жизнь, чудеса, страданіе, смерть, воскресеніе, вознесеніе.

Гл. 22. О природѣ демоновъ.

Гл. 23. Утвержденіе, что демоны, бытіе которыхъ признаютъ и язычники, тожественны такъ называемымъ богамъ, подкрѣпляется фактами. Сила имени Христа и заклинанія противъ нихъ.

Гл. 24. Такъ какъ языческіе боги—не боги, то безъ всякаго права обвиняютъ христіанъ въ безбожіи за то только, что они не почитаютъ языческихъ боговъ. Имъ могли бы предоставить болѣе религіозной свободы тѣ, которые охотно адоптируютъ культы другихъ народовъ.

Гл. 25. Ошибочно римляне приписываютъ свое господство надъ земнымъ шаромъ усердному почитанію своихъ боговъ.

Гл. 26. Истинный Богъ одинъ по Своему произволенію распредѣляетъ владычество надъ міромъ, кому Онъ хочетъ.

Гл. 27. Если христіане отказываются приносить жертвы, согласно требованіямъ язычниковъ, въ основѣ этого не лежитъ простое самодурство, но убѣжденіе, что приносимыя жертвы являются угожденіемъ злымъ духамъ.

Гл. 28. Даже въ томъ случаѣ, когда требуютъ отъ насъ приносить богамъ жертвы за здравіе императоровъ—это не слѣдуетъ дѣлать.

Гл. 29. Мнимые боги не въ силахъ ни пользу приносить, ни вредить императорамъ: они безсильны.

Гл. 30. Отказъ приносить жертвы богамъ за здравіе императоровъ не можетъ быть оскорбленіемъ величества. Христіане вмѣсто этого молятся за императоровъ истинному Богу.

Гл. 31. Послѣднее заповѣдано христіанамъ въ Священномъ писаніи.

Гл. 32. Христіане желаютъ благоденствія римскому государству.

Гл. 33. Если христіане не смотрятъ на императора, какъ на божественное существо, и не даютъ ему названіе «бога», они однако уважаютъ и любятъ его и поступаютъ вполнѣ правильно.

Гл. 34. Продолженіе разсужденія.

Гл. 35. Усиленныя стремленія обнаруживать передъ императоромъ свое почитаніе его, безумныя и вредныя прославленія и почести не служатъ еще вѣрнымъ доказательствомъ преданнаго образа мыслей и добрыхъ намѣреній.

Гл. 36. Для христіанъ обязательна любовь къ ближнимъ по отношенію ко всѣмъ безъ исключенія, а не только къ одному императору.

Гл. 37. Доказательство вѣрноподданности христіанъ заключается еще въ томъ, что они, какъ бы ни были многочислены, не возстаютъ на гонителей своихъ и не выселяются цѣлыми массами.

Гл. 38. Причина выдѣленія христіанства въ число недозволенныхъ религій не обоснована ничѣмъ.

Гл. 39. Ближайшія указанія на это, почерпнутыя изъ собраній, богослуженій, образа мыслей и организаціи христіанскаго общества.

Гл. 40. Что всеобщія бѣдствія посылаются богами изъ гнѣва на христіанъ, простая выдумка, какъ показываетъ исторія.

Въ дѣйствительности виновна всеобщая грѣховность, въ особенности со стороны язычниковъ.

Надо благодарить еще христіанъ за то, что эти бѣдствія не становятся еще болѣе тягостными.

Гл. 41. Что касается до того, что христіане являются также страдающими существами при общественныхъ бѣдствіяхъ на ряду съ язычниками, то причина этого заключается въ

теперешнемъ міровомъ строѣ, который Богъ не нарушаетъ изъ одного благорасположенія къ праведникамъ.

Гл. 42. Безъосновательна жалоба на то, что христіане нисколько не стараются о всеобщемъ благѣ, и что они безполезные члены человѣческаго общества.

Гл. 43. Продолженіе разсужденія.

Гл. 44. Среди христіанъ нѣтъ преступниковъ.

Гл. 45. Христіанство для своихъ приверженцевъ заключаетъ нравственное побужденіе къ добродѣтельному образу жизни.

Гл. 46. Христіанство не новый родъ философскаго ученія, но божественное ученіе и стоитъ выше всякой философіи.

Гл. 47. Многочисленные философскіе взгляды не болѣе, какъ выкраденныя изъ книгъ св. Писанія и искаженныя ученія.

Гл. 48. Краткая апологія ученія о воскресеніи.

Гл. 49. Если даже наконецъ ученіе христіанства и не одобряютъ, то всетаки нѣтъ никакихъ причинъ преслѣдовать это ученіе, но слѣдуетъ относиться къ нему съ терпимостью, какъ къ каждой философской сектѣ.

Гл. 50. Даже и по своей стойкости христіане превосходятъ философовъ. Похвала и заслуга мученичества.

I.

Если Вамъ, власти римской имперіи [2], не угодно допускать христіанъ къ защитѣ ихъ дѣла передъ трибуналомъ, гдѣ вы сидите на самомъ возвышенномъ мѣстѣ города для публичнаго отправленія суда; если вы изъ боязни или стыда отрицаете право каждаго обвиняемаго отвѣчать своему обвинителю; если наконецъ, какъ это недавно случилось, непріязненныя отношенія къ этой сектѣ и домашнія пересуды препятствуютъ всякой судебной защитѣ, то пусть истина дойдетъ до вашихъ ушей хотя тайнымъ путемъ при помощи безмолвныхъ буквъ! [3].

Она не проситъ милости, такъ какъ не удивляется своему положенію [4]. Она знаетъ, что живетъ на землѣ, и что среди чужихъ всегда легко встрѣтить враговъ; а что касается остальнаго, то свое происхожденіе, коренную почву, надежду, любовь, славу она имѣетъ на небесахъ. Одного она добивается, чтобы не осуждали ее не зная [5].

Что потеряютъ законы, господствующіе въ имперіи, если будетъ выслушана защита истины? Или, можетъ быть, съ бо́льшимъ блескомъ выкажется могущество послѣднихъ, если они будутъ осуждать истину, не выслушавъ ее? Но при этомъ, кромѣ несправедливой ненависти, вы заставляете думать, что вы не хотите выслушать защиты, потому что, разъ вы ее выслушаете, то уже не будете въ состояніи осудить ее.

Итакъ прежде всего мы обвиняемъ васъ въ несправедливой ненависти къ имени христіанъ [6]. Ее отягчаетъ и изобличаетъ то, что должно было бы, повидимому, извинить ее, именно ваше невѣдѣніе [7], ибо что на свѣтѣ болѣе несправедливаго, чѣмъ ненависть къ тому, чего не знаешь, даже

въ томъ случаѣ, если бы само по себѣ оно и было достойно ненависти [8].

Ненависть бываетъ законна лишь тогда, когда существуетъ увѣренность въ томъ, что предметъ ненависти дѣйствительно ее заслуживаетъ; безъ увѣренности въ этомъ ненависть можетъ быть несправедливой, такъ какъ справедливость ея должна быть показана не случаемъ, а отчетливымъ знаніемъ [9].

Такъ какъ люди часто ненавидятъ потому, что не знаютъ того, что ненавидятъ, то развѣ не можетъ случиться такъ, что они будутъ ненавидѣть то, что само по себѣ не заслуживаетъ ненависти? Отсюда одно вытекаетъ изъ другаго, именно: не знаютъ, пока ненавидятъ, и ненавидятъ потому, что не знаютъ. Невѣдѣніе, извиняя повидимому вашу несправедливость, является съ другой стороны обличеніемъ, такъ какъ всѣ ненавидѣвшіе, не отдавая себѣ отчета въ томъ, за что ненавидятъ, перестаютъ ненавидѣть, какъ только постараются узнать. Они становятся христіанами, а въ силу того, что они стали ими, узнавши насъ, начинаютъ ненавидѣть свое прежнее положеніе и исповѣдывать то, что раньше ненавидѣли; число ихъ такъ велико, что на насъ обратили вниманіе—уже кричатъ, что городъ какъ бы въ осадѣ отъ христіанъ; что деревни, замки, острова полны христіанами; что люди всѣхъ возрастовъ, половъ, положеній, даже люди высшаго положенія переходятъ въ христіанство...

Оплакиваютъ это, какъ бы убыль народонаселенія, и менѣе всего въ то же время думаютъ объ разслѣдованіи, не скрыто ли у христіанъ какое благо [10].

Не хотятъ быть справедливѣе въ своихъ подозрѣніяхъ, не стремятся ближе разобраться въ дѣлѣ; здѣсь, въ этомъ единственномъ случаѣ, человѣческое любопытство усыплено: довольствуются невѣдѣніемъ того, познанію чего радуются другіе.

Судя о тѣхъ, которые знаютъ, во что вѣрятъ, эти незнающіе болѣе заслуживаютъ критики Анахарзиса, чѣмъ тѣ, которые судили о музыкѣ, не будучи музыкантами [11]. Они

предпочитаютъ свое невѣдѣніе, потому что ненависть привилась уже давно, мало того—они имѣютъ предчувствіе, что то, чего не знаютъ, такого свойства, что они не могли бы его ненавидѣть, если-бы вдругъ узнали. Поэтому если не найдется никакой справедливой причины къ ненависти, то благороднѣе отъ нея отказаться; если же откроется, что она имѣетъ опору въ самой дѣйствительности, то она не только не ослабится знакомствомъ съ истиной, но сдѣлается тверже и законнѣе.

Но скажутъ, что не все то благо потому только, что многихъ обращаетъ съ себѣ [12]. Сколько людей обращаются ко злу! Мало ли есть измѣнниковъ добродѣтели?! Никто и не отрицаетъ громаднаго числа ихъ...

Но вѣдь тѣ, которыхъ увлекаетъ за собой зло, не осмѣливаются выдавать его за добро; природа отмѣтила всякое злодѣяніе или блѣдностью страха или краской стыда [13]. Злодѣи любятъ мракъ; избѣгаютъ показываться явно; схваченные, они дрожатъ, при обвиненіи—отрекаются; даже въ пыткахъ не сознаются вовсе или же сознаются въ самую послѣднюю минуту; при осужденіи скорбятъ, упрекаютъ себя и, вмѣняя въ вину судьбѣ или своей звѣздѣ стремленія дурно направленнаго ума, не считаютъ себя виновниками того преступленія, которое за собой признаютъ. Можно ли встрѣтить что-нибудь подобное среди христіанъ? Никого христіанинъ не стыдится, ни въ чемъ не раскаивается, кромѣ того, что не всегда былъ христіаниномъ; если на него доносятъ, что онъ принадлежитъ къ числу христіанъ, онъ радуется; при обвиненіи онъ не защищается; при допросѣ исповѣдуетъ свою вѣру; послѣ осужденія благодаритъ... Какой странный родъ преступленія, не имѣющій характерныхъ его признаковъ [14]: боязни, стыда, увертки, раскаянія, сожалѣнія! Что это за родъ преступленія, въ которомъ обвиняемый человѣкъ радуется, и обвиненіе составляетъ предметъ его благочестивыхъ желаній, а наказаніе—его счастіе?

Вы не можете считать безумiемъ того, въ невѣдѣніи чего вы изобличены [15].

II.

Наконецъ если вѣрно, что мы очень преступны, почему же вы съ нами обращаетесь иначе, чѣмъ съ другими преступниками равными намъ? Одинаковое преступленіе должно бы вызывать и одинаковое къ нему отношеніе. Другіе обвиняемые могутъ доказывать свою невинность сами или при помощи наемнаго адвоката; всѣ они имѣютъ возможность отвѣта и возраженія, потому что законъ положительно запрещаетъ осуждать кого-либо, не выслушавъ защиты. Однимъ христіанамъ не позволено ничего говорить въ свое оправданіе, въ защиту истины, въ предупрежденіе несправедливаго суда. Для осужденія христіанина дожидаются только одного (что, впрочемъ, вполнѣ достаточно для народной ненависти), а именно исповѣданія имени, а не разслѣдованія преступленія. Допрашивая какого-либо иного преступника, вы не довольствуетесь его сознаніемъ, напр. въ убійствѣ, въ святотатствѣ, въ нечестіи, въ государственномъ преступленіи (что намъ приписываютъ наши обвинители), — вы у него выпытываете до вердикта всѣ обстоятельства, родъ преступнаго дѣянія, мѣсто, способъ, время, соучастниковъ и свидѣтелей [16]. Въ обращеніи съ нами нѣтъ ничего подобнаго; а вѣдь не мѣшало бы одинаковымъ образомъ допрашивать христіанъ о преступленіяхъ, которыя имъ приписываютъ: сколькихъ дѣтей они отвѣдали, сколько кровосмѣшеній покрыто мракомъ, сколько поваровъ и собакъ были при этомъ соучастниками [17]...

О, сколько чести было бы для предсѣдателя суда, если бы ему удалось вырвать у кого-нибудь признаніе въ томъ, что онъ пожралъ уже сотню дѣтей! Однако мы находимъ, что даже розыскъ по нашему дѣлу воспрещенъ. Плиній Младшій [18], во время своего управленія въ провинціи, казнивъ нѣсколько христіанъ и лишивъ другихъ правъ состоянія [19], испуганный однако ихъ громаднымъ количествомъ, обратился къ императору Траяну съ вопросомъ, какъ ему держать себя съ ними впослѣдствіи, добавляя при этомъ, что [20], кромѣ ихъ

сопротивленія приносить жертвы богамъ, все, что онъ узналъ изъ христіанскихъ тайнъ, сводится къ тому, что они собираются передъ разсвѣтомъ для восхваленія Христа, какъ своего Бога, и для общей бесѣды о своемъ ученіи; что они отвращаются убійства, прелюбодѣянія, обмана, измѣны и вообще всѣхъ преступленій. Траянъ отвѣтилъ, что не надо ихъ разыскивать; если же ихъ схватятъ по доносу, то слѣдуетъ казнить. Увы, приказъ противорѣчивый въ силу необходимости [24]!

Траянъ объявляетъ насъ невинными, запрещая насъ разыскивать, и въ то же время считаетъ преступными, приказывая казнить; онъ милостивъ и безпощаденъ, податливъ и суровъ. Зачѣмъ же ты самъ себя ловишь своимъ распоряженіемъ [25]? Если ужъ осуждать христіанъ, то почему ихъ не разыскивать? а если не дѣлать розыска, то почему не освобождать и отъ казни? Въ каждой провинціи есть отрядъ солдатъ, на обязанности которыхъ лежитъ поимка воровъ; по отношенію къ виновнымъ въ оскорбленіи величества или къ государственнымъ преступникамъ каждый гражданинъ играетъ роль солдата [26]; розыскъ простирается на соучастниковъ и свидѣтелей... Однихъ только христіанъ не позволено разыскивать, хотя позволено на нихъ доносить, какъ будто розыскъ можетъ привести къ инымъ результатамъ, чѣмъ доносъ. Вы осуждаете (христіанина), на котораго донесли, хотя въ то же время запрещаете дѣлать розыскъ, и слѣдовательно онъ заслуживаетъ наказанія не потому, что преступенъ, но потому что найденъ безъ розыска. Итакъ вы нарушаете всѣ формы криминальнаго процесса въ судебномъ слѣдствіи по отношенію къ намъ, потому что другихъ обвиняемыхъ вы пытаете, чтобы заставить ихъ сознаться, а христіанъ, наоборотъ, для того, чтобы заставить ихъ отречься. Если бы здѣсь заключалось преступленіе, мы бы отреклись отъ него а вы были бы правы, вынуждая у насъ пытками сознаніе. Вы даже не можете сказать, что безполезно стараться вырвать у христіанъ сознаніе въ ихъ преступленіяхъ, потому что для васъ исповѣданіе имени «христіанинъ» равносильно

сознанію во всѣхъ преступленіяхъ. Но когда убійца сознается въ своемъ преступленіи, вѣдь вы вынуждаете же его выяснять подробности, хотя сами отлично знаете, въ чемъ заключается убійство. Вы преступаете всѣ законы справедливости, принуждая христіанъ пытками отречься отъ имени «*христіанинъ*», т. е. отречься вмѣстѣ съ этимъ отъ всѣхъ преступленій, о которыхъ вы заключили по исповѣданію имени [24]. Можно подумать однако, что вы не хотите нашей гибели, хотя и считаете насъ за преступныхъ людей! Поэтому вы обыкновенно говорите христіанину, т. е. убійцѣ: *отрекись*, и, если онъ упорно исповѣдуетъ себя христіаниномъ, вы бросаете нечестивца на растерзаніе звѣрямъ. Если вы совсѣмъ не такъ поступаете по отношенію къ преступникамъ, то, значитъ, считаете насъ вовсе невинными и какъ бы не желаете, чтобы мы, ни въ чемъ невинные, упорствовали въ исповѣдываніи, которое, по вашему собственному сознанію, вы осуждаете не по справедливости, а по необходимости. Вамъ говорятъ прямо: «christianus sum»! (Я христіанинъ [26]) и говорятъ правду, а вы хотите слышать противоположное. Постановленные на то, чтобы заставить обвиняемыхъ говорить правду, почему вы однихъ насъ хотите принудить ко лжи? Вы спрашиваете, напр., христіанинъ ли я [27]; я отвѣчаю утвердительно; зачѣмъ же вы пытаете меня, чтобы я сказалъ противоположное? я исповѣдую свою вѣру, и вы меня пытаете; что же бы вы сдѣлали, если-бы я отрекся?! Вы не легко вѣрите другимъ, когда они отрицаютъ преступленіе; намъ же въ случаѣ отреченія вы вѣрите безъ затрудненія. Такая перемѣна порядка подозрительна, и вы должны опасаться, нѣтъ ли какой скрытой силы, которая заставляетъ васъ дѣйствовать вопреки всѣмъ формамъ, вопреки способу судопроизводства, вопреки самымъ законамъ [28]... Вѣдь законы, если я не ошибаюсь, приказываютъ находить преступниковъ, а не скрывать ихъ; они предписываютъ казнить ихъ, разъ они сознались [29] въ преступленіи, а не освобождать. Это точно выражаютъ всѣ сенатскіе декреты, указы государей — сама власть, которой вы служите исполнителями.

Вѣдь вы властвуете надъ гражданами, а не надъ рабами. Только тираны употребляютъ пытки вмѣсто наказанія, вы же пользуетесь пытками для открытія истины. Пользуйтесь же ими, но только до сознанія преступника, разъ же сознаніе предупредило ихъ, то онѣ болѣе не нужны. Остается произнести рѣшеніе и подвергнуть преступника казни, которую онъ заслуживаетъ, а не освобождать его. Короче, нѣтъ судьи, который желалъ бы освободить преступника: онъ знаетъ, что ему нельзя этого хотѣть [30]. Поэтому не пытаютъ обвиняемаго съ тѣмъ, чтобы онъ отрекся. А христіанина, человѣка, виновнаго, по вашимъ словамъ, во всѣхъ преступленіяхъ, врага боговъ, императоровъ, законовъ, нравственности, врага всей природы, вы принуждаете отречься, чтобы быть въ состояніи освободить его, такъ какъ нельзя освободить его, если онъ не отречется. Извращеніе закона очевидно [31]. Вы хотите, чтобы онъ отрекся отъ того, что составляетъ его преступленіе, чтобы выставить его невиннымъ и притомъ противъ его воли, вопреки тому, что онъ совершилъ. Откуда такая преступная превратность сужденія, что вы не считаете возможнымъ болѣе повѣрить добровольному сознанію, чѣмъ отреченію, вырванному насильственнымъ путемъ? Развѣ принуждаемый отречься, онъ искренно отречется и, выпущенный на свободу, тотчасъ же послѣ суда не посмѣется надъ вашимъ довѣрчивымъ усердіемъ, оставаясь по прежнему христіаниномъ? Такъ какъ вы поступаете съ нами во всемъ совершенно иначе, чѣмъ съ другими преступниками, требуя отъ насъ только одного, т.-е. отреченія отъ имени христіанина, а мы отрекаемся отъ него, если поступаемъ не по-христіански, то вы понимаете отлично, что все наше преступленіе составляетъ одно это имя, являющееся единственнымъ предметомъ вашей ненависти, нетерпимой, слѣпой ненависти, которая препятствуетъ вамъ узнать то, что вы заѣдомо игнорируете. Поэтому вы выдумываете на нашъ счетъ то, что никогда не было доказано, не стараясь разслѣдовать дѣло изъ боязни встрѣтить доказательства противоположнаго. Вы предпочитаете сохранять ваши предразсудки для того,

чтобы имѣть возможность осудить на основаніи только исповѣданія нашего имени, которое вамъ ненавистно. Поэтому вы насъ пытаете, когда мы исповѣдуемъ вѣру свою; осуждаете на смерть, если мы упорно держимся своего исповѣданія, и отпускаете на свободу, если мы отрекаемся, потому что вы ведете борьбу только противъ имени (христіанъ). Наконецъ, почему въ своихъ приказахъ вы осуждаете насъ, какъ христіанъ, а не какъ убійцъ, не какъ нечестивцевъ, не какъ виновныхъ во всѣмъ преступленіяхъ, которыя вы приписываете намъ? Мы единственные люди, преступленія которыхъ вы стыдитесь или не удостоиваете называть. Но если имя «христіанинъ» не намекаетъ ни на какое преступленіе, то не противорѣчитъ ли здравому смыслу, что вы ставите намъ въ вину одно это имя [32]?

III.

И что же? Ненависть, которую толпа питаетъ къ этому имени, ослѣпляетъ ее настолько, что, хваля какого-нибудь христіанина, какъ человѣка, ставятъ ему въ вину его имя («христіанина»): «хорошій человѣкъ — Кай — только... онъ христіанинъ»! Или: «меня удивляетъ, что такой просвѣщенный человѣкъ, какъ Люцій, вдругъ сталъ христіаниномъ»! А никто и не подумаетъ, что Кай добръ и Люцій уменъ потому, что они христіане, или они потому христіане, что одинъ уменъ, а другой добръ. Хвалятъ то, что знаютъ и порицаютъ то, чего не знаютъ; и такимъ образомъ искажаютъ и то, что знаютъ, вслѣдствіе невѣдѣнія; а между тѣмъ было бы справедливѣе судить о неизвѣстномъ по извѣстному, чѣмъ осуждать извѣстное на основаніи неизвѣстнаго. Другіе, думая, что описываютъ христіанъ, которыхъ они знали до ихъ обращенія за людей безпорядочныхъ, низкихъ, безчестныхъ, не замѣчаютъ, что хвалятъ ихъ этимъ; настолько ихъ ослѣпляетъ ненависть! Какъ!? говорятъ они,—эта женщина, всѣмъ доступная, привыкшая къ постоянному веселью, этотъ юноша, прежде такъ любившій удовольствія и такой распущен-

ный—стали христіанами! Ихъ перемѣна не дѣлаетъ ли честь имени, которое они носятъ? Нѣкоторые даже жертвуютъ собственными интересами своей ненависти, предпочитаютъ вредить себѣ, лишь бы не мириться съ именемъ, которое имъ такъ ненавистно. Мужъ, не имѣющій болѣе причинъ для ревности, отвергаетъ жену, ставшую цѣломудренной. Отецъ лишаетъ наслѣдства сына, ставшаго покорнымъ, между тѣмъ какъ раньше терпѣлъ его непослушаніе. Господинъ прогоняетъ съ глазъ своихъ вѣрнаго раба, съ которымъ прежде онъ обходился кротко. Чѣмъ болѣе кто-нибудь преобразовывается, становясь христіаниномъ, тѣмъ ненавистнѣе — онъ въ глазахъ нашихъ противниковъ: настолько ненависть къ христіанскому имени сильнѣе блага, приносимаго христіанами! Но если ненависть направлена противъ имени, то въ чемъ же можетъ быть виновно слово? Можетъ быть, звукъ этого слова непривычно поражаетъ уши или оно звучитъ зловѣще, оскорбительно или намекаетъ на безстыдство? Ничуть не бывало! Слово «christianus» происходитъ отъ греческаго слова, означающаго «*помазаніе*» [35]. Когда произносите его неправильно, (а у васъ нѣтъ даже точнаго свѣдѣнія о происхожденіи нашего имени), то оно и тогда не имѣетъ другаго значенія, какъ только доброта и пріятность [36]. Слѣдовательно ненавидятъ невинное имя невинныхъ людей; ненавидятъ секту, получившую имя отъ имени ея основателя. Но нѣтъ никакого нововведенія въ томъ, что ученики получаютъ свое имя отъ имени учителя. Развѣ платоники, эпикурейцы и пиѳагорейцы не называются по имени основателей этихъ философскихъ школъ? А стоики и академики не заимствовали ли свое имя отъ мѣста, гдѣ происходили ихъ бесѣды? Вѣдь и медики получили свое названіе отъ Эразистрата, грамматики отъ Аристарха, повара отъ Апиція [37]! Но развѣ имъ вмѣняется въ вину, что они вмѣстѣ съ ученіемъ усвоили себѣ также имя основателя извѣстнаго ученія? Несомнѣнно, если будетъ доказано, что и секта и основатель ея приносятъ вредъ, докажутъ и то, что и имя ея также вредно и ненавистно, но... въ виду вреда самой секты и ея

основателя. Поэтому, прежде чѣмъ возненавидѣть имя «*христіанинъ*», слѣдовало бы разузнать о сектѣ по основателю или объ основателѣ по сектѣ. По отношенію къ намъ наши противники нападаютъ на имя и преслѣдуютъ одно имя, пренебрегая свѣдѣніями и разъясненіями относительно самой секты и ея основателя; осуждаютъ секту и ея основателя, не установивъ степени ихъ вины, взявъ мотивомъ одно только имя христіанъ [38].

IV.

Послѣ этого, какъ бы предисловія, показавшагося мнѣ необходимымъ для посрамленія несправедливой общенародной ненависти, направленной противъ насъ, я приступаю къ защитѣ нашей невинности, не только опровергая то, въ чемъ вы насъ обвиняете, но и направляя противъ васъ самихъ ваши обвиненія, чтобы вы всѣ знали, что христіане не совершаютъ тѣхъ преступленій, которыя вы имъ приписываете, и которыя, какъ не безызвѣстно, совершаются въ вашей средѣ, чтобы вы стыдились обвинять—не скажу порочные люди безукоризненныхъ—но, если угодно, хотя бы равныхъ себѣ. Я разберу подробно все, что мы будто бы дѣлаемъ тайно, а вы дѣлаете публично, и за что вы на насъ смотрите, какъ на самыхъ испорченныхъ, самыхъ презрѣнныхъ изо всѣхъ людей, которыхъ слѣдуетъ наказывать и осмѣивать. Но едва истина отвѣтитъ на все (нашими устами), какъ вы противополагаете ей авторитетъ вашихъ законовъ, разборъ которыхъ запрещенъ, и необходимость повиновенія которымъ заставляетъ васъ предпочитать ихъ истинѣ. Поэтому я сначала поспорю съ вами, какъ съ охранителями закона, о законахъ. Когда вы непререкаемо заявляете: «вамъ не позволено быть христіанами», не обнаруживаете ли вы тѣмъ свою несправедливость и безчеловѣчную тиранію, запрещая намъ быть христіанами только потому, что такова ваша личная воля, а вовсе не потому, что этого не должно бы быть? Если вы не хотите допустить

этого потому, что этого не должно быть, то, безъ сомнѣнія, не должно бытъ того, что дурно; слѣдовательно, должно быть допущено то, что хорошо. Если я сумѣю доказать, что религія, которой не признаетъ вашъ законъ, заключаетъ въ себѣ благо, этимъ самымъ я докажу, что законъ не можетъ ее не признать, на что онъ имѣлъ бы полное право, если бы эта религія носила въ себѣ принципъ зла. Если вашъ законъ ошибся, его ошибка доказываетъ, что онъ созданъ людьми, а не упалъ съ неба. Вы удивляетесь при предположеніи, что законодатель или могъ погрѣшить при составленіи закона или одумался потомъ исправляя его?! Но развѣ Лакедемоняне не исправили законовъ Ликурга? Развѣ творецъ ихъ не былъ этимъ такъ огорченъ, что самъ осудилъ себя на голодную смерть на мѣстѣ своего добровольнаго изгнанія? А развѣ вы сами не вносите свѣтъ опыта въ мракъ древности, развѣ вы не очищаете громадный и спутанный лѣсъ вашихъ древнихъ законовъ новыми рескриптами и эдиктами императоровъ? Развѣ императоръ Северъ [39], этотъ коренной врагъ нововведеній, не уничтожилъ вопреки почтенной древности Папіевъ законъ (lex Papia), который предписывалъ имѣть дѣтей раньше срока, назначеннаго Юліевымъ закономъ (lex Julia) для заключенія брака [40]? Жестокій законъ, дозволявшій кредитору разсѣкать на части неоплатнаго должника, съ общаго согласія былъ уничтоженъ римскимъ народомъ, и смертная казнь была замѣнена публичнымъ позоромъ. Установленная закономъ конфискація имущества заставляетъ кровь приливать къ лицу банкрота, и законъ довольствуется этимъ вмѣсто пролитія крови [41]. Сколько законовъ ждутъ реформы, если дѣйствительно законы пользуются уваженіемъ не на основаніи ихъ древности или заслугъ законодателей, а соразмѣрно съ проникающей ихъ справедливостью! А пока они признаются несправедливыми, мы имѣемъ право осуждать тѣ самые законы, которые осуждаютъ насъ. Но мало признать ихъ несправедливыми; я могу назвать ихъ безсмысленными, если они осуждаютъ на смерть за одно только имя. Если же они налагаютъ казнь за пре-

ступленіе, то почему относительно насъ для признанія преступленія они довольствуются однимъ исповѣданіемъ имени, а другихъ преступниковъ они осуждаютъ на основаніи доказанныхъ фактовъ? Если я нечестивецъ, почему противъ меня не возбуждаютъ слѣдствія? Если я злоумышляю противъ боговъ или императоровъ, почему не выслушаютъ моего оправданія? Нѣтъ закона, который запрещалъ бы разслѣдовать доказательства преступленія, которое онъ осуждаетъ; такъ какъ ни судья не вправѣ судить, если онъ не знаетъ о совершеніи преступленія, ни гражданинъ не можетъ неизмѣнно повиноваться закону, если онъ не знаетъ того, за что этотъ законъ преслѣдуетъ. Не достаточно, чтобы законъ сознавалъ, такъ сказать, свою справедливость, необходимо, чтобы ее сознавали тѣ, которые должны ему повиноваться. Подозрителенъ законъ, не терпящій въ своей сферѣ изслѣдованія; деспотиченъ законъ, требующій слѣпаго повиновенія!

V.

Разсуждая о происхожденіи законовъ, касающихся религіи, мы должны замѣтить, что стариннымъ декретомъ было запрещено императорамъ признавать культъ какого нибудь новаго божества, безъ одобренія сената. Это знаетъ и М. Эмилій по поводу своего бога Альбурна [42]. Не безынтересно для насъ замѣтить, что у насъ человѣческій капризъ рѣшаетъ вопросъ о божествѣ. Если богъ не понравится человѣку, онъ не будетъ богомъ; здѣсь человѣкъ долженъ проявить милостивое расположеніе къ богу. Тиверій, въ царствованіе котораго возникло имя христіанъ, донесъ сенату о божественномъ происхожденіи его, приложивъ доказательства, полученныя имъ изъ Палестины и подкрѣпивъ ихъ своимъ голосомъ. Сенатъ, не раздѣляя мнѣнія императора, отвергъ эти доказательства. Но Тиверій остался вѣренъ своему убѣжденію, угрожая казнью обвинителямъ христіанъ. Взглянувъ въ лѣтописи, вы узнаете, что Неронъ первый извлекъ императорскій мечъ и открылъ первое жестокое гоненіе противъ послѣдователей христіанской религіи, которая при немъ только стала распространяться въ Римѣ [43]. Но мы считаемъ

за честь себѣ, что имѣемъ его во главѣ нашихъ гонителей, потому что кто знаетъ Нерона, тотъ пойметъ, что только что нибудь слишкомъ хорошее могло преслѣдоваться Нероном. Домиціанъ, наслѣдовавшій часть Нероновской жестокости, хотѣлъ послѣдовать примѣру своего предшественника; но такъ какъ въ немъ еще оставалась частица *человѣка*, онъ вскорѣ прекратилъ гоненіе, даровавъ амнистію сосланнымъ. Таковы были всегда наши преслѣдователи—*люди* несправедливые, безбожные, презрѣнные; вы сами не колеблетесь ихъ осуждать, возвращая изъ ссылки осужденныхъ ими. Напротивъ, изъ всѣхъ государей, бывшихъ до сего времени, которые сообразовались съ природными и человѣческими законами,—назовите мнѣ хоть одного, который преслѣдовалъ бы христіанъ! Мы даже можемъ назвать среди ихъ одного, который явился покровителемъ христіанъ, именно философа Марка Аврелія. Прочитайте его письмо, гдѣ онъ свидѣтельствуетъ, что жестокая жажда, мучившая его войско въ Германіи, была утолена дождемъ, полившимся съ неба по молитвѣ христіанскихъ воиновъ. Если онъ не уничтожилъ вскорѣ эдиктовъ противъ христіанъ, зато онъ отнялъ у нихъ все значеніе, установивъ даже слишкомъ строгія наказанія обвинителямъ христіанъ. Что же послѣ этого значатъ всѣ законы, которые приводили въ исполненіе только безбожные, несправедливые, презрѣнные, жестокіе, пустые, сумасшедшіе императоры?. Траянъ отчасти обезсилилъ ихъ указы, запретивъ разыскивать христіанъ [45]. Ихъ не признавали ни Адріанъ, интересовавшійся всѣмъ, ни Веспасіанъ, покоритель Іудеевъ [46], ни Антонинъ, ни Веръ. А вѣдь истребленіе преступной секты скорѣе бы согласовалось съ характеромъ хорошихъ правителей, чѣмъ такихъ же преступниковъ, какими они считали насъ [47].

VI.

Пусть ревнители законовъ, пусть покровители и почитатели дѣдовскихъ постановленій отвѣтятъ мнѣ относительно

своей преданности и своего уваженія къ узаконеніямъ предковъ, не отступали ли они отъ этихъ законовъ, не забывали ли ихъ, не оставляли ли въ тѣни самыхъ необходимыхъ и пригодныхъ изъ нихъ для упроченія порядка въ странѣ? Къ чему послужили эти строгіе законы, направленные противъ роскоши и тщеславія,—которые не допускали, чтобы затрата на пи́ръ превышала ста ассовъ; которые предписывали употреблять для пира одну курицу, да притомъ еще не жирную; которые удаляли изъ числа сенаторовъ патриція, владѣвшаго десятью фунтами серебра, какъ уличеннаго въ чрезмѣрномъ тщеславіи; которые заставляли срывать до основанія только что возникшіе театры ради предохраненія нравовъ отъ развращенія; которые, наконецъ, не оставляли безнаказаннымъ безразсуднаго, насильственнаго отнятія знаковъ отличія, принадлежащихъ людямъ заслуженнымъ и патриціямъ по происхожденію? А теперь я вижу *сотенные* пиры, на которые тратятъ по сотнѣ тысячъ сестерцій. Я вижу, что все серебро изъ рудниковъ обращено въ посуду, не говоря уже о сенаторахъ,—у вольноотпущенниковъ, едва разорвавшихъ цѣпи рабства. Я вижу, какъ умножается число театровъ; притомъ ихъ теперь защищаютъ отъ непогоды [48]. Безъ сомнѣнія, для защиты отъ холода членовъ изнѣженныхъ зрителей Лакедемоняне нѣкогда придумали свои ненавистные тяжелые плащи... Я вижу, что римскія матроны одѣваются, какъ непотребныя женщины. Уничтожились древніе обычаи, которые поддерживали среди женщинъ скромность и умѣренность. Прежде женщины не носили золота, кромѣ обручальнаго кольца, которое женихъ надѣвалъ имъ на палецъ. Употребленіе вина было такъ строго запрещено имъ, что одна матрона была осуждена своимъ семействомъ на голодную смерть за то, что открыла погребъ, гдѣ хранились вина. При Ромулѣ Меценій безнаказанно убилъ свою жену за то только, что она отвѣдала вина. Поэтому женщины обязаны были цѣловать своихъ родныхъ, чтобы по дыханію можно было судить, не преступили ли онѣ этого запрещенія. Гдѣ то древнее семейное счастіе, основанное на

чистотѣ нравовъ, которое было такъ прочно, что въ теченіе почти шестисотъ лѣтъ отъ основанія Рима не было ни одного примѣра развода? Теперь тѣло женщины склоняется подъ тяжестью золота; поцѣлуй лишенъ непринужденности отъ употребленія вина. А разводъ теперь сталъ и обѣтомъ и какъ бы результатомъ брака. Ревнивые охранители традицій вашихъ предковъ, что вы сдѣлали изъ ихъ мудрыхъ предписаній о культѣ вашихъ боговъ? Консулы согласно сенатскому декрету изгнали Бахуса и его мистеріи нетолько изъ Рима, но даже изъ цѣлой Италіи. Консулы Пизонъ и Габиній, хотя и не христіане, запретили входъ въ Капитолій, т. е. въ пантеонъ боговъ, Серапису, Изидѣ, Гарпократу съ его Кинокефаломъ (богомъ съ собачьей головой [48]); они приказали опрокинуть алтари этихъ боговъ, чтобы прекратить безчинства, узаконенныя пустыми и позорными суевѣріями. А вы, возвративъ эти божества въ ихъ святилища, окружили ихъ царскимъ великолѣпіемъ. Гдѣ ваша религія? Гдѣ ваше почтеніе къ предкамъ? Въ костюмѣ, во вкусахъ, въ роскоши, въ убѣжденіяхъ, даже въ самомъ языкѣ вы отрекаетесь отъ вашихъ предковъ! Вы постоянно хвалите древность, а въ образѣ жизни стремитесь къ новизнѣ. Вы удаляетесь все болѣе и болѣе съ каждымъ днемъ отъ смысла мудрыхъ постановленій вашихъ предковъ, сберегая то, чего не должны бы сберегать. Въ своемъ мѣстѣ я укажу, какъ, обвиняя христіанъ въ отступленіи отъ культа предковъ, вы сами презираете, оставляете безъ вниманія, уничтожаете культъ вашихъ боговъ, хотя и выставляете на видъ, что наслѣдовали слѣпую религіозную ревность вашихъ предковъ. Вы причислили къ римскимъ божествамъ Сераписа, которому строите алтари; вы посвящаете Бахусу, какъ бы ставшему роднымъ италійскимъ божествомъ, свои оргіи—божествамъ, которыхъ будто-бы по ошибкѣ не хотѣли признавать предки. Теперь же я отвѣчу на ваши обвиненія въ тайныхъ преступленіяхъ, чтобы потомъ выставить оправданіе противъ обвиненій въ общественныхъ преступленіяхъ, которыя приписываютъ намъ наравнѣ съ тайными.

VII.

Говорятъ, что въ нашихъ мистеріяхъ мы убиваемъ ребенка [50], съѣдаемъ его и послѣ этого пира мы совершаемъ развратные поступки, между тѣмъ какъ собаки, пособники нашихъ постыдныхъ наслажденій, тушатъ факелы, освобождая насъ отъ лишняго свѣта и стыда за позорныя страсти [51]. Вы толкуете объ этомъ давно, но ни разу не подумали разузнать правду, съ тѣхъ поръ, какъ начали говорить объ этомъ. Если вы вѣрите тому, что говорятъ, то изслѣдуйте, правда ли это; если же не хотите изслѣдовать, то не вѣрьте. Ваше равнодушіе къ этому достаточно доказываетъ, что нѣтъ никакой реальной основы въ томъ, что намъ приписываютъ, хотя вы не рѣшаетесь этого высказывать. Далекіе отъ истины, вы приказываете палачу пытать христіанъ не для того, чтобы добиться сознанія въ вымышленныхъ преступленіяхъ, но съ тѣмъ, чтобы принудить ихъ отречься отъ своего имени. Оцѣнка христіанской религіи началась со времени Тиверія. Истину возненавидѣли, какъ только она открылась людямъ. Сколько чуждыхъ ей людей, столько и враговъ: Іудеи ненавидятъ ее изъ зависти, войско вслѣдствіе испорченности, рабы по характеру своего положенія. Постоянно насъ держатъ, какъ бы въ осадѣ, постоянно насъ предаютъ; часто врываются насильственно въ наши собранія. И что же! Слышалъ кто-нибудь крикъ будто бы убиваемаго ребенка? Кто показалъ судьѣ наши уста, окрашенныя кровью, какъ у циклоповъ и сиренъ? Замѣтили ли вы въ вашихъ женахъ-христіанкахъ какія-нибудь слѣды развратныхъ оргій, которыя вы намъ приписываете? Не скрылъ ли кто-нибудь тѣхъ ужасовъ, свидѣтелемъ которыхъ ему пришлось быть? Не былъ ли онъ подкупленъ тѣми самыми людьми, которыхъ онъ велъ на судъ? А если, по вашимъ словамъ, мы постоянно скрываемся, то какимъ образомъ могли быть открыты наши преступленія? Кто могъ выдать ихъ? Конечно только сами преступники, участники въ мистеріяхъ! Но этого никоимъ

образомъ не можетъ быть потому, что во всѣхъ мистеріяхъ обязательно соблюдается тайна. Она ненарушима въ мистеріяхъ Самооракіи и Элевзина [32]. Еще болѣе въ нашихъ, такъ какъ за людскимъ мщеніемъ послѣдовала бы кара Божія. Но если христіане не измѣняютъ сами себѣ, то, значитъ, ихъ могли выдать посторонніе люди? Но какимъ путемъ люди, чужіе намъ, посторонніе, могли познакомиться съ нашими мистеріями, когда всѣ посвященія пугаютъ профановъ и удаляютъ лишнихъ свидѣтелей? развѣ невѣрующіе меньше боятся? Если же вы прислушиваетесь къ молвѣ, то всѣ вы знаете, что̀ такое молва. Вашъ поэтъ называетъ ее «самымъ скорымъ бичемъ» [33]. Почему онъ называетъ молву бичемъ? Не вслѣдствіе ли ея быстроты? Потому ли, что она все представляетъ на судъ обществу или потому, что она по большей части лжетъ? Да, она лжетъ, даже говоря правду, потому, что она измѣняетъ ее постоянно, или прибавляя, или убавляя что-нибудь. Ея характеръ таковъ, что она существуетъ только тѣмъ, что лжетъ, и живетъ, пока остается въ неизвѣстности сущность дѣла. Лишь только какой-нибудь фактъ констатированъ, молва уступаетъ ему свое мѣсто, такъ какъ ея функція вѣстницы уже исполнена. И затѣмъ уже остается одинъ фактъ, о которомъ говорятъ категорично. Поэтому никто, напр., не скажетъ: «говорятъ, что это случилось въ Римѣ», или: «говорятъ, что управленіе этой провинціей выпало на долю такому-то»; но всѣ скажутъ: «это случилось въ Римѣ», «такой-то получилъ на свою долю управленіе этой провинціей». Молва, синонимъ неизвѣстности, не имѣетъ мѣста тамъ, гдѣ все извѣстно. Кто повѣритъ молвѣ, кромѣ легкомысленнаго человѣка? Благоразумный же человѣкъ никогда не повѣритъ неизвѣстному. Какое бы распространеніе ни имѣло теченіе молвы, какое бы реальное основаніе она, повидимому, ни имѣла, очевидно, что она получила существованіе отъ одного человѣка; отсюда она переходитъ, какъ по каналамъ, изъ устъ въ уста, изъ ушей въ уши. Но мракъ ея происхожденія до того закрытъ ея широкимъ распространеніемъ, что никто и не подумаетъ, не основана

ли она на лжи того человѣка, которому обязана своимъ существованіемъ; это происходитъ или вслѣдствіе зависти или отъ легкомысленныхъ подозрѣній или по врожденной наклонности нѣкоторыхъ ко лжи. Къ счастію, нѣтъ ничего, чего не открыло бы время; это вошло у васъ въ пословицу.

Природа устроила такъ, что ничто, даже неизвѣстное молвѣ, не можетъ быть долго скрываемо.

VIII.

Допустимъ, что молва не безъ причины говоритъ о преступленіяхъ христіанъ. Вы выставили ее единственной обвинительницей противъ насъ, хотя она не могла доказать, того, о чемъ кричитъ столько лѣтъ въ разныхъ мѣстахъ, успѣшно покоряя общественное мнѣніе. Но я аппелирую къ человѣческой природѣ противъ тѣхъ, кто считаетъ достовѣрными эти разсказы. Допустимъ, что мы обѣщаемъ вѣчную жизнь въ награду за эти злодѣйства. Повѣрьте на минуту въ существованіе у насъ такого догмата; теперь я позволю себѣ спросить васъ—разъ вы повѣрили этому—захотѣли ли бы вы получить вѣчную жизнь на такихъ условіяхъ? Ну что-жъ? Погрузите оружіе въ грудь невиннаго ребенка, который не можетъ никому причинить зла, и на котораго всѣ смотрятъ, какъ на родное дитя; если же убійство поручено другому, то смотрите, какъ передъ вами будетъ умирать человѣкъ, едва начавшій жить. Ждите момента, когда уйдетъ душа, едва успѣвшая войти въ тѣло; берите не остывшую кровь, мочите въ ней хлѣбъ и ѣшьте его съ удовольствіемъ. Во время пира внимательно замѣчайте мѣста, занимаемыя матерью и сестрой, чтобы не ошибиться, когда собаки потушатъ свѣтильники, такъ какъ было бы преступленіемъ не совершить нечестиваго поступка. Ознаменовавши такимъ способомъ свое посвященіе въ наши мистеріи, вы можете быть увѣрены въ вѣчной жизни. Теперь отвѣтьте мнѣ: желаете ли вы безсмертія на этихъ условіяхъ? Если нѣтъ, то вы не должны вѣрить, что вѣчная жизнь покупается такой цѣной. Если бы вы и повѣрили, вы не захотѣли бы; а

если бы и захотѣли, то не могли бы. Какже другіе могутъ, если вы не можете? и почему вы не можете, если другіе могутъ? Можетъ быть, у насъ разная съ вами природа? Можетъ быть, мы кинопы или скіаподы [54]? Или зубы у насъ устроены иначе? Или природа сформировала насъ спеціально для разврата? Если вы относительно людей допускаете мысль объ этихъ ужасахъ, вы можете ихъ совершить потому, что вы сами такіе же люди, какъ христіане. Если же не можете совершить, то не должны вѣрить этому, потому что христіане такіе же люди, какъ и вы. Впрочемъ этимъ обманываютъ и улавливаютъ только людей не свѣдущихъ; вѣдь они не знаютъ, что что-либо подобное вовсе не съ достовѣрностью приписывается христіанамъ, между тѣмъ какъ во всякомъ случаѣ надлежитъ оберегать себя и со всею тщательностью изслѣдывать дѣло. Впрочемъ, обыкновенно, желающій достигнуть посвященія въ мистеріи, приходитъ къ гіерофанту для полученія необходимыхъ инструкцій. Въ такомъ случаѣ гіерофантъ, вѣроятно, скажетъ ему: «необходимо достать невиннаго ребенка, который не зналъ бы, что такое смерть, который смѣялся бы подъ ножомъ; потомъ хлѣбъ, чтобы смочить его въ крови, подсвѣчники и лампады, также собакъ для тушенія ихъ avec un appât, чтобы спустить собакъ съ веревки, сверхъ того надо привести съ собой мать и сестру». А если онѣ не захотятъ? А если ихъ совсѣмъ нѣтъ у него? А если онъ единственный христіанинъ въ своей семьѣ? Или, можетъ быть, не будетъ принятъ въ число христіанъ тотъ, у кого нѣтъ ни сестры, ни матери? А что если все это приготовляется безъ вѣдома желающихъ стать христіанами? Конечно, онѣ узнаютъ объ этомъ послѣ, терпятъ и прощаютъ! Можетъ быть, ихъ связываетъ страхъ наказанія? Но вѣдь они могутъ быть увѣрены, что, донося на насъ, найдутъ себѣ защиту. Да и кромѣ этого, я надѣюсь, они предпочли бы смерть подобной жизни. Пусть ихъ удерживаетъ страхъ! Но всетаки почему же они упорствуютъ? Вѣдь естественно желаніе разорвать условіе, котораго не принялъ бы, если бы зналъ раньше своего согласія на него.

IX.

Чтобы сильнѣе отразить ваши неправильныя обвиненія, я докажу вамъ, что вы сами совершаете — частью открыто, частью тайно—тѣ самыя преступленія, которыя приписываете намъ, вслѣдствіе, чего, можетъ быть, вы и считаете насъ способными на эти преступленія. Въ Африкѣ открыто приносили дѣтей въ жертву Сатурну вплоть до проконсульства Тиверія, который повѣсилъ жрецовъ Сатурна на обѣтныхъ крестахъ [55], приготовленныхъ изъ тѣхъ самыхъ деревьевъ, которыя осѣняли мѣста ихъ преступныхъ жертвоприношеній. Въ этомъ я ссылаюсь на воиновъ моего отечества, исполнявшихъ приказаніе проконсула. Но эти преступныя жертвоприношенія совершаются и до сихъ поръ, только тайно. Такимъ образомъ не одни христіане ставятъ васъ ни во что; никакое преступленіе не искореняется навсегда и никакой богъ не мѣняетъ своего природнаго характера. Если Сатурнъ [56] не пощадилъ своихъ собственныхъ дѣтей, то можетъ ли онъ щадить чужихъ дѣтей, которыхъ приносятъ по добровольному обѣту родители, ласкающіе ихъ для того, чтобы они не плакали во время жертвоприношенія. Развѣ есть разница между отцеубійствомъ и простымъ убійствомъ (человѣка)? Древніе Галлы приносили людей престарѣлыхъ въ жертву Меркурію. Трагическіе поэты пусть разскажутъ вамъ сказанія о кровавыхъ обычаяхъ Тавриды. Но въ Римѣ, въ этомъ набожнѣйшемъ городѣ благочестивыхъ потомковъ Энея [57], развѣ не поклоняются Юпитеру [58], которому даже во время игръ совершаютъ возліянія человѣческой крови? Но вѣдь эти люди обречены на разстерзаніе звѣрямъ, говорите вы; значитъ, они ниже людей. Пусть это презрѣнная кровь, потому что кровь преступника; все таки это человѣческая кровь! О, этотъ Юпитеръ долженъ вамъ казаться христіаниномъ и единственнымъ сыномъ своего отца по своей жестокости! такъ какъ мало разницы между дѣтоубійствомъ въ смыслѣ жертвы богамъ или по какому-нибудь дру-

гому побужденію, (хотя и есть разница между отцеубійствомъ и простымъ убійствомъ). Но перейду теперь къ римскому народу.

Сколько изъ васъ замѣшано вѣкрови христіанской, сколько даже изъ вашихъ судей, столь справедливыхъ къ вамъ и столь суровыхъ къ намъ, которые, если судить по совѣсти, убивали только что родившихся дѣтей! Вы усиливаете жестокость, разнообразя виды смерти: вы топите ихъ, вы морите ихъ голодомъ и холодомъ, отдаете на разстерзаніе собакамъ, между тѣмъ какъ убійство обыкновеннымъ оружіемъ предпочитали и древніе. Намъ, которымъ запрещено всякое убійство, непозволительно также убивать зародышъ въ утробѣ матери, прежде чѣмъ онъ сформируется въ человѣка. Препятствовать рожденію равняется предварительному убійству человѣка, такъ какъ нѣтъ разницы между препятствіемъ рождающейся душѣ и удаленіемъ уже рожденной изъ тѣла. Человѣкъ уже и тотъ, которому предстоитъ явиться на свѣтъ,—даже когда онъ заключенъ еще въ сѣмени. Объ ужасныхъ кровавыхъ пирахъ, если я не ошибаюсь, вы можете прочитать у Геродота,—что нѣкоторые народы для скрѣпленія заключенныхъ договоровъ выпиваютъ другъ у друга немного крови, выпущенной изъ плечевыхъ венъ. Нѣчто подобное происходило и при заговорѣ Катилины [61]. Говорятъ также, что Скиѳы ѣдятъ своихъ умершихъ родственниковъ. Но не къ чему намъ ходить такъ далеко, когда посвящаемые въ мистеріи Беллоны должны пить кровь изъ разсѣченнаго бедра? Развѣ подверженные эпилепсіи не сосутъ у васъ съ жадностью кровь преступниковъ, убитыхъ на аренѣ, для своего исцѣленія? Развѣ не питаются человѣческой кровью тѣ, которые ѣдятъ убитыхъ на аренѣ животныхъ, которые отрываютъ куски отъ кабана, отъ оленя? Этотъ кабанъ залитъ кровью того, кого онъ разорвалъ въ борьбѣ; этотъ олень лежитъ въ крови гладіатора, а въ брюхѣ медвѣдей находятся еще трепещущія человѣческія внутренности! Слѣдовательно, вы ѣдите мясо, напитавшееся человѣческимъ тѣломъ. Чѣмъ же отличаются ваши игры отъ мни-

мыхъ пировъ христіанъ? Развѣ менѣе виновны тѣ, которые вслѣдствіе чудовищной алчности бросаются на человѣческое мясо только потому, что они пожираютъ живыхъ? Развѣ, по своему безстыдству они менѣе виновны въ человѣческой крови, потому, что они пьютъ кровь того человѣка, который еще не трупъ, но будетъ трупомъ? Вѣдь они ѣдятъ не дѣтей, а по большей части взрослыхъ. Стыдитесь за ваши заблужденія относительно христіанъ, которымъ воспрещено употреблять на пирахъ даже кровь животныхъ и которые по этой причинѣ воздерживаются даже отъ употребленія въ пищу животныхъ, удушенныхъ или умершихъ естественной смертью изъ боязни осквернiться кровью, хотя бы оставшейся во внутренностяхъ! Вы сами пользуетесь кровью животныхъ для испытанія христіанъ, зная, что имъ запрещено ѣсть то, что вы предлагаете имъ для того, чтобы склонить ихъ къ нарушенію уставовъ церкви. Неужели вы можете считать виновными въ человѣческой крови тѣхъ, которые, какъ вы видите, питаютъ ужасъ къ крови животныхъ? Можетъ быть, вы находите, что человѣческая кровь пріятнѣе крови животныхъ? Почему вы не примѣшиваете крови человѣческой къ огню и къ благовоніямъ, для испытанія христіанъ? Вы признали бы легко въ нихъ христіанъ, такъ какъ они пили бы человѣческую кровь и отказывались бы отъ жертвоприношеній богамъ; и вы осудили бы ихъ на смерть за то, что они отвѣдали человѣческой крови и отказались отъ жертвоприношенія богамъ. И тогда у васъ, безъ сомнѣнія, не было бы недостатка въ человѣческой крови при допросахъ и осужденіи арестантовъ. Затѣмъ, кто развратнѣе тѣхъ, которыхъ пріучилъ къ разврату самъ Юпитеръ [62]? Можно вычитать у Ктезія, что Персы жили съ своими матерями, какъ съ женами. Подозрѣніе относительно существованія этого обыкновенія падаетъ и на Македонянъ,—ихъ выдаетъ ихъ смѣхъ надъ бѣдствіями, порожденными нечестіемъ, при первомъ представленіи Эдипа: «ἤλαυνε εἰς τὴν μητέρα»—говорили они. Подумайте, насколько заблужденія способны увеличить развратъ среди васъ, преданныхъ разнузданной роскоши! Вы

выкидываете своихъ дѣтей, предоставляя ихъ сострадательности постороннихъ пѣшеходовъ или освобождаете ихъ изъ подъ отцовской власти для того, чтобы ихъ усыновили лучшіе родители. Слѣды такимъ образомъ разсѣяннаго семейства необходимо должны изгладиться. Такимъ образомъ заблужденія, увеличиваясь, изъ поколѣнія въ поколѣніе, усиливаютъ и упрочиваютъ развратъ.

Наконецъ, такъ какъ ваша страсть путешествуетъ съ вами повсюду, на родинѣ, за предѣлами ея, за морями, то можетъ случиться, что дѣти, происшедшіе отъ вашей невоздержности, разсѣянные по всѣмъ мѣстамъ, неизвѣстные вамъ самимъ, встрѣтятся другъ съ другомъ или съ родителями, не признавая родства между собой. Самая строгая и надежная чистота оберегаетъ насъ отъ подобнаго результата, чистотѣ мы обязаны тѣмъ, что она предохраняетъ насъ отъ прелюбодѣянія и отъ любострастія въ брачной жизни, какъ и отъ разврата. Нѣкоторые, избѣгая въ теченіе всей жизни этихъ заблужденій, сохраняютъ дѣвство до могилы и умираютъ старцами по возрасту, дѣтьми по чистотѣ. Если бы вы приняли во вниманіе, что вы сами совершаете тѣ преступленія, въ которыхъ вы обвиняете насъ, то вы увидали бы въ то же время, что мы ихъ не совершаемъ. То и другое стало бы вамъ ясно. Но въ васъ самихъ соединились два рода ослѣпленій, благодаря которымъ вы не видите того, что есть, и видите то, чего нѣтъ. На это я укажу въ дальнѣйшемъ изложеніи.

X.

Теперь поговоримъ объ общественныхъ преступленіяхъ. Вы говорите, что мы не почитаемъ вашихъ боговъ и не приносимъ жертвъ за императоровъ. Конечно, мы не приносимъ жертвъ за другихъ, не принося ихъ за себя самихъ, такъ какъ мы вмѣстѣ съ тѣмъ не почитаемъ вашихъ боговъ. Вотъ почему насъ обвиняютъ въ оскорбленіи религіи, въ оскорбленіи величества. Это высшій пунктъ обвиненія про-

тивъ насъ, даже все оно цѣликомъ. Оно достойно полнаго вниманія судьи, не проникнутаго предубѣжденіемъ или несправедливостью: первое отказывается вѣрить истинѣ, вторая не признаетъ истины. Мы перестали почитать вашихъ боговъ, съ тѣхъ поръ какъ узнали, что ихъ нѣтъ. Вы имѣете поэтому право требовать отъ насъ доказательства того, что боговъ не существуетъ; слѣдовательно ихъ не надо почитать, такъ какъ наоборотъ ихъ надо было бы почитать, если бы они были богами. Христіане были бы достойны казни, если бы было извѣстно, что боги, которыхъ они не почитаютъ, думая, что ихъ не существуетъ,—существуютъ въ дѣйствительности. Но вы возражаете, что вы считаете ихъ за боговъ. Мы аппеллируемъ отъ васъ къ вашей же собственной совѣсти. Пусть она насъ осуждаетъ и приговариваетъ къ смерти, если она будетъ въ состояніи отрицать, что ваши боги были людьми. Если бы даже ваша совѣсть была въ состояніи отрицать это, то она была бы изобличена памятниками древности, изъ которыхъ вы получили свѣдѣнія о богахъ, существующими доселѣ,—городами, гдѣ они оставили слѣды своего пребыванія, и гдѣ показываютъ даже ихъ гробницы. Я не стану разсуждать о безчисленномъ количествѣ божествъ: древнихъ, новыхъ, варварскихъ, греческихъ, римскихъ, чужеземныхъ, покоренныхъ, присвоенныхъ, личныхъ, государственныхъ, мужскихъ, женскихъ, деревенскихъ, городскихъ, морскихъ, военныхъ. Излишне было бы перечислять всѣ ихъ по именамъ; я скажу объ нихъ вкратцѣ не для того, чтобы вы узнали о нихъ, но съ тѣмъ, чтобы вы вспомнили о тѣхъ, кого забыли. Раньше Сатурна у васъ не было ни одного бога. Отъ него ведется начало всего лучшаго и болѣе извѣстнаго въ сферѣ боговъ; поэтому — что можно признать относительно первоначальнаго бога, можно утверждать и объ его, такъ сказать, потомкахъ. Ни Діодоръ Сицилійскій, ни Таллъ, ни Кассій Северъ, ни Корнелій Непотъ и никто изъ историковъ не говорятъ объ немъ иначе, какъ о человѣкѣ. Обратимъ ли мы вниманіе на памятники, мы нигдѣ не найдемъ болѣе достовѣрныхъ, кромѣ Италіи, гдѣ

Сатурнъ послѣ множества странствованій и пребыванія въ Аттикѣ былъ принятъ Янусомъ (Jano vel *Jane*, какъ произносятъ Саліи). Гора, на которой онъ жилъ, получила названіе Сатурнійской; городъ, основанный имъ, до сихъ поръ называется Сатурніей. Наконецъ, вся Италія, потерявши имя Энотріи, стала называться Сатурніей. Онъ первый далъ законы этой странѣ и съ его времени стали чеканить монету съ его изображеніемъ, почему онъ и считается покровителемъ казны. Слѣдовательно Сатурнъ—человѣкъ; а если человѣкъ—то сынъ человѣка, а не земли и неба! Но такъ какъ никто не зналъ его родителей, на него легко могли смотрѣть, какъ на сына неба и земли, которыя до извѣстной степени являются общими родоначальниками всѣхъ людей. Кто изъ уваженія не называетъ небо и землю — отцемъ и матерью? Кто по врожденной привычкѣ *не говоритъ о людяхъ неизвѣстныхъ* или явившихся неожиданно, что они сошли съ неба? Подобный же случай произошелъ съ внезапно появившимся Сатурномъ; его сочли за сына неба, какъ, напр., простой народъ называетъ дѣтьми земли людей темнаго происхожденія. Я умалчиваю о томъ, что въ тѣ отдаленныя времена люди были на столько грубы, что появленіе новаго, неизвѣстнаго имъ до селѣ человѣка поражало ихъ, какъ бы появленіе божества: вѣдь и теперь ихъ просвѣщенные потомки въ число боговъ включаютъ людей, смерть которыхъ была удостовѣрена общественнымъ трауромъ. Довольно этихъ краткихъ свѣдѣній о Сатурнѣ. Мы такимъ же образомъ докажемъ, что и Юпитеръ человѣкъ и сынъ человѣка [63], и что весь родъ боговъ, происшедшихъ отъ Сатурна и Юпитера, смертенъ, какъ и его родоначальники.

XI.

Не осмѣлившись отрицать, что ваши боги были людьми, вы принялись утверждать, что они стали богами по смерти. Изслѣдуемъ же причины, которые потребовали ихъ обожествленія. Прежде всего вамъ необходимо допустить существо-

ваніе верховнаго бога, сосредоточившаго въ своихъ рукахъ божественность и сообщающаго ее людямъ. Вѣдь не могли же бы получить божественность тѣ, которые не имѣли ея, и никто не могъ бы имъ дать ее, кромѣ того, кто владѣетъ ей въ собственномъ смыслѣ. Короче—было бы нелѣпо утверждать, что эти люди стали бы богами, если бы не было существа, способнаго дѣлать людей богами. Конечно, если бы они сами могли сдѣлаться богами, то они никогда не сдѣлались бы сначала людьми, имѣя возможность устроить себѣ лучшее положеніе. Итакъ, если есть существо, способное дѣлать людей богами, я перехожу къ разбору причинъ, которыя Оно могло имѣть для сообщенія людямъ божественности. Я не вижу иной причины, кромѣ личной невозможности исполнять различныя функціи божества. Но во первыхъ, недостойно Его было бы нуждаться въ чьей либо помощи, а тѣмъ болѣе въ помощи умершаго человѣка. Почему бы ему не создать себѣ въ помощники съ самаго начала какого-нибудь бога? А затѣмъ я не вижу даже надобности въ существованіи этого новаго бога. По ученію Пиѳагора, міръ существуетъ самъ по себѣ, и не имѣетъ начала; по мнѣнію Платона, онъ имѣетъ начало и созданъ верховнымъ существомъ, и съ тѣхъ поръ, какъ созданъ, всегда находился въ такомъ же положеніи какъ теперь. Не можетъ быть несовершеннымъ то существо, которое изливаетъ всѣмъ другимъ совершенство, не можетъ оно нуждаться въ помощи Сатурна и его дѣтей.

Только ограниченные люди могутъ не знать того, что только съ началомъ міра и дождь полился на землю, и звѣзды засверкали, и свѣтъ возсіялъ, и громъ возгремѣлъ, и самъ Юпитеръ испугался молніи, которую вы даете ему въ руки, — что земля производила плодовъ до Бахуса, Цереры и Минервы, даже до появленія перваго человѣка: то, что необходимо для жизни человѣка, не могло возникнуть послѣ него. Люди изобрѣли различные предметы для своего употребленія, но не создали ихъ. Изобрѣтенное существовало раньше и должно быть отнесено къ тому, кто создалъ,

а не къ тому, кто изобрѣлъ способъ для пользованія созданнымъ. Впрочемъ, если Бахусъ былъ сдѣланъ богомъ за то, что показалъ людямъ употребленіе винограда, то очень нехорошо поступили съ Лукулломъ, котораго не признали богомъ за то, что онъ пересадилъ вишневыя деревья изъ Понта въ Италію: вѣдь Бахусъ сдѣланъ богомъ не за то, что онъ создалъ новый плодъ, но за то, что онъ первый открылъ его употребленіе. Поэтому, если вселенная, съ самаго начала устроена такъ, что можетъ сама исполнять свои функціи, то нѣтъ никакой причины для того, чтобы призвать человѣчество на помощь божеству, назначая второстепеннымъ богамъ функціи, исполнявшіяся безъ нихъ и до нихъ.

Вы находите другую причину, утверждая, что апоѳеозъ награда за заслуги. Вы допускаете, конечно, что этотъ богъ, творящій боговъ, въ высшей степени справедливъ, что онъ не расточаетъ щедро этой награды; что онъ безразсудно не даетъ ее тѣмъ, кто ея не заслуживаетъ. Итакъ посмотримъ, достойными ваши боги своего возвышенія на небо; не заслуживаютъ ли они скорѣе низверженія оттуда въ Тартаръ, который вы вами признаете, когда захотите, за темницу адскихъ мукъ. Туда погружены растлившіе матерей и сестеръ (кровосмѣсители), прелюбодѣи, обольстители, мужеложники, люди жестокосердые, убійцы, воры, грабители и всѣ тѣ, которые походятъ на какого нибудь изъ вашихъ боговъ, изъ которыхъ вы не можете выставить ни одного, свободнаго отъ преступленія или порока, если только не отвергнете его человѣческаго происхожденія. Впрочемъ, чтобы лишить васъ возможности отрицать, что ваши боги были прежде людьми, можно прибавить нѣсколько замѣчаній, которыя не позволятъ думать, что они и послѣ стали богами. Вѣдь если вы облечены властью для казни тѣхъ, которые походятъ на нихъ; если всѣ честные люди избѣгаютъ сообщества, бесѣды и совмѣстнаго житья съ безчестными и дурными людьми, а вашъ верховный богъ пріобщаетъ подобныхъ людей къ своему божескому величію, то почему же вы присуждаете къ смертной казни тѣхъ, чьимъ собратьямъ по преступленіямъ вы

поклоняетесь? Вашъ справедливый судъ въ такомъ случаѣ не болѣе, какъ поруганіе неба. Обожествляйте каждаго необычайнаго преступника, и вы этимъ угодите вашимъ богамъ: вѣдь въ обожествленіи равныхъ имъ — почетъ имъ самимъ. Но оставимъ дальнѣйшее разсмотрѣніе этого безчестія. Допустимъ, что они были честные, хорошіе, безупречные люди. Однако сколько людей, которые были гораздо лучше ихъ, вы помѣстили въ преисподней? напр., Сократъ по своей мудрости, Аристидъ по справедливости, Ѳемистоклъ по военной доблести, Александръ по величію, Поликартъ по счастію, Крезъ по богатству, Демосѳенъ по краснорѣчію. Кто изъ вашихъ боговъ строже и мудрѣе Катона, справедливѣе и доблестнѣе Сципіона, величественнѣе Помпея, счастливѣе Суллы, богаче Красса, краснорѣчивѣе Туллія Цицерона? Верховный богъ вашъ, зная напередъ, что будутъ эти лучшіе, достойнѣйшіе люди, долженъ бы дождаться ихъ, чтобы принять ихъ въ число боговъ! Онъ поторопился, какъ мнѣ кажется, закрыть входъ на небо и теперь, я думаю, краснѣетъ, при ропотѣ этихъ лучшихъ людей, находящихся въ преисподней

XII.

Довольно объ этомъ: объяснивъ напередъ, что такое представляютъ изъ себя ваши боги, я, на основаніи самой дѣйствительности, раскрою и то, чего они не представляютъ изъ себя. Я не вижу въ нихъ ничего, кромѣ именъ какихъ то древнихъ покойниковъ; я слышу только миѳы, и по этимъ миѳамъ я получаю понятіе о вашихъ таинствахъ. Что же касается самыхъ изображеній, я замѣчаю, что ихъ матеріалъ одинаковаго качества съ матеріаломъ утвари и обыденныхъ предметовъ хозяйственнаго инвентаря; даже изъ этой самой утвари и принадлежностей хозяйства, измѣняя ихъ назначеніе и преображая ихъ по произволу творческой фантазіи, вы дѣлаете священныя изображенія, притомъ та-

кимъ оскорбительнымъ и святотатственнымъ способомъ, что намъ, (христіанамъ), мучимымъ за этихъ самыхъ боговъ, можетъ служить утѣшеніемъ въ мученіяхъ то, что такія же муки переносятъ и ваши боги передъ тѣмъ, какъ стать богами. Вы привязываете христіанъ къ крестамъ и кольямъ, но развѣ вы не прикрѣпляете глину къ крестамъ и кольямъ прежде, чѣмъ слѣпить изъ нея изображеніе божества? Вѣдь тѣло вашего бога получаетъ первое образованіе на колѣ? Вы скоблите ребра христіанъ желѣзными когтями; но члены вашихъ боговъ подвергаются большему мученію отъ топоровъ, скребковъ и пилъ. Намъ отрубаютъ головы; но и ваши боги безъ головъ—до употребленія свинца, клея и гвоздей. Насъ бросаютъ звѣрямъ; такихъ же звѣрей вы изображаете рядомъ съ Бахусомъ, Кибелой и Целестисъ. Насъ сжигаютъ на огнѣ; тоже происходитъ и съ массой, изъ которой лѣпятъ изображенія вашихъ боговъ. Насъ принуждаютъ къ работѣ въ рудникахъ; но оттуда берутъ происхожденіе и ваши боги. Насъ ссылаютъ на острова; но на островѣ родится или умираетъ кто нибудь изъ вашихъ боговъ. Если достоинство бога пріобрѣтается такимъ путемъ, то, значитъ, обожествляются тѣ, которыхъ вы казните и слѣдовательно казни можно назвать обожествленіемъ. Ваши боги совершенно не чувствуютъ обидъ и оскорбленій при ихъ фабрикаціи, равно какъ какъ и почестей. Нечестивая брань, святотатственное злословіе! Скрежещите же зубами, кричите съ пѣной у рта, вы, одобрявшіе Сенеку, который въ болѣе сильныхъ и горькихъ выраженіяхъ говорилъ о вашихъ предразсудкахъ [64]!

Итакъ если мы не почитаемъ статуй и безжизненныхъ изображеній, похожихъ на изображаемыхъ ими мертвецовъ, что ясно понимаютъ коршуны, мыши и пауки, то не заслуживаетъ ли скорѣе похвалы, чѣмъ казни, наше отверженіе очевиднаго для насъ заблужденія? Разъ мы увѣрены, что боговъ не существуетъ, можетъ ли казаться кому-нибудь, что мы оскорбляемъ ихъ? Вѣдь не можетъ быть страдательнымъ лицомъ то, чего нѣтъ въ дѣйствительности.

XIII.

Вы говорите, что для васъ они боги. Но тогда зачѣмъ же вы являетесь людьми нечестивыми, святотатцами, непочтительными къ вашимъ богамъ? Вы пренебрегаете тѣми, чье существованіе вы предполагаете; вы насмѣхаетесь надъ тѣми, которыхъ защищаете. Разсмотрите, лгу ли я. Во первыхъ, такъ какъ каждый изъ васъ почитаетъ одни тѣхъ, другіе другихъ боговъ, то не оскорбляете ли вы этимъ тѣхъ, кого не почитаете? Предпочтеніе одного бога не можетъ существовать безъ оскорбленія другаго, потому что нѣтъ избранія безъ отверженія. Вы презираете тѣхъ, кого отвергаете, кого отвергая, не боитесь оскорблять. Такъ мы выше упоминали, что признаніе какого нибудь бога зависитъ отъ мнѣнія сената; не можетъ быть богомъ тотъ, кого не желаетъ признать и, не желая, порицаетъ человѣкъ. Съ домашними богами, которыхъ вы называете Ларами, вы обращаетесь по домашнему, закладывая, продавая ихъ, перемѣняя Сатурна на судно, Минерву на жаровню, по мѣрѣ того, какъ они стираются и изнашиваются отъ долговременнаго почитанія, или какъ только хозяева познаютъ болѣе священное божество—домашнюю необходимость. Государственныхъ боговъ вы безславите публично, сдаете ихъ съ публичныхъ торговъ ради дохода, какъ вы дѣлаете это съ Капитоліемъ или овощнымъ рынкомъ. Берутъ къ себѣ божество, проданное со словъ глашатая по оцѣнкѣ квестора. Но вѣдь земли, обремененныя налогами, падаютъ въ цѣнѣ; люди, принужденные къ податямъ, теряютъ свое значеніе: все это знаки рабства. Боги же, чѣмъ болѣе платятъ налоговъ, тѣмъ большимъ пользуются у васъ почетомъ; вѣрнѣе—чѣмъ большимъ почетомъ пользуются, тѣмъ болѣе платятъ налоговъ. Величіе боговъ становится продажнымъ; религія проситъ милостыни по трактирамъ. Вы требуете платы за мѣсто храма и за доступъ въ святилище. Нельзя видѣть боговъ даромъ: они доступны за плату. Что вы дѣлаете для того, чтобы почтить

ихъ—не тоже ли самое вы дѣлаете и для своихъ покойниковъ? Вы одинаковымъ образомъ воздвигаете храмы и алтари (т. е. вашимъ покойникамъ и вашимъ богамъ). Вы соблюдаете одинаковыя формы и украшенія на статуяхъ. Каковы были возрастъ, положенія, занятія покойника, тѣ же остаются и у бога. Чѣмъ отличается пиръ въ честь Юпитера отъ поминокъ, жертвенная чаша отъ урны надгробной, гаруспексъ (предсказатель по внутренностямъ животныхъ) отъ бальзамировщика? Недаромъ гаруспексъ появляется и при погребеніи! Похвально, что вы почитаете умершихъ императоровъ, какъ боговъ, вѣдь вы и при жизни присуждаете имъ тѣ же почести. Ваши боги будутъ рады этому, даже будутъ благодарить васъ за то, что владыки ихъ стали равными имъ. Но если вы наряду съ Юноной, Церерой и Діаной поклоняетесь непотребной женщинѣ Ларентинѣ (лучше бы ужъ Лаисѣ или Фринѣ!), если вы посвящаете Симонуволхву статую съ надписью: «святому богу»; если вы вводите въ сонмъ боговъ какого то ничтожнаго члена придворнаго вѣдомства, то хотя древніе боги не лучше этихъ, все-таки они могутъ счесть за обиду отъ васъ, что другимъ предоставляется то, чѣмъ съ давнихъ временъ владѣли они одни.

XIV.

Пересматривая ваши обряды, я не буду говорить, какъ вы держите себя при жертвоприношеніяхъ, какъ вы закалываете только изможденныхъ, истощенныхъ, больныхъ животныхъ; какъ отъ жирныхъ и здоровыхъ вы отрѣзаете только край головы и когти, что вы дома могли бы назначить рабамъ или собакамъ; какъ отъ десятины Геркулеса едва одна треть попадаетъ ему на алтарь... Я скорѣе похвалю ваше благоразуміе, что вы сохраняете часть изъ потеряннаго. Если я обращусь къ литературѣ, гдѣ вы поучаетесь благоразумію и обязанностямъ благороднаго человѣка, сколько смѣшнаго найду я тамъ! Боги бьются одинъ

противъ другаго за Троянъ и Ахеевъ, какъ пары гладіаторовъ... Венера ранена стрѣлою смертнаго... Марсъ чахнетъ тридцать мѣсяцевъ въ оковахъ... Юпитеръ, благодаря содѣйствію какого то чудовища, избавленъ отъ подобнаго же насилія со стороны прочихъ небожителей... Онъ то оплакиваетъ участь Сарпедона, то развратничаетъ съ сестрой, поименовывая ей своихъ прежнихъ любовницъ, которыя ему не такъ нравились. Кто же послѣ этого, изъ поэтовъ, по примѣру своего корифея, не станетъ позорить боговъ? Одинъ выводитъ на сцену Аполлона, пасущаго стада у царя Адмета; другой выставляетъ Нептуна строителемъ у царя Лаомедона. Изъ лириковъ Пиндаръ воспѣваетъ Эскулапа, пораженнаго молніей за жадность, съ которой онъ (на грѣхъ) практиковалъ свою медицину. Если перунъ былъ брошенъ Юпитеромъ, то онъ виновенъ въ безпощадности къ внуку и въ зависти къ изобрѣтателю искусства. Ревнители благочестія не должны были бы ни обнародовать подобныхъ фактовъ, ни вымышлять ихъ. Трагики и комики не менѣе безжалостны; они говорятъ то о несчастіяхъ, то объ ошибкахъ въ домашней жизни какого нибудь бога. Не говорю уже о философахъ. Довольно одного Сократа, который для насмѣшки надъ богами клялся дубомъ, козломъ и собакой!... Но вѣдь Сократъ и былъ осужденъ на смертную казнь за то, что отвергалъ существованіе боговъ!... Конечно и въ его время, какъ и всегда, истина была предметомъ ненависти. Впрочемъ, когда Аѳиняне, раскаявшись въ своемъ приговорѣ, казнили обвинителей Сократа и поставили въ храмѣ его статую, сдѣланную изъ золота, то отмѣна смертнаго приговора отдала должную справедливость Сократу. Но вѣдь и Діогенъ издѣвался за что-то надъ Геркулесомъ; а римскій циникъ Варронъ выставилъ триста безголовныхъ Юпитеровъ.

XV.

Изобрѣтатели фарсовъ, выставляя боговъ на позоръ, стараются доставить вамъ наслажденіе. Разберите литературныя

красоты Лентуловъ и Гостиліевъ и разсудите, надъ чѣмъ вы смѣетесь въ мимахъ и шуточныхъ строфахъ—надъ комедіантами или надъ своими богами, напр. въ мимахъ «Прелюбодѣй Анубисъ», «Луна, ставшая мужчиной», «Избитая Діана», «Чтеніе завѣщанія умершаго Юпитера», «Трое проголодавшихся Геркулесовъ»? Литература театральнаго міра разоблачаетъ передъ вами весь позоръ боговъ. Солнце оплакиваетъ своего сына, упавшаго съ неба при вашемъ смѣхѣ...

Кибела вздыхаетъ объ отвратительномъ пастухѣ, и вы не краснѣете... Вы благодушно сносите, когда поютъ эпиграммы на Юпитера [66], когда пастухъ (т. е. Парисъ) передъ вами разрѣшаетъ споръ между Юноной, Минервой и Венерой... И маска съ изображеніемъ вашего бога покрываетъ лицо самаго безчестнаго человѣка, пользующагося дурной репутаціей [67]! Человѣкъ съ тѣломъ, преданнымъ пороку, доведеннымъ до крайней изнѣженности для цѣлей сценическаго искусства, играетъ роль Минервы или Геркулеса! Развѣ этимъ не оскорбляется, не безславится величіе боговъ при вашихъ рукоплесканіяхъ? Конечно, вы болѣе религіозны въ театрѣ, гдѣ на мѣстѣ людской бойни, въ лужахъ человѣческой крови, танцуютъ ваши боги, доставляя преступникамъ сюжетъ для интермеццо; а часто сами преступники играютъ роли вашихъ боговъ. Мы видѣли какъ-то, какъ одинъ оскопилъ себя, играя бога изъ Пессинунта—Аттія, а другой горѣлъ живой въ роли Геркулеса. Мы смѣялись, когда на жестокихъ играхъ полуденныхъ бойцевъ [68] Меркурій [69] испытывалъ мертвецовъ своимъ горящимъ жезломъ... Мы видѣли, какъ братъ Юпитера уносилъ трупы гладіаторовъ при помощи ударовъ молотомъ [70]... Да кто смогъ бы перебрать и перечислить все это по одиночкѣ?! Если это затрогиваетъ честь божества и ниспровергаетъ боговъ съ вершины ихъ величія—это ясно говоритъ о презрѣніи къ богамъ со стороны актеровъ и зрителей.

Но вѣдь это театральныя представленія! Однако, если я прибавлю (чего ваша совѣсть не можетъ отрицать), что въ храмахъ у васъ составляются планы прелюбодѣянія, у алтарей ведутся переговоры съ сводниками; что въ притворахъ

у жрецовъ и ключарей храма, подъ жреческими повязками, покровами и пурпурными одеждами, среди сжигаемыхъ благовоній пріютилось сладострастіе, — не знаю: на кого ваши боги имѣютъ больше основаній жаловаться, на христіанъ или на васъ самихъ! По крайней мѣрѣ, виновные въ святотатствѣ попадаются изъ числа васъ; христіане же даже днемъ не посѣщаютъ вашихъ храмовъ. Можетъ быть и они обворовывали бы храмы, если бы почитали вашихъ боговъ! Чему же поклоняются они, не поклоняющіеся подобнымъ богамъ?

Можно напередъ уже сказать, что они чтутъ истину, такъ какъ они не поклоняются лжи; потому-то они и перестали заблуждаться, лишь только поняли, что они заблуждались. Выставивъ этотъ тезисъ, я могъ бы вамъ предоставить уяснить себѣ отсюда весь строй нашей религіи; однако прежде сдѣлаю необходимыя возраженія противъ вашихъ ложныхъ объ ней понятій.

XVI.

Нѣкоторые изъ васъ бредили, будто мы поклоняемся, какъ божеству, ослиной головѣ: поводъ къ этой баснѣ подалъ Корнелій Тацитъ. Въ пятой книгѣ своихъ «Исторій», разсказывая объ іудейской войнѣ, говоритъ о происхожденіи іудейскаго народа, его названіи и религіи все, что приходитъ ему въ голову; онъ разсказываетъ, что іудеи, освобожденные отъ ига или, какъ онъ предполагаетъ, изгнанные изъ Египта, были изнурены отъ жажды въ пустынныхъ и безводныхъ степяхъ Аравіи; что они послѣдовали за дикими ослами, которые, кажется, возвращаясь съ пастбища, шли на водопой—и увидали источники, въ благодарность за это они обожествили фигуру осла. Отсюда, я думаю, предположили, что мы также, въ силу близости къ іудейской религіи, поклоняемся тому же изображенію. Но тотъ же самый Корнелій Тацитъ, столь словоохотливый на ложь, въ той же «Исторіи» разсказываетъ, что Кней Помпей, взявши Іерусалимъ, вошелъ въ храмъ, интересуясь узнать тайны іудейской религіи, не на-

шелъ тамъ никакого изображенія. Если бы они почитали осла въ видѣ какого-нибудь идола, то они выставили бы его скорѣе въ своемъ святилищѣ, чѣмъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ; (хотя чуждые посѣтители не стали бы, можетъ быть, поклоняться этому идолу). Притомъ доступъ въ святилище былъ возможенъ для однихъ священниковъ, а спущенная завѣса преграждала даже возможность видѣть то, что находилось внутри. А вѣдь и вы не станете отрицать, что почитаете мериновъ и кобылъ съ ихъ божествомъ Епоной [71]. Можетъ быть, вы ставите намъ въ упрекъ то, что изъ числа поклонниковъ скотовъ и всѣхъ звѣрей мы остаемся поклонниками одного осла! Да и тотъ, кто думаетъ, что мы почитаемъ за божество крестъ, раздѣляетъ нашъ культъ, когда молится передъ какимъ бы то ни было кускомъ дерева; что значитъ различная внѣшность, если матеріалъ одинъ и тотъ же? Что значитъ форма, если этотъ кусокъ дерева разсматривается, какъ тѣло божества? Чѣмъ отличается отъ крестнаго столба аттическая Паллада или фаросская Церера, которая состоитъ изъ простаго кола, безъ очертаній лица и изъ безформеннаго куска дерева? Каждый кусокъ дерева, укрѣпленный въ вертикальномъ положеніи, представляетъ часть креста; такъ что мы, значитъ, поклоняемся цѣлому, нераздѣленному на части богу. Раньше мы сказали, что ваятели лѣпятъ вашихъ боговъ на крестѣ. Но вы также прославляете побѣды между тѣмъ, какъ въ числѣ трофеевъ находятся кресты. Все войско почитаетъ благоговѣйно знамена, клянется ими, считаетъ ихъ выше всѣхъ боговъ. Между тѣмъ всѣ возвышенныя (рельефныя) украшенія изображеній не болѣе, какъ ожерелья крестовъ; полотнища знаменъ и штандартовъ ни что иное, какъ кресты. Я хвалю ваше усердіе: вы не хотѣли почитать грубыхъ, необдѣланныхъ крестовъ... Другіе естественнѣе и правдоподобнѣе считаютъ солнце нашимъ богомъ; въ такомъ случаѣ насъ слѣдовало бы причислить къ персамъ, хотя мы не поклоняемся изображенію солнца на полотнѣ, видя его всегда прикрѣпленнымъ къ своему щиту [72]. Подозрѣніе въ этомъ явилось вслѣдствіе того, что замѣчали, какъ мы

молимся, обратясь лицомъ къ востоку. Но вѣдь и большинство изъ васъ, желая почтить небо, шевелите губами, обратясь лицомъ къ востоку. Если мы предназначаемъ для радости день Солнца [73], хотя и по другой причинѣ, а не изъ поклоненія солнцу, мы недалеко отстоимъ отъ тѣхъ, которые отдаютъ день Сатурна праздности и пированію, отступая отъ обычая іудеевъ, котораго не поняли. Недавно здѣсь, въ нашемъ городѣ (т.-е. въ Карѳагенѣ) нашего Бога представили въ новой формѣ. Одинъ изъ наемныхъ гладіаторовъ для борьбы со звѣрями выставилъ картину съ слѣдующей надписью «Deus Christianorum onokoites.» Онъ былъ написанъ съ ослиными ушами, съ копытомъ на одной ногѣ, съ книгой въ рукѣ, одѣтымъ въ тогу. Мы посмѣялись и надъ именемъ и надъ формой; но другіе должны бы были почтить это двухформенное божество, потому что они признаютъ боговъ съ головой льва и собаки, съ рогами козы и барана, съ козлиными ногами, съ голенями на подобіе змѣй, съ крыльями у подошвъ или на спинѣ. Я говорю объ этомъ въ подробностяхъ, чтобы не возбудить криковъ, что я нарочно обошелъ молчаніемъ всѣ нападки на насъ.

XVII.

Мы очистили себя отъ всѣхъ нападокъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи обратимся къ разъясненію нашей религіи. Мы почитаемъ единаго Бога, который Своимъ Словомъ, премудростью и всемогуществомъ изъ ничего сотворилъ въ прославленіе Своего величія весь этотъ міръ съ его сложнымъ устройствомъ силъ природы (стихій), тѣлъ и духовъ; поэтому Греки дали міру названіе «κοσμος». Онъ незримъ, хотя и можно Его видѣть; Онъ безконеченъ, хотя по благодати Его и можно представить себѣ; Онъ непостижимъ, хотя Его можно постигать при помощи разума. Отсюда открывается Его истинность и величіе. Вѣдь все, что можно видѣть, обнимать, ощущать обыкновеннымъ путемъ, ничтожнѣе глазъ,

которыми видятъ, рукъ, которыми осязаютъ, чувствъ, съ помощію которыхъ ощущаютъ. Безконечное же познается только Самимъ Собой. Вотъ эта-то непостижимость Бога и побуждаетъ стремиться къ Его познанію. Могущество Его величія дѣлаетъ Его постижимымъ и непостижимымъ для людей. Въ этомъ состоитъ главная вина тѣхъ, которые не хотятъ познать Того, Котораго они не могутъ не знать. Хотите, мы докажемъ существованіе Бога по Его твореніямъ, которыя насъ окружаютъ, оберегаютъ, радуютъ, устрашаютъ?

Хотите, мы докажемъ Его бытіе на основаніи свидѣтельства самой души? Душа, томящаяся въ плѣну тѣлесной оболочки, извращаемая дурными наставленіями, обезсиливаемая страстями и вожделѣніями, раболѣпствующая передъ ложными богами, лишь только пробуждается, какъ бы съ похмѣлья или отъ сна или послѣ болѣзни обрѣтаетъ свое здоровье, именуетъ Бога единственнымъ именемъ, которое прилично Ему: «Великъ Богъ! благъ Богъ! что Богъ дастъ!»—такъ говорятъ всѣ. Душа признаетъ Бога за судью себѣ, когда говоритъ: «Богъ видитъ;» «Богу себя вручаю;» «Богъ воздастъ»! Это свидѣтельство души христіанки по природѣ! И произнося эти слова, она взираетъ не на Капитолій, а на небо; тамъ жилище Бога живаго; а она знаетъ, что она отъ Бога и съ неба сошла на землю.

XVIII.

Для того, чтобы мы полнѣе и опредѣленнѣе постигли какъ Его самого, такъ и Его предначертанія и волю, Богъ далъ намъ въ помощь Писаніе для тѣхъ, кто хочетъ искать Бога и ища — найти и, найдя, вѣрить, и вѣря, служить Ему. Съ самаго начала Онъ послалъ въ міръ людей, по своей праведности и непорочности достойныхъ познавать и проповѣдывать Бога, вдохновленныхъ Святымъ Духомъ,—для того, чтобы они проповѣдывали, что существуетъ одинъ Богъ, который создалъ вселенную, Который сотворилъ человѣка изъ земли (ибо Онъ-то и есть настоящій Прометей), Который

установилъ настоящее опредѣленное распредѣленіе и смѣну времени, который въ бурѣ и огнѣ [76] далъ знаменіе Своего величественнаго суда; Который даровалъ руководство для того, кто хочетъ быть угоднымъ Ему—руководство, котораго вы не знаете или которое оставляете безъ вниманія, между тѣмъ какъ соблюдающіе его получатъ награды, Который по скончаніи вѣка, воскресивъ всѣхъ умершихъ съ начала міра, преобразовавъ ихъ и предназначивъ каждаго къ наградѣ по заслугамъ, будетъ судить вѣрныхъ въ воздаяніе вѣчной жизни, а язычниковъ въ муку вѣчнаго, неугасимаго огня. Когда-то и мы смѣялись надъ этимъ; вѣдь мы были изъ числа вашихъ единовѣрцевъ; христіанами же люди становятся, а не родятся! Упомянутые нами предсказатели назывались пророками въ силу ихъ предсказаній. Ихъ слова и чудеса, совершенныя ими для утвержденія вѣры въ божественность ихъ миссіи, сохраняются въ сокровищницѣ Писанія, доступнаго нынѣ всѣмъ. Ученѣйшій изъ Птоломеевъ, прозванный Филадельфомъ, интересуясь всякимъ родомъ литературы, при составленіи библіотеки (въ чемъ, я думаю, онъ подражалъ Писистрату), собиралъ книги, которыя пользовались извѣстностью или благодаря своей древности или вслѣдствіе особенно любопытнаго содержанія. По совѣту Димитрія Фалерскаго, лучшаго изъ ученыхъ (или грамматиковъ, какъ ихъ называли тогда) той эпохи, которому было поручено управленіе библіотекой, Птоломей потребовалъ отъ іудевъ священныя книги, написанныя на ихъ языкѣ, находившіяся только у нихъ. Пророки всѣ происходятъ изъ іудеевъ, пророчествовали только имъ, какъ народу Божію, вслѣдствіе обѣтованій, данныхъ патріархамъ. Теперешніе іудеи прежде назывались евреями. Отсюда и языкъ разговорный и письменный называется еврейскимъ. Іудеи помогли Птоломею, отпустивъ для полнаго разумѣнія и лучшей передачи текста семьдесятъ двухъ переводчиковъ. Философъ Менедемъ [77], свидѣтель Провидѣнія, съ удивленіемъ взиралъ на тождество въ ихъ переводахъ Священнаго Писанія. Это подтвердилъ также Аристей: его греческое сочиненіе ясно говоритъ объ этомъ фактѣ. Теперь эти пере-

воды хранятся въ Серапеумѣ, въ Птоломеевой библіотекѣ вмѣстѣ съ еврейскимъ оригиналомъ. Іудеи открыто читаютъ писаніе на своемъ языкѣ всюду, за плату, каждую субботу. Кто услышитъ, тотъ обрѣтетъ Бога; а кто употребитъ все стараніе, чтобы постигнуть Его—этимъ самымъ будетъ принужденъ и увѣровать въ Него.

XIX.

Высшій авторитетъ этому священному руководству придаетъ глубокая древность этого памятника, а довѣріе къ древности у васъ стало какъ бы своеобразной религіей. Книги одного пророка, въ которыхъ какъ бы заключено все сокровище іудейской религіи, а, слѣдовательно, и нашей, превосходятъ на нѣсколько вѣковъ все существующее доселѣ: всѣ памятники, всѣ возникновенія, всѣ хронологическія даты, источники древнѣйшаго періода вашего языка; бо́льшую часть существующихъ нынѣ народовъ, славные города, самые древніе историческіе факты; даже письменные знаки, которые суть какъ-бы показатели и блюстители историческихъ фактовъ; мало этого, они превосходятъ древностью даже вашихъ боговъ, ваши храмы, оракулы, таинства. Вы, можетъ быть, слышали о Моисеѣ, а онъ вѣдь былъ современникомъ аргосскаго Инаха [78]! Онъ жилъ почти на четыреста лѣтъ раньше Даная [79], самаго древняго царя, по вашимъ преданіямъ; гибель Пріама [80] совершилась около тысячи лѣтъ послѣ его жизни. Я могу также утверждать—на основаніи достовѣрныхъ данныхъ—что онъ жилъ на пятьсотъ лѣтъ раньше Гомера. Остальные пророки слѣдуютъ за эпохой Моисея, но и позднѣйшіе изъ нихъ предшествуютъ древнѣйшимъ вашимъ мудрецамъ, законодателямъ и историкамъ. Намъ не такъ трудно привести доказательства этихъ датъ, но это увеличило бы объемъ сочиненія; это вовсе не затруднительно, но утомительно. Пришлось бы много времени просидѣть надъ цифровыми выкладками. Пришлось бы открыть тайны архивовъ

древнѣйшихъ народовъ: египтянъ, халдеевъ, финикіянъ; прибѣгнуть къ помощи туземныхъ историковъ, у которыхъ сохранились любопытныя для насъ свѣдѣнія въ родѣ египетскаго Манеѳона [81], халдейскаго Бероза [82], финикійскаго Ирома [83], царя города Тира, а также ихъ послѣдователей Птоломея Мендесскаго [84], Менандра Ефесскаго [85], Димитрія Фалерскаго, царя Юбы [86], Аппіона [87], Ѳалла [88] и іудея Іосифа, который то соглашается съ ними, то опровергаетъ ихъ, говоря о родныхъ ему іудейскихъ древностяхъ. Слѣдовало бы также сличить лѣтописи грековъ, установить даты историческихъ фактовъ, чтобы явилась точная и ясная непрерывная изъ года въ годъ лѣтопись историческихъ событій. Для подтвержденія нашихъ словъ пришлось бы ознакомиться съ исторіей и литературой всего міра. Мы уже привели часть этого доказательства, указавъ источники, слѣдуя которымъ можно убѣдиться въ истинѣ нашихъ словъ. Но лучше помедлимъ приводить доказательство все цѣликомъ, чтобы не уменьшить его силы отъ поспѣшности работы или не зайти далеко, строго и неуклонно слѣдуя за нимъ.

XX.

Вмѣсто столь медленной ученой работы, мы докажемъ вамъ если не древность, то божественность происхожденія Святаго Писанія. Мы докажемъ, что во всякомъ случаѣ оно божественнаго происхожденія, если кто желаетъ оспаривать его древность. Не придется ни медлить съ докательствами, ни отыскивать ихъ въ разныхъ мѣстахъ. Они передъ нашими глазами; ихъ представляетъ намъ міръ, время, историческія событія. Предсказывалось и читалось все, что́ происходитъ, что́ мы видимъ передъ собой. Заранѣе предсказано было, что земля поглотитъ города; что море потопитъ острова; что международныя и междоусобныя войны зальютъ кровью землю; что царства смѣнятъ другъ друга; что голодъ, чума, мѣстныя бѣдствія и несчастные случаи опустошатъ землю, дикіе

звѣри закроютъ доступъ къ горамъ, что низкіе возвысятся, высокіе унизятся; что справедливость станетъ рѣже, а кривда пріобрѣтетъ силу, что стремленіе къ добру заглохнетъ; что даже времена года и дѣйствія стихій потеряютъ опредѣленный порядокъ; что строй природы будетъ нарушенъ появленіемъ чудовищъ и сверхъестественныхъ явленій. Испытывая какое либо несчастіе, мы находимъ его предсказаннымъ въ Писаніи; прочитывая предсказаніе, мы видимъ его оправданіе. Исполненіе пророчествъ, по нашему мнѣнію, наилучшимъ образомъ свидѣтельствуетъ о божественномъ происхожденіи Писанія. На основаніи исполнившихся пророчествъ, мы безусловно вѣримъ въ тѣ, которымъ придетъ свой чередъ исполниться. Тотъ же голосъ звучитъ въ нихъ, тѣ же слова передаютъ ихъ намъ, тотъ же духъ живетъ въ нихъ. Для пророчества существуетъ одно время: предсказанное будущее; а люди различаютъ время по мѣрѣ его прохожденія, выдѣляя настоящее изъ будущаго, прошедшее изъ настоящаго. Скажите, виноваты ли мы, если вѣримъ относительно будущаго тѣмъ, которые пріучили насъ вѣрить себѣ въ прошедшемъ и настоящемъ?

XXI.

Такъ какъ мы высказали, что наша религія основана на древнѣйшихъ книгахъ іудеевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ всѣмъ извѣстно, что она недавняго происхожденія и восходитъ только къ временамъ Тиверія, что̀ и мы открыто признаемъ,—то, пожалуй, станутъ наговаривать на насъ, что подъ сѣнью знаменитой и терпимой религіи наша религія скрываетъ нѣкоторые свои предразсудки,—потому что вѣдь, кромѣ древности религіозныхъ основъ, мы не раздѣляемъ съ Іудеями ни воздержанія въ мясѣ, ни празднованія извѣстныхъ дней, ни обрѣзанія, ни даже имени, что̀ было бы необходимо, если бы мы служили одному и тому же Богу? Даже чернь знаетъ, что Христосъ явился, какъ простой человѣкъ, за какого и

приняли его іуден; отсюда думаютъ, что мы поклоняемся человѣку. Но мы не стыдимся за Христа, мы рады гоненію и казни за имя Его, и однако у насъ одинаковое съ іудеями понятіе о божествѣ. Поэтому мнѣ необходимо войти въ нѣкоторыя подробности относительно божественности Христа.

Въ силу великой праведности и вѣры праотцевъ, іудеи пользовались особенной милостью у Бога; отсюда проистекали величіе этого народа и могущественный блескъ его царства; отсюда такое исключительное счастіе, что голосъ самого Бога предостерегалъ ихъ, чтобы они угождали Ему, а не гнѣвили Его. Надменные заслугами отцовъ, они отступили отъ истиннаго ученія, уклонившись на путь человѣческихъ заблужденій. Хотя они и не сознаются въ этомъ, ихъ обличаетъ ихъ настоящее бѣдственное состояніе. Разсѣянные, скитающіеся, лишенные родной земли и роднаго имъ неба, блуждаютъ они по всему міру; ни Богъ, ни человѣкъ не предводительствуетъ ихъ; имъ не позволено даже на правахъ иностранцевъ привѣтствовать родную землю. Тѣ же пророки, которые угрожали имъ бѣдствіями, всегда и всѣ возвѣщали имъ, что въ послѣдніе моменты вѣка Богъ изберетъ себѣ изъ всякаго народа и племени и во всѣхъ мѣстахъ земли болѣе преданныхъ поклонниковъ, на которыхъ Онъ перенесетъ Свою милость, но въ болѣе полной степени, сообразно съ достоинствомъ Основателя ученія. Въ пророчествахъ возвѣщался Сынъ Божій виновникомъ и провозвѣстникомъ этой благодати и ученія, свѣтомъ и вождемъ человѣческаго рода; Ему не придется краснѣть за названіе Сына или за Свое происхожденіе: онъ не будетъ обязанъ своимъ рожденіемъ ни кровосмѣшенію съ сестрой, ни безчестію дѣвушки, ни прелюбодѣянію съ чьей либо чужой женой, ни отцу—богу, превратившемуся или въ змѣя, или въ быка, или въ птицу, или въ золотой дождь (во всемъ этомъ вы узнаете метаморфозы Юпитера!): у Сына Божія не будетъ порочной матери: даже та, которая будетъ Его матерью, незамужняя дѣва. Но прежде я поговорю о Его природѣ, чтобы вы поняли, какимъ образомъ Онъ родился. Мы уже говорили раньше, что Богъ

создалъ вселенную Своимъ Словомъ, премудростью и могуществомъ. Даже ваши мудрецы считаютъ Творцомъ вселенной *слово*, *разумъ*, Λόγον. Зенонъ также принимаетъ *слово* за создателя вселенной и называетъ его *судьбой*, *богомъ*, *душой Юпитера*, *необходимостью*. Клеантъ, собирая всѣ признаки вмѣстѣ, называетъ его *духомъ*, *разлитымъ* въ цѣломъ мірѣ. И мы также утверждаемъ, что сущность слова, премудрости и могущества, при помощи которыхъ созданъ міръ, есть духъ,—которому присуще слово, когда Онъ повелѣваетъ, премудрость, когда Онъ всему ставитъ границы и порядокъ, могущество, когда Онъ совершаетъ. Мы вѣруемъ, что это Слово изглаголано Богомъ и такимъ образомъ рождено, поэтому и называется Сыномъ Божіимъ и Богомъ по единству естества, потому что Богъ—духъ. Если отъ солнца простирается къ землѣ лучъ, то этотъ лучъ часть цѣлаго; но солнце находится въ этомъ лучѣ, потому что это лучъ солнца, а естество не дѣлится, но распространяется. Слѣдовательно, отъ Духа—Духъ, и отъ Бога—Богъ, какъ свѣтъ, возженный отъ свѣта. Основная матерія остается цѣлой и неуменьшенной, хотя бы множество отводковъ получили въ ней свое начало. Слѣдовательно, что̀ происходитъ отъ Бога, есть Богъ и Сынъ Божій, и оба составляютъ одно Существо: такимъ образомъ отъ духа происходитъ духъ, отъ Бога—Богъ; это иное по личному свойству, но не по числу; по степени, а не по естеству; происходитъ изъ своего начала, не покидая его. Этотъ лучъ Бога, согласно древнему пророчеству, сойдя на дѣву и воплотившись въ ея утробѣ, родился Богочеловѣкомъ. Плоть, соединенная съ духомъ, питается, растетъ, говоритъ, учитъ, дѣйствуетъ. Это—Христосъ.

Обратите сперва вниманіе на этотъ разсказъ, вѣдь онъ похожъ на ваши миѳы—пока мы не дойдемъ до доказательства божественности Христа. Тѣ, которые у васъ составили похожіе миѳы для искаженія истины, знали, что придетъ Христосъ. Знали о Его пришествіи Іудеи; имъ говорили объ этомъ пророки, и теперь еще они ждутъ Его пришествія; и между нами и ими разногласіе состоитъ только въ томъ, что іудеи не вѣрятъ,

что Его пришествіе уже совершилось. Ибо у пророковъ говорится о двухъ пришествіяхъ Его, о первомъ, которое совершилось въ уничиженномъ видѣ человѣка, и о второмъ, которое совершится при скончаніи вѣка въ блескѣ божественнаго величія. Они же (т.-е. Іудеи), не понимая перваго, надѣются на второе, которое предсказано въ болѣе опредѣленныхъ и яркихъ выраженіяхъ, и которое они считаютъ за единственное. Заслуженно ихъ ослѣпленіе, помѣшавшее имъ понять первое пришествіе, въ которое они повѣрили бы, если бы поняли, и спаслись бы, если бы повѣрили. Сами они читаютъ о себѣ въ Писаніи, что Богъ наказалъ ихъ лишеніемъ мудрости и пониманія, такъ что они видя не видятъ и слыша не разумѣютъ. Считая Христа только за человѣка по уничиженію, естественно, что они считали Его за мага по Его могуществу. Изгоняя словомъ демоновъ изъ людей, возвращая зрѣніе слѣпымъ, исцѣляя прокаженныхъ, оживляя разслабленныхъ, воскрешая словомъ мертвыхъ, господствуя надъ самыми стихіями, усмиряя бури и ходя по водамъ, Онъ ясно показывалъ Себя, что Онъ Λόγος Бога, т.-е. вѣчное Слово первородное, полное могущества и разума въ крѣпости духа. Учители и старѣйшины іудеевъ, озлобленные Его ученіемъ, которое обличало ихъ, тѣмъ болѣе, что массы народа слѣдовали за Нимъ, привели Его къ Понтійскому Пилату, прокуратору Сиріи отъ Римской Имперіи, и при помощи бѣшеныхъ криковъ добились того, что Онъ былъ выданъ имъ для распятія на крестѣ. Христосъ Самъ предрекъ это. Мало того, предрекли это еще раньше пророки. Пригвожденный къ кресту, Онъ добровольно испустилъ духъ вмѣстѣ со словомъ и предварилъ обязанность палача. Въ ту же минуту небо покрылось тьмой въ самый полдень. Люди, не знавшіе, что это явленіе было предсказано о Христѣ, приняли его за затменіе; потомъ, не понявъ его причины, стали отрицать его. И однако это міровое явленіе занесено въ ваши лѣтописи, какъ таинственный феноменъ. Совлекши со креста и положивши во гробъ тѣло Христа, іудеи приставили къ гробницѣ военную стражу, изъ боязни, чтобы

ученики не украли Его тѣла и не обманули предубѣжденныхъ людей, такъ какъ Онъ Самъ предрекъ о Себѣ, что воскреснетъ изъ мертвыхъ въ третій день. Но вотъ на третій день внезапно задрожала земля; камень, закрывавшій гробницу, откатывается, стража разсѣяна въ паническомъ страхѣ; и прежде чѣмъ появился кто либо изъ учениковъ, въ гробницѣ не найдено ничего, кромѣ погребальныхъ пеленъ. Однако старѣйшины іудейскіе, заинтересованные въ распространеніи убѣжденія, что здѣсь не обошлось безъ преступленія, для того, чтобы оставить народъ въ повиновеніи, заставить его по прежнему платить имъ налоги и отстранить его отъ новой вѣры—распустили слухъ, что Христосъ похищенъ учениками. Христосъ не показывался народу, чтобы невѣрующіе остались въ своемъ заблужденіи, чтобы религія, предназначенная быть значительной наградой человѣку, досталась не безъ усилій со стороны человѣка. Онъ прожилъ съ учениками сорокъ дней въ Галилеѣ, области Іудеи, наставляя ихъ, чему они должны были наставлять въ свою очередь другихъ. Затѣмъ, повелѣвъ имъ проповѣдать Евангеліе по всему міру, окруженный облакомъ, Онъ вознесся на небо, гораздо очевиднѣе вашего Ромула, какъ бы увѣренно ни передавалъ вамъ о немъ Прокулъ [89]. Пилатъ, христіанинъ уже по внутреннему убѣжденію совѣсти, сообщилъ обо всемъ этомъ императору Тиверію. И императоры повѣрили бы въ Христа, если бы они не были нужны своей эпохѣ въ качествѣ императоровъ или если бы они могли быть христіанами, оставаясь императорами. Апостолы, вѣрные ученію Христа, разсѣявшись по всей вселенной и испытавши много гоненій отъ іудеевъ, съ увѣренностью въ истинѣ своихъ словъ, обрѣли кончину въ Римѣ, при жестокомъ гоненіи Нерона. Но я еще приведу вамъ другихъ достовѣрныхъ свидѣтелей божественности Христа, почитаемыхъ Вами. Конечно, достойно будетъ вниманія то, что я воспользуюсь тѣми, которые препятствуютъ вамъ вѣрить христіанамъ,—для того, чтобы вы повѣрили намъ...

Вотъ вамъ хронологическая дата нашей религіи, вотъ вамъ свѣдѣнія и о религіи, и объ имени ея, и объ ея Основателѣ.

Пусть не безчестятъ насъ; пусть не думаютъ ничего другого, такъ какъ никто не лжетъ, говоря о своей религіи. Говоря, что онъ почитаетъ то, чего онъ не почитаетъ на самомъ дѣлѣ, онъ отрицаетъ предметъ своего поклоненія, переноситъ, стало быть, свое поклоненіе на другой предметъ, и, перенося его, уже не почитаетъ того, что онъ сталъ отрицать. Мы же говоримъ открыто, громко, среди пытокъ,—истерзанные и окровавленные, мы восклицаемъ: «мы поклоняемся Богу черезъ Христа!» Считайте Его за человѣка; но мы вѣримъ, что Богъ хочетъ, чтобы Его признавали и чтили черезъ Христа и во Христѣ. Іудеямъ я отвѣчу, что они сами научились почитать Бога черезъ человѣка, черезъ Моисея. Я возражу грекамъ, что они были посвящены въ таинства религіи Орфеемъ въ Піэріи, Музеемъ въ Аѳинахъ, Мелампомъ въ Аргосѣ, Трофоніемъ въ Бэотіи. А вамъ, владыкамъ міра, я замѣчу также, что человѣкъ былъ вѣдь и Нума Помпилій, обременившій Римлянъ массой докучныхъ суевѣрій. Пусть же будетъ позволено Христу повѣдать о Своей божественности, не для того, чтобы смягчить, облагородить свирѣпое, дикое племя, поразивъ его воображеніе массой божествъ, которыхъ слѣдуетъ почитать, какъ сдѣлалъ это Нума. Нѣтъ! для того, чтобы просвѣтить для познанія истины людей цивилизованныхъ, но испорченныхъ внѣшнимъ лоскомъ просвѣщенія. Изслѣдуйте, дѣйствительно ли Христосъ—Богъ, дѣйствительно ли Его религія преобразуетъ, ведетъ ко благу тѣхъ, которые познали ее! Отсюда можно будетъ заключить, что ложна всякая другая, противорѣчащая ей религія; въ особенности та, которая, скрываясь подъ именами и образами мертвецовъ, доказываетъ свою божественность какими-то мнимыми знаменіями, чудесами, прорицаніями.

XXII.

Мы признаемъ духовныя существа; самое имя ихъ не ново, философы признаютъ существованіе демоновъ, самъ Сократъ прислушивался къ голосу своего демона. Развѣ съ

самаго дѣтства не былъ связанъ съ его существованіемъ демонъ, отвращавшій его всегда отъ хорошаго? Поэты также признаютъ демоновъ. Сама невѣжественная толпа то и дѣло употребляетъ имя демоновъ въ проклятіяхъ. По какому то тайному инстинкту души она въ клятвахъ и проклятіяхъ упоминаетъ имя сатаны, вождя духовъ зла. Ангеловъ также признавалъ Платонъ. А маги признаютъ существованіе добрыхъ и злыхъ духовъ. Но только въ Священномъ Писаніи подробно изложено, какимъ образомъ отъ ангеловъ, падшихъ по своей волѣ, произошелъ еще болѣе испорченный родъ демоновъ, осужденный Богомъ, вмѣстѣ съ вождемъ его и его соучастниками. Достаточно здѣсь упомянуть объ ихъ дѣйствіяхъ. Демоны стараются только погубить человѣка; ихъ злоба, съ самаго начала, была причиной грѣхопаденія человѣка. Они причиняютъ болѣзни или другія случайныя непріятности тѣлу, душу же подвергаютъ неожиданнымъ и сильнымъ потрясеніямъ. Тонкость, воздушность ихъ организаціи помогаетъ имъ много при воздѣйствіи на тѣло и душу человѣка. Незримые и неосязаемые, они пользуются своимъ могуществомъ, такъ что становятся замѣтны не по дѣйствіямъ своимъ, а по результатамъ ихъ. Напр., какая-то скрытая отрава въ воздухѣ производитъ то, что начинаютъ падать цвѣты, вянуть зародыши, портиться плоды; или воздухъ разливаетъ вокругъ вредныя испаренія по совершенно неизвѣстной причинѣ. Подъ такимъ же покровомъ тайной отравы дѣйствуетъ вѣяніе демоновъ и падшихъ ангеловъ; они развращаютъ души, лишаютъ разума, внушаютъ дикія страсти и разныя заблужденія. Самое главное заблужденіе—то, благодаря которому люди считаютъ ихъ за боговъ и передъ ихъ изображеніями и идолами приносятъ въ жертву тукъ и кровь животныхъ. Но всего пріятнѣе для нихъ—отвратить человѣка отъ мысли объ истинномъ Божествѣ посредствомъ ложныхъ чудесъ. Какимъ образомъ они производятъ ихъ, я изложу вамъ потомъ. Всякій духъ передвигается, какъ птицы. Такимъ образомъ ангелы и демоны переносятся повсюду въ каждый желаемый мигъ. Весь міръ для нихъ—одно мѣсто.

Поэтому они также легко знаютъ все, что происходитъ, какъ и возвѣщаютъ объ этомъ. Ихъ быстрота перемѣны мѣста понимается, какъ божественность, такъ какъ не знаютъ объ ихъ природѣ. Иногда они желаютъ казаться виновниками тѣхъ фактовъ, о которыхъ они возвѣщаютъ; они и бываютъ иногда виновниками, но только зла и никогда—добра. Они знаютъ предначертанія Бога; прежде они узнавали ихъ, слыша голосъ пророковъ; теперь же вслушиваются въ чтеніе Писанія. Похищая пророчество и узнавая судьбу временъ, они усиливаются приравнивать себя къ Божеству. Примѣръ Креза и Пирра можетъ вамъ дать понять, какъ остроумно двусмыслицы въ изреченіяхъ оракуловъ согласовались съ событіями. Пиѳійскій богъ возвѣстилъ, что Крезъ варилъ мясо черепахи съ говядиной, узнавъ объ этомъ тѣмъ же способомъ, о которомъ мы выше говорили, т. е. перенесясь въ этотъ моментъ въ Лидію. Живя въ воздухѣ въ сосѣдствѣ съ созвѣздіями, окруженные облаками, они знаютъ состояніе воздуха и предсказываютъ, напр., дождь, уже чувствуя его приближеніе. Они кажутся благодѣтелями, исцѣляя болѣзни. Сначала они причиняютъ болѣзни, потомъ предписываютъ средства или противоядія для большаго чуда и, переставая вредить, становятся какъ бы цѣлителями. Зачѣмъ распространяться болѣе о прочихъ способностяхъ или могуществѣ духовъ лжи? Къ чему говорить объ этихъ призракахъ Кастора и Поллукса [90], о водѣ, носимой въ рѣшетѣ, о кораблѣ, движимомъ посредствомъ пояса [91], о бородѣ, порыжѣвшей отъ прикосновенія? Все это послужило къ почитанію камней за божества и къ отверженію истиннаго Бога.

XXIII.

Если маги вызываютъ привидѣнія и безчестятъ души умершихъ [92]; если они заставляютъ дѣтей давать прорицанія; если они, какъ шарлатаны, обманываютъ ложными знаменіями, если они насылаютъ сны при помощи призван-

ныхъ ими злыхъ ангеловъ и демоновъ, благодаря которымъ козы и столы [93] даютъ предсказанія, то насколько сильнѣе проявляется могущество ангеловъ и демоновъ, когда они стараются дѣлать что либо въ своихъ интересахъ, по собственному почину? Если же ангелы и демоны дѣлаютъ то же, что и боги ваши, то въ чемъ превосходство божества, которое должно быть выше всякаго могущества? Не вѣрнѣе ли предположить, что они стараются выставить себя богами, дѣлая тоже, что и боги, чѣмъ то, что боги равны по силѣ своей ангеламъ и демонамъ? Вся разница не заключается ли только въ мѣстѣ,—кого въ храмахъ вы признаете за боговъ, перестаете признавать за боговъ во всякомъ другомъ мѣстѣ? А то вѣдь выйдетъ, что иначе безумствуетъ взбѣгающій на священную башню, чѣмъ вскакивающій на крышу сосѣдняго дома; что иная сила обнаруживается въ томъ, кто отрѣзаетъ себѣ дѣтородные органы или руку, и тѣмъ, кто перерѣзываетъ себѣ горло! Одинаковые результаты бѣшенства обнаруживаютъ одну и ту-же побудительную причину.

Но до сихъ поръ все это были слова. Теперь же я докажу, что боги и демоны одно и то же. Пусть передъ вашъ трибуналъ приведутъ одержимаго бѣсомъ; пусть какой-нибудь христіанинъ прикажетъ этому духу заговорить, и тотъ сознается, что онъ въ дѣйствительности демонъ, а ложно назвался богомъ. Пусть приведутъ равнымъ образомъ одного изъ тѣхъ, которые находятся подъ воздѣйствіемъ бога, которые воспринимаютъ его, вдыхая жертвенный дымъ [95], которые пророчатъ отрывистымъ, задыхающимся голосомъ... Если дѣва Целестисъ [96], предсказательница дождей; если Эскулапъ, изобрѣтатель медицины, возвратившій жизнь Сокордію, Танацію и Асклепіодоту, предназначеннымъ умереть на другой день,—не признаютъ себя демонами, не рѣшаясь солгать христіанину, то на этомъ же мѣстѣ пролейте кровь дерзкаго христіанина. Что яснѣе этого факта, что вѣрнѣе этого доказательства? Простота истины очевидна для всѣхъ. Въ силу присущаго ей могущества она устраняетъ всякое сомнѣніе.

Можетъ быть, вы скажете, что тутъ замѣшана магія или какой-нибудь обманъ, а глаза и уши допустили васъ обмануться; но что̀ можно возразить противъ того, что обнаруживается съ столь безыскусственной простотой? Если, съ одной стороны, ваши боги дѣйствительно боги, почему же они ложно признаютъ себя за демоновъ? Или изъ повиновенія къ намъ? Стало быть, ваши божества подвластны христіанамъ! Развѣ можетъ быть божество подвластно людямъ? и притомъ, что̀ всего позорнѣе, своимъ врагамъ! Если же, съ другой стороны, ваши боги—ангелы или демоны—то почему же они выдаютъ себя въ иныхъ мѣстахъ за боговъ? Тѣ, которые считаются богами, если бы они дѣйствительно были богами, не захотѣли бы выдавать себя за демоновъ, чтобы не уменьшить своего достоинства. Равнымъ образомъ и тѣ, которыхъ вы признаете прямо за демоновъ, никогда не стали бы выдавать себя за боговъ, если бы вообще были какіе-нибудь боги, именемъ которыхъ они злоупотребляютъ. Безъ сомнѣнія, они не рѣшились бы и побоялись бы присвоить себѣ величіе высшихъ боговъ! Поэтому ничтожны боги ваши, которыхъ вы почитаете. Если бы истинно было божественное происхожденіе вашихъ боговъ, то имъ не злоупотребляли бы демоны, и не отрицали бы его сами боги. Если, такимъ образомъ, съ обѣихъ сторонъ появляется признаніе, ведущее къ отрицанію божественности, то согласитесь, что нѣтъ боговъ и демоновъ, а существуютъ одни только демоны. Ищите себѣ поэтому боговъ въ другомъ мѣстѣ: избранные вами не болѣе, какъ демоны.

Изобличивши ложность вашихъ боговъ при помощи самихъ же боговъ, мы тѣмъ же путемъ дадимъ возможность узнать, каковъ истинный Богъ,—точно ли Онъ—Богъ, и не одинъ ли только тотъ Богъ, котораго исповѣдуемъ мы, христіане, и не слѣдуетъ ли вѣровать въ Него и поклоняться Ему такъ, какъ предписываетъ вѣра и ученіе христіанъ? Ну-ка, пусть ваши боги скажутъ: кто это Христосъ, съ Его исторіей, не человѣкъ ли Онъ, какъ и всѣ? не магъ ли? Не похищено ли Его тѣло по смерти учениками изъ гробницы? Не въ преисподней ли Онъ

теперь? Или скорѣе — Его нѣтъ на небѣ? и Онъ оттуда не явится болѣе при разрушеніи вселенной, при трепетѣ всей твари, при общемъ плачѣ всѣхъ людей, кромѣ христіанъ? Не придетъ, какъ обладающій могуществомъ и Духомъ Божіимъ, какъ Его Слово, Премудрость, Разумъ, какъ Сынъ Божій? Какъ вы смѣетесь надъ нами, пусть и они посмѣются надъ нами,—пусть они отвергнутъ, что Христосъ, по воскресеніи тѣлъ, будетъ судить всѣхъ скончавшихся отъ начала міра! Пусть-ка они скажутъ предъ трибуналомъ, что, согласно съ мнѣніемъ Платона и поэтовъ, судьями появятся Миносъ и Радамантъ [97]! Пусть они, по крайней мѣрѣ, смоютъ клеймо своего позора и осужденія! Пусть они отвергнутъ, что они нечистые духи, что можно заключить по ихъ кровавымъ, жирнымъ, дымящимся жертвамъ и по нечистымъ устамъ ихъ жрецовъ прорицателей! Пусть они отрекутся отъ того, что за злобу свою они будутъ осуждены въ судный день вмѣстѣ съ своими чтителями и пособниками!

Все это наше могущество и власть надъ демонами заключается въ имени Христа и въ упоминаніи угрожающихъ каръ, которыхъ они ожидаютъ себѣ отъ Бога черезъ Христа. Боясь Христа въ Богѣ и Бога въ Христѣ, они подчиняются рабамъ Бога и Христа. Поэтому отъ нашего прикосновенія, отъ дуновенія, устрашенные мыслью и представленіемъ объ огнѣ (вѣчныхъ мукъ), они выходятъ изъ тѣлъ со скорбью, противъ воли повинуясь намъ, стыдясь за себя въ вашемъ присутствіи. Вѣря ихъ лжи, повѣрьте имъ, когда они говорятъ правду! Никто не лжетъ, раскрывая свой позоръ. Вы скорѣе можете повѣрить имъ, когда они сознаются ко вреду своему, чѣмъ въ то время, когда они отрекаются въ свою пользу. Свидѣтельство вашихъ боговъ увеличиваетъ число христіанъ; вѣря въ нихъ, нельзя не вѣрить въ Господа—Христа. Они сами воспламеняютъ вѣру въ Священное Писаніе; они укрѣпляютъ въ насъ стойкость нашей надежды. Вы же чтите ихъ, насколько я знаю, возліяніями изъ крови христіанъ. Захотятъ ли они потерять въ васъ столь выгодныхъ и ревностныхъ слугъ своихъ? Вѣдь вы, ставши христіанами, изгнали бы ихъ! Но имъ не позволено лгать, когда христіанинъ хочетъ вамъ доказать истину!

XXIV.

Благодаря ихъ собственному признанію, что они не боги, что нѣтъ иного Бога, кромѣ Единаго Бога, Которому мы служимъ, мы можемъ сложить съ себя обвиненіе въ оскорбленіи, главнымъ образомъ, римской религіи. Ибо если вѣрно, что ваши боги—не боги, то и ваша религія перестаетъ быть религіей. А если нѣтъ религіи, такъ какъ извѣстно уже, что нѣтъ боговъ—то и мы не виновны въ оскорбленіи религіи. Напротивъ, на васъ ложится обвиненіе въ томъ, что, поклоняясь лжи, не только презирая истинную религію, истиннаго Бога, но и изгоняя ее, вы дѣйствительно виновны въ истинномъ нечестіи. Допустимъ существованіе вашихъ боговъ; но развѣ вы не согласны съ общимъ мнѣніемъ, что есть высшій, болѣе могущественный Богъ, Владыка міра, обладающій совершенствомъ могущества и величія? Вѣдь общее убѣжденіе въ вашей средѣ таково, что высшая власть находится въ рукахъ только одного Бога, а функціи его раздѣлены между множествомъ другихъ боговъ. Поэтому Платонъ говоритъ, что верховнаго бога — Юпитера на небѣ сопровождаетъ огромная свита боговъ и демоновъ, поэтому вмѣстѣ съ Юпитеромъ слѣдуетъ почитать и его подчиненныхъ боговъ: агентовъ, префектовъ и намѣстниковъ. Но развѣ какое-нибудь преступленіе совершаетъ тотъ, кто переноситъ всю свою надежду и все свое усердіе на то, чтобы угодить императору? Кто отказывается дать имя Бога, подобно тому какъ и императора, другому, кромѣ своего владыки? Вѣдь, напротивъ, считается уголовнымъ преступленіемъ именовать и позволять именовать императоромъ другое лицо, а не императора.

Пусть одинъ почитаетъ Бога, другой — Юпитера! Пусть одинъ поднимаетъ руки съ мольбой къ небу, другой — къ жертвеннику Вѣрности! Пусть одинъ смотритъ на облака [98],

другой на потолки! Пусть одинъ жертвуетъ Богу своей жизнью, другой — жизнью козла! Берегитесь, чтобы не навлечь обвиненія въ безбожіи, лишая религіозной свободы и запрещая избирать себѣ божество, такъ что мнѣ ужъ становится невозможнымъ почитать то, что я хочу, и я принужденъ почитать то, чего не хочу. Никакой богъ не согласится на то, чтобы его почитали противъ воли. Самъ человѣкъ не захочетъ этого.

Поэтому египтяне даютъ полную свободу своимъ страннымъ суевѣріямъ, обожествляя животныхъ и птицъ и казня смертью того, кто убьетъ одного изъ подобныхъ боговъ. Каждая провинція, каждый городъ имѣетъ свое божество: Сирія—Астарту, Аравія—Дузара, Норика—Белена, Африка—Целестисъ, Мавританія — своихъ царей. Я назвалъ римскія провинціи; однако это не римскіе боги, потому что ихъ почитаютъ въ Римѣ не болѣе, чѣмъ божества италійскихъ муниципій: Дельветина въ г. Казилинѣ, Визидіана Нарнійскаго, Анкарію, богиню Аскуланскую, Нурсію Вользинійскую, Валенцію Окрикульскую, Норцію Сутрійскую, Юнону у Фалисковъ, по имени отца называемую Курисъ. Однимъ намъ запрещено имѣть собственную религію. Мы оскорбляемъ Римлянъ, мы даже не считаемся римлянами, потому что поклоняемся не римскому Богу. Но какъ бы тамъ ни было, Богъ одинъ для всѣхъ, и всѣ мы во власти Его. А у васъ позволено почитать все, что угодно, кромѣ истиннаго Бога, какъ будто не выше всѣхъ Тотъ, во власти Котораго мы всѣ.

XXV.

Мнѣ кажется, что не остается болѣе никакого сомнѣнія въ ложности вашихъ боговъ и въ истинности нашего Бога послѣ столькихъ доказательствъ, подкрѣпляемыхъ не однимъ разумомъ, но и свидѣтельствомъ вашихъ мнимыхъ боговъ. Безполезно бы говорить дальше объ этомъ, но такъ какъ я говорю собственно о римлянахъ, то я не оставлю безъ возраженія утвержденія, будто римляне, благодаря своему усер-

дію къ религіи, вознесены на такую высоту, что владычествуютъ надъ міромъ; что доказательствомъ божественности ихъ боговъ служитъ то, что римляне превосходятъ другіе народы за то, что особенно почитаютъ своихъ боговъ. Значитъ, своей властью вы обязаны милости римскихъ боговъ, въ родѣ Стеркула, Мутуна, Ларентины [99]? Ибо я не думаю чтобы чужеземные боги скорѣе благопріятствовали чуждому народу, чѣмъ своему; чтобы они оставили для заморскаго народа родную почву, гдѣ они родились, выросли, прославлены и погребены. Можетъ быть, Цибела полюбила Римъ въ память троянскаго народа, который она защищала противъ оружія ахеянъ; можетъ быть, она захотѣла перейти на сторону мстителей, которые, какъ она знала, покорятъ грековъ, покорителей Фригіи? Въ наше время она несомнѣнно дала большое доказательство перенесенія своего могущества въ Римъ, когда по смерти Марка-Аврелія, скончавшагося въ Сирміумѣ въ 16-й день апрѣльскихъ календъ, святѣйшій архигаллъ, верховный жрецъ этой богини, въ 9-й день апрѣльскихъ календъ заказывалъ обычныя моленія о здравіи уже умершаго императора, совершая возліяніе изъ нечистой крови, взятой изъ исколотой руки. О, лѣнивые вѣстники, о замедленныя письма! Вы виновны въ томъ, что Кибела раньше не знала о смерти императора: тогда бы не было повода христіанамъ смѣяться надъ подобнымъ божествомъ! Ну, а Юпитеръ, вы думаете, благосклонно смотрѣлъ на разореніе острова Крита [101] римскими солдатами? Развѣ онъ забылъ пещеру на горѣ Идѣ, и трубы Корибантовъ [102], и пріятный запахъ его кормилицы [103]? Развѣ онъ не предпочелъ бы своей гробницы всякому Капитолію, такъ что отдалъ бы владычество надъ міромъ скорѣе той странѣ, которая скрываетъ его прахъ? А Юнона, вы думаете, хотѣла, чтобы былъ разрушенъ потомками Энея Карѳагенъ, городъ пунійцевъ, для котораго она оставила Самосъ, городъ, «гдѣ была ея колесница, ея оружіе, который она хотѣла бы сдѣлать всемірной столицей, если бы позволила судьба» (Verg. Aen. I, 16 seqq). Но несчастная супруга и сестра Юпи-

тера оказалась безсильной противъ судьбы; судьбѣ подвластенъ самъ Юпитеръ. И, однако, вы воздаете менѣе почестей судьбѣ, которая отдала вамъ Карѳагенъ, вопреки воли Юноны, чѣмъ непотребнѣйшей изъ блудницъ Ларентинѣ!

Допустимъ, что большинство изъ вашихъ боговъ были царями. Но, если они теперь имѣютъ власть раздавать царства, то, когда сами они царствовали, отъ кого они получили царства во владѣніе? Кому поклонялись Юпитеръ и Сатурнъ? Какому нибудь Стеркулу конечно? Но Стеркулъ не древнѣе Рима и его туземцевъ. А если нѣкоторые изъ вашихъ боговъ и не царствовали, то царствовали тѣ, которые не почитали ихъ, потому что тогда они еще не считались богами. Такимъ образомъ, распредѣленіе царствъ не зависитъ отъ боговъ, потому что цари были раньше ихъ, раньше, чѣмъ явились боги. Но напрасно было бы приписывать величіе римскаго имени заслугамъ передъ богами, потому что ваша религія развивалась помѣрѣ возрастанія политическаго могущества Рима, послѣ того, какъ онъ сталъ царствомъ. Хотя суевѣріе началось у васъ со времени Нумы, однако религія не находила у васъ внѣшняго выраженія въ сооруженіи статуй и въ постройкѣ храмовъ; она была слаба, обряды незначительны; не было Капитолія, соперника неба; кой-гдѣ попадались случайно устроенные дерновые алтари; Самосскія (глиняныя) вазы служили для скудныхъ жертвоприношеній. Нигдѣ не было изображенія божества; искусство грековъ и римлянъ не наполнило еще Рима статуями. Такимъ образомъ, религіозность римлянъ не предшествовала ихъ величію, и величіе ихъ, стало быть, не есть слѣдствіе ихъ религіозности. Да и какимъ путемъ они могли бы быть великими благодаря религіозности, когда величіе пришло къ нимъ благодаря ихъ невниманію къ религіи? И дѣйствительно, вѣдь царства и имперіи, если я не ошибаюсь, получаютъ начало отъ войны и расширяются побѣдами. А войны и побѣды немыслимы безъ взятія и разрушенія городовъ, что влечетъ за собой оскорбленіе боговъ. Храмы низвергаются наравнѣ со стѣнами города, жрецы подвергаются убійству,

наравнѣ съ простыми гражданами; одинаково страдаютъ отъ грабежа боги и люди! Слѣдовательно, у римлянъ сколько трофеевъ, столько и святотатствъ; сколько тріумфовъ надъ народами, столько же надъ божествами; о количествѣ вашей военной добычи можно заключить по числу сохраняющихся статуй плѣненныхъ божествъ, и они станутъ выносить поклоненіе своихъ враговъ, и они захотятъ дать безпредѣльное владычество тѣмъ, кому они должны бы скорѣе отплатить за оскорбленія, чѣмъ вознаградить за почесть!!. Но боговъ, не чувствующихъ ничего, можно безнаказанно оскорблять такъ же, какъ и по-пусту почитать. Возможно ли представить себѣ, что возвысились благодаря своей религіозности тѣ, кто, возвышаясь, оскорбляли религію и, оскорбляя ее, возвышались? Вѣдь точно также и тѣ, чьи царства слились въ общее цѣлое римской имперіи, при покореніи своемъ развѣ не имѣли своей туземной религіи?

XXVI.

Не раздаетъ ли царства Тотъ, въ чьемъ владѣніи находятся и міръ, раздѣленный на царства, и люди, которые царствуютъ? Не Тотъ ли устроилъ порядокъ смѣны владычества въ извѣстные періоды времени, Кто былъ раньше всѣхъ временъ, Кто создалъ вѣка или періоды временъ? Не Тотъ ли возвышаетъ и унижаетъ города, Кто владычествовалъ надъ человѣческимъ родомъ, когда еще не было городовъ? Зачѣмъ вы обманываете себя? Кочевой [103] Римъ существовалъ раньше, чѣмъ любой изъ вашихъ боговъ; въ немъ были цари раньше, чѣмъ былъ выстроенъ тщеславный Капитолій. Вавилоняне царствовали раньше вашихъ понтифексовъ, мидяне раньше вашихъ квиндецемвировъ [104], египтяне раньше вашихъ саліевъ, ассирійцы раньше вашихъ луперковъ, амазонки раньше вашихъ весталокъ. Наконецъ, если бы ваши боги распредѣляли царства, то никогда не имѣли бы царства іудеи, презирающіе вашихъ боговъ. А вы сами почтили ихъ Бога жертвами, храмъ ихъ дарами,

самый народъ союзомъ съ собой. И вы никогда не стали бы господствовать надъ іудеями, если бы они не погрѣшили напослѣдокъ противъ Христа.

XXVII.

Мы достаточно возразили противъ обвиненія въ оскорбленіи божества, такъ что становится ясно, что мы не оскорбляемъ боговъ, которыхъ, какъ мы доказали, не существуетъ. Поэтому принуждаемые къ жертвоприношеніямъ, мы отказываемся по чистой совѣсти приносить жертвы тѣмъ, которые, какъ намъ извѣстно, не болѣе, какъ идолы, обожествленные подъ именами людей.

Но нѣкоторые изъ васъ считаютъ безуміемъ, что мы предпочитаемъ нашему спасенію упорство, между тамъ какъ мы могли бы, принеся жертву, избавиться отъ мукъ, оставивъ при себѣ свой прежній образъ мыслей. Вы даете намъ совѣтъ противъ васъ самихъ: мы узнаемъ, кѣмъ все это подведено, кто во всемъ этомъ дѣйствуетъ, кто старается уничтожить наше постоянство то хитростью убѣжденія, то жестокостью мученія. Это тотъ духъ, злой ангелъ или демонъ, который, будучи нашимъ врагомъ со времени своего возмущенія и завидуя намъ за милость Божію къ намъ, воюетъ въ вашихъ душахъ противъ насъ, направляя васъ посредствомъ тайныхъ внушеній къ превратнымъ сужденіямъ и къ несправедливымъ мученіямъ, о которыхъ я говорилъ въ началѣ моего труда. Хотя всѣ демоны и подобные имъ духи подвластны намъ, однако, подобно негоднымъ рабамъ, соединяютъ страхъ съ непокорностью и стараются вредить тѣмъ, кого въ иное время боятся, потому что страхъ дышетъ ненавистью. Осужденные безвозвратно, они ищутъ найти утѣшеніе среди своего отчаяннаго положенія въ наслажденіи своей злобой въ виду отсрочки своего наказанія. Захваченные врасплохъ, они покоряются и, ниспадая на свое настоящее мѣсто, умоляютъ вблизи тѣхъ, на кого нападаютъ издали. Поэтому они, подобно рабамъ, возмущающимся въ смирительныхъ домахъ, въ тюрьмахъ

или въ рудникахъ противъ своихъ господъ, устремляются на тѣхъ, въ чьей власти они находятся, озлобленные еще болѣе тѣмъ, что сознаютъ нашъ перевѣсъ; мы сопротивляемся имъ съ стойкостью, равной ихъ ожесточенію; въ сопротивленіи мы особенно отстаиваемъ себя тамъ, гдѣ они на насъ нападаютъ, и ни въ чемъ болѣе мы не можемъ торжествовать надъ ними, какъ умирая, осужденные за нашу твердость въ своей вѣрѣ.

XXVIII.

Принужденіе свободныхъ людей противъ ихъ воли къ жертвоприношенію богамъ, такъ тогда человѣческій духъ стремится добровольно къ религіи, не только несправедливо, но и глупо: вѣдь каждый долженъ былъ бы умилостивлять боговъ ради самого себя. Развѣ принуждаемый, по праву свободнаго человѣка, не можетъ возразить: «я не хочу, чтобы Юпитеръ былъ милостивъ ко мнѣ,—чего же тебѣ нужно? Пусть разгнѣванный Янусъ обращаетъ ко мнѣ любую сторону своего лица, какое тебѣ дѣло до меня?» Тѣ же самые духи настроили васъ принуждать насъ приносить жертвы о здравіи императора. И вы тѣмъ болѣе считаете себя обязанными принуждать насъ къ этому, чѣмъ сильнѣе мы вамъ оказываемъ сопротивленіе. Мы подошли такимъ образомъ ко второму пункту нашего обвинительнаго акта, именно къ обвиненію въ оскорбленіи величества, болѣе тяжкому, чѣмъ обвиненіе въ оскорбленіи божества. Съ большимъ страхомъ и съ болѣе разсчетливой трусостью вы служите императору, чѣмъ самому Юпитеру на Олимпѣ! Я порицаю васъ заслуженно, не правда ли? «Худшій изъ живыхъ (въ вашихъ глазахъ) лучше хорошаго покойника!» Но вы поступаете такъ вовсе не по этой причинѣ, а потому что на васъ внушительно дѣйствуетъ видимое могущество (императора). Вы боитесь человѣческаго могущества болѣе, чѣмъ силы боговъ; вы оказываетесь нечестивыми по отношенію къ вашимъ бо-

гамъ; поэтому вы скорѣе поклянетесь именемъ всѣхъ боговъ, чѣмъ геніемъ одного императора.

XXIX.

Увѣрьтесь сначала въ томъ, что могутъ сохранить жизнь императору или вообще какому нибудь человѣку тѣ, которымъ вы приносите жертвы; а тогда уже и обвиняйте насъ въ преступленіи. Если злые духи, ангелы или демоны, могутъ дѣлать какое либо добро, если погибшіе могутъ спастись; если осужденные могутъ освобождать; если, наконецъ, что вы сами хорошо знаете, мертвые могутъ охранять живыхъ, то пусть они сначала охранятъ свои статуи, свои изображенія, свои храмы, которые принуждена охранять императорская стража. Матеріалъ для нихъ извлеченъ изъ императорскихъ рудниковъ; храмы вполнѣ зависятъ отъ воли императора; нѣкоторые боги видѣли гнѣвъ императора; къ другимъ онъ милостивъ, и они испытываютъ на себѣ его щедрость и расположеніе. Поэтому, если они во власти императора и вполнѣ зависятъ отъ него, то какимъ же образомъ они могутъ имѣть жизнь императора въ своей власти, какимъ образомъ они могутъ охранять его, если ихъ самихъ охраняетъ императоръ? Не въ томъ ли состоитъ совершаемое нами оскорбленіе величества, что мы не ставимъ императоровъ ниже подвластныхъ вещей? Не въ томъ ли, что мы не шутимъ долгомъ охраны императора, не считая ее дѣломъ спаянныхъ рукъ? А вы, столь ревностные къ охранѣ, ищете ее тамъ, гдѣ ея нѣтъ; молите о жизни утѣхъ, которые не могутъ ее дать, забывъ Того, Кто можетъ ее дать, воюя противъ тѣхъ, которые знаютъ, Кого молить о жизни, и которые, слѣдовательно, могутъ вымолить жизнь.

XXX.

Мы же за здравіе императоровъ молимъ Бога вѣчнаго, живаго, милости Котораго, предпочтительно передъ другими

(богами), ищутъ сами императоры, потому что они знаютъ, Кто имъ далъ царство, Кто имъ, какъ людямъ, далъ душу; они сознаютъ, что Онъ—единый Богъ, что они зависятъ отъ Него, что они подвластны Ему, и первые, послѣ Него, выше всѣхъ боговъ. Поэтому, если они выше всѣхъ живыхъ и мертвыхъ людей, то, разсуждая о границахъ своей власти, они познаютъ Бога; а сознавая, что они безсильны противъ Него, они постигаютъ, что только благодаря Богу они могущественны. Пусть императоръ попробуетъ начать войну съ небомъ; пусть онъ повлечетъ плѣнное небо за своей тріумфальной колесницей; пусть онъ поставитъ стражу на небѣ; пусть онъ наложитъ дань на небо! Но это превышаетъ могущество императора, потому что онъ великъ настолько, насколько онъ считаетъ себя ниже неба. Онъ во власти Того, Кому покорны небо и всѣ творенія. Благодаря Ему, онъ сталъ императоромъ, а еще прежде, чѣмъ быть императоромъ, человѣкомъ; власть пришла къ нему изъ того же источника, откуда и жизнь. Этому Богу мы, христіане, молимся съ простертыми къ небу руками, потому что онѣ чисты; съ непокрытой головой, потому что мольба наша идетъ отъ сердца... Мы просимъ всѣмъ императорамъ долголѣтней жизни, спокойнаго царствованія, безопасности во дворцѣ, храбрости въ войскахъ, вѣрности въ сенатѣ, честности въ народѣ, мира во вселенной; наконецъ, исполненія всего, что можетъ пожелать человѣкъ и императоръ. Я могу просить объ этомъ только у Того, Кто, какъ я знаю, исполнитъ мои прошенія, потому что Онъ одинъ можетъ дать, и я одинъ могу получить; я рабъ Его, потому что единственно я почитаю Его, единственно за Его ученіе умираю, я приношу Ему жертву лучшую и высшую, какъ Онъ самъ заповѣдалъ,—мольбу отъ цѣломудреннаго тѣла и невинной души, внушенную Святымъ Духомъ. Я не приношу ему въ жертву нѣсколько зеренъ ладана, нѣсколько капель смолы съ арабскаго дерева, капли двѣ вина, немного крови отъ истощеннаго быка и, вмѣстѣ со всей этой гадостью, нечистую совѣсть. Я удивляюсь вашимъ порочнымъ жрецамъ, почему они изслѣдуютъ внутренности

жертвъ, а не сердца жертвователей. Пусть въ то время, какъ мы простерли руки для молитвы Богу, насъ рвутъ желѣзными когтями, пусть насъ распинаютъ на крестахъ, бросаютъ въ пламя, убиваютъ мечомъ, отдаютъ на съѣденіе звѣрямъ, христіанинъ на молитвѣ готовъ перенести всякую казнь. Спѣшите, хорошіе правители, исторгнуть душу у христіанина, молящаго Бога за императора. Гдѣ—вѣрность по отношенію къ Богу и молитва, тамъ можетъ ли быть измѣна и преступленіе?

XXXI.

Но, быть можетъ, вы скажете, что мы льстимъ императору и лжемъ въ своихъ обѣтахъ для избѣжанія казни? Конечно, этотъ обманъ намъ помогаетъ. Вы вѣдь позволяете намъ доказывать то, что̀ мы взялись защищать. Кто полагаетъ, что мы нисколько не заботимся о здравіи императора, можетъ заглянуть въ наши книги, которыя заключаютъ въ себѣ слова самого Бога; мы ихъ не прячемъ, притомъ, въ силу многихъ обстоятельствъ, онѣ переходятъ въ чужія руки. Оттуда вы узна́ете, что намъ заповѣдано для изобилія добрыхъ дѣлъ молиться за враговъ нашихъ, желать блага гонителямъ нашимъ. Но кто могутъ быть врагами и гонителями христіанъ больше другихъ, какъ не тѣ, въ оскорбленіи величества которыхъ насъ обвиняютъ? Вы увидите, что Богъ говоритъ ясно и точно: «молитесь за царей, правителей, властей, чтобы все у васъ было спокойно». Когда потрясется имперія, потрясеніе отзовется на всѣхъ частяхъ ея, а равнымъ образомъ и на насъ, хотя и чуждыхъ остальной массѣ населенія.

XXXII.

Впрочемъ мы имѣемъ другую важнѣйшую причину для молитвы за императора, даже за весь строй имперіи и за

государство римское; мы вѣдь знаемъ, что существованіе Римской Имперіи отдаляетъ кончину всего міра и страшныя бѣдствія, грозящія ему при кончинѣ вѣка. Такимъ образомъ, не желая видѣть кончины міра и моля объ удаленіи отъ насъ этого момента, мы желаемъ долговѣчности Римской Имперіи. Мы клянемся не геніемъ императоровъ, но ихъ жизнью, которая священнѣе всякихъ геніевъ. Или вы не знаете, что геніи называются демонами (daemones) откуда—уменьшительное названіе—daemonia. Мы угадываемъ въ дѣйствіяхъ императоровъ Божій судъ, поставившій ихъ надъ народами. Во власти ихъ мы усматриваемъ произволеніе Божіе, поэтому мы желаемъ, чтобы было невредимо то, что Богъ опредѣлилъ, и клятву жизнью императора считаемъ великой для насъ клятвой. Демоновъ же или геніевъ мы заклинаемъ только передъ тѣмъ, какъ выгнать ихъ изъ людей, а не клянемся ими, чтобы не оказать имъ божеской почести.

XXX.

Но къ чему мнѣ болѣе говорить о нашей религіи и уваженіи христіанъ къ императорамъ? Въ императорѣ мы видимъ избранника Божія, и я имѣю полное право сказать, что̀ императоръ скорѣе нашъ, чѣмъ чей либо, потому что онъ поставленъ на царство нашимъ Богомъ. На основаніи этого я болѣе стараюсь о его здравіи не потому только, что я испрашиваю долгоденствія императору у Того, Кто можетъ его даровать, или что я таковъ, что моя просьба достойна уваженія, но еще потому, что, ставя величіе императора ниже величія Бога, я привлекаю на него Божіе благоволеніе, такъ какъ Ему одному я подчиняю императора. Подчиняю же императора я Тому, съ Кѣмъ не могу поставить его наравнѣ. А богомъ я никогда не назову императора, потому что или не умѣю лгать, или не осмѣливаюсь смѣяться надъ нимъ, или потому что онъ самъ не захочетъ именоваться богомъ; если онъ человѣкъ, то въ его интересахъ считать себя ни-

же Бога; ему достаточно именоваться императоромъ. Велико и это имя, потому что оно даровано Богомъ. Кто же называетъ его богомъ, тѣмъ самымъ не признаетъ въ немъ императора, потому что нельзя быть императоромъ, не будучи человѣкомъ. Когда онъ ѣдетъ во время тріумфа на высокой колесницѣ, ему напоминаютъ, что онъ человѣкъ, крича ему вслѣдъ: «Оглянись назадъ и помни, что ты человѣкъ [105]». Онъ считаетъ себя настолько озареннымъ славой, что подобное напоминаніе о его положеніи необходимо. Онъ былъ бы менѣе великъ, если бы сталъ называть себя богомъ, потому что это была бы ложь. Но онъ болѣе великъ потому, что отклоняется отъ того, чтобы его считали богомъ.

XXXIV.

Августъ, основатель имперіи, не хотѣлъ именоваться даже господиномъ, потому что это одно изъ названій Бога. Я согласенъ называть императора господиномъ; но никогда меня не принудятъ, чтобы я назвалъ его Господомъ, какъ я называю Бога. Я не поклоняюсь императору, какъ Господу, потому что мой Господь — одинъ Богъ всемогущій, вѣчный, Господь и самого императора. Да и притомъ—какимъ образомъ «отецъ отечества» можетъ быть господиномъ его? Къ тому же это послѣднее имя скорѣе указываетъ на любовь подданныхъ, чѣмъ на могущество императора. Отцы семействъ охотнѣе именуются отцами, чѣмъ господами. Какъ неприлично называть императора богомъ, какая это гнусная и гибельная лесть! Какъ будто при живомъ императорѣ кого нибудь другаго еще называютъ императоромъ! Развѣ вы не навлекаете на себя великой и неумолимой кары Бога, которая страшна даже тому, кого вы называете богомъ! Почтите Бога, если хотите, чтобы Онъ былъ милостивъ къ императору. Перестаньте вѣрить въ царствованіе другаго бога, кромѣ одного Бога истиннаго! Не называйте того богомъ, кто самъ нуждается въ помощи Божіей. Если лесть

не краснѣетъ отъ лжи, при именованіи богомъ человѣка, пусть она побоится хоть несчастія! Называть императора богомъ до его апоѳеоза—значитъ навлекать несчастіе!

XXXV.

Итакъ христіане—государственные преступники. Не потому ли, что они воздаютъ императорамъ не пустыя, не лживыя, не безразсудныя почести, но, исповѣдуя истинную религію, празднуютъ торжественныя дни въ честь императоровъ болѣе чувствомъ сердецъ, чѣмъ распутствомъ? Какое въ самомъ дѣлѣ усердіе въ томъ, что выносятся на площади очаги и ложа для пировъ; пируютъ на улицахъ; городъ цѣликомъ превращается въ кабакъ; разливаютъ по всюду вино; бѣгаютъ толпами, готовые ко всякаго рода оскорбленію, къ безстыдству, падкіе на всякій порокъ! Неужели общественная радость не можетъ иначе выражаться, какъ всенароднымъ срамомъ? Или то, что считается неприличнымъ въ другіе дни, становится дозволеннымъ въ дни, посвященные монарху? Кто покоряется законамъ, изъ уваженія къ императору, можетъ ли нарушать ихъ въ честь императора? Можетъ ли безнравственная распущенность считаться преданностью, а удобный случай для взрыва разнузданности—за религіозное празднество? О, мы по истинѣ заслуживаемъ наказаніе, такъ какъ мы желаемъ императору всѣхъ благъ, не переставая быть чистыми, трезвыми, честными! Почему въ праздничные дни мы не убираемъ воротъ лаврами и не зажигаемъ лампъ при дневномъ свѣтѣ? Что можетъ быть болѣе почетнаго, въ самомъ дѣлѣ, какъ не придать частному жилищу видъ публичнаго дома?

Кстати я покажу вамъ, насколько вы добросовѣстны въ вашихъ обвиненіяхъ, по поводу почитанія земнаго величія, упрекая насъ въ богохульствѣ за то, что мы не празднуемъ вмѣстѣ съ вами торжественныхъ дней въ честь императоровъ такимъ способомъ, который не дозволяетъ ни скромность, ни чистота,

ни стыдъ. Можетъ быть тѣ, которые не хотятъ считать насъ за римлянъ, а принимаютъ за враговъ римскихъ императоровъ, сами окажутся преступнѣе, чѣмъ христіане!? Стоитъ только взглянуть на Римъ, и спросить у этой толпы квиритовъ, обитающихъ на семи холмахъ, есть ли хотя бы одинъ римлянинъ, языкъ котораго пощадилъ бы императора? Тибръ и циркъ могли бы поразсказать объ этомъ кое-что. Если бы природа облекла наше сердце какимъ-нибудь прозрачнымъ покровомъ, въ чьемъ сердцѣ мы не открыли бы образовъ все новыхъ и новыхъ императоровъ, съ быстротою смѣняющихъ одинъ другаго, причемъ каждый новый императоръ раздаетъ подарки,—какъ согласуются съ этимъ ваши постоянные возгласы: «Юпитеръ! сократи нашу жизнь, чтобы продлить вѣкъ императору»! Христіанинъ не умѣетъ такъ восклицать, да зато онъ и не мечтаетъ про себя о новомъ императорѣ! «Но толпа, говорите вы, всегда останется толпой»! Тѣмъ не менѣе эта чернь—римляне и притомъ жесточайшіе враги христіанъ. Люди прочихъ сословій, безспорно, отличаются искренней вѣрностью, сообразно своему высокому положенію; ничего враждебнаго не найдется ни въ сенатѣ, ни въ сословіи всадниковъ, ни въ казармахъ, ни во дворцѣ. Но откуда же появляются Кассіи [106], Нигры, Альбины? Откуда тѣ, которые убиваютъ [107] императора между двумя группами лавровыхъ деревьевъ? Откуда тѣ, которые заранѣе усовершенствуются въ гимнастикѣ, чтобы искуснѣе его задушить? Откуда тѣ, которые съ вооруженной силой осаждаютъ дворецъ, смѣлѣе всякихъ Сигеріевъ и Парѳеніевъ [108]? Всѣ они римляне, если я не ошибаюсь, а не христіане!? И до самой послѣдней минуты нападенія на императора, всѣ они и въ храмахъ и дома приносили жертвы за здравіе императора и клялись его геніемъ, а христіанъ при всякомъ случаѣ клеймили именемъ враговъ общественнаго порядка. Участники и помощники недавнихъ заговоровъ, открываемыхъ чуть не ежедневно, ускользнувшій отъ кары остатокъ партіи, вожди которой погибли, не украшали ли своихъ дверей самыми свѣжими и самыми густыми лаврами? Не возжигали ли при входѣ въ домъ самые высокіе и яркіе свѣтильники? Не наполняли ли всю площадь массой искусныхъ и великолѣпныхъ ложъ для пира — не для того, чтобы раздѣлить среди празднованія общую радость, но какъ-бы для того, чтобы выразить свои тайныя желанія и, среди чужаго торжества, напередъ живо представить себѣ образъ и примѣръ осуществленія своихъ надеждъ, называя въ глубинѣ сердца имя другаго императора. Не также ли поступаютъ и тѣ, которые совѣщаются съ астрономами, гаруспексами, авгурами и магами о продолжительности жизни императора, прибѣгая къ чарамъ, изобрѣтеннымъ падшими духами, запрещеннымъ Богомъ? Христіане даже въ своихъ частныхъ дѣлахъ не прибѣгаютъ ни къ чему подобному. Откуда этотъ интересъ, побуждающій разузнавать о продолжительности жизни императора? Не проистекаетъ ли онъ изъ того, что кто-либо изъ васъ или злоумышляетъ противъ императора или желаетъ удачи заговору или надѣется на что-либо послѣ смерти государя или оказываетъ поддержку злому умыслу? Вѣдь не составляютъ гороскопа о властителяхъ по тому же побужденію, какъ о лицахъ любимыхъ: тревожное любопытство родственной любви и рабства не одинаково.

XXXVI.

Если вѣрно, что оказываются общественными врагами тѣ, которые зовутся римлянами, то почему, считая ихъ врагами, не признаютъ насъ за римлянъ? Неужели мы не можемъ быть римлянами, не будучи врагами императоровъ, между тѣмъ какъ врагами оказываются тѣ, которые считаются за римлянъ? Нѣтъ, уваженіе, вѣрность и преданность императорамъ не состоятъ въ подобныхъ демонстраціяхъ, которыми, быть можетъ, маскируется измѣна, но въ томъ внутреннемъ расположеніи сердца, которое мы должны питать къ императору, какъ и ко всѣмъ вообще людямъ. Не однимъ императорамъ мы должны желать блага. Мы творимъ благо всѣмъ

безъ лицепріятія, такъ какъ мы дѣлаемъ это для себя, не ожидая ни отъ кого хвалы или награды себѣ, но съ намѣреніемъ угодить Единому Богу, который заповѣдалъ намъ творить благо всѣмъ безъ исключенія. Мы такъ же относимся къ императорамъ, какъ къ нашимъ ближнимъ, потому что намъ запрещено не только желать, но и дѣлать, говорить, даже думать дурное о комъ бы то ни было. Что запрещено относительно императоровъ, то недозволено и по отношенію ко всякому другому. Что недозволительно вообще относительно кого-либо, тѣмъ болѣе—по отношенію къ человѣку, облеченному властью самимъ Богомъ.

XXXVII.

Если, какъ мы выше сказали, намъ заповѣдано любить нашихъ враговъ, то кого же мы будемъ ненавидѣть? Если намъ запрещено мстить за обиды, чтобы не стать наравнѣ съ обидчиками, кого мы можемъ оскоблять? Будьте сами судьями въ этомъ дѣлѣ! Сколько разъ вы жестоко нападали на христіанъ частью подъ вліяніемъ ненависти, частью изъ повиновенія законамъ! Сколько разъ чернь, не дожидаясь вашего приказа, нападала на насъ съ камнями и угрожала сжечь наши дома! Среди вакхическихъ оргій не щадятъ даже труповъ христіанъ: ихъ извлекаютъ изъ мирной гробницы, какъ-бы изъ убѣжища смерти, измѣнившихся до неузнаваемости, разложившихся, разрубаютъ ихъ на части, растаскиваютъ по улицамъ. Замѣтили ли вы, что мы и не стараемся мстить за то остервенѣніе, которое преслѣдуетъ насъ даже въ могилѣ? А вѣдь было бы достаточно одной ночи и нѣсколькихъ факеловъ для нашей мести, если бы намъ было позволено воздавать зломъ за зло! Но не дай Богъ, чтобы религія, имѣющая божественное происхожденіе, прибѣгала для отмщенія за помощью къ человѣческимъ мѣрамъ, напр., къ пожарамъ или чтобы она пала подъ ударами испытаній, которыми доказывается ея истинность! Если бы мы, вмѣсто тайной мести, захотѣли дѣйствовать открыто, какъ враги

государства, то неужели вы думаете, что намъ не достало бы средствъ и силъ? Неужели мавры, маркоманы, парѳяне или какая-нибудь другая нація, заключенная въ узкихъ мѣстныхъ предѣлахъ, многочисленнѣе, чѣмъ народъ, имѣющій границами предѣлы вселенной? Мы вчерашніе, а уже наполняемъ собою все — ваши города, острова, замки, деревни, рынки, вашъ лагерь, трибы, куріи, дворцы, сенатъ, форумъ; мы оставляемъ вамъ одни храмы! На какую войну не были бы мы способны и готовы, даже при неравенствѣ силы, когда мы охотно жертвуемъ жизнью, если бы одна изъ заповѣдей не учила, что лучше быть убитымъ, нежели убивать? Безоружные, не возмущаясь противъ васъ, мы могли бы бороться съ вами при помощи простаго обособленія отъ васъ. Если бы мы всей массой отдѣлились отъ васъ, чтобы удалиться въ какую-нибудь заброшенную вдали страну міра, то потеря и удаленіе столькихъ гражданъ, каковы бы они ни были въ вашихъ глазахъ, смутило бы ваше правительство, и вы были бы наказаны. Безъ сомнѣнія вы были бы повержены въ ужасъ вашимъ одиночествомъ, всеобщимъ безмолвіемъ и оцѣпенѣніемъ какъ бы вымершаго міра... Вы будете искать, надъ кѣмъ вамъ повелѣвать; у васъ останется болѣе враговъ, чѣмъ гражданъ. А теперь, въ силу многочисленности христіанъ, число вашихъ враговъ становится ничтожнымъ; затѣмъ кто васъ спасъ бы отъ тайныхъ враговъ, вредныхъ одинаково для тѣлъ и душъ вашихъ,—отъ демоновъ, которыхъ мы изгоняемъ, не ожидая ни награды, ни выгоды? Для нашего мщенія было бы довольно, если бы мы предоставили нечистымъ духамъ полную свободу владычества. А вы, не думая о наградѣ за услугу, не думая, что мы не только полезны, но даже необходимы вамъ, предпочли считать насъ за враговъ! Да, мы подлинно враги, но враги грѣха, а не человѣческаго рода.

XXXVIII.

Поэтому слѣдовало бы вамъ щадить и считать въ ряду дозволенныхъ сектъ религію, въ которой нѣтъ ничего, что

возбуждаетъ опасенія въ недозволенныхъ сектахъ. Вѣдь, если я не ошибаюсь, эти секты запрещены только въ виду общественнаго спокойствія, чтобы помѣшать распаденію гражданъ на противоположныя партіи, что, конечно, подало бы поводъ къ безпорядкамъ въ комиціяхъ, въ народѣ, въ куріи, сенатѣ, даже на представленіяхъ цирка, въ особенности въ такое время, когда все становится продажнымъ, когда за плату люди готовы на всякое злодѣяніе. Не страдая ни честолюбіемъ, ни тщеславіемъ, мы не имѣемъ никакой нужды въ политическихъ сходкахъ; насъ мало интересуетъ внутренняя и внѣшняя политика: вселенная—вотъ наше государство. Мы отказываемся отъ зрѣлищъ въ вашемъ циркѣ, равно какъ не признаемъ и происхожденія ихъ, порожденнаго вашими суевѣріями, къ которымъ мы относимся съ презрѣніемъ, отвращаемся и отъ всего, что тамъ происходитъ. У насъ нѣтъ ничего общаго съ безумными зрѣлищами цирка, съ безстыдными представленіями театра, съ варварствомъ арены, съ пустымъ времяпрепровожденіемъ ксиста [109]. Эпикурейцамъ позволено же выдавать идею наслажденія за истину. Чѣмъ же мы васъ оскорбляемъ, если мы положили въ основу своей жизни другія наслажденія? Если мы не хотимъ знать никакихъ удовольствій, то этимъ, пожалуй, мы себѣ дѣлаемъ хуже, а никакъ не вамъ. Но мы только не признаемъ вашихъ наслажденій, а вы—нашихъ!

XXXIX.

Теперь я укажу вамъ, чѣмъ занимаются приверженцы христіанской религіи, чтобы, оправдавши нашу религію отъ обвиненія въ причиняемомъ злѣ, выставить на видъ совершаемое ею добро. Соединенные общимъ исповѣданіемъ вѣры, единствомъ ученія и одинаковой надеждой, мы составляемъ единое тѣло. Мы сходимся для молитвы Богу; мы какъ бы устроиваемъ угодный Ему заговоръ. Мы молимся за императоровъ, за ихъ министровъ, за ихъ должностныхъ лицъ, за

благоденствіе живущихъ въ мірѣ, за миръ всего міра, за отсрочку конца свѣта. Мы собираемся для чтенія Священнаго Писанія, гдѣ мы находимъ указаніе на грядущія событія или сличаемъ недавно минувшія событія съ тѣмъ, что встрѣчаемъ въ пророчествахъ. Святое Слово Божіе питаетъ нашу вѣру, поддерживаетъ нашу надежду, укрѣпляетъ нашу увѣренность, утверждаетъ въ доброй нравственности, запечатлѣвая въ насъ заповѣди. Тамъ происходятъ у насъ увѣщанія и наказанія, тамъ же произносится порицаніе во имя Бога. Какъ-бы въ присутствіи самого Бога, мы произносимъ судъ съ большою строгостью. Самымъ сильнымъ осужденіемъ, предваряющимъ будущій страшный судъ, является отлученіе [110] отъ общенія въ молитвѣ, въ собраніяхъ нашихъ и отъ участія во всѣхъ богоугодныхъ дѣлахъ, назначаемое для человѣка, тяжко согрѣшившаго. Предсѣдательствуютъ пресвитеры, достигшіе этой почести не подкупомъ, но ручательствомъ въ испытанной ихъ добродѣтели, потому что въ дѣлахъ Божіихъ деньги не играютъ никакой роли. И если у насъ есть нѣчто въ родѣ казны, то это—деньги, за которыя намъ не придется краснѣть: онѣ не собраны продажею религіи; каждый вноситъ свою ленту въ началѣ мѣсяца или когда онъ хочетъ; жертвуетъ, сколько хочетъ и можетъ, ибо никто не принуждается, но приноситъ добровольно. Это какъ бы благочестивый вкладъ; онъ не тратится на пиры и попойки, и идетъ цѣликомъ на питаніе и погребеніе бѣдняковъ, дѣтей—сиротъ, лишенныхъ всякихъ средствъ къ жизни, престарѣлыхъ слугъ и людей, претерпѣвшихъ кораблекрушеніе. Если есть христіане, осужденные на каторжныя работы въ рудникахъ, на поселеніе на островахъ, на содержаніе въ тюрьмѣ — единственно за исповѣданіе христіанской религіи, за то ихъ также и питаетъ исповѣдуемая ими религія.

Нѣкоторые ставятъ намъ въ вину самое наше милосердіе. «Взгляните (говорятъ они), какъ христіане любятъ другъ друга!» Да, а вы вотъ другъ друга ненавидите! «Посмотрите, какъ они готовы умереть другъ за друга!» Да, а вы вотъ скорѣе готовы зарѣзать другъ друга! Мы называемъ другъ друга

братьями, вы и это ставите намъ въ позоръ, но только потому, что у васъ подъ родственными именами скрываютъ неродственныя чувства. Мы также ваши братья по природѣ—общей матери всѣхъ людей, хотя въ васъ и мало человѣческаго и вы плохіе братья. Гораздо болѣе основаній имѣютъ для того, чтобы называться и считаться братьями тѣ, которые признаютъ Бога за своего единаго Отца, которые получили единую съ нами благодать Святаго Духа; которые, выйдя изъ нѣдръ общаго невѣдѣнія, исполнились восторгомъ предъ Свѣтомъ Истины. Но можетъ быть, насъ не желаютъ признавать братьями потому, что ни одна трагедія не говоритъ о нашемъ братствѣ, потому что мы—братья, соединяемые взаимною помощью другъ другу своимъ имуществомъ, что у васъ, напротивъ, раздѣляетъ родныхъ братьевъ. Составляя одно сердце и одну душу, мы не колеблемся нисколько въ вопросѣ объ общности имущества. Все общее у насъ, кромѣ женъ. Въ этомъ одномъ пунктѣ мы не признаемъ общенія; а вы-то въ этомъ отношеніи имѣете общеніе со всѣми. Вы живете съ женами друзей своихъ и уступаете своихъ женъ друзьямъ, вѣроятно по примѣру древнихъ мудрецовъ—Сократа у Грековъ и Катона у Римлянъ, которые уступили своихъ женъ другимъ для рожденія дѣтей, которыхъ они не были бы уже отцами. Наврядъ ли ихъ жены противились этому: къ чему имъ было заботиться о дѣвственной чистотѣ, которой ихъ мужья такъ легкомысленно жертвовали. О, аттическая мудрость! О, римское величіе! Философъ и цензоръ берутъ на себя роли сводниковъ! Что же вы послѣ этого удивляетесь нашимъ вечерямъ любви (агапамъ)? Вы считаете наши агапы не только преступными, но и расточительными. Къ намъ можно примѣнить, значитъ, слова Діогена: мегаряне тратятъ все на пиръ, какъ будто они на завтра собрались всѣ помирать; за то строятъ такъ, какъ будто бы они—безсмертны! Но сучокъ въ чужомъ глазу всякій видитъ скорѣе, чѣмъ бревно въ своемъ. Воздухъ зараженъ міазмами отъ рвотныхъ изверженій стольких трибъ, курій, декурій! Вашимъ саліямъ скоро понадобится кредиторъ для поддержанія блеска ихъ пировъ; потребуются спеціальные бухгалтеры для веденія расходныхъ книгъ по статьямъ расходовъ на торжественные пиры въ честь Геркулеса! Для праздника Апатурій [111], Діонисій и аттическихъ мистерій приглашаютъ лучшихъ поваровъ; дымъ отъ приготовленія кушанья на праздникъ Сераписа производитъ тревогу въ пожарной стражѣ. А все говорятъ, безъ умолку говорятъ только о христіанскомъ триклиніи! Смыслъ нашего пира можно понять по названію ἀγάπη, что по гречески означаетъ «*любовь*» [112]. Сколько бы они намъ ни стоили, мы рады представившемуся случаю истратить деньги на доброе дѣло. Мы подаемъ этимъ утѣшеніе бѣднякамъ. Мы не поступаемъ съ ними, какъ вы со своими паразитами, которые, жертвуя свободой желудку, насыщаются среди всякаго рода насмѣшекъ; нѣтъ, мы принимаемъ ихъ, какъ людей, на которыхъ милостиво взираетъ Богъ. Зная, насколько честенъ мотивъ нашего пира, вы поймете, что все происходящее на пиру, согласно его цѣли, имѣетъ основу и освященіе въ религіи. Вы тамъ не встрѣтите ничего низкаго или нескромнаго. За столъ садятся не иначе какъ помолившись Богу; ѣдятъ на столько, чтобы утолить голодъ; пьютъ не до потери сознанія; насыщаются до такой степени, чтобы постоянно мысленно быть готовыми, даже ночью, къ поклоненію Богу; бесѣдуютъ, какъ люди, знающіе, что ихъ слышитъ Богъ; послѣ омовенія рукъ и возженія свѣчей, каждый приглашается пѣть гимны, составленные имъ самимъ или взятые изъ Священнаго Писанія. Такимъ способомъ узнаютъ, не выпилъ ли кто съ излишкомъ. Пиръ оканчивается молитвою. Расходятся послѣ него съ той же скромностью и съ сохраненіемъ приличій, да и не для того, чтобы спѣшить въ шайки убійцъ, въ кружки грабителей, въ развратныя компаніи. При выходѣ съ пира можно подумать, что это люди, вкушавшіе вмѣсто пищи ученіе добродѣтели. Пусть не дозволяютъ этихъ собраній христіанъ, если онѣ похожи на недозволенныя; пусть ихъ преслѣдуютъ уголовнымъ судомъ, если они одинаковы съ тѣми; только можетъ ли кто подать на нихъ жалобу въ той формѣ, которая употребляется

при жалобахъ на политическія собранія? Собираемся ли мы для чьей нибудь гибели? Вмѣстѣ и врозь, въ собраніи и въ уединеніи мы одинаково никого не оскорбляемъ, никого не печалимъ. Когда же сходятся люди честные и благочестивые, не называйте это сборищемъ толпы—это засѣданіе сената!

XL.

Напротивъ сборищемъ можно назвать собраніе той толпы, которая ненавидитъ и злоумышляетъ противъ этихъ добродѣтельныхъ людей, которая требуетъ съ криками крови невинныхъ, которая пользуется для оправданія своей ненависти пустымъ предлогомъ, будто христіане—причина всѣхъ общественныхъ бѣдствій, всѣхъ государственныхъ потерь... Тибръ ли подходитъ къ стѣнамъ Рима, Нилъ ли недостаточно разливается по пашнямъ, стоитъ ли засуха, происходитъ ли землетрясеніе, случится ли голодъ или чума—тотчасъ начинаютъ кричать: christianos ad leonem! (христіанъ ко льву)! Какъ! Столько людей на разстерзаніе одного льва! Но раньше Тиберія, т.-е. до пришествія Христа, развѣ весь земной шаръ и различные города не потерпѣли массы бѣдствій? Мы знаемъ, что Гіераполь, острова Делосъ [113], Родосъ и Косъ затонули съ тысячами жителей. Платонъ упоминаетъ, что Атлантическое море похитило у Азіи и Африки бо́льшую часть суши, чѣмъ остается теперь. Землетрясеніе высушило Коринѳское море, а Луканія, напоромъ волнъ отдѣленная отъ Италіи, стала островомъ Сициліей. Подобныя катастрофы прошли не безъ погибели жителей. Гдѣ были—не скажу христіане, презирающіе вашихъ боговъ—а сами боги ваши, когда потопъ покрылъ водой весь земный шаръ или, какъ полагалъ Платонъ, только равнины? Города, гдѣ родились и умерли ваши боги, равно какъ и тѣ, которые они даже построили, свидѣтельствуютъ, что боги ваши позднѣе потопа, такъ какъ и сами города не уцѣлѣли бы, если бы ихъ основаніе предшествовало потопу. Іудеи, выйдя изъ Египта, за-

долго до возникновенія христіанства, не успѣли еще укрѣпиться въ Палестинѣ, какъ огненный дождь попалилъ пограничные съ ними города Содомъ и Гоморру; земля еще до сихъ поръ пахнетъ гарью; растущія тамъ яблоки можно только смотрѣть, не беря въ руки: при малѣйшемъ прикосновеніи онѣ разсыпаются въ пепелъ. Ни Этрурія, ни Кампанія не жаловались на христіанъ, когда небесный огонь поразилъ городъ Вольсиніи [114], а изверженіе вулкана истребило городъ Помпею.

Никто въ Римѣ не поклонялся Истинному Богу, когда Аннибалъ послѣ пораженія при Каннахъ измѣрялъ мѣрой римскіе перстни. Всѣ боги ваши почитались всѣми еще, когда сеноны [115] осадили самый Капитолій. Такъ какъ тѣ же самыя бѣдствія, которыя выпадали на долю городовъ, терпѣли одинаково и храмы боговъ, то вы сами понимаете, что эти бѣдствія происходятъ не отъ вашихъ боговъ, которые при этомъ не менѣе страдаютъ отъ происходящихъ бѣдствій. Во всѣ времена человѣческій родъ мало угождалъ Богу; вопервыхъ, не стараясь познать Его, хотя Онъ и открывался отчасти, люди почитали боговъ своего собственнаго изобрѣтенія; во вторыхъ, не находя покровителя невинныхъ и судьи—мстителя виновныхъ, люди впали во всякіе пороки и преступленія. А если бы они искали Бога, они познали бы Его; познавши, стали бы чисты. Угождая же Ему, узнали бы, что Богъ милосердъ. Богъ, который каралъ людей до появленія христіанъ, тотъ же самый, который караетъ и теперь. Богъ сначала творилъ добро людямъ; но люди, не зная ихъ благодѣтеля, создали себѣ идоловъ. Неужели они не поймутъ, что кары и бѣдствія ниспосылаются Тѣмъ, Чьихъ благодѣяній не умѣли оцѣнить? Вѣдь кара не болѣе, какъ слѣдствіе ихъ неблагодарности. Впрочемъ если сравнить предшествующія и позднѣйшія бѣдствія, то мы увидимъ, что эти бѣдствія стали слабѣе съ тѣхъ поръ, какъ, по милости Божіей, появились въ мірѣ христіане. Съ этого времени невинность умѣрила и уравновѣсила вѣковую неправду, и появились ходатаи людей передъ Богомъ. Когда засуха грозитъ неурожаемъ, вы приносите жертвы Юпитеру, вы объявляете на-

роду о паломничествѣ босыми ногами [116] для молитвы о дарованіи дождя; на Капитоліи ищете неба; на сводахъ храма ожидаете появленія тучъ, позабывъ и небо и Бога... И во все это время настежъ открыты бани, кабаки, дома терпимости... Мы же, истощенные постами, очищенные всякаго рода воздержаніемъ, удалившись отъ житейскихъ наслажденій, покрытые вретищемъ и пепломъ, смягчаемъ гнѣвъ Неба; а какъ только Оно склонится милостиво на наши мольбы, вы прославляете Юпитера, пренебрегая истиннаго Бога.

XLI.

Вы служите бременемъ міру; почитая идоловъ и презирая Истиннаго Бога, служите сами причиной всѣхъ общественныхъ бѣдствій. Вѣроятнѣе предположить, что гнѣвается Тотъ, Кого пренебрегаютъ, а не тѣ, кого почитаютъ. Какъ несправедливы ваши боги, если они за христіанъ карають и своихъ почитателей, которыхъ они должны бы были отдѣлить отъ заслужившихъ кару христіанъ! Эти слова, скажете вы, можно отнести и къ христіанскому Богу, который допускаетъ, что Его чтители терпятъ то же, что и невѣрующіе въ Него. Узнайте сначала Его предначертанія, и вы возмете назадъ свое возраженіе. Богъ, опредѣливъ вѣчному суду быть по скончаніи вѣка, не спѣшитъ ранѣе кончины міра отдѣленіемъ, которое явится необходимымъ слѣдствіемъ суда. Пока же Его милосердіе и гнѣвъ одинаково испытываютъ всѣ люди. Онъ пожелалъ, чтобы невѣрующіе въ Него раздѣляли съ вѣрными посылаемыя Имъ бѣдствія и творимое Имъ благо; чтобы тѣ и другіе испытали на себѣ Его кротость и Его суровость. Наученные Имъ Самимъ, мы любимъ Его кротость, боимся Его гнѣва. Вы же одинаково принебрегаете и то и другое. Отсюда вытекаетъ, что всѣ міровыя бѣдствія вамъ служатъ казнью, намъ же предостереженіемъ. Поэтому мы нисколько не ропщемъ на эти бѣдствія. Во первыхъ мы не имѣемъ другихъ интересовъ въ этой жизни, кромѣ одного

желанія уйти изъ міра какъ можно скорѣе. Затѣмъ, если случается какое либо несчастіе, мы считаемъ его вызваннымъ вашими преступленіями. Хотя эти бѣдствія отзываются и на насъ, мы только радуемся исполненію словъ пророческихъ, подтверждающему незыблемость нашего упованія. А если всѣ бѣдствія изъ-за насъ насылаютъ на васъ ваши боги, то зачѣмъ вы такъ упорно чтите ихъ, неблагодарныхъ, несправедливыхъ боговъ, которые должны бы были, кажется, на зло христіанамъ, помогать и споспѣшествовать вамъ?

XLII.

Намъ дѣлаютъ еще одинъ упрекъ: насъ называютъ безполезными членами общества. Какимъ это образомъ? Мы живемъ вмѣстѣ съ вами, пользуемся той же пищей, одеждой, тотъ же у насъ внѣшній образъ жизни,—тѣ же жизненныя потребности. Вѣдь мы не брамины, не индійскіе гимнософисты [117], не лѣсные дикари; мы не удаляемся отъ жизни. Мы помнимъ, что всѣмъ мы обязаны благости Бога Творца. Мы не отвергаемъ ничего изъ сотвореннаго Имъ; мы только соблюдаемъ мѣру, чтобы не впасть въ излишество или въ злоупотребленіе. Живя съ вами, мы не обходимся безъ форума, безъ рынка, безъ бань, безъ гостинницъ, мастерскихъ, ярмарокъ. Вмѣстѣ съ вами и подобно вамъ мы плаваемъ, отправляемъ военную службу, обработываемъ землю, торгуемъ. Мы занимаемся тѣми же ремеслами, и продукты своего труда выпускаемъ въ свѣтъ для вашего употребленія. Я не понимаю, какимъ же образомъ мы можемъ оказаться безполезными членами общества, въ которомъ мы живемъ? Если я не присутствую на вашихъ церемоніяхъ, я, тѣмъ не менѣе, остаюсь и живу, какъ человѣкъ. Я не моюсь на закатѣ солнца, во время Сатурналій, чтобы не терять даромъ дня и ночи. Я купаюсь въ удобный и полезный часъ дня, чтобы не заморозить крови въ жилахъ; ставши трупомъ, я успѣю еще похолодѣть и посинѣть послѣ омовенія

На праздникѣ Бахуса, я не ѣмъ среди толпы по примѣру пирующихъ гладіаторовъ [118], назначенныхъ биться со звѣрями, но гдѣ бы я ни ѣлъ, моя пища та же, что и ваша. Я не покупаю вѣнковъ для головы, но я покупаю цвѣты,—и что вамъ за дѣло, какое употребленіе я дѣлаю изъ этихъ цвѣтовъ? Я люблю больше цвѣты, когда они не связаны вмѣствѣ, не образуютъ ни вѣнка, ни гирлянды. А если они собраны въ вѣнокъ, то я вдыхаю ароматъ съ этого вѣнка носомъ—прошу извиненія у тѣхъ, кто носитъ вѣнки на головахъ и имѣетъ органъ обонянія въ волосахъ. Я не хожу смотрѣть на ваши зрѣлища; если же я не покупаю, что продается тамъ, я вѣдь могу купить каждую вещь въ своемъ мѣстѣ. Мы, правда, не покупаемъ ладону, но если арабы вамъ жалуются на это, то сабеяне продаютъ намъ болѣе цѣнныя благовонія и въ большемъ количествѣ, чѣмъ вы тратите для куреній богамъ, для погребенія [119] нашихъ покойниковъ. Но вы скажете еще, что доходы храмовъ уменьшаются со дня на день... Кто теперь дѣлаетъ приношенія?— Извините: нашихъ средствъ не хватитъ для помощи и людямъ и вашимъ нищимъ богамъ. Сверхъ того, мы полагаемъ, что обязаны давать только тѣмъ, кто проситъ. Пусть Юпитеръ протянетъ руку, мы подадимъ и ему милостыню! Мы расходуемъ болѣе на уличныя милостыни, чѣмъ вы на жертвы въ храмахъ. Что касается другихъ сборовъ, то казначейство можетъ только благодарить христіанъ, такъ какъ мы воздерживаемся отъ всякаго обмана и аккуратно уплачиваемъ какъ частные долги, такъ и государственные сборы. А вотъ вы зачастую обманываете государство ложными оцѣнками. Отсюда ясно, что упрекъ относительно уменьшенія доходовъ въ храмахъ слѣдуетъ оставить безъ вниманія, въ виду выгодъ, доставляемыхъ нами въ другихъ отношеніяхъ.

XLIII.

Я готовъ однако сознаться, что нѣкоторые люди имѣютъ основанія считать христіанъ безполезными для общественной

дѣятельности. Но что это за люди? Сводники, обольстители и ихъ агенты; убійцы, отравители и маги; гаруспексы, гадатели, астрологи. Несомнѣнно мы имѣемъ большую выгоду въ томъ, что имъ нельзя вести съ нами никакого дѣла. Если вы имѣете невыгоды отъ существованія христіанъ, то эта невыгода уравновѣшивается пользой, приносимой нами; чего стоитъ то, что имѣете людей, изгоняющихъ бѣсовъ изъ васъ, людей молящихся за васъ Истинному Богу; людей, которыхъ вамъ нечего бояться!

XLIV.

Истинной, дѣйствительной потерей для государства, на которую, однако, никто не обращаетъ вниманія и въ которой никто не отдаетъ себѣ отчета — является потеря столькихъ невинныхъ и праведныхъ людей, которыхъ вы губите. Я беру въ свидѣтельство ваши собственные судебные акты, акты людей, предсѣдательствующихъ при судопроизводствѣ, постановляющихъ рѣшенія по дѣламъ. Среди массы преступниковъ, осужденныхъ вами, есть ли хотя одинъ убійца, мошенникъ, святотатецъ, обольститель, банный воръ—изъ числа христіанъ? Наоборотъ—среди тѣхъ, которые обвинены въ исповѣданіи христіанской религіи, есть ли хотя одинъ, котораго вы могли бы уличить въ преступленіяхъ, за которыя вы налагаете наказанія другимъ? Ваши собратья наполняютъ тюрьмы; ихъ стонами оглашаются рудники; мясомъ ихъ насыщаются звѣри; среди нихъ набираютъ наемныя шайки гладіаторовъ; нѣтъ ни одного христіанина среди подобныхъ людей. Только исповѣданіе христіанской религіи привлекаетъ христіанина въ судъ на ряду съ прочими обвиняемыми. А если онъ окажется виновенъ въ какомъ либо изъ преступленій, то онъ уже пересталъ быть христіаниномъ.

XLV.

Мы одни невинны. Что тутъ удивительнаго, если невинность составляетъ для насъ необходимость? Дѣйствительно—

необходимость. Самъ Богъ наставилъ насъ въ ней; мы знаемъ ее въ совершенствѣ, научившись ей отъ совершеннаго учителя; мы хранимъ ее вѣрно потому, что мы получили ее отъ Судьи, къ Которому нельзя относиться съ презрѣніемъ. Вамъ же человѣческій авторитетъ вручилъ правила нравственности, человѣческая власть предписала. Поэтому вы не можете ни знать ее такъ, какъ мы знаемъ, ни бояться ея нарушенія. Можетъ ли человѣческая мудрость отыскать, въ чемъ заключается истинное благо? Можетъ ли человѣческій авторитетъ побудить къ его исполненію? Мудрость человѣческая можетъ легко ошибиться, авторитетъ—ослабѣть. Какая изъ заповѣдей совершеннѣе: та ли, которая гласитъ: «не убивай» или та, которая предписываетъ: «не гнѣвайся»? Та ли, которая запрещаетъ прелюбодѣяніе, или та, которая ставитъ въ вину даже соблазнъ глаза? Какая мудрѣе: та-ли, что запрещаетъ дурные поступки, или та, что запрещаетъ даже злословіе? Та ли, что запрещаетъ поступать несправедливо, или та, что запрещаетъ даже отплачивать за обиду обидой? Замѣтьте при этомъ, что ваши законы заимствовали все, что въ нихъ есть хорошаго, изъ божественнаго закона, какъ болѣе древняго, перемѣнивъ только форму. Мы говорили о томъ, когда жилъ Моисей. Но еще разъ спрошу васъ, какой авторитетъ имѣютъ человѣческіе законы? Почти всегда преступникъ можетъ избѣжать ихъ кары, скрываясь за недоказательностью преступленія; подъ вліяніемъ страсти или необходимости люди легко нарушаютъ ихъ. Наконецъ самое наказаніе за нарушеніе вашего закона кратковременно и не простирается за предѣлы гроба.

Поэтому Эпикуръ презиралъ всѣ мученія и всѣ печали, говоря, что умѣренныя страданія сносны, а сильное мученіе непродолжительно. Мы же, имѣя судьей своимъ Бога, который видитъ все и, зная, что Его кара вѣчна, являемся единственными людьми, которые истинно могутъ любить невинность, вслѣдствіе полноты свѣдѣній, которыми обладаемъ; вслѣдствіе невозможности скрыться отъ очей Божіихъ, наконецъ вслѣдствіе страшныхъ мученій, не скажу—продолжительныхъ, но вѣчныхъ, вслѣдствіе страха не предъ проконсуломъ, но передъ Тѣмъ, Кого долженъ бояться и тотъ, кто судитъ боящихся,—предъ Богомъ.

XLVI.

Надѣюсь, я отстоялъ христіанъ отъ всѣхъ обвиненій, направленныхъ противъ нихъ изъ-за жажды крови. Я показалъ, въ чемъ заключается наша религія, и доказалъ правду моихъ словъ при помощи авторитета и древности Священнаго Писанія, а также чрезъ свидѣтельство демоновъ. А кто захочетъ опровергнуть слова мои, тотъ пусть отложитъ въ сторону свое краснорѣчіе и выскажетъ свои возраженія съ той же простотой и откровенностью, примѣръ которой я подалъ въ дѣлѣ защиты истины.

Но недовѣріе, принужденное почтить превосходство нашей религіи, узнанное изъ опыта и изъ сношеній съ нами, усиливается утверждать, что это не религія божественнаго откровенія, а просто философская система. Философы, говорятъ намъ, проповѣдуютъ ту же невинность, правду, терпѣніе, трезвость, скромность. Но если наше ученіе похоже на философскую систему, то почему намъ не позволено исповѣдывать ее съ той же свободой и съ той же безнаказанностью? Если философскія школы похожи на наши, то почему жъ ихъ не принуждаютъ къ тому же, къ чему принуждаютъ насъ, и отказъ отъ чего грозитъ намъ лишеніемъ жизни? Найдется ли какой-нибудь послѣдователь извѣстной философской системы, котораго бы вы принудили приносить жертвы, клясться богами, зажигать лампады при полномъ дневномъ свѣтѣ? Напротивъ: они открыто опровергаютъ культъ вашихъ боговъ, пишутъ противъ вашихъ суевѣрій, и вы рукоплещете имъ. Большая часть изъ нихъ кричатъ противъ императоровъ [120], и вы ихъ одобряете; вмѣсто того, чтобы присуждать ихъ къ растерзанію звѣрями, вы ихъ

вознаграждаете, воздвигаете имъ статуи. Это и понятно: они называются философами, а не христіанами, а имя философовъ не изгоняетъ демоновъ. Философы помѣщаютъ демоновъ даже на второмъ мѣстѣ послѣ боговъ. «Если мой демонъ позволитъ»—говорилъ обыкновенно Сократъ. И этотъ философъ, который предчувствовалъ истину, отрицая многочисленность боговъ, въ часъ смерти, однако, приказалъ принести за него въ жертву Эскулапу пѣтуха... безъ сомнѣнія, чтобы почтить отца этого бога—Аполлона, оракулъ котораго объявилъ его мудрѣйшимъ человѣкомъ всей Греціи. Этотъ Аполлонъ оказался несообразительнымъ, свидѣтельствуя о мудрости человѣка, отрицавшаго его существованіе. Чѣмъ ненавистнѣе истина, тѣмъ ненавистнѣе дѣлается человѣкъ, проповѣдующій ее во всей наготѣ. Самое вѣрное средство угодить врагамъ истины—это маскировать и искажать ее. Это извѣстный пріемъ философовъ; они горячо берутся за истину и, хвалясь тѣмъ, что учатъ истинѣ, искажаютъ ее, потому что у нихъ нѣтъ другой заботы, какъ только прославленіе себя самихъ. Христіане же, заботясь о своемъ спасеніи, естественно, любятъ истину и исповѣдуютъ ее во всей чистотѣ. Философовъ не стоитъ сравнивать съ христіанами ни по ихъ ученію, ни по чистотѣ нравовъ. Ѳалесъ, этотъ великій физикъ, могъ ли отвѣтить что нибудь положительное на вопросъ Креза о божествѣ? Не уклонился ли онъ отъ прямого отвѣта тѣмъ, что потребовалъ себѣ времени для размышленія? А у христіанъ послѣдній изъ ремесленниковъ не только знаетъ Бога, но можетъ и другаго научить Богопознанію и удовлетворительно даетъ отвѣтъ на каждый вопросъ о Богѣ. Между тѣмъ какъ Платонъ утверждаетъ, что Творца вселенной и познать нелегко и, познавши, трудно объяснить всѣмъ. Захотятъ ли философы бесѣдовать съ нами о чистотѣ, я прочту имъ часть аттическаго смертнаго приговора относительно Сократа, гдѣ онъ объявленъ развратителемъ юношества. Христіанинъ знаетъ, что обхожденіе съ женщинами имѣетъ извѣстныя границы. Извѣстно, какъ гетера Фрина смиряла любовный пылъ Діогена, какъ Сверзипъ,

ученикъ Платона, былъ убитъ, захваченный на мѣстѣ прелюбодѣянія. Христіанинъ же бываетъ мужемъ только своей жены. Демокритъ, ослѣпляя самъ себя, потому что онъ не могъ видѣть женщины безъ вожделѣнія, а вожделѣя страдалъ, своимъ поступкомъ обнаруживаетъ только свою невоздержность. Христіанинъ, сохраняя свои глаза, можетъ безопасно взирать на женщинъ, потому что его сердце закрыто для приступовъ страсти. Заговорю ли я о смиреніи? Я вспомню, съ какой гордостію Діогенъ пачкалъ своими грязными ногами роскошную обстановку Платона. Христіанинъ не умѣетъ быть гордымъ даже съ бѣднякомъ. Коснусь ли я скромности? Пиѳагоръ добивался тиранніи надъ турійцами [121], Зенонъ надъ пріэнцами. Христіанинъ не добивается даже должности эдила. Буду ли бесѣдовать о спокойствіи духа, мнѣ вспоминается, что Ликургъ уморилъ себя съ голода, потому что лакедемоняне измѣнили что-то въ его законахъ; христіанинъ же благословляетъ того, кто осудилъ его на смерть. Стану ли говорить о честности, опять я вижу, какъ Анаксагоръ не выдаетъ чужестранцамъ довѣреннаго ему имущества. Люди всѣхъ странъ свидѣтельствуютъ, напротивъ, о честности христіанъ. О простотѣ? Аристотель [122] согналъ позорно своего друга Гермія съ занимаемаго имъ мѣста; а христіанинъ постыдился бы унизить своего врага! Тотъ же Аристотель, воспитывая Александра, низко льстилъ ему, а Платонъ за хорошій столъ продалъ свою свободу Діонисію; Аристиппъ, въ пурпурѣ, подъ покровомъ самой строгой важности, предается разврату. Гиппій [123] убитъ въ ту минуту, когда онъ готовъ былъ измѣнить отечеству. Христіанинъ не рѣшится на это никогда, даже съ цѣлью отомстить за самое безчеловѣчное обращеніе съ его собратьями. Но, можетъ быть, скажутъ, что и среди насъ найдутся люди, отступающіе отъ правилъ доброй нравственности; но пусть не забудутъ при этомъ, что мы исключаемъ подобныхъ лицъ изъ числа христіанъ. Вашимъ же философамъ ихъ безнравственные поступки не мѣшаютъ по прежнему носить почетное имя мудреца. Что общаго между философомъ и христіаниномъ? между уче-

никомъ Греціи и ученикомъ Неба? Между человѣкомъ жаждущимъ славы и жаждущимъ спасенія? Между авторомъ словъ и исполнителемъ мудрыхъ дѣлъ? Между разрушителемъ и созидателемъ? Между тѣмъ, кто выдумываетъ все новыя заблужденія, и тѣмъ, кто бережно хранитъ истину? Между похитителемъ истины и ея стражемъ?

XLVII.

Такъ какъ древность Священнаго Писанія, которую я установилъ выше, должна заставить васъ повѣрить, что оно—всеобщее сокровище, изъ котораго черпали мудрецы, жившіе послѣ, все, что они знали; и я распространилъ бы доказательство этого, если бы не боялся увеличить объемъ сочиненія. Кто изъ поэтовъ и софистовъ не заимствовалъ изъ пророковъ? Изъ того же источника и философы утоляли жажду души своей. Поэтому ихъ сравниваютъ съ христіанами. Я думаю—на основаніи согласія ихъ ученія съ Священнымъ Писаніемъ нѣкоторыя государства, какъ Спарта, Ѳивы, Аргосъ и изгнали философовъ отъ себя. Эти люди, страстно жаждавшіе славы и стремившіеся къ краснорѣчію, старались проникнуть въ возвышенный смыслъ нашего писанія; встрѣчая тамъ что нибудь, отвѣчавшее цѣли ихъ любопытства, они присвоивали себѣ. Не признавая божественности писаній, они не задумывались измѣнять ихъ. При этомъ многаго они не понимали, такъ какъ многія мѣста писанія прикровенны и были неясны даже для іудеевъ, которые считали писаніе своимъ. Презирая истину за ея наготу и примѣшивая къ ней собственные вымыслы, они затемняли и то, что было ясно. Вмѣсто того, чтобы познать Бога такимъ, какимъ они нашли Его въ Священномъ Писаніи, стали размышлять о Его природѣ, свойствахъ, мѣстѣ обитанія. Платоники считаютъ Бога безтѣлеснымъ, Стоики тѣлеснымъ. По Эпикуру—Богъ состоитъ изъ атомовъ, по Пиѳагору—изъ чиселъ, по Гераклиту—изъ огня. По ученію платоников, Богъ заботится обо всемъ, по ученію эпикурейцевъ, Онъ постоянно въ покоѣ и инерціи, безсиленъ во всемъ, что совершается съ людьми. Стоики предполагаютъ Его живущимъ внѣ міра, который Онъ приводитъ въ движеніе, какъ горшечникъ—свое колесо. По платоникамъ Онъ живетъ въ мірѣ, которымъ Онъ управляетъ, какъ лоцманъ кораблемъ. Не менѣе разнятся ихъ взгляды и на міръ: былъ ли онъ сотворенъ или нѣтъ; окончится ли онъ или его существованіе не прекратится никогда. Различно смотрятъ они и на субстанцію души; по однимъ, она божественна и безсмертна, по другимъ, она не отдѣлима отъ тѣла. Каждый прибавляетъ и измѣняетъ согласно своему желанію. Не слѣдуетъ удивляться, что воображеніе философовъ исказило столь древнія книги: ихъ послѣдователи искажали новыя книги христіанъ согласно со своими системами и изъ одного пути они сдѣлали много дорожекъ, такъ что теряется наконецъ всякій слѣдъ. Это я говорю мимоходомъ, изъ боязни, чтобы большое количество сектъ не подало поводъ сравнивать христіанъ съ философами, чтобы по противорѣчивому толкованію не судили о самой истинѣ. Всѣмъ исказителямъ Евангелія мы возражаемъ, что единая, истинная религія получила начало отъ Іисуса Христа, передана намъ Апостолами, которые предшествуютъ всѣмъ новаторамъ. Въ самой истинѣ, при помощи духовъ лжи, найдено оружіе противъ нея. Эти духи исказили наше спасительное ученіе, они изобрѣли разные миѳы въ подраженіе нашему ученію, чтобы ослабить вѣру въ истину или направить эту вѣру къ нимъ самимъ. Нельзя де вѣрить христіанамъ, такъ какъ нельзя вѣрить поэтамъ и философамъ, или скорѣе слѣдуетъ вѣрить послѣднимъ, чѣмъ христіанамъ. Поэтому предсказывая, что за смертію послѣдуетъ судъ Божій, мы подвергаемся осмѣянію, такъ какъ поэты и философы говорятъ объ адскомъ судѣ. Угрожаемъ ли мы геенной огненной, подъ которой разумѣемъ подземный огонь, уготованный для грѣшниковъ, надъ нами смѣются еще болѣе, потому что въ царствѣ Плутона протекаетъ Пирифлегетонъ. Говоримъ ли мы о раѣ, предназна-

ченномъ Богомъ для душъ святыхъ и отдѣленномъ отъ этого міра огненнымъ поясомъ, мы встрѣчаемъ Элизіумъ, предвосхищающій вѣру въ рай. Откуда же, какъ не изъ христіанскихъ тайнъ, заимствовали поэты и философы массу столь аналогичныхъ истинъ? Если наши тайны, какъ болѣе древнія, послужили источникомъ для миѳовъ поэтовъ и философовъ то, естественно, онѣ болѣе достовѣрны, чѣмъ несовершенное воспроизведеніе ихъ. Если же по вашему поэты и философы почерпнули все изъ своего воображенія, то наши тайны являются воспроизведеніемъ послѣдующаго, что нелѣпо: никогда тѣнь не предшествовала самой фигурѣ, ни копія—оригиналу.

XLVIII.

Пусть какой нибудь философъ станетъ утверждать, какъ дѣлаетъ это Лаберій, говоря о мнѣніи Пиѳагора, что мулъ становится мужчиной, а женщина—эхидной, пусть онъ употребитъ всю силу краснорѣчія для доказательства своей системы, онъ васъ увлечетъ и убѣдитъ воздерживаться отъ мяса животныхъ, чтобы въ быкѣ нечаянно не съѣсть своего предка! Но пусть христіанинъ начнетъ увѣрять, что человѣкъ снова станетъ человѣкомъ, что Кай снова будетъ Каемъ, мало того, что его изобьетъ народъ, быть можетъ—онъ будетъ побитъ камнями. Если есть какая нибудь причина вѣрить возвращенію человѣческихъ душъ въ тѣла, то почему имъ не возвратиться въ тѣ же самыя тѣла, такъ какъ воскресеніе состоитъ въ воспроизведеніи того, что уже было? Вѣдь если души не будутъ вновь тѣмъ, чѣмъ были, т. е. душами человѣческими, облеченными въ тѣла, то онѣ сами уже не будутъ тѣмъ, чѣмъ были прежде. Можно ли объ нихъ сказать, что онѣ возвратились къ жизни, если онѣ не останутся тѣ же? Одно изъ двухъ: ставъ чѣмъ нибудь другимъ, они не будутъ сами собой, или, оставшись сами собой, не могутъ произойти изъ чего либо другаго. Много можно было

бы пошутить, разсуждая на эту тему: кто въ какого звѣря преобразится. Но разумнѣе вѣрить, что каждый человѣкъ станетъ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, что каждая душа вновь войдетъ въ свое тѣло, хотя, можетъ быть, его видъ не будетъ вполнѣ тожественъ съ теперешнимъ. Такъ какъ воскресеніе предваряетъ страшный судъ, то человѣкъ необходимо долженъ стать тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, чтобы получить отъ Бога награду или осужденіе! Тѣла должны также воскреснуть, съ одной стороны потому что душа можетъ чувствовать только въ соединеніи съ тѣломъ, съ другой потому что съ тѣломъ и въ тѣлѣ она совершила грѣхи, за которые придется отвѣтить на страшномъ судѣ. Но какимъ образомъ, скажете вы, истлѣвшее тѣло можетъ снова стать тѣломъ? Человѣкъ, обрати вниманіе на самого себя—и ты повѣришь! Вспомни, чѣмъ ты былъ прежде, чѣмъ родился? Ничѣмъ, ибо ты вспомнилъ бы, если бы былъ чѣмъ-нибудь. Развѣ Тотъ, Кто изъ ничтожества призвалъ тебя къ жизни, не можетъ, послѣ твоей смерти, вновь даровать тебѣ бытіе и жизнь? Что тутъ новаго? Тебя не было, и ты существуешь, тебя снова не будетъ, и опять оживешь. Скажи мнѣ сначала, какъ ты былъ созданъ впервые? И тогда спроси, какимъ образомъ ты снова будешь жить. Вторичное существованіе твое должно стоить меньше труда, послѣ того какъ первое ничего не стоило. Вѣдь не будете же вы сомнѣваться въ могуществѣ Бога, Который сотворилъ вселенную изъ ничего, изъ царства запустѣнія и смерти, Который далъ жизнь всему живущему. Чтобы помочь вамъ вѣрить, Богъ далъ вамъ нѣсколько образовъ воскресенія. Поочередно мракъ смѣняется свѣтомъ и свѣтъ—мракомъ, звѣзды потухаютъ и вспыхиваютъ; времена года проходятъ и вновь наступаютъ; плоды собираются и вновь произрастаютъ; сѣмена истлѣваютъ, чтобы принести обильнѣйшій плодъ; все продолжаетъ жить въ своемъ уничтоженіи, находитъ новую жизнь въ смерти. А одинъ ты изъ всего существующаго, хоть бы ты только отъ Дельфійскаго оракула [124] узналъ о томъ, кто ты, — человѣкъ, владыка всего умирающаго и возрождающагося—ты одинъ послѣ

смерти погибнешь навсегда?!... Успокойся: гдѣ бы ты ни умеръ, что бы тебя ни сокрушило, ни поглотило, ни уничтожило, вновь возвратитъ тебя! Смерть властвуетъ надъ всѣмъ, и въ то же время ничто ей неподвластно. «Какъ!? скажете вы: придется постоянно умирать и возрождаться!?» А чтожъ такое? Еслибы Владыка міра установилъ такъ, волей-неволей вамъ пришлось бы подчиниться этому закону. Но Онъ установилъ такъ, какъ Самъ возвѣстилъ. Премудрость, устроившая міръ изъ хаоса, изъ разнообразія элементовъ, соединившая въ одно гармоническое цѣлое пустоту и плотность, одушевленное и неодушевленное, ограниченность и необъятность, свѣтъ и тьму, жизнь и смерть,—установила два различныхъ періода времени: первый, который начался вмѣстѣ съ началомъ міра, и окончится съ его концомъ, и другой, котораго мы ожидаемъ, — онъ будетъ продолжаться вѣчно. Когда же настанетъ срокъ и предѣлъ, зіяющій между временемъ и вѣчностью, тогда исчезнетъ также образъ міра сего, столь же временный, какъ и само время, исчезнетъ подобно завѣсѣ, отдѣляющей отъ насъ вѣчность,—тогда воскреснутъ всѣ люди для полученія возмездія за то, что они совершили добраго и злаго, — для вѣчныхъ мукъ или для вѣчнаго блаженства. Тогда мы уже не будемъ знать ни смерти, ни воскресенія. Ставши вновь тѣмъ, что и теперь, мы болѣе не измѣнимся. Чтители истиннаго Бога, облеченные въ нетлѣнныя одежды, на вѣки будутъ соединены съ Богомъ. Невѣрные, равно какъ и тѣ, которые не окажутся безпорочными въ очахъ Божіихъ, подвергнутся вѣчнымъ мученіямъ въ неугасимомъ, по своей природѣ, пламени. Даже философы знаютъ объ этомъ различіи между обыкновеннымъ и этимъ таинственнымъ пламенемъ. Иное дѣло обыкновенный огонь, который служитъ на пользу человѣку, и другое дѣло—тотъ, который появляется, по особенному опредѣленію Божію, или въ видѣ молніи или при вулканическихъ изверженіяхъ. Онъ сжигая не уничтожаетъ и губя возстановляетъ: горы горятъ и не сгораютъ, человѣкъ, пораженный молніей,

остается цѣлъ и никакимъ огнемъ больше не уничтожается [125]. Вотъ доказательство, вотъ примѣръ вѣчнаго огня, служащаго для вѣчныхъ мученій; горы горятъ и не сгораютъ— что же станется съ грѣшниками и врагами Божіими?

XLIX.

Все это у насъ однихъ вы называете предразсудками, у философовъ и поэтовъ—высшимъ знаніемъ и признакомъ геніальности. Они вѣдь—геніи, а мы идіоты, они почитаемы, а мы достойны осмѣянія, даже болѣе—наказанія. Но пусть наши догматы—ложные предразсудки, все таки они необходимы; пусть они нелѣпы, но они полезны; вѣрящіе въ нихъ принуждены усовершенствовать себя изъ страха наказанія и изъ надежды на вѣчное блаженство. Не слѣдуетъ поэтому считать ложными и нелѣпыми тѣ догматы, въ которые полезно вѣрить. Нѣтъ никакой причины осуждать то, что приноситъ благо. И если говорить о предразсудкахъ, то вы сами заражены ими, осуждая то, что полезно. Какъ бы оно ни было по вашему нелѣпо,—не приноситъ никому вреда. Поэтому и относитесь къ нему такъ же, какъ относитесь ко многимъ другимъ подобнымъ вѣрованіямъ, за которыя вы не караете, — къ пустымъ и неосновательнымъ, но безвреднымъ и потому не заслуживающимъ ни осужденія, ни кары. Карайте и наши заблужденія, если ужъ такъ, насмѣшкой, но не мечемъ и огнемъ, не крестною казнью, ни растерзаніемъ въ циркѣ. Не только темная чернь неистовствуетъ, при видѣ этой несправедливой жестокости, но и нѣкоторые изъ васъ, желая заискать предъ толпою, хвастаются ею, какъ будто возможность ваша совершать ее надъ нами не зависитъ отъ нашей воли. Ясно, что, если я христіанинъ, я желаю имъ быть, слѣдовательно вы осуждаете меня на смерть, потому что я хочу этого. Такъ какъ вы не имѣете власти надо мной, если я вамъ не дамъ ее, то эта власть зависитъ не отъ васъ, а отъ меня. Поэтому напрасно

толпа ликуетъ, видя наши мученія. Вѣдь это—наша радость, а не ея: мы предпочитаемъ быть осужденными, чѣмъ оказаться невѣрными Богу. Наши враги должны скорѣе печалиться, чѣмъ радоваться, потому что мы достигли, чего желали.

L.

«Почему же вы жалуетесь на то, что васъ преслѣдуютъ, скажете вы, вѣдь вы никогда такъ не довольны, какъ въ то время, когда вы терпите мученія? Вы должны быть благодарны тѣмъ, отъ кого вамъ идутъ мученія». Безъ сомнѣнія мы желаемъ страданій, но—какъ? Точно такъ же, какъ никто добровольно не идетъ на войну изъ-за тревогъ и опасностей, но разъ дѣло дошло до боя, сражается съ напряженіемъ всѣхъ силъ и радуется побѣдѣ. Кто прежде жаловался на необходимость сражаться, послѣ побѣды награждается славой и добычей. И для насъ это — битва, когда насъ зовутъ на судъ, гдѣ намъ приходится биться за истину съ опасностью жизни. И эта битва сопровождается побѣдой, потому что мы получаемъ то, что составляетъ награду за битву, т. е. честь угодить Богу и достиженіе вѣчной жизни. Вы, правда, не бѣжите отъ насъ: мы теряемъ жизнь, но за то достигаемъ того, чего мы желаемъ. Нашъ арестъ становится освобожденіемъ, наша смерть побѣдой. Надѣляйте насъ какимъ угодно количествомъ смѣшныхъ названій, называя насъ хворостниками и столбниками [126], потому что вы насъ привязываете къ столбамъ, крестамъ, чтобы сжечь съ хворостомъ: это наши трофеи, наши наряды, наша тріумфальная колесница! Побѣжденные нами не любятъ насъ; поэтому они считаютъ насъ за людей помѣшанныхъ и отчаянныхъ. Однако это помѣшательство и это отчаяніе, когда они являются слѣдствіемъ стремленія къ славѣ человѣческой, считаются у васъ за геройскіе поступки? Муцій Сцевола сжигаетъ руку на алтарѣ—какое величіе духа! Эмпедоклъ [127]

бросается въ пламя горы Этны—какое мужество! Основательница Карѳагена [128] предпочитаетъ костеръ второму браку—какое цѣломудріе! Регулъ, не желая спасти свою жизнь цѣною освобожденія массы плѣнныхъ враговъ, терпитъ неслыханныя мученія,—удивительное мужество, дѣлающее изъ побѣжденнаго побѣдителя, изъ плѣнника — свободнаго человѣка! Анаксархъ [129], когда его растирали дротикомъ, на подобіе ячменной каши, говорилъ: три, три шкуру Анаксарха, Анаксархъ ничего не чувствуетъ! Какое величіе у этого философа, что онъ шутилъ при такомъ концѣ жизни! Я не говорю ничего о тѣхъ, которые хотѣли обезсмертить себя, предавая себя смерти отъ меча или по иному какому-нибудь способу, и перейду къ тѣмъ, твердость которыхъ въ перенесеніи мученій вы особенно прославляете. Аѳинская гетера, когда палачъ уже утомился, откусила себѣ языкъ и выплюнула его въ лицо тирана, чтобы не открывать своихъ соучастниковъ [130], изъ опасенія, чтобы не ослабла ея воля подъ вліяніемъ мученій. Элеецъ Зенонъ, на вопросъ Діонисія, къ чему служитъ философія, отвѣчалъ: «къ презрѣнію смерти». Когда же тиранъ осудилъ его на казнь черезъ бичеваніе, онъ запечатлѣлъ свой отвѣтъ кровью и умеръ подъ ударами. При бичеваніи лакедемонскихъ юношей, которое въ присутствіи родителей производилось еще жесточе, мѣра пролитой крови служила почестью. Законная слава, потому что она исходитъ отъ людей! На нее не смотрятъ ни какъ на гибельный предразсудокъ, ни какъ на ослѣпленіе отчаянныхъ людей, которое позволяетъ презирать смерть и самыя страшныя мученія, чтобы ее заслужить; позволено переносить мученія за отечество, за имперію, за дружбу и не позволено за Бога! Вы воздвигаете статуи всѣмъ жертвамъ человѣческой славы; вы вырѣзаете имъ похвальныя надписи на мраморѣ и мѣди, чтобы обезсмертить ихъ память. Вы имъ доставляете, насколько возможно, воскресеніе, прославляя ихъ память. Между тѣмъ христіанина, надѣющагося достигнуть отъ Бога дѣйствительнаго воскресенія чрезъ страданія за Его имя,—вы считаете безумнымъ. Продолжайте же,

достойные властители, такъ дѣйствовать и впредь къ большему угожденію толпѣ, принося ей въ жертву христіанъ. Осуждайте насъ, распинайте, мучьте, истребляйте! Но знайте, что ваша несправедливость служитъ намъ доказательствомъ нашей невинности. Поэтому Богъ терпитъ наши мученія. Недавно, присуждая христіанку скорѣе къ насильственному паденію, чѣмъ къ растерзанію львами, вы поняли и признали, что потеря дѣвственности у насъ считается ужаснѣе всякаго наказанія и всякой смерти. Но и самая изощренная жестокость ваша не приноситъ никакой пользы вамъ: она служитъ только приманкой для прозелитовъ нашей религіи. Число наше увеличивается, по мѣрѣ того, какъ вы уничтожаете насъ: кровь христіанъ — это сѣмя! Многіе философы писали о перенесеніи страданій и смерти, какъ напр., Цицеронъ въ Тускуланскихъ бесѣдахъ; Сенека въ сочиненіяхъ о случайностяхъ; Діогенъ, Пирронъ, Каллиникъ... Все таки ихъ слава не привлекла къ себѣ общаго вниманія столькихъ людей, сколькихъ обратили христіане, благодаря своимъ поступкамъ. То самое упорство, за которое вы насъ упрекаете, служитъ къ наставленію. Кто можетъ быть свидѣтелемъ мученичества безъ того, чтобы не пожелать изслѣдовать внутреннюю побудительную причину? Кто, разузнавши, не достигнетъ того, что станетъ христіаниномъ? А ставши имъ, онъ захочетъ страдать, чтобы цѣной своей крови возвратить себѣ милость Бога, получивъ прощеніе. Всѣ грѣхи прощаются мученику. Поэтому мы благодаримъ васъ за ваши смертные приговоры. Какая противоположность между судомъ Божіимъ и судомъ человѣческимъ! Осуждаемые вами, мы прощаемся Богомъ.

Къ народамъ.

(Ad. nationes).

I.

Эти двѣ книги къ народамъ представляютъ изъ себя дополненіе къ апологетику. Какъ читатель увидитъ, здѣсь повторяются мысли, высказанныя въ апологетикѣ, такъ что оба сочиненія слѣдовало бы считать за одно. Нѣкоторые такъ и дѣлаютъ. Kellner въ своемъ полномъ переводѣ соч. Тертулліана совсѣмъ выпустилъ этотъ трактатъ (точно также какъ не помѣстилъ и 5 книги противъ Маркіона). Воспользуемся нѣкоторыми отрывками изъ этого сочиненія.

«Трусость, говоритъ Тертулліанъ, порождаетъ страхъ, нечестіе—стыдъ. Однимъ словомъ, злодѣи стараются укрыться; они избѣгаютъ взоровъ другихъ; при арестѣ они трепещутъ; при обвиненіи въ преступленіи отрицаютъ послѣднее; самая пытка не всегда можетъ вырвать у нихъ сознаніе вины; какъ бы то ни было, осужденіе повергаетъ ихъ въ скорбь; они упрекаютъ самихъ себя, зачѣмъ они были дурными людьми; приписываютъ свое преступленіе или вину случайному заблужденію или року; поставленные въ невозможность отрицать содѣянное ими зло, они отклоняютъ отъ себя отвѣтственность за него. Теперь скажите, такъ ли поступаютъ христіане? У нихъ нѣтъ стыда, нѣтъ раскаянія, кромѣ раскаянія о томъ, что они не всегда были христіане. Вы предаете христіанина; онъ видитъ въ этомъ свою славу; вы

влечете его въ темницу, онъ не сопротивляется; обвиняемый, онъ не защищается; осужденный торжествуетъ. Что это за злодѣяніе, въ которомъ не встрѣчается свойствъ послѣдняго?!»

«Скажите, какой мотивъ вынуждаетъ васъ столь горячо преслѣдовать имя «христіанинъ»? Въ чемъ тутъ преступленіе, обида, вина? Въ одномъ имени? На ваше преслѣдованіе мы можемъ отвѣтить: вы не имѣете права упрекать насъ въ воображаемомъ преступленіи, которое не предусмотрѣно въ вашихъ кодексахъ, не опредѣлено въ вашихъ протоколахъ объ арестѣ, не указано въ вашихъ приговорахъ. Покажите мнѣ судью, руководящаго судоговореніемъ; слѣдственное дѣло обвиняемаго, его отвѣты на предлагаемые ему вопросы; сознаніе въ своемъ преступленіи; защитника, говорящаго рѣчь, и тогда я признаю, что въ этомъ дѣлѣ есть виновный. Но когда рѣчь идетъ только о значеніи имени, когда желаютъ производить судъ надъ какимъ нибудь словомъ и обвинять за какое нибудь выраженіе, то я не вижу, въ чемъ можно обвинять слова и выраженія, развѣ только въ варваризмѣ, или въ томъ, что они звучатъ зловѣще, или неприличны для произношенія, или грубы для слуха. Въ этомъ все преступленіе словъ; ихъ нельзя обвинять ни въ чемъ другомъ, какъ въ варваризмѣ, также какъ фразы въ солецизмѣ или неправильномъ оборотѣ. Но названіе «христіанинъ» равнозначуще по смыслу слову помазаніе; даже въ томъ случаѣ, когда вы выговариваете его невѣрно (вамъ даже неизвѣстно въ точности наше имя), оно означаетъ доброе или пріятное свойство. Итакъ, вы преслѣдуете невинное имя, которое даютъ себѣ невинные люди, имя, которое не затрудняетъ языка, не оскорбляетъ слуха, не предзнаменуетъ ничего гибельнаго человѣку или отечеству, наконецъ какъ слово греческое, наравнѣ съ другими звучное въ своихъ составныхъ частяхъ и пріятное по значенію. Во всякомъ случаѣ за имена не караютъ съ помощью меча, креста или зубовъ дикихъ звѣрей».

«Мы не оспариваемъ (по поводу нѣкоторыхъ изъ христіанъ) пороки, въ которыхъ вы обвиняете ихъ; но это скорѣе

говоритъ въ нашу пользу: далеко не всѣ порочны, даже не большинство. Напротивъ — порочныхъ между нами очень мало. Возьмите самое красивое тѣло, самое чистое — всегда найдется какой-нибудь недостатокъ или несовершенство. Само небо не всегда настолько ясно, чтобы не замѣчались на небесахъ хотя бы легкія облака. Маленькое пятно на лбу еще лучше выставляетъ бѣлизну и чистоту лица. Исключеніе, если послѣднее относится къ какому-либо незначительному недостатку, свидѣтельствуетъ объ общемъ добромъ правилѣ. Указывая на то, что между нами встрѣчаются порочные, вы не можете доказать этимъ, что всѣ христіане одинаково порочны. Спросите скорѣе, въ какомъ злѣ можете обвинять само общество? Вы сами признаете это въ своихъ бесѣдахъ противъ насъ. «Почему такой-то, говорите вы, безъ совѣсти, между тѣмъ какъ вообще христіане такъ честны? Отчего такой-то жестокъ, между тѣмъ какъ христіане вѣдь вообще милосерды?» Вы этимъ свидѣтельствуете о добродѣтели христіанъ, если удивляетесь, когда встрѣчаете порочнаго христіанина... Свойство предмета не зависитъ отъ названія, даннаго ему, но скорѣе встрѣчаются предметы, которые носятъ несоотвѣтственныя ихъ свойствамъ названія. Поэтому обманываются тѣ, которые приписываютъ свойства предмета носимому имъ имени, между тѣмъ какъ слѣдовало бы разсматривать, на сколько правильно имя дано какому-нибудь предмету. Подобно тому, какъ есть философы, живущіе вовсе не сообразно съ своей философіей, такъ есть и христіане, живущіе не по-христіански; но они уже перестали быть христіанами; они не ходятъ въ наши собранія и не молятся съ нами; по своимъ порокамъ они уже вступили въ ваши ряды. Они принадлежатъ вамъ.

«Выступилъ ли Тибръ изъ береговъ, Нилъ ли недостаточно разлился, произойдетъ ли засуха или землетрясеніе, война ли опустошаетъ ваши поля, начнетъ ли свирѣпствовать голодъ, у васъ одинъ крикъ: «на смерть христіанъ, на смерть христіанъ!» Какъ будто для нихъ еще мало раздѣлять съ вами

ваши бѣдствія! Разсмотримъ: мы навлекаемъ на землю эти бѣдствія несомнѣнно вслѣдствіе оказываемаго нами пренебреженія къ вашимъ богамъ. Но не прошло еще трехсотъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ мы существуемъ, а между тѣмъ сколько бѣдствій обрушивалось на міръ до нашего появленія! Сколько было войнъ внутреннихъ и внѣшнихъ! Сколько моровыхъ язвъ! сколько голодныхъ годовъ! сколько пожаровъ! сколько проваловъ! сколько землетрясеній приводили въ ужасъ міръ! Гдѣ были христіане, когда римляне давали исторіи случаи разсказывать свои бѣдствія? Гдѣ были христіане, когда о—ва Гіеренаппа, Делосъ, Родосъ и Критъ исчезли съ тысячами людей? Или когда тотъ островъ, который, по словамъ Платона, превосходилъ своей обширностью Азію или Африку, былъ поглощенъ Атлантикой? Или когда небесный огонь пожралъ Вольсиніи? Или когда пламя, выброшенное изъ Тарпейской скалы, попалило ее? Когда стало сушей Коринѳское море вслѣдствіе землетрясенія? Наконецъ когда всемірный потопъ погубилъ весь міръ? Гдѣ были, я не говорю, христіане-современники вашимъ богамъ, но сами ваши боги, явившіеся позднѣе этого разрушенія, что доказываютъ города, гдѣ они родились, жили и похоронены, равно какъ и тѣ, которые построены ими? Конечно, эти города не сохранились бы до нашихъ дней, если-бы не были построены позднѣе этой катастрофы».

Вторая книга посвящена преимущественно критикѣ политеизма. Текстъ мѣстами очень попорченъ.

«Если я обращусь къ Варрону съ вопросомъ, кто создалъ языческихъ боговъ, то онъ скажетъ мнѣ: философы, народы или поэты. Итакъ, три класса боговъ: физическіе боги, обязанные своимъ бытіемъ философамъ, миѳическіе боги, живущіе въ головѣ поэтовъ; наконецъ, національные боги, принятые различными народами. Но если философы создали своихъ боговъ при помощи гипотезъ, если поэты заимствовали своихъ миѳическихъ боговъ изъ баснословій, народы же придумали своихъ боговъ благодаря фантазіи или своему произволу,—

то гдѣ же отыскать истину? Въ гипотезахъ? Но гипотеза предполагаетъ недостовѣрность. Въ миѳѣ?—Но миѳъ ни что иное, какъ сплетеніе нелѣпостей. Въ народномъ почитаніи? Но такого рода божество только случайное божество и притомъ принадлежащее только почитающему его городу. Короче сказать: у философовъ нѣтъ ничего достовѣрнаго, ибо они въ вѣчномъ несогласіи между собой; у поэтовъ постыдные разсказы, не заслуживающіе вниманія; что же касается народовъ, то тутъ все случайно, временно, ибо все—плодъ произвола. Признаки истинной божественности таковы, что не выводятся изъ мало достовѣрныхъ умозаключеній или гипотезъ, не могутъ имѣть никакого отношенія къ постыднымъ баснословіямъ, не нуждаются въ случайномъ принятіи божества тѣмъ или другимъ народомъ. Божество слѣдуетъ понимать такимъ, какимъ Оно есть въ дѣйствительности, т. е. безусловно истиннымъ, совершеннымъ въ своихъ свойствахъ и универсальнымъ, т. е. принадлежащимъ всѣмъ людямъ вообще. Возможно ли вѣровать въ какого-нибудь бога, опираясь на какую-нибудь гипотезу, миѳъ или на основаніи постановленія какого-нибудь города? Разумнѣе будетъ вовсе ничему не вѣрить, чѣмъ допустить предполагаемаго бога, или бога, за котораго мнѣ придется краснѣть, или бога, возведеннаго въ это достоинство городомъ».

«Мы, напр., выражаемъ нашу признательность или порицаніе не тѣмъ вещественнымъ предметамъ, при помощи которыхъ мы получаемъ удовольствіе или непріятности, но тѣмъ, у которыхъ эти предметы въ рукахъ и которые употребляютъ ихъ согласно своей волѣ. Вѣдь въ вашихъ забавахъ вы назначаете наградный вѣнокъ не флейтѣ или арфѣ, но артисту, который съумѣлъ извлечь изъ флейты или арфы гармоническіе звуки. Точно также если кто изъ васъ впадетъ въ болѣзнь, то за излеченіе отъ нея онъ будетъ благодарить не шерсть, не противоядія, не лѣкарства, но врача, опытная рука котораго съумѣла приложить или дать ихъ во время больному. Раненый въ бою жалуется не на мечъ, не

на копье, но на непріятеля или разбойника. Страдающіе зимою отъ холода въ жалкой старой лачугѣ обвиняютъ не крышу, не трещины, но ветхость строенія; также потерпѣвшіе кораблекрушеніе клянутъ бурю, но не приписываютъ свои несчастія подводнымъ мелямъ и волнамъ, и они правы, ибо очевидно, что все происходящее должно приписывать не орудію, но производящей его причинѣ: въ ней начало каждаго факта, цѣль и средства его совершенія. Но ваши философы, мудрые во всемъ остальномъ, разсуждая о Божествѣ, нарушаютъ законы явленій и вещей, а именно—отнимаютъ все значеніе и достоинство у Виновника всего и не стараются найти Верховную, все производящую Перво-причину».

«Если именно боги дали Риму господство надъ другими народами, то почему Минерва не защитила Аѳинъ отъ нашествія Ксеркса? Отчего Аполлонъ не вырвалъ Дельфъ изъ рукъ Пирра? Какъ!? Боги станутъ сохранять Римскую Имперію, а не смогли оказать защиты своимъ городамъ? Нѣтъ, величіе Рима не награда за его почитаніе боговъ, ибо это почитаніе явилось позднѣе возвышенія Рима. Хотя Нума первый творецъ вашихъ суевѣрій, тѣмъ не менѣе въ его время у васъ не было ни статуй боговъ, ни храмовъ для воображаемаго удовлетворенія вашей благочестивой ревности. Тогда религія носила скромный характеръ, церемоніи отличались простотой; кое-гдѣ по лугамъ попадались немногіе алтари; грубой работы были ваши сосуды; боговъ нигдѣ не было видно.

И притомъ, какимъ образомъ—поклоненіе богамъ съ строгимъ исполненіемъ религіозныхъ церемоній могло доставить римлянамъ въ награду могущество, если оно не могло иначе возрасти, какъ именно благодаря презрѣнію римлянъ къ богамъ? Царства и имперіи пріобрѣтаются, если не ошибаюсь, войнами, расширяются побѣдами. Но города не могутъ быть разрушаемы безъ того, чтобы отъ этого не потерпѣли боги. Стѣны и храмы рушатся одновременно. Кровь жрецовъ смѣшивается съ кровью другихъ гражданъ: однѣ и тѣ-же руки

похищаютъ золото, принадлежащее храму и мірянамъ. Сколько у римлянъ трофеевъ, столько же и святотатствъ; сколько побѣдъ надъ народами, столько же тріумфовъ надъ богами. Кумиры послѣднихъ наравнѣ съ побѣжденными забираются въ плѣнъ. Итакъ, если божества одарены чувствами, то они не должны любить виновниковъ подобныхъ наносимыхъ имъ оскорбленій. Но вы могли ихъ оскорблять совершенно безнаказанно, ибо почитаете боговъ, которые не чувствуютъ ничего. Нѣтъ, римляне, вы не имѣете права приписывать свое величіе покровительству вашихъ боговъ, потому что ваше величіе соединено съ ихъ оскорбленіемъ! Каждая нація господствовала по очереди: ассирійцы, мидяне, персы и египтяне. Я могъ бы привести еще и другихъ. Однако потерявшіе господство не были безъ религіи и культа: они тоже старались пріобрѣсть для себя благосклонность своихъ боговъ. Всѣ имперіи пали одна за другой. Таковъ порядокъ, такова смѣна міровыхъ событій: каждому свое время и свой жребій. Итакъ ищите Того, Кто устроилъ порядокъ событій и ихъ смѣну! Это –Тотъ же Богъ, Который раздаетъ царства. Онъ-то теперь соединилъ всѣ вѣнцы на головѣ римлянъ, подобно тому, какъ собираются въ одну сокровищницу несмѣтныя денежныя суммы, взятыя въ видѣ дани съ народовъ. Что же Богъ положилъ о судьбѣ самихъ римлянъ? Близкимъ къ Нему это извѣстно. Этотъ Раздаватель вѣнцовъ не то-ли Верховное Существо, Которое держитъ въ Своей власти и землю и тѣхъ, которыхъ ставитъ властителями на ней? Не высшее ли Существо, существующее прежде всѣхъ временъ, управляетъ теченіемъ вѣковъ и рядомъ міровыхъ переворотовъ? Не Оно ли опредѣляетъ въ Своемъ совѣтѣ судьбы царствъ и продолжительность ихъ существованія? Не возвышаются и не падаютъ ли въ свою очередь государства по волѣ Того, Кто властвовалъ надъ человѣческимъ родомъ раньше, чѣмъ появились на землѣ первыя государства? Къ чему же вся эта ложь? Необразованный, еще дикій Римъ древнѣе нѣкоторыхъ изъ своихъ боговъ. Онъ царствовалъ раньше, чѣмъ Капи-

толій достигъ теперешнихъ размѣровъ. Вавилоняне царствовали раньше вашихъ великихъ жрецовъ, мидяне — раньше вашихъ децемвировъ, египтяне—раньше вашихъ салійцевъ, ассирійцы раньше вашихъ луперковъ, амазонки раньше вашихъ весталокъ. Наконецъ, если бы ваши боги располагали царствами, то іудеи, презирающіе эти божества, не имѣли бы никогда могущественнаго государства. А между тѣмъ вы сами приносили жертвы ихъ Богу и давали дары ихъ храму. Нѣкогда вы почтили своимъ союзомъ ихъ націю: никогда вы не покорили бы іудеевъ, если бы они потомъ не совершили насилія надъ Христомъ».

О свидѣтельствѣ души.

(De testimonio animae).

Далеко не довѣряя и не сочувствуя философскимъ разсужденіямъ, ведущимъ часто только къ безплоднымъ словопреніямъ, Тертулліанъ предпочитаетъ найти опору для христіанской истины въ голосѣ совѣсти, въ непосредственномъ сознаніи души, въ томъ убѣжденіи, что человѣческой природѣ прирождено религіозное сознаніе, въ которомъ напечатлѣны основныя истины религіи. Проявленія этого сознанія у души, не затуманенной человѣческими измышленіями, гораздо цѣннѣе, чѣмъ сложныя философскія системы или измышленія поэтическаго творчества. Въ этомъ смыслѣ и написано превосходное, полное глубокихъ истинъ, сочиненіе «О свидѣтельствѣ души».

Argumentum:

Гл. 1. Ученыя защиты христіанства мало обращаютъ на себя вниманія со стороны людей, поэтому — пусть прямая, честная человѣческая душа, таковая, какова она есть сама въ себѣ, свидѣтельствуетъ объ этомъ непосредственно.

Гл. 2. Она признаетъ и выражаетъ свою вѣру въ Божественное единство, благость и справедливость свободными и непредвзятыми восклицаніями.

Гл. 3. Усматриваетъ и подтверждаетъ существованіе злаго духа.

Гл. 4. Свидѣтельствуетъ о своемъ безсмертіи и загробной жизни.

Гл. 5. На всѣ эти свидѣтельства нужно смотрѣть, какъ на голосъ самой природы и ея первоначальной причины—Бога, а не какъ на слѣдствіе философскихъ ученій и литературной образованности. Если бы это было даже и такъ, то и тогда эти свидѣтельства являлись бы доказательствомъ въ пользу Священнаго Писанія христіанъ.

Гл. 6. Заключеніе.

«Приди, о человѣческая душа, явись передъ нами, чѣмъ бы ты ни была: вѣчною ли божественною субстанціею, каковою считаютъ тебя многіе философы, и слѣдовательно тѣмъ меньше способной ко лжи; чужда ли ты Божеству и слѣдовательно смертна, какъ училъ одинъ только Эпикуръ, — тогда твое свидѣтельство еще менѣе подозрительно въ пристрастіи; нисходишь ли ты съ неба или зачата землей; создана ли ты вмѣстѣ съ тѣломъ или дана ему послѣ образованія его; откуда бы ты ни явилась и какимъ бы образомъ ты ни сдѣлала человѣка существомъ разумнымъ, одареннымъ умомъ и чувствами, — отвѣчай мнѣ! Я взываю не къ той душѣ, которая, образовавшись въ школахъ, изощрившись въ библіотекахъ и воспитавшись въ академіяхъ или подъ портиками Греціи, говоритъ напыщенныя изреченія. Нѣтъ, приди сюда, душа, во всей твоей грубости, во всей простотѣ твоего первобытнаго невѣжества, такою, какою обладаютъ не имѣющіе ничего другаго, кромѣ тебя; спѣши сюда съ большихъ дорогъ, перепутій, изъ мастерской! Мнѣ нужна именно твоя неопытность, такъ такъ никто не повѣритъ тебѣ, если ты будешь обладать хотя бы даже небольшой образованностью. Я прошу у тебя только того, что ты даешь вмѣстѣ съ собой человѣку, берешь ли ты даваемое ему изъ самой себя или получаешь отъ своего Творца, все равно, кто бы послѣдній ни былъ. Ты, я знаю, не христіанка; ибо ты становишься ею, а не родишься. Тѣмъ не менѣе христіане требуютъ нынѣ твоего свидѣтельства; чуждая намъ, свидѣтельствуй противъ своихъ для того, чтобы наши гонители устыдились предъ тобой своего презрѣнія къ тому, чему ты сама по своей природѣ причастна».

Такимъ образомъ Тертулліанъ ищетъ опоры христіанскимъ вѣрованіямъ не у философовъ, а въ томъ, что подсказываетъ каждому изъ насъ наша человѣческая природа, — въ тайникахъ человѣческой совѣсти. Вотъ, наприм., какъ Тертулліанъ старается утвердить истину единобожія.

«Не желаютъ слушать насъ, когда мы проповѣдуемъ объ Единомъ Богѣ, отъ Котораго все происходитъ, подъ властью Котораго все существуетъ—такъ скажи же намъ, о душа, не знаешь ли ты чего объ этомъ? Не слышимъ ли мы, какъ ты открыто, съ полной свободой, въ которой только намъ отказываютъ, и дома и внѣ дома восклицаешь: «Что-то Богъ дастъ!» «Какъ будетъ угодно Богу!» Этими словами ты провозглашаешь Верховное Существо, ты признаешь этимъ всемогущество Того, предъ Чьей волей ты преклоняешься; напротивъ, называя своими именами Сатурна, Юпитера, Марса, Минерву, ты отрицаешь существованіе этихъ боговъ; ты признаешь Единаго Бога, Котораго одного только и называешь Богомъ, такъ что, когда случится тебѣ называть другихъ боговъ, то ты пользуешься какъ-бы чужой или взятой взаймы монетой. Ты знаешь и о природѣ Бога, Котораго мы проповѣдуемъ. Это видно изъ твоихъ восклицаній: «Богъ благъ!» «Богъ милостивъ!» Ты явно исповѣдуешь благость Божію, слѣдовательно косвенно и подразумѣвательно признаешь, что человѣкъ золъ, и эта испорченность человѣка есть слѣдствіе его отпаденія отъ Бога. Выраженіе: «Да благословитъ васъ Богъ!» не обозначаетъ ли того, что источникъ всѣхъ благословеній—всеблагой и всемилостивый Богъ? Но вѣдь это—величайшій догматъ нашей вѣры, и ты произносишь его столь же охотно, сколь это обязательно для христіанина. Даже тогда, когда ты обращаешь благословеніе въ проклятіе, и тогда, произнося имя Божіе, свидѣтельствуешь вмѣстѣ съ нами о томъ, что всемогуществу Божію

подвластно все... «Богъ видитъ все!» «Богу предаю себя». «Богъ воздаетъ!» «Богъ между нами разсудитъ!»—говоришь ты, о душа! Откуда это у тебя—не христіанки? Откуда зародился въ тебѣ страхъ Божій? Откуда взялось это представленіе о судѣ и всемогуществѣ Божіемъ? Не опасаясь ни насмѣшекъ, ни запрещеній, ты говоришь такъ и дома и внѣ дома, даже на форумѣ и наконецъ въ капищахъ, — стоя предъ статуями боговъ — ты взываешь къ иному Богу, къ иному Судіи!... Не голосъ ли это твоей совѣсти?...

«...Всѣ эти свидѣтельства души тѣмъ болѣе вѣроятны, что обыкновенно бываютъ весьма просты. Простота дѣлаетъ ихъ народными; а чѣмъ болѣе они народны, тѣмъ болѣе всеобщи; всеобщность ихъ доказываетъ, что они естественны, и, слѣдовательно, въ нѣкоторомъ смыслѣ божественны. Такого рода доводы, какъ я думаю, не представляются ни дѣтскими, ни легкомысленными тому, кто хотя немного поразмыслитъ о величествѣ природы, отъ которой душа воспріемлетъ свои свойства. По учительницѣ цѣнится и ученица. Природа даетъ урокъ, душа повторяетъ его. Но все то, чему учитъ первая и чему учится вторая, истекаетъ отъ Бога, т. е. отъ наставника самой учительницы. Какимъ же знаніемъ объ этомъ Верховномъ Наставникѣ душа можетъ похвалиться? Тебѣ самому слѣдуетъ судить объ этомъ знаніи, посовѣтовавшись съ той, которая живетъ въ тебѣ. Спроси свою душу, благодаря которой ты способенъ къ разумѣнію! Ты увидишь въ ней то пророчицу будущаго, то богатую предчувствіями, то исполненную предвидѣній. Что удивительнаго, если, происходя отъ Бога, она владѣетъ даромъ предугадыванія? Тогда нужно было бы удивляться равнымъ образомъ и тому, что она знаетъ Создавшаго ее! Даже послѣ того, какъ была вовлечена въ обманъ своимъ врагомъ, она вспоминаетъ всегда о своемъ Создателѣ, доброту и наставленія Котораго она приводитъ себѣ на память; она не забыла своего собственнаго предназначенія, ни даже конечной участи своего врага. Чтожъ удивительнаго въ томъ, что Божія дщерь

напѣваетъ тайны, знанія которыхъ Богъ сообщилъ своимъ чадамъ?»

Тертулліанъ заканчиваетъ свой трактатъ слѣдующимъ образомъ:

«Если вы сомнѣваетесь относительно своихъ собственныхъ памятниковъ, говоритъ онъ, обращаясь къ язычникамъ, то Богъ и природа не умѣютъ лгать. Но для того, чтобы вѣрить въ природу и въ Бога, вѣрьте въ свою душу; а чрезъ нее вы будете вѣрить въ самихъ себя... Такъ какъ вы страшитесь стать христіанами, то допросите свою душу! Спросите, зачѣмъ она призываетъ истиннаго Бога, поклоняясь иному? зачѣмъ называетъ демонами злыхъ духовъ, проклиная послѣднихъ? зачѣмъ она беретъ въ свидѣтельство Небо и ненавидитъ землю? зачѣмъ она, невольница здѣсь, ищетъ тамъ руку, которая освободила бы ее? зачѣмъ она судитъ объ умершихъ? зачѣмъ говоритъ она языкомъ тѣхъ самыхъ христіанъ, которыхъ не желаетъ ни видѣть, ни слышать? зачѣмъ она передала намъ этотъ языкъ или переняла его отъ насъ? зачѣмъ она научила насъ ему или выучилась сама? Признайте, что такого рода однообразіе въ выраженіи мысли при различіи образа жизни заключаетъ въ себѣ какую то тайну. Какое ребячество приписывать такое согласіе греческому и латинскому языкамъ, которые—де между собой братья, въ видахъ отрицанія всеобщности природы? Вѣдь не у латинянъ, не у грековъ только душа упала съ неба! Человѣкъ вездѣ одинаковъ, различается только имя. И душа одна и та же, но различенъ языкъ; одинъ умъ, но различны звуки словъ. У каждаго народа свой языкъ, но сущность, такъ сказать, матерія языка обща всѣмъ народамъ. На всѣхъ языкахъ Богъ и благость Божія, на всѣхъ языкахъ—демонъ и проклятіе его. На всѣхъ языкахъ призываніе суда Божія, на всѣхъ языкахъ—смерть, сознаніе смерти и свидѣтельства объ ней. Всякая душа пользуется своимъ правомъ провозглашать истины, которыя только намъ не дозволяется произносить даже шепотомъ. Поэтому мы въ полномъ

правѣ называть душу виновницей и свидѣтельницей. Виновная въ заблужденіи она свидѣтельствуетъ объ истинѣ. Что она отвѣтитъ, когда предстанетъ передъ судомъ Божіимъ въ день судный? Ты, душа, проповѣдывала о Богѣ и не искала Его; ты проклинала демоновъ и поклонялась имъ. Ты взывала къ суду Божію и не соединяла съ этимъ вѣры въ Него; ты предчувствовала адскія муки и не думала избѣгать ихъ; ты думала похристіански и гнала христіанское имя»!

Противъ іудеевъ.

(„Adversus judaeos“).

Въ эпоху Тертулліана, кромѣ еретиковъ-маркіонитовъ, іудеи также старались разорвать единство Божественнаго домостроительства, разрушая гармонію, существующую между Ветхимъ и Новымъ Завѣтомъ, не признавая исполненія пророчествъ о Мессіи. Требовалось показать исполненіе пророчествъ въ срокъ, указанный пророками, т. е. завершеніе Ветхаго Завѣта, послужившаго приготовленіемъ рода человѣческаго къ принятію Завѣта Новаго. Это послужило Тертулліану темой для его трактата: «Adversus judaeos». Присутствуя однажды на преніи между христіаниномъ и іудейскимъ прозелитомъ и не находя возможнымъ, въ шумѣ преній, развить свои мысли съ надлежащей полнотой и обстоятельностью, Тертулліанъ рѣшился написать отдѣльный трактатъ.

Argumentum:

Гл. 1. Причина написанія трактата. Евреи отпали отъ Бога и сами потеряли путь къ спасенію. По той же причинѣ произошло нѣкогда ихъ обращеніе къ идолопоклонству.

Гл. 2. Еще до Моисеева закона существовалъ законъ Божескій, данный прародителямъ въ раю.

Еще до предписаній Моисеева закона Св. Писаніе указываетъ на нѣкоторыхъ людей, какъ на праведниковъ.

Гл. 3. Обрѣзаніе было только внѣшнимъ признакомъ, по которому въ послѣднія времена можно было отличить народъ, избранный Богомъ, и Ветхій Завѣтъ уже предъуказывалъ въ будущемъ прекращеніе этого обычая и замѣну плотскаго обрѣзанія обрѣзаніемъ духовнымъ, очищеніемъ и просвѣтлѣніемъ внутренняго духовнаго существа человѣка. Все это наступило наконецъ со вступленіемъ въ церковь язычниковъ.

Гл. 4. Что справедливо сказано касательно законовъ и обрѣзанія, въ равной мѣрѣ относится къ празднованію субботы.

Гл. 5. Тоже самое и относительно предписаній о ветхозавѣтной жертвѣ.

Вмѣсто нея должна приноситься жертва другая, новая, чистая и безъ исключенія вездѣ.

Гл. 6. Задача изслѣдованія сводится, слѣдовательно, къ тому, чтобы рѣшить вопросъ: явился ли уже провозвѣститель новаго закона, обѣтованный Мессія или нѣтъ?

Гл. 7. Если пророки возвѣщали всей землѣ о господствѣ надъ міромъ Мессіи, то все это совершилось во Христѣ, основавшемъ всемірное духовное царство—церковь.

Гл. 8. Что Мессія появился, это вполнѣ ясно доказывается изъ пророчества Даніила о возстановленіи храма, о рожденіи и страданіяхъ Мессіи и изъ указанія времени, которое соотвѣтствуетъ вполнѣ эпохѣ Христа.

Забывая, что всѣ народы земнаго шара должны быть благословлены въ племени Авраама, іудеи приписывали себѣ исключительное преимущество Божественныхъ щедротъ. По ихъ мнѣнію, законы и обѣтованія существовали только для нихъ; остальные же народы не заслуживали нисколько, чтобы Богъ заботился объ нихъ.

Тертулліанъ указываетъ, что закону Моисееву предшествовало болѣе общее законодательство, и за нимъ (за закономъ Моисеевымъ) въ свою очередь долженъ послѣдовать новый болѣе полный завѣтъ.

«...Почему слѣдовало бы вѣрить, что Богъ, Который создалъ вселенную, Который управляетъ цѣлымъ міромъ, Который сотворилъ человѣка Своими руками, Который разселилъ по землѣ всѣ племена,—чтобы Онъ даровалъ Свой законъ черезъ Моисея одному только народу, а не всѣмъ? Во первыхъ, если бы Онъ не распространилъ его на всѣхъ, то никоимъ образомъ не было бы позволено прозелитамъ изъ другихъ народовъ принимать его. Но какъ подобаетъ благости и справедливости Бога—Творца человѣческаго рода, Онъ учредилъ для всѣхъ народовъ одинаково одинъ и тотъ же законъ, повиновеніе которому предписалъ въ опредѣленные Имъ сроки, какъ, когда и кому Онъ хотѣлъ. Дѣйствительно, въ началѣ міра Онъ далъ законъ Свой Адаму и Евѣ, запретивъ имъ вкушать плодъ древа, посаженнаго среди рая, подъ страхомъ смерти въ случаѣ нарушенія заповѣди. Этого закона было бы достаточно, если бы онъ былъ уважаемъ. Ибо въ законѣ, данномъ Адаму, мы признаемъ скрытый зародышъ всѣхъ предписаній, которыя развились впослѣдствіи въ Моисеевомъ законѣ. Возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душею твоею. Возлюби ближняго твоего, какъ самого себя. Не убей. Не прелюбодѣйствуй. Не укради. Не давай ложнаго свидѣтельства. Почитай отца и мать. Не желай чужаго. Для всѣхъ этихъ законоположеній—первобытный законъ, данный въ раю, служитъ какъ-бы матерью. Въ самомъ дѣлѣ, если бы они возлюбили Господа Бога своего, то не нарушили бы Его заповѣди. Если бы они любили ближняго, т. е. себя самихъ, то не повѣрили бы словамъ змія и не явились бы по отношенію къ себѣ человѣкоубійцами, потерявъ безсмертіе чрезъ нарушеніе заповѣди. Точно также воздержались бы отъ кражи, если бы не вкусили тайно отъ плода древа и не скрылись бы между деревьями отъ очей Божіихъ; не сдѣлались бы соучастниками діавола, отца лжи, повѣривъ ему, что они будутъ какъ боги, и такимъ образомъ не оскорбили бы Бога, какъ Отца, соз-

давшаго ихъ изъ персти земной, какъ бы изъ утробы матери. Еслибы не пожелали чужаго, не вкусили бы запрещеннаго плода. Такимъ образомъ въ этомъ первобытномъ и всеобщемъ законѣ, который Богъ пріурочилъ къ плоду одного древа, мы находимъ всѣ предписанія, которыя, прозябши, должны были въ свое время произвести позднѣйшій законъ».

«Сверхъ того, до Моисеева закона, написаннаго на каменныхъ скрижаляхъ, говоритъ далѣе Тертулліанъ, существовалъ законъ неписанный, внушаемый самою природою человѣка. Его то и соблюдали наши предки»...

«Какимъ образомъ Ной могъ бы считаться праведнымъ, если бы правда естественнаго закона не существовала раньше его? Какимъ образомъ Авраамъ сталъ бы другомъ Божіимъ, если бы не соблюдалъ справедливость и правду естественнаго закона? Какимъ образомъ Мельхиседекъ могъ быть названъ священникомъ Бога вышняго, еслибы прежде левитскаго священства не было левитовъ для принесенія жертвъ Богу»?

«Чрезъ это мы познаемъ, что существовалъ Господень законъ раньше Моисея; что этотъ законъ не ведетъ своего начала со времени Хорива, горы Синая и пустыни. Восходя ко временамъ рая, онъ былъ преобразованъ при патріархахъ, а послѣ—для іудеевъ на опредѣленное время».

Такимъ образомъ законъ Моисея съ догматической и нравственной стороны воспроизводилъ, разширяя только, первобытное вѣрованіе патріарховъ и указанія совѣсти. Поэтому онъ не долженъ считаться принадлежащимъ одному еврейскому народу и, такимъ образомъ понимаемый, не могъ быть никогда отвергнутъ. Остаются обрядовая и дисциплинарная часть Моисеева законодательства и собраніе установленій гражданскаго характера, имѣвшія цѣлью сохранить въ цѣлости великія обѣтованія и ученіе вѣры, избраннымъ хранителемъ которыхъ и былъ іудейскій народъ,—сохранить вѣру въ единаго Бога и грядущаго Искупителя міра. Само собою разумѣется, что всѣ эти охранительныя установленія должны потерять свое значеніе съ пришествіемъ Мессіи, съ наступленіемъ царства Божія, не ограниченнаго ни мѣстомъ,

ни народомъ. Объ этомъ безграничномъ разширеніи царства Божія безпрестанно предсказывали пророки, говоря о царствѣ, которое распространится до предѣловъ земли, о новомъ завѣтѣ, болѣе совершенномъ, чѣмъ завѣтъ Синайскій; о чистой жертвѣ, которую будутъ приносить народы съ восхода солнца до заката...

Но настало ли это время, когда всѣ временныя постановленія Моисеева закона должны потерять свою обязательную силу,— иными словами: пришелъ Мессія или нѣтъ? Отвѣчая на этотъ вопросъ, Тертулліанъ указываетъ на то, что въ лицѣ Іисуса Христа совершились пророчества, относящіяся къ Мессіи, ко времени Его пришествія, къ мѣсту рождества Его, къ главнымъ обстоятельствамъ Его жизни и Его страданій. Въ частности Тертулліанъ останавливается на знаменитомъ пророчествѣ Даніила относительно семидесяти седминъ, по истеченіи которыхъ Христосъ будетъ преданъ смерти.

Разсѣяніе іудеевъ по смерти Спасителя и распространеніе царства Божія по цѣлому міру не оставляютъ никакого сомнѣнія насчетъ исполненія пророчествъ.

«Въ кого другаго могли увѣровать всѣ народы, какъ не въ пришедшаго Христа? Въ кого другаго могли увѣровать парѳяне, мидяне, еламиты, жители Месопотаміи, Арменіи, Фригіи, Каппадокіи, Понта, Азіи, Памфиліи, Египта и той части Африки, что по ту сторону Кирены, римляне и пришельцы, равно какъ и іерусалимскіе іудеи? Кто другой могъ покорить различныя племена гетуловъ, большую часть мавровъ, жителей крайнихъ предѣловъ Испаніи, различные галльскіе народы, и британцевъ, неподвластныхъ Риму, но уже подвластныхъ Христу, сарматовъ, даковъ, германцевъ, скиѳовъ и многое множество неизвѣстныхъ народовъ, жителей неизвѣстныхъ странъ и острововъ, которыхъ мы даже и исчислить не въ состояніи? Всюду прославляется имя Христа, Который приходитъ и—воцаряется! Да! кто могъ бы царствовать во всѣхъ мѣстахъ, кромѣ Іисуса Христа, Сына Божія, Который былъ возвѣщенъ намъ, какъ долженствовав-

шій царствовать вѣчно надъ всѣми народами? Правда, царствовалъ Соломонъ, но—только въ предѣлахъ Іудеи. Границы его государства простирались отъ Вирсавіи до Дана. Царствовалъ Дарій надъ вавилонянами и парѳянами, но его могущество не распространялось на всѣ народы. Фараонъ и наслѣдники имени его царствовали надъ Египтомъ, но—надъ однимъ Египтомъ. Навуходоносоръ съ подвластными ему царями простеръ свои завоеванія отъ границъ Индіи до Ефіопіи, но этимъ и ограничивалось его могущество. Александръ Македонскій, покоривъ всю Азію и другія страны, не могъ удержать ихъ подъ своимъ скипетромъ. Германецъ никому еще не позволялъ переступать свои границы; британецъ отрѣзанъ окружающимъ его океаномъ, мавры и дикіе гетулы обуздываются римлянами, сдерживающими ихъ въ своихъ границахъ. А что мнѣ сказать о самихъ римлянахъ, у которыхъ не достаетъ легіоновъ для защиты границъ имперіи, и которые никогда не могли передвинуть свои границы далѣе внутрь предѣловъ этихъ племенъ?

Таково ли царство Іисуса Христа? Его имя и могущество проникли во всѣ концы земли. Вездѣ въ Него вѣрятъ; Его почитаютъ всѣ перечисленные мной народы; вездѣ Онъ царствуетъ; вездѣ Ему поклоняются; вездѣ Ему платятъ одинаковую дань; ни одинъ царь не встрѣчаетъ къ себѣ бо́льшаго расположенія; ни одинъ чужеземецъ не принятъ съ такой радостью, никакое преимущество происхожденія или званія въ Его царствѣ не даетъ особаго значенія. Одинаковый для всѣхъ, Онъ повелѣваетъ равно всѣми, единый Царь, единый Судія, единый Господь и Единый Богъ вселенной.

«Какъ поколеблешься ты повѣрить тому, что мы говоримъ, когда все это совершается передъ нашими глазами? Если духовное владычество Мессіи, по предсказаніямъ пророковъ, должно было объять всю землю, то, очевидно, пророчество исполнилось вполнѣ».

Подобное заключеніе подкрѣплялось разсѣяніемъ Іудеевъ, равно предсказаннымъ, какъ слѣдствіе Богоубійства.

«Такъ какъ, съ одной стороны, продолжаетъ Тертулліанъ, было предречено, что іудеи будутъ разсѣяны за отверженіе Христа, а съ другой мы — видимъ разрушеніе ихъ царства и разсѣяніе ихъ сбывшимся на нашихъ глазахъ, то становится очевиднымъ, что іудеи испытали эти несчастія за Христа. Все находится въ согласіи въ данномъ случаѣ: смыслъ Священнаго Писанія, фактическая сторона и порядокъ временъ. Если же Христосъ, при пришествіи Котораго, согласно пророчествамъ, бѣдствія іудеевъ должны совершиться, еще не пришелъ, то іудеи должны подвергнуться имъ при Его пришествіи. Но гдѣ же тогда взять эту «дщерь Сіона», которая должна быть отвергнута, если она не существуетъ болѣе теперь!? Гдѣ искать города, которые должны быть преданы пламени, если они уже истлѣли въ своихъ могилахъ? Куда разсѣять этотъ народъ, который уже блуждаетъ по всей землѣ? Возвратите же Іудеѣ царство, которое Христосъ могъ бы найти, прежде чѣмъ поддерживать мнѣніе, что придетъ другой Христосъ»!

О давности—противъ еретиковъ.

(„De praescriptionibus adversus haereticos“).

Книга «De praescriptionibus» направлена противъ еретиковъ. Главный аргументъ Тертулліана—это «argumentum praescriptionis». Это названіе заимствовано изъ римскаго права, гдѣ давность владѣнія имуществомъ узаконяетъ право собственности, а на истца падаетъ onus probandi. У насъ—это право давности.

Кромѣ враждебнаго отношенія язычества, церковь на своемъ, еще не долгомъ, пути во 2 вѣкѣ встрѣтила уже много ересей. При видѣ ихъ многочисленности нѣкоторыми боязливыми душами овладѣли смущеніе и страхъ. Тертулліанъ написалъ свое сочиненіе съ цѣлью успокоить ихъ и утвердить въ истинѣ. Весь трактатъ можно раздѣлить на двѣ части: въ первой Тертулліанъ опредѣляетъ значеніе ересей въ планѣ Провидѣнія, общій характеръ, источники и причины, порождающія ереси. Вторая часть посвящена развитію взглядовъ и правилъ, какихъ должны держаться вѣрующіе въ виду возникающихъ ересей.

Argumentum:

Гл. 1. Причина трактата и его цѣль.

Гл. 2. Не слѣдуетъ удивляться тому, что ересь причиняетъ такъ много вреда.

Гл. 3. Отпаденіе лучшихъ членовъ христіанской общины не должно удивлять и сбивать съ толку, потому что подобное совершалось даже и во времена Самого Христа.

Гл. 4. Это же самое обстоятельство являлось предвѣстникомъ будущихъ ересей.

Гл. 5. И самъ Апостолъ Павелъ говоритъ объ этомъ, какъ о злѣ неизбѣжномъ.

Гл. 6. Объясненіе слова ересь.

Гл. 7. Ереси ведутъ свое происхожденіе отъ философіи, въ которой онѣ находились, какъ въ своемъ источникѣ, и появились вслѣдствіе того, что философскія гипотезы или воззрѣнія стали смѣшивать съ ученіями христіанства.

Гл. 8. Еретики пользуются словами Христа, говорившаго: «ищите и найдете». Но это относится къ тѣмъ, которые еще не знаютъ Христа.

Гл. 9. Христосъ вовсе не имѣлъ въ виду побуждать этими словами къ постоянному, нескончаемому исканію, но — къ исканію истинной вѣры.

Гл. 10. Тотъ же, кто, постигши, нашелъ истинную вѣру Христову, тому незачѣмъ продолжать свое исканіе; наоборотъ, онъ долженъ стараться удержать себя твердымъ въ этой вѣрѣ.

Гл. 11. Тотъ же, кто захотѣлъ бы продолжать безъ конца свое розысканіе, находится въ опасности не найти истинной вѣры. Постоянное исканіе ведетъ въ результатѣ къ возникновенію противорѣчій.

Гл. 12. Разслѣдованіе вѣры дозволительно,—только не у еретиковъ; общеніе съ ними воспрещено.

Гл. 13. Основанія вѣры или краткое разсмотрѣніе истинъ христіанской вѣры.

Гл. 14. Истины вѣры не нуждаются болѣе ни въ какихъ изслѣдованіяхъ, у еретиковъ же только одна забота—найти себѣ приверженцевъ.

Гл. 15. Такъ какъ главнѣйшее оружіе еретиковъ заключается въ искаженіи Священнаго Писанія, авторъ требуетъ, чтобы еретики не были допускаемы къ разсужденіямъ о Священномъ Писаніи.

Гл. 16. Св. Павелъ учитъ не вступать съ ними въ споры.

Гл. 17. Потому что спорами о мѣстахъ Писанія нельзя прійти къ цѣли, въ виду неправильнаго пользованія еретиковъ Священнымъ Писаніемъ.

Гл. 18. Точно также поставить на истинный путь колеблющагося вѣрующаго—безуспѣшно, если вступать съ нимъ въ препирательство по поводу Священнаго Писанія.

Гл. 19. Поэтому этотъ способъ не годится, а такъ какъ трактаты частныхъ лицъ все-таки есть критеріумъ сомнительнаго достоинства, то необходимо прибѣгать въ этомъ дѣлѣ къ авторитету церкви.

Гл. 20. Христосъ созидаетъ каѳолическую церковь. Созданныя трудами Апостоловъ частныя христіанскія общины составляютъ единую церковь.

Гл. 21. Истину Христову, ввѣренную Апостолами церквамъ, и слѣдуетъ искать въ преданіи, хранящемся въ церквахъ, основанныхъ Апостолами.

Гл. 22. Если же искать истину Христову внѣ этого, то вытекаетъ одно изъ двухъ: или что Христосъ не повѣдалъ Своимъ Апостоламъ всего Своего ученія, или же эти послѣдніе оставили при себѣ нѣчто, имѣющее характеръ тайнаго ученія; вотъ слѣдствіе того, если станутъ искать истину, помимо апостольскаго преданія.

Гл. 23. Опроверженіе перваго предположенія.

Гл. 24. Продолженіе.

Гл. 25. Апостолы сами не обладали, кромѣ евангельскаго, какимъ-нибудь другимъ тайнымъ ученіемъ.

Гл. 26. Хотя Апостолы въ дѣйствительности прибѣгали къ осторожности при распространеніи ученія Евангелія.

Гл. 27. Хотя сами Апостолы порицали въ отдѣльности нѣкоторыя церкви, изъ этого однако не слѣдуетъ заключать, что эти церкви ложно поняли ученіе Апостоловъ.

Гл. 28. Хотя отдѣльныя церкви и заблуждались, онѣ не могли бы однако всѣ прійти къ одному и тому же вѣроубѣжденію.

Гл. 29. Если бы ученіе какого-нибудь еретика было правильно, то, очевидно, изъ этого слѣдовало бы, что во все это

продолжительное время, протекшее отъ Апостоловъ до его появленія, христіане вѣрили въ ложно понятое Евангеліе.

Гл. 30. Ереси, существующія въ наши дни, возникли долгое время спустя послѣ дѣятельности Апостоловъ, а другія являются по милости лицъ, еще и до сихъ поръ живущихъ.

Гл. 31. Первоначальная передача всегда наивѣрнѣйшая.

Гл. 32. Даже продолжительное существованіе ереси не дѣлаетъ ее истиной; потому что она стоитъ внѣ церкви апостольской и единоученія всѣхъ прочихъ церквей.

Гл. 33. Даже если таковая (ересь) относится ко времени апостольскому, ея преимущество передъ другими ересями заключается развѣ только въ томъ, что она уже подвергалась отверженію и запрещенію апостольскому.

Гл. 34. Если ересь возникла въ апостольское время, то ими самими она и осуждена; новыя же тѣмъ самымъ, что онѣ по происхожденію позднѣе другихъ, сами произносятъ приговоръ себѣ.

Гл. 35. Продолженіе.

Гл. 36. Какъ нужно пользоваться авторитетомъ хранящагося въ церквахъ апостольскаго преданія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Гл. 37. Еретики стоятъ внѣ церкви и поэтому не имѣютъ права прибѣгать къ Св. Писанію, чтобы толковать его въ свою пользу.

Гл. 38. Они принуждены постоянно и различно измѣнять Св. Писаніе, сообразно ихъ заблужденіямъ.

Гл. 39. Это вовсе и неудивительно, такъ какъ подлоги очень часто случаются и съ сочиненіями частныхъ лицъ.

Гл. 40. Мысль, побуждающую людей къ этому, далъ діаволъ. Ересь, вмѣстѣ съ идолопоклонствомъ—суть дѣла его вѣдѣнія.

Гл. 41. Противъ истинности ученія еретиковъ свидѣтельствуетъ отсутствіе у нихъ порядка и ихъ шаткое блужданіе изъ стороны въ сторону.

Гл. 42. Къ этому присоединяется недостатокъ усердія проповѣди, и вся ихъ дѣятельность направлена на то, чтобы подорвать церковь.

Гл. 43. Всѣ подобныя явленія, встрѣчающіяся у еретиковъ, имѣютъ свое основаніе въ самой природѣ ересей.

Гл. 44. Тотъ, кто отвергнется отъ истинной вѣры, не заслуживаетъ никакого оправданія; онъ тѣмъ самымъ ставитъ себя въ положеніе глупаго противорѣчія съ чистыми, ясными истинами вѣры христіанской.

«Нельзя удивляться ни тому, что существуютъ ереси—потому что онѣ предсказаны, ни тому, что онѣ уничтожаютъ вѣру у нѣкоторыхъ людей, потому что ереси существуютъ для того, чтобы наша вѣра, пройдя черезъ искушенія, пріобрѣла тѣмъ большую крѣпость и очевидность истины. Поэтому множество людей безъосновательно смущается тѣмъ, что ереси завоевываютъ себѣ успѣхъ. Что же это такое было бы, если бы ихъ совсѣмъ не было? Когда извѣстная вещь существуетъ, она необходимо имѣетъ свою причину и свойственную ей энергію, которая поддерживаетъ ея существованіе, и безъ которой она не могла бы существовать. Ты не изумляешься нисколько, что существуетъ лихорадка, этотъ наиболѣе злѣйшій бичъ человѣчества, въ числѣ другихъ смертоносныхъ и мучительныхъ болѣзней,—не удивляешься и тому, что она уничтожаетъ человѣка: такова ея природа! Не будучи въ состояніи уничтожить ее, мы предпринимаемъ всѣ мѣры для предохраненія (себя) отъ нея. Зачѣмъ же мы смущаемся и удивляемся тому, что ереси, которыя сжигаютъ насъ болѣе губительнымъ огнемъ и приносятъ намъ вѣчную смерть, могутъ имѣть подобное дѣйствіе, вмѣсто того, чтобы воспрепятствовать имъ въ этомъ, какъ будто бы мы не имѣли для этого возможности? Ереси вѣдь по стольку и имѣютъ силу, по скольку мы съ удивленіемъ смотримъ на ихъ могущество. Сбитые съ толку испугомъ, мы смущаемся, и это смущеніе насъ заставляетъ вѣрить, что ихъ могущество проистекаетъ изъ нѣкоторой истины. Было бы удивительно, безъ сомнѣнія, если бы зло имѣло такое сильное могущество. Но вѣдь ереси оказываютъ свою силу только надъ тѣмъ, кто самъ нетвердъ въ вѣрѣ. Посмотрите на бой атлетовъ и гладіаторовъ: побѣдитель обыкновенно ни особенно храбръ, ни непобѣдимъ; но ему попался слабый соперникъ. Ему противопоставляютъ болѣе храбраго, тогда побѣдитель оказывается въ свою очередь побѣжденнымъ. Въ такомъ же положеніи находится дѣло и съ ересями; сильныя благодаря нашей слабости, онѣ безсильны противъ твердой вѣры. Каждая ошибка, по Божьему Провидѣнію, служитъ для большаго торжества истины. Каждая ересь была удобнымъ случаемъ и точкой отправленія для новаго развитія свѣта и истины. Поэтому ереси имѣютъ свою относительную пользу, такъ какъ всякое частное зло обращается по волѣ Промысла въ общее благо».

Нерѣдко случалось, что ереси насчитывали въ числѣ своихъ приверженцевъ людей, устроявшихъ церковь своими добродѣтелями. Тертулліанъ старается уничтожить въ душѣ своихъ читателей непріятное впечатлѣніе, производимое на нихъ подобными примѣрами.

«Какъ, говорятъ, вотъ тотъ и этотъ, котораго мы знали за вѣрнаго, мудраго, преданнаго церкви, могъ перейти въ лагерь еретиковъ? Дѣлающіе подобное возраженіе могли бы сами себѣ отвѣтить: эти люди въ основѣ своей не были нисколько тѣмъ, чѣмъ ихъ представляли; иначе ересь не могла бы совратить ихъ. Впрочемъ развѣ очень ужъ такъ необычайно, чтобы люди испытанной добродѣтели впадали потомъ въ заблужденіе? Саулъ, лучшій среди всего народа своего, падаетъ впослѣдствіи подъ вліяніемъ чувствъ злобы и зависти. Давидъ, человѣкъ по сердцу Божію, становится виновнымъ въ двойномъ преступленіи: убійствѣ и прелюбодѣяніи. Соломонъ, осыпанный дарами Божіими и исполненный Его премудрости, былъ вовлеченъ въ идолопоклонство своими женами; одинъ только Сынъ Божій безгрѣшенъ! Что же удивительнаго, если епископъ, діаконъ, вдова, дѣвственница, ученый, даже мученикъ удаляется отъ правила вѣры? Развѣ ереси станутъ отъ этого истиной? Развѣ мы судимъ о вѣрѣ по людямъ или о людяхъ по вѣрѣ? Никого нельзя назвать мудрымъ, если онъ не остался вѣренъ истинѣ. Никого нельзя назвать болѣе великимъ, чѣмъ истиннаго христіанина. Никого нельзя назвать христіаниномъ, если онъ не останется твер-

дымъ въ вѣрѣ до конца! Человѣкъ!... Но вы судите объ иномъ человѣкѣ только по внѣшнимъ фактамъ, вы вѣрите на основаніи того, что вы видите; а вы видите настолько, насколько велико поле вашего зрѣнія...»

«...Пусть легкая солома улетаетъ подъ вліяніемъ перваго дуновенія испытаній; за то тѣмъ чище пшеница въ житницѣ Господа. Развѣ нѣкоторые изъ учениковъ Господа не соблазнились о Немъ и не покинули Его? Другіе тѣмъ не менѣе остались вѣрны Ему; зная, что Онъ—глаголъ жизни и что Онъ пришелъ отъ Бога, они послѣдовали за Нимъ до конца, хотя въ свою очередь имъ была предоставлена свобода вернуться, если бы они пожелали этого. Одинъ изъ Апостоловъ предаетъ Его; что жъ удивляться тому, что Фигеллъ, Гермогенъ, Филетъ, Гименей покидаютъ его Апостоловъ? Намъ удивительно видѣть, что нѣкоторые оставили Его церковь; но то, что мы страдаемъ по примѣру Христа, явно показываетъ, что мы—христіане. Они вышли изъ нашей среды, какъ сказано въ Писаніи, но они не были нашими; если бы они были нашими, они остались бы среди насъ».

Въ поступкахъ или произведеніяхъ любаго ересіарха до его отпаденія отъ церкви всегда замѣтенъ зародышъ его будущаго отпаденія. Нѣкоторыя умственныя или нравственныя предрасположенія, при помощи внѣшнихъ вліяній, привели его къ отпаденію.

Но откуда же происходятъ ереси, наносящія раны церкви? Тутъ Тертулліанъ точно характеризуетъ отношеніе ереси къ истинной вѣрѣ. Ересь (αἵρεσις, haeresis), какъ указываетъ ея названіе, есть *выборъ*, который дѣлаютъ среди другихъ истинъ, чтобы отвергнуть однѣ изъ нихъ и принять другія. Православіе напротивъ принимаетъ все ученіе во всей цѣлости, такъ какъ приняли его отъ Христа и передали всему міру Апостолы. Съ одной стороны каждый составляетъ свое вѣрованіе по себѣ, подъ освѣщеніемъ своего разума и по прихоти свой воли; съ другой стороны всѣ держатся одного символа, который сообщенъ имъ путемъ законнаго свидѣтельства. Но ересь находитъ свое осужденіе

въ самой же себѣ, выбирая между истинами откровенія, которыя имѣютъ равную степень достовѣрности; отрицать одну изъ нихъ—значитъ опрокидывать всѣ, потому что причина достовѣрности тождественна у всѣхъ. Здѣсь Тертулліанъ съ обычной энергіей указываетъ на разницу, существующую между человѣческими ученіями, предоставленными на свободную оцѣнку каждаго, и божественнымъ откровеніемъ, которое должно пользоваться согласнымъ признаніемъ всѣхъ.

«Какъ я жалѣю, восклицаетъ авторъ, что Аристотель изобрѣлъ діалектику, искусство, одинаково способное созидать и разрушать, перемѣнчивое, какъ Протей, въ сужденіяхъ, сухое, сведенное къ предположеніямъ въ своихъ доказательствахъ, обильное преніями, противорѣчащее само себѣ, само безпрестанно уничтожающее то, что недавно сдѣлало... Отъ него явились эти басни, эти безконечныя аналогіи, эти праздные вопросы, эти расползающіяся, какъ ракъ, рѣчи, отъ которыхъ Апостолъ старается насъ избавить, заклиная въ своемъ посланіи къ колоссянамъ, чтобы мы съ осторожностью относились къ философіи: остерегайтесь, чтобы кто нибудь не обманулъ васъ при помощи философіи и пустыхъ соблазновъ, по преданіямъ человѣческимъ и вопреки премудрости Духа Святаго. Онъ былъ въ Аѳинахъ, гдѣ узналъ эту свѣтскую мудрость, которая хвастается, что научаетъ истинѣ, искажая ее на самомъ дѣлѣ. Онъ видѣлъ, что мудрость эта была раздѣлена на множество толковъ, которые, какъ и ереси, всегда заклятые враги другъ другу.

Что общаго между Аѳинами и Іерусалимомъ, Академіей и Церковью, между еретиками и христіанами? Наше ученіе происходитъ изъ портика Соломона, который самъ училъ, что искать Бога надо въ простотѣ сердна. Пусть разберутся между собою тѣ, которые изобрѣли и открыли стоическое, платоническое или діалектическое христіанство! Мы не увлекаемся любопытствомъ послѣ Іисуса Христа, не имѣемъ нужды въ изысканіяхъ послѣ Евангелія! Вѣруя имъ, мы не желаемъ вѣрить ни чему другому. Думаемъ даже, что и вѣрить болѣе нечему». Напротивъ еретики прилагаютъ къ Божественному

откровенію принципъ свободнаго изслѣдованія. Прежде чѣмъ опровергать ихъ, Тертулліанъ старается установить генезисъ ереси въ его источникѣ.

Отвѣчая гностикамъ на ихъ доводы въ пользу справедливости свободнаго изслѣдованія, Тертулліанъ ставитъ различіе между изслѣдованіемъ, предшествующимъ вѣрѣ и послѣдующимъ за ней; первое вполнѣ законно, второе нелѣпо, если оно имѣетъ своимъ объектомъ откровеніе. «Да, ищите, ищите Христа, если вы Его еще не знаете, ищите твердый и неизмѣнный символъ вѣры, который приняли всѣ народы; все это не требуетъ безконечныхъ изслѣдованій. Но разъ вы уже нашли то, чему учитъ Христосъ, остановитесь, положите предѣлъ вашимъ поискамъ, успокойтесь въ увѣренности, которую даетъ Божественное откровеніе, не оскорбляйте слово Божіе, подвергая его критическому изслѣдованію, какъ будто Богъ можетъ обмануть васъ или ошибиться Самъ».

Весь этотъ споръ можно привести къ тремъ пунктамъ: предметъ исканія, время и предѣлъ или мѣра. «Должно искать то, чему училъ Іисусъ Христосъ; должно искать, пока не найдено, и продолжать исканіе до тѣхъ поръ, пока не нашелъ. Но вы нашли съ тѣхъ поръ, какъ повѣрили, потому что вы не повѣрили бы, если бы не нашли, такъ какъ вы искали для того, чтобы найти, и вы находите для того, чтобы повѣрить. Итакъ вѣруя вы полагаете конецъ всѣмъ вашимъ поискамъ: самый плодъ, результатъ вашихъ поисковъ, когда вы его уже нашли, дастъ вамъ знакъ остановиться». Слѣдовательно, весь вопросъ сводится къ тому, далъ ли Богъ откровеніе человѣческому роду, и гдѣ мы можемъ найти его. «Вы хотите знать, продолжаетъ Тертулліанъ то, чему училъ Христосъ: хорошо, это ваше право, вашъ долгъ; но будьте внимательны, не ошибитесь въ дорогѣ!» «Вы, которые ищете все не находя, не ищете ли тамъ, гдѣ никогда не находятъ? Вы, которые стучитесь тамъ, гдѣ вамъ не отворяютъ, не стучитесь ли тамъ, гдѣ нѣтъ никого? Вы, которые просите такъ, что вамъ не даютъ, не просите ли у

того, кто не можетъ ничего дать? Гдѣ вы ищете? Не у еретиковъ ли»?

«Но если бы еретики даже и не были противниками истины, продолжаетъ Тертулліанъ, и если бы намъ не было указано избѣгать ихъ,—чему можно научиться у людей, которые сами сознаются, что они все еще ищутъ? Если они серьезно ищутъ, то они ничего еще не нашли достовѣрнаго, слѣдовательно, какое бы мнѣніе они ни имѣли въ данный промежутокъ времени, они сами довольно свидѣтельствуютъ о своихъ блужданіяхъ уже тѣмъ, что ищутъ. Такъ и вы, съ своей стороны ищущіе, если будете обращаться только къ тѣмъ, кто ищетъ, сомнѣвающіеся къ сомнѣвающимся, неувѣренные къ неувѣреннымъ, слѣпые къ слѣпымъ, неизбѣжно вмѣстѣ съ ними падете въ одну и ту же пропасть. Когда они ради обмана и совращенія выставляютъ на видъ, что они ищутъ истины, для того, чтобы, ввергнувъ насъ въ безпокойство, привить намъ свои взгляды, а между тѣмъ, сблизившись съ нами, тотчасъ же авторитетно запрещаютъ то, что сами же приглашали изслѣдовать незадолго предъ тѣмъ,—нашъ долгъ ихъ отвергнуть, чтобы они знали, что мы отречемся скорѣе отъ нихъ, чѣмъ отъ Христа; потому что, ища еще, они не нашли; не найдя, еще не имѣютъ вѣры; не вѣруя, они не могутъ назваться христіанами! Напротивъ, когда они вѣрятъ и для защиты своихъ мнѣній продолжаютъ говорить, что надо еще искать, этимъ самымъ они уже отрекаются отъ вѣры раньше, чѣмъ стали защищать предметъ своей вѣры, такъ какъ сознаются, что не вѣрятъ въ него, продолжая свое исканіе. Какимъ же образомъ люди, которые не христіане въ своихъ собственныхъ глазахъ, могутъ быть христіанами для насъ? Съ такимъ обиліемъ лжи къ какой вѣрѣ они могутъ придти своими разсужденіями, что могутъ защитить? Какой истинѣ они покровительствуютъ, вводя ее при помощи лжи»?

Свободное изслѣдованіе, какъ его понимаетъ ересь, безсильно для воспріятія акта вѣры, потому что оно не знаетъ, будетъ ли предметъ вѣры завтра тотъ же, что и сегодня;

не измѣнитъ ли его совершенно крайній результатъ его исканій? Вѣра же предполагаетъ полную увѣренность, потому что отсутствіе увѣренности равнозначительно сомнѣнію, что является отрицаніемъ вѣры, такъ какъ она становится тогда въ положеніе проблеммы и подчинена случайностямъ изысканія, предѣла которому не предвидится. Слѣдовательно, при свободномъ изслѣдованіи мы постоянно искали бы, никогда не находя; иными словами, съ безконечнымъ свободнымъ изслѣдованіемъ несовмѣстимо никакое положительное исповѣданіе вѣры. Слѣдовательно, какъ говоритъ Тертулліанъ, люди, которымъ ихъ система запрещаетъ строить актъ вѣры на ученіи, лишенномъ почвы, не заслуживаютъ имени христіанъ въ истинномъ смыслѣ этого слова. Считая, что истинную вѣру слѣдуетъ искать тамъ, гдѣ христіанское ученіе существуетъ во всей цѣлости, подъ охраной достовѣрнаго свидѣтельства и законнаго авторитета, Тертулліанъ воспроизводитъ въ главныхъ чертахъ символъ вѣры вселенской. Но кромѣ правила вѣры, которое должно оставаться цѣлымъ и невредимымъ, церковь оставляетъ широкое поле для изслѣдованій. Вы свободны, говоритъ Тертулліанъ, изслѣдовать то, что можетъ служить вопросомъ, не оскорбляя правила вѣры. «Ищите, разбирайте, давайте просторъ вашему любопытству; если что-нибудь вамъ кажется темнымъ или двусмысленнымъ, то вѣдь среди вашихъ братьевъ нѣкоторые получили даръ вѣдѣнія,—обратитесь къ нимъ; любопытствуя, въ свою очередь, они станутъ искать вмѣстѣ съ вами; но еще разъ: уважайте то, что выше всякаго изслѣдованія и споровъ»!

Чтобы избѣжать осужденій, нѣкоторыя секты прибѣгали къ Священному Писанію, гдѣ каждая изъ нихъ думала найти оправданіе своимъ ученіямъ. Существовало два способа опроверженія ересей: слѣдуя аналитическому способу, переносили споръ на почву Писанія и брали одинъ по одному члены символа, доказывая, что каждый изъ нихъ опирается на слово Божіе, между тѣмъ какъ мнѣніе еретиковъ находитъ тамъ осужденіе себѣ. Но Тертулліанъ находилъ этотъ способъ безплоднымъ. «Вы хотите, говоритъ онъ, спорить съ еретикомъ о Писаніи; но, во-первыхъ, онъ принимаетъ не всѣ книги Писанія; тѣ же, которыя онъ принимаетъ, измѣняетъ черезъ добавки или урѣзки. Затѣмъ онъ перетолковываетъ ихъ по своему произволу; мѣстамъ, которыя его смущаютъ, онъ противополагаетъ другія, неясность которыхъ позволяетъ ему видѣть въ нихъ все, что ему угодно. Какъ бы вы ни были опытны въ знаніи Писаній, вы не помѣшаете ему ни авторитетно отрицать то, что вы предложите въ качествѣ доказательствъ, ни поддерживать съ одинаковымъ упорствомъ то, что вы будете отрицать. Безплодный по отношенію къ ереси, которую вы опровергаете, подобный разборъ можетъ стать опаснымъ для свидѣтелей спора, которыхъ вы стараетесь просвѣтить. Съ изумленіемъ видя, что отрицаютъ и утверждаютъ съ обѣихъ сторонъ, а ни одинъ изъ спорящихъ не остается побѣжденнымъ, они могутъ вынести изъ зрѣлища этой борьбы нерѣшительность и сомнѣніе. Слѣдовательно, вы подвергаетесь вѣрной опасности въ спорѣ, который не дастъ вамъ ничего, кромѣ утомленія и раздраженія.

Споръ съ еретикомъ о Писаніи способенъ только произвести боль въ головѣ и натрудить легкія. Но есть другой способъ, болѣе пригодный къ борьбѣ, такъ какъ онъ отнимаетъ у еретиковъ возможность толковать самые ясные и положительные тексты Писанія разнорѣчиво, по собственному ихъ убѣжденію. На требованіе еретиковъ относительно критическаго разбора библейскихъ текстовъ Тертулліанъ отказывается входить съ ними въ споръ объ этомъ, предлагая лишить ихъ права спорить о Священномъ Писаніи. «Мы не имѣемъ нужды, говоритъ онъ, изслѣдовать въ подробностяхъ и опровергать ваши мнѣнія одно за другимъ; весь вопросъ между нами и вами сводится къ тому, чтобы узнать, гдѣ находится ученіе Христа. Но Христосъ сообщилъ это ученіе Апостоламъ, которые, въ свою очередь, передали его церквамъ, основаннымъ ими. Слѣдовательно, мы—истинные владѣтели его; одного факта владѣнія достаточно для того, чтобы мы воспользовались правомъ отринуть ваши требованія

по отношенію къ ученію, которое существовало до васъ и внѣ васъ».

Другими словами—предохраняемъ себя противъ васъ, опираясь на извѣстный осязаемый фактъ, и поэтому прерываемъ всякое дальнѣйшее обсужденіе. Вотъ въ краткихъ чертахъ мнѣніе Тертулліана.

Затѣмъ онъ развиваетъ его въ подробностяхъ. Устранимъ на минуту всякій споръ о догматѣ: онъ извѣстенъ всѣмъ. Христосъ, будучи на землѣ, преподалъ Свое ученіе. Кому Онъ его передалъ? Второй пунктъ столь же ясенъ, какъ и первый. Всѣ знаютъ, что Онъ избралъ двѣнадцать Апостоловъ, которымъ далъ порученіе учить народы, обѣщая притомъ Апостоламъ соприсутствіе и помощь Святаго Духа. Что сдѣлали Апостолы? Исторія покажетъ намъ это. Апостолы основали церкви, сначала въ Іудеѣ, потомъ въ остальной вселенной. Эти апостольскія церкви дали начало другимъ, вышедшимъ, подобно отпрыскамъ, неотдѣлимымъ отъ ихъ общей вѣтви. Ибо всѣ эти церкви, какъ бы онѣ ни были многочисленны, образуютъ одну; всѣ онѣ апостольскія по ихъ происхожденію, потому что связаны съ Апостолами или непосредственно или посредственно, равно какъ и по ихъ ученію, которое ни въ чемъ не отличается отъ ученія учениковъ Господа. Если нашъ Господь Іисусъ Христосъ послалъ Апостоловъ для проповѣди, то не слѣдуетъ принимать другихъ проповѣдниковъ, кромѣ установленныхъ Имъ, потому что никто не знаетъ Отца, кромѣ Сына, и тѣхъ, которымъ Сынъ открылъ Отца; а Сынъ открылъ Его только Апостоламъ, посланнымъ для проповѣди того, что Онъ имъ возвѣстилъ. Но что проповѣдывали Апостолы? Другими словами, что имъ открылъ Іисусъ Христосъ? Я полагаю, что это можно узнать единственно въ ученіи церквей, которыя основали Апостолы, поучая ихъ сначала живымъ словомъ, потомъ своими посланіями. Если это такъ, то мы должны заключить отсюда, что всякое ученіе, согласное съ апостольскими церквами, разсадниками и источниками вѣры,—истинно, потому что оно несомнительно содержитъ то, что церковь получила отъ Апостоловъ, Апостолы отъ Христа, Христосъ отъ Бога. Напротивъ, по той же причинѣ всякое другое ученіе должно быть отвергнуто безъ предварительнаго изслѣдованія, какъ противоположное ученію церквей, Апостоловъ, Христа и Бога. Намъ остается только показать, что наше ученіе происходитъ отъ Апостоловъ и, по неизбѣжному слѣдствію, всѣ другія и противоположныя ему ученія ложны. Мы находимся въ общеніи съ церквами апостольскими, потому что наше ученіе не отличается ни въ чемъ отъ ихъ ученія: вотъ свидѣтельство истины!

На возраженія еретиковъ, что Апостолы не все знали; или, если и знали все, не всему всѣхъ научили; или, если они передали все, церкви не хорошо ихъ поняли,—Тертулліанъ отвѣчаетъ: «какой здравомыслящій человѣкъ могъ бы утверждать, что не знали какого-нибудь пункта христіанскаго ученія Апостолы, которыхъ Спаситель послалъ учить вселенную, наставляя ихъ Самъ прежде, чѣмъ довѣрить имъ миссію наставлять другихъ? Что могло быть скрытымъ отъ Петра, названнаго камнемъ для созданія церкви,—отъ Петра, который получилъ вмѣстѣ съ ключами царствія небеснаго власть вязать и рѣшить на небѣ и на землѣ! Что могло быть скрыто отъ Іоанна, любимаго ученика, которому Спаситель позволялъ возлежать къ груди Своей, которому одному Онъ указалъ напередъ предателя Іуду, и котораго Онъ далъ сыномъ Маріи вмѣсто Себя? Что Христосъ захотѣлъ бы скрыть отъ остальныхъ Апостоловъ, спутниковъ Его трудовъ въ Его жизни, провозвѣстниковъ Его ученія послѣ Его смерти? Безъ сомнѣнія, Онъ сказалъ имъ: Я много имѣлъ бы сказать вамъ, чего вы не можете еще вмѣстить теперь, прибавивъ: когда Духъ Истины придетъ, Онъ научитъ васъ во всякой истинѣ! Но это обѣщаніе исполнилось сошествіемъ Святаго Духа на Апостоловъ въ день Пятидесятницы».

«Еретики возражаютъ намъ тѣмъ, что Петру возражалъ Павелъ, откуда они заключаютъ, что первый не зналъ нѣкоторыхъ истинъ, которыя зналъ второй». Но только невѣжество, говоритъ Тертулліанъ, можетъ смѣшивать въ этомъ пунктѣ

совершенно разныя вещи. То, что Павелъ порицалъ въ Петрѣ, было ошибкой въ поведеніи послѣдняго, но не въ истинахъ вѣры. Съ цѣлью пощадить предразсудки нѣкоторыхъ іудействующихъ христіанъ, болѣе скрупулезныхъ, чѣмъ другіе, Петръ счелъ за должное перестать ѣсть съ язычниками; Павелъ находилъ эту уступку излишней. Вотъ къ чему сводится весь споръ между ними. Съ одинаковымъ правомъ Петръ могъ бы укорять Павла за то, что, запрещая обрѣзаніе, не помѣшалъ обрѣзанію Тимоѳея. Все это доказываетъ только то, что въ способахъ дѣйствія Апостолы сообразовались съ условіями времени, мѣста и лицъ. Что касается до ученія, оно было неизмѣнно. Петръ и Павелъ проповѣдывали одно и тоже Евангеліе, какъ испытали одно и тоже мученичество.

Возражая еретикамъ на второй пунктъ ихъ мнѣнія, будто Апостолы не всему научили всѣхъ, Тертулліанъ говоритъ, что «нѣтъ ни одного тайнаго пункта въ откровенномъ ученіи. Іисусъ Христосъ повелѣлъ ученикамъ проповѣдывать Его ученіе на открытомъ воздухѣ и на кровляхъ, поставлять свѣтъ на свѣтильникѣ, а не подъ свѣтильникомъ. Поручая имъ не бросать святыни псамъ и не кидать бисера передъ свиньями, Онъ хотѣлъ этимъ единственно научить ихъ поступать разумно и разборчиво. Но нельзя отсюда заключить, что они должны были наставлять двумъ различнымъ родамъ истинъ, проповѣдывать объ одномъ Богѣ въ церкви и о другомъ въ домахъ, объ одномъ Христѣ публично, и о другомъ Христѣ тайно, о воскресеніи для всѣхъ и о воскресеніи для нѣкоторыхъ избранныхъ. Наоборотъ, — какъ настойчиво Апостолы убѣждали вѣрныхъ наблюдать, чтобы не было разногласій и расколовъ въ церкви! Очевидное доказательство тому, что они передавали всѣмъ одинаковое ученіе безъ ограниченія и безъ раздѣленія.

Остается разсмотрѣть третье возраженіе еретиковъ, будто церковь невѣрно поняла апостольское наставленіе. Тертулліанъ противопоставляетъ этому мнѣнію совершенное согласіе всѣхъ церквей относительно одного и того же символа вѣры. «Предположимъ, говоритъ онъ, если хотите, что всѣ церкви заблуждаются; что Апостолъ обманулся, свидѣтельствуя о нѣкоторыхъ изъ нихъ; что Святой Духъ не позаботился ни одну изъ нихъ направить въ смыслѣ истины, будучи посланъ Христомъ и будучи просимъ у Отца, чтобы стать наставникомъ истины. Предположимъ, что Онъ пренебрегъ Своей обязанностью, оставляя церкви вѣрить и понимать все другое кромѣ того, что Имъ передано было чрезъ Апостоловъ,—правдоподобно-ли, чтобы столь многочисленныя церкви соединились въ одномъ заблужденіи? Среди множества возможныхъ случайностей нельзя было бы найти такого общаго и одинаковаго у всѣхъ результата; если бы церкви заблуждались относительно ученія, необходимо оказалась бы разница въ этихъ заблужденіяхъ. Нѣтъ! Что тождественно среди большаго числа людей— не заблужденіе, но преданіе. Пусть послѣ этого осмѣливаются поддерживать мнѣніе, что заблуждались тѣ, которые передали вѣру»!

Возвращаясь къ своимъ первоначальнымъ положеніямъ, Тертулліанъ говоритъ: «Мы владѣемъ истиннымъ ученіемъ, потому что мы восходимъ до Апостоловъ, которые намъ передали его, и потому что наше ученіе согласно съ ихъ ученіемъ. Вы же, еретики, не имѣете никакого права на апостольское наслѣдство; ибо, съ одной стороны, вы изъ недавно явившихся, а съ другой, ваши мнѣнія, не согласуясь съ ученіемъ Апостоловъ, были преданы ими анаѳемѣ. Достаточно установить только одно это для того, чтобы навсегда осудить всѣ ереси, каковы бы ни были ихъ имя и родословіе. Если же среди этихъ ересей нѣкоторые осмѣливаются называть себя современными Апостоламъ для того, чтобы оградить себя авторитетомъ апостольскаго преданія, мы можемъ имъ отвѣтить: покажите же намъ происхожденіе вашихъ церквей, разверните передъ нами преемственность вашихъ епископовъ съ самаго начала такъ, чтобы они восходили къ Апостоламъ или къ одному изъ апостольскихъ мужей, которые находились въ постоянномъ общеніи съ Апостолами, ибо этимъ церкви, истинно апостольскія, доказываютъ свое происхожденіе. Такимъ образомъ

смирнская церковь указываетъ на Поликарпа, котораго Іоаннъ далъ ей въ епископы; римская на Климента, поставленнаго Петромъ. Остальныя указываютъ также на людей, поставленныхъ епископами черезъ Апостоловъ, и на тотъ путь, которымъ они получили сѣмя апостольскаго ученія. Пусть еретики придумаютъ что нибудь похожее! Послѣ стольких богохульствъ имъ вѣдь все позволительно; но какъ бы они ни придумывали, они не успѣютъ въ этомъ. Ибо ихъ ученія, при сравненіи съ апостольскимъ, достаточно доказываютъ своимъ разнообразіемъ и противорѣчіями, что основателемъ ихъ не былъ ни Апостолъ, ни мужъ апостольскій. Дѣйствительно, Апостолы не могли противорѣчить другъ другу въ своемъ ученіи, апостольскіе мужи не могли противорѣчить Апостоламъ, за исключеніемъ отпавшихъ. Пусть еретики покажутъ согласіе своего ученія съ ученіемъ апостольскимъ!—вотъ вызовъ отъ лица церквей, которыя хотя не могутъ назвать своимъ основателемъ ни Апостола, ни мужа апостольскаго, будучи недавняго происхожденія или даже постоянно вновь возникая, тѣмъ не менѣе заслуживаютъ названіе церквей апостольскихъ, вслѣдствіе единства вѣры, единства источника ихъ ученія. Итакъ всѣ ереси приглашаются нашими церквами доказать по своему ученію или по происхожденію, что онѣ апостольскія. Но онѣ не могутъ доказать того, чего нѣтъ. Разница ихъ ученія отъ апостольскаго ясно показываетъ напротивъ, что онѣ нисколько не апостольскія. Вотъ почему ни одна апостольская церковь не принимаетъ ихъ въ общеніе мира».

Еретики выводили одну ересь изъ предшествующей и такъ до временъ апостольскихъ, думая этимъ прикрыть недавность своего происхожденія.

«Да, возражаетъ имъ на это Тертулліанъ, мы безъ труда предоставляемъ вамъ это. Вы имѣете своего рода преемство; вы имѣете предшественниковъ и предковъ. Вы восходите дѣйствительно, только не къ Апостоламъ, а, въ чемъ большая разница, къ ересямъ, осужденнымъ ими; вотъ ваше истинное происхожденіе!» Такимъ образомъ ереси по своему происхожденію позднѣе апостольскаго времени, и тогда ихъ новизна уже служитъ для нихъ осужденіемъ, или восходятъ къ ересямъ временъ апостольскихъ—тогда онѣ подпадаютъ подъ осужденіе Апостоловъ, высказанное ими по поводу современныхъ имъ ересей.

«Гдѣ же искать истинное ученіе Апостоловъ? Хотите вы удовлетворить спасительной и похвальной любознательности? Идите къ церквамъ апостольскимъ, гдѣ еще теперь существуютъ на томъ же мѣстѣ каѳедры Апостоловъ, гдѣ, слыша чтеніе ихъ достовѣрныхъ посланій, вы какъ бы увидите ихъ самихъ и услышите какъ бы звукъ ихъ голоса. Живете ли вы близъ Ахайи? Вы имѣете Коринѳъ; вблизи Македоніи? вы имѣете Филиппы и Ѳессалоники. Отправляетесь ли вы въ Азію? Не минуйте Ефесъ! Будете ли въ предѣлахъ Италіи? Вы имѣете Римъ, къ авторитету котораго и мы прибѣгаемъ. Счастлива церковь, въ лонѣ которой Апостолы пролили, вмѣстѣ съ кровію, свое ученіе, гдѣ Петръ былъ пріобщенъ къ страданіямъ Господа, гдѣ Павелъ былъ увѣнчанъ, какъ Іоаннъ Креститель, гдѣ Апостолъ Іоаннъ выходитъ цѣлъ и невредимъ изъ кипящаго масла, чтобы быть сосланнымъ на островъ. Посмотримъ же, что получилъ и чему учитъ Римъ и въ чемъ онъ имѣетъ общеніе съ церквами Африки! Римъ признаетъ Единаго Бога, Творца вселенной; признаетъ Іисуса Христа, Сына Бога Творца, рожденнаго отъ Дѣвы Маріи, исповѣдуетъ воскресеніе плоти; соединяетъ законъ и пророковъ съ евангеліями и посланіями Апостоловъ. Вотъ источники, гдѣ Римъ почерпаетъ свою вѣру!»

«Итакъ, если извѣстно, что истина находится на сторонѣ тѣхъ, которые благоговѣйно слѣдуютъ правилу вѣры, данному церкви Апостолами, Апостоламъ—Христомъ, Христу же Богомъ—мы имѣемъ основаніе поддерживать мнѣніе, что съ еретиками не слѣдуетъ вступать въ споръ о Писаніяхъ, потому что мы, безъ содѣйствія Писаній, доказываемъ, что они абсолютно чужды Писаніямъ. Ибо съ тѣхъ поръ, какъ они еретики, они не могутъ быть христіанами, держась не ученія

Христа, но послѣдуя тому, что сами произвольно избрали, вмѣстѣ съ именемъ еретиковъ. Не будучи христіанами, они не имѣютъ никакого права на христіанскія Писанія. Кто вы? можетъ сказать имъ церковь. Когда и откуда вы пришли? Что вы дѣлаете у меня, не будучи изъ числа моихъ? По какому праву, Маркіонъ, ты рубишь мой лѣсъ? Кто позволилъ тебѣ, Валентинъ, измѣнять направленіе моихъ источниковъ? Кто уполномочивалъ тебя, Апеллесъ, передвигать мои границы? И вы, другіе еретики, какимъ образомъ осмѣливаетесь сѣять здѣсь и пасти по своему желанію? Это мое благо! Я владѣю имъ уже давно; я имѣю всѣмъ извѣстное начало, титулъ, происходящій отъ первыхъ основателей. Я обладаю на томъ основаніи, что они такъ утвердили въ своемъ завѣщаніи и такимъ образомъ ввѣрили на сохраненіе, укрѣпивши клятвою. Вамъ отказано во всемъ этомъ, вы лишены участія въ наслѣдствѣ, какъ чуждые и враги! Но почему еретики чужды и враждебны Апостоламъ? Не потому ли, что ученіе, которое каждый изъ нихъ придумалъ или усвоилъ, по своему произволу, прямо противоположно ученію Апостоловъ?»...

«Я не могу здѣсь опустить (заключаетъ Тертулліанъ свое сочиненіе) описанія поведенія еретиковъ. Какъ оно легкомысленно, низко, какой оно носитъ земной характеръ, лишено важности, авторитета, дисциплины, какъ все соотвѣтствуетъ съ ихъ вѣрой! Среди ихъ не знаютъ, кто оглашенный, кто вѣрный; они входятъ, слушаютъ, молятся всѣ вмѣстѣ, даже вмѣстѣ съ язычниками, если таковые присутствуютъ. Они повергаютъ, не колеблясь, святыню псамъ, разсыпаютъ жемчугъ, хотя бы и фальшивый, передъ свиньями. Разрушеніе дисциплины они называютъ простотой; нашу привязанность къ ней считаютъ напускнымъ благочестіемъ. Они даютъ миръ всѣмъ безразлично. Противорѣча одни другимъ въ своемъ вѣрованіи, они находятъ, что имъ все равно, такъ какъ они соединились для борьбы съ истиной»... «Что скажу объ ихъ проповѣди? Они не имѣютъ намѣренія обратить язычниковъ, но совратить нашихъ. Они полагаютъ свою славу въ томъ, что опрокидываютъ тѣхъ, которые стоятъ, вмѣсто того, чтобы

поднять тѣхъ, которые лежатъ на землѣ. Я не удивляюсь этому; не будучи въ состояніи ничего сами создать, они строятъ свое зданіе на развалинахъ истины. Они усиливаются пошатнуть нашу церковь, чтобы построить свою»... «Нельзя сказать, чтобы были расколы среди еретиковъ; по крайней мѣрѣ, не видно этого: схизма для нихъ—единство. Удаляясь отъ своихъ собственныхъ правилъ, они то и дѣло расходятся другъ съ другомъ. Каждый перетолковываетъ по своему ученіе, которое онъ получаетъ, такъ какъ вѣдь и тотъ, кто передаетъ его, придумалъ его сообразно своей фантазіи. Ересь, въ своемъ успѣхѣ, обнаруживаетъ свою природу и характеръ своего происхожденія. Валентиніане и Маркіониты имѣютъ право вводить въ религію новое по своему произволу съ такимъ же правомъ, какъ Валентинъ и Маркіонъ. Короче, всѣ ереси, если ихъ изслѣдовать до основанія, удаляются на много отъ ученія ихъ основателей»... «Еретики отрицаютъ страхъ Божій, поэтому они живутъ въ высшей степени распущенно. Да гдѣ же и не бояться Бога, какъ не тамъ, гдѣ Его нѣтъ? Гдѣ нѣтъ Бога, тамъ тѣмъ болѣе нѣтъ истины; а гдѣ нѣтъ истины, тамъ естественно встрѣтишь подобную дисциплину; напротивъ, гдѣ Богъ, тамъ и страхъ Божій, который есть начало премудрости; гдѣ страхъ Божій, тамъ найдемъ строгую точность, бдительную заботу, просвѣщенный выборъ, осмысленное общеніе, заслуженный почетъ, благоговѣйное подчиненіе, скромность въ обществѣ, церковное единство и все Божіе».

Противъ Маркіона

(„Adversus Marcionem“).

Маркіонъ распространялъ свое ученіе въ концѣ втораго вѣка. Сущность его заключается въ признаніи трехъ началъ: верховнаго, абсолютно-добраго Бога,—Деміурга, Бога справедливости безъ милосердія, и діавола. Деміургъ — творецъ міра и человѣка. Ветхій Завѣтъ данъ Деміургомъ, Новый—Мессіею, посланникомъ абсолютно-добраго Бога, о которомъ люди раньше ничего не знали. Маркіонъ считалъ невозможнымъ признать въ одномъ верховномъ началѣ любовь и справедливость: отсюда у него — два верховныхъ начала, кромѣ діавола. Въ подтвержденіе своего ученія онъ написалъ книгу «Antitheses», т.-е. противоположности, гдѣ собралъ примѣры изъ Ветхаго Завѣта, говорящіе о справедливости, карающей беззаконіе, и противопоставилъ имъ примѣры евангельской кротости. См. также примѣч.: «Маркіонъ и его ученіе».

Кн. I.

Argumentum:

Гл. 1. Прежняя дѣятельность Тертулліана противъ Маркіона. Его родина, личность и въ общихъ чертахъ система ученія.

Гл. 2. Два бога Маркіона.

Гл. 3. Богъ есть высшее благо и таковое можетъ быть только одно.

Гл. 4. Два высшихъ блага немыслимы одновременно, хотя бы они были отдѣлены своими предѣлами другъ отъ друга.

Гл. 5. Потому что, въ противномъ случаѣ, могло бы существовать и болѣе двухъ.

Между тѣмъ стараться представить себѣ два высшихъ блага значитъ раздвоять (раздѣлять) понятіе единаго блага.

Гл. 6. Два высшихъ блага, даже различныя по отношенію другъ къ другу, не могутъ существовать другъ подлѣ друга.

Гл. 7. Продолженіе и заключеніе этого доказательства.

Гл. 8. Богъ-Творецъ и такъ называемый новый Богъ Маркіонитовъ—Богъ чистаго блага.

Гл. 9. Послѣдній, очевидно, долженъ былъ уже прежде существовать, и уже потомъ былъ постигнутъ. Но это немыслимо.

Гл. 10. Богъ всегда былъ извѣстенъ въ Своемъ твореніи.

Гл. 11. Представленіе о Богѣ неизвѣстномъ ведетъ къ проворѣчію: все Божіе,—что же принадлежитъ Богу, ничего не создавшему?

Гл. 12. Нѣчто подобное можно думать и о Богѣ, оставшемся бездѣятельнымъ, а потому самому существованіе Его и не можетъ быть извѣстно.

Гл. 13. Творчество, какъ выраженное въ великомъ, такъ равно проявляющееся и въ маломъ,—удивительно и составляетъ признакъ Бога, что̀ признавали и языческая философія и религія.

Гл. 14. Маркіонитское воззрѣніе на созданный міръ кощунственно, не истинно и смѣшно.

Гл. 15. Если Маркіонъ послѣдователенъ въ своемъ сужденіи, то онъ долженъ считать и матерію, и пространство за божества.

Гл. 16. Нельзя дѣлить міръ такъ, чтобы видимое приписывать Деміургу, а невидимое—благому Богу.

Гл. 17. Одного искупленія, которое Маркіонъ приписываетъ доброму Богу, было бы недостаточно, между тѣмъ какъ другой проявлялся бы во всемъ остальномъ.

Гл. 18. Какъ нужно понимать это предполагаемое Маркіономъ откровеніе благаго Бога? Оно очевидно должно быть достойно Божескаго Существа.

Гл. 19. До Маркіона никто ничего не зналъ объ этомъ подразумѣваемомъ откровеніи новаго Бога.

Гл. 20. Маркіонитское сопоставленіе закона и Евангелія.

Гл. 21. Сущность вещей и преданіе запрещаетъ подобное сопоставленіе.

Гл. 22. Божественное благо, которое не явлено, не можетъ быть узнано человѣкомъ, а поэтому для него и не существуетъ.

Гл. 23. Когда благій Богъ желаетъ разрѣшить людей отъ страданій, то Онъ направляетъ свою дѣятельность въ чуждую ему область, такъ какъ, по ученію Маркіона, люди созданы Деміургомъ.

Гл. 24. Понятіе объ искупленіи Богомъ только благимъ, но не всеправеднымъ и правосуднымъ, не вѣрно.

Гл. 25. Богъ познается не по одной Своей благости, но и по другимъ Своимъ свойствамъ.

Гл. 26. Напримѣръ по Своему правосудію, карающему за грѣхъ.

Гл. 27. Въ противномъ случаѣ сознаніе добра и зла представлялось бы человѣку лишь только кажущимся.

Гл. 28. Всѣ исцѣленія, всѣ спасительныя установленія, всѣ заповѣди въ системѣ ученія Маркіона теряютъ свой смыслъ и значеніе.

Гл. 29. Запрещеніе Маркіономъ брака, въ которомъ будто бы заключается что-то нечистое, несправедливо.

Кн. II.

Argumentum:

Гл. 1. Такъ какъ Богъ Маркіона, такъ называемый Богъ чистаго блага, не можетъ быть признанъ, то-нѣтъ никакого другаго Бога, кромѣ Творца вселенной, Котораго и нужно всѣмъ признавать.

Гл. 2. Познать въ совершенствѣ Бога для человѣческихъ силъ недостижимо.

Гл. 3. То же, что Богъ Самъ Себя проявляетъ Своимъ твореніемъ, уже само по себѣ есть благо.

Благо въ свою очередь есть вѣчное свойство Бога.

Гл. 4. Божеская благость въ началѣ создала для людей мѣстожительство—мѣсто ихъ пребыванія.

Затѣмъ, по благости Своей, Богъ далъ людямъ законъ.

Гл. 5. Маркіониты говорятъ, что дѣйствительное существованіе зла въ мірѣ не можетъ сочетаться съ сущей благостью, предвѣдѣніемъ и всемогуществомъ Божіимъ.

Гл. 6. О свободной волѣ человѣка по отношенію къ добру и злу.

Гл. 7. Богъ не могъ препятствовать человѣку злоупотреблять свободной волей, разъ онъ человѣка одарилъ таковой.

Гл. 8. Богъ предназначилъ человѣка и сдѣлалъ его способнымъ къ хорошей, добродѣтельной жизни.

Это слѣдуетъ изъ того, что и до сихъ поръ, слѣдуя законамъ своей свободной воли, люди могутъ приходить къ этой цѣли.

Гл. 9. Душа, хотя сама по себѣ и дыханіе, и прообразъ Бога, все-таки имѣетъ возможность грѣшить.

Гл. 10. Искушеніе человѣка отъ злаго духа во время его грѣхопаденія нисколько не измѣняетъ положенія дѣла, потому что человѣкъ обладалъ свободной волей.

Искушеніе, явившись слѣдствіемъ грѣхопаденія человѣка, еще болѣе обнаружило для насъ свойства Божіи.

Гл. 11. Ложность пониманія Маркіонитами грѣхопаденія и отношенія Бога къ нему, какъ Судіи. Всеправедность есть необходимое качество Божества.

Гл. 12. Вотъ почему справедливость и благо постоянно совмѣстны.

Гл. 13. Боязнь предъ судомъ Божіимъ побуждаетъ человѣка къ добру, но не къ злу.

Гл. 14. Уничтоженіе шаткаго основанія, ложно построеннаго на основаніи Ис. 45, 7 относительно Божескихъ наказаній.

Гл. 15. Почему Богъ въ Ветхомъ Завѣтѣ говорилъ, что грѣхи отцовъ будутъ взысканы на ихъ потомкахъ?

Гл. 16. Если въ Ветхомъ Завѣтѣ иногда Богу приписываются свойства и аффекты, свойственные людямъ, то не слѣдуетъ поэтому думать, что и несовершенства, сопровождающія таковыя свойства, какія встрѣчаются у людей, также находятся и въ Богѣ.

Гл. 17. Благость и строгость вполнѣ и безъ противорѣчія сочетаются, какъ свойства одного и того же Бога.

Такъ Іегова въ Ветхомъ Завѣтѣ, извѣстный, какъ Богъ въ высшей степени праведный, далъ много доказательствъ Своей благости.

Гл. 18. Запрещеніе нечистой пищи и другія установленія Ветхаго Завѣта также подтверждаютъ благость Божію.

Гл. 19. Продолжается развитіе этой же мысли изъ разсмотрѣнія ветхозавѣтныхъ законоположеній.

Гл. 20. Похищеніе серебра евреями у египтянъ, допущенное Богомъ, при исходѣ изъ Египта—уравновѣшивалось долговременнымъ рабствомъ и истребленіемъ первенцевъ.

Гл. 21. Разсужденіе относительно упрека въ томъ, что, установивъ субботу, Богъ самъ нарушалъ Свой законъ.

Гл. 22. О кажущемся противорѣчіи въ запрещеніи творить кумиры, между тѣмъ какъ на ковчегѣ завѣта были изображенія Ангеловъ, въ непринятіи іудейскихъ жертвъ, которыя въ то же время были заповѣданы.

Гл. 23. Относился ли Іегова къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ личностямъ съ непостоянствомъ?

Гл. 24. Какъ нужно понимать выраженіе, что Богъ каялся?

Гл. 25. Слѣдуетъ ли нѣкоторые вопросы, предлагаемые Богомъ въ Ветхомъ Завѣтѣ, признать за доказательство Его невѣдѣнія?

Гл. 26. О Божеской клятвѣ и объ угрозѣ истребленіемъ народа послѣ поклоненія тельцу.

Гл. 27. О человѣческихъ слабостяхъ, поставленныхъ Маркіонитами въ упрекъ Деміургу.

Гл. 28. Антитезы, которые Маркіонъ поставилъ по отношенію къ Іеговѣ, обращаются противъ Бога Маркіона.

Гл. 29. Антитезы въ достаточной мѣрѣ находятся и въ мірѣ, Богомъ сотворенномъ. Почему не иначе?

Кн. III.

Argumentum:

Гл. 1. Предметъ слѣдующей книги составляетъ ученіе о личности Христа.

Вопросъ часто затрогивался ранѣе и съ своей стороны служитъ только къ укрѣпленію и установленію уже доказаннаго раньше единства Бога обоихъ завѣтовъ.

Гл. 2. Если Христосъ былъ Сыномъ и посланникомъ Бога, то Онъ не могъ внезапно безъ всякаго подготовленія явиться и начать Свою дѣятельность, какъ учитъ Маркіонъ.

Еслибы это было такъ, то Онъ не имѣлъ бы достаточнаго основанія требовать Себѣ отъ людей вѣры.

Гл. 3. Могли ли бы въ подобномъ случаѣ служить чудеса доказательствами въ пользу Христа?

Они сами по себѣ безъ предварительныхъ пророчествъ, предвозвѣщавшихъ объ нихъ, не имѣли бы всей силы убѣдительности.

Гл. 4. Если система ученія Маркіона истинна, то всетаки его Богъ, Богъ чистаго блага, избралъ неподходящее время для Своего проявленія.

Гл. 5. Излагаются два замѣчанія касательно примѣненія Свящ. Писанія въ дѣлѣ доказательства къ предлагаемому объясненію.

Гл. 6. Евреи отреклись отъ Христа не потому, что на Него смотрѣли, какъ на Христа другаго Бога (какъ это желаетъ выставить Маркіонъ), но потому, что они Его совершенно не признали за предсказаннаго пророками Христа.

Они осудили Его яко-бы за оскорбленіе, за глумленіе надъ закономъ Моисея.

Гл. 7. Маркіониты и іудеи изобличаются предсказаніями пророковъ о двухъ пришествіяхъ Христа. Перваго пришествія, въ уничиженномъ видѣ человѣка, они не могли понять и увѣровать въ него.

Гл. 8. Ученіе Маркіона о плоти Христовой.

Это ученіе еретика приводитъ все христіанство къ одному кажущемуся виду.

Гл. 9. Были ли тѣла, въ которыхъ проявляются Ангелы, только кажущимися тѣлами; и можетъ ли Маркіонъ на нихъ ссылаться?

Гл. 10. Нѣтъ основанія заключать, почему бы кажущаяся плоть должна была быть достойнѣе настоящей.

Гл. 11. Маркіонъ создалъ весь этотъ вопросъ, чтобы отклонить вопросъ объ истинномъ рожденіи Христа, ибо если Христосъ поистинѣ былъ рожденъ, то, очевидно, Онъ не могъ быть инымъ Христомъ, какъ только тѣмъ, который былъ предсказанъ въ Ветхомъ Завѣтѣ пророками.

Гл. 12. Маркіонъ наоборотъ утверждаетъ, что Христосъ не носилъ имени, которое Ему было свойственно по предсказаніямъ, а также и Его выступленіе на проповѣдь будто не соотвѣтствуетъ тѣмъ характернымъ представленіямъ, которыя даетъ Исаія.

Гл. 13. Насколько Христосъ можетъ считаться завоевателемъ Дамаска и Ассиріи по предсказаніямъ Исаіи, глава V.

Гл. 14. Аналогичныя мѣста, встрѣчающіяся въ псалмахъ, только иносказательно приписываютъ Христу оружіе брани.

Гл. 15. Христосъ, о Которомъ учитъ Маркіонъ, ни въ какомъ случаѣ не долженъ былъ носить имени Христа.

Гл. 16. А еще съ меньшимъ правомъ могъ Онъ принять имя Іисуса.

Гл. 17. Внѣшній обликъ и проявленія Христа доказываютъ, что онъ былъ тотъ Мессія, Который упоминается у Исаіи.

Гл. 18. О крестной смерти Спасителя. Была ли она предсказана въ Ветхомъ Завѣтѣ и изображена въ нѣкоторыхъ прообразахъ?

Гл. 19. Доказательства утвердительнаго рѣшенія этого вопроса.

Гл. 20. Идентичность Христа, Который былъ предсказанъ пророками въ Ветхомъ Завѣтѣ, и Христа, явившагося въ правленіе Тиверія, несомнѣнно доказывается тѣми фактами, которыми сопровождалось это событіе. Наиболѣе характернымъ свидѣтельствомъ является то обстоятельство, что христіанство стало распространяться среди всѣхъ народовъ и господствовать.

Гл. 21. Какимъ образомъ произошло предсказанное обращеніе язычниковъ?

Гл. 22. Пророки предсказали равнымъ образомъ и то, что Апостолы будутъ провозвѣстниками не иного какого либо бога, но того же Бога-Творца и вмѣстѣ со Христомъ пострадаютъ, равно какъ и всѣ вѣрные.

Гл. 23. Точно также предсказаны евреямъ бѣдствія, въ случаѣ ихъ отреченія отъ Христа.

Гл. 24. Предсказанія, касающіяся новаго небеснаго Іерусалима, и послѣднихъ событій вообще не имѣютъ въ виду возбудить вѣру въ рожденіе еще новаго, втораго Мессіи. Обѣщанъ былъ только одинъ Мессія, Который на самомъ дѣлѣ пришелъ и основалъ на землѣ царство Божіе.

Кн. IV.

Argumentum:

Гл. 1. Маркіонъ, какъ было уже сказано, для того, чтобы дать своему ученію извѣстную твердую почву, выпустилъ сочиненіе подъ названіемъ «Antitheses», въ которомъ училъ, что Богъ Ветхозавѣтный отличается отъ Бога Евангельскаго.

Въ этомъ сочиненіи онъ сопоставляетъ мѣста изъ Ветхаго Завѣта съ мѣстами Новаго для того, чтобы доказать существенную разницу обоихъ Завѣтовъ.

Тертулліанъ, возражая противъ такого метода, говоритъ, что убѣдительность Маркіоновскихъ доказательствъ можно уничтожить однимъ ударомъ, именно тѣмъ, что въ Новомъ Завѣтѣ очень ясно говорится о замѣнѣ Ветхаго Завѣта Новымъ, а вполнѣ естественно, что все новое, по крайней мѣрѣ, по свойству и виду своему должно отличаться отъ стараго.

Гл. 2. Маркіонъ изъ четырехъ Евангелій признаетъ только Евангеліе Луки, между тѣмъ какъ слѣдуетъ признавать божественный авторитетъ всего четвероевангелія.

Противъ этого есть очень простой способъ возраженія— не придавать сказаннымъ измышленіямъ никакой вѣры, потому что для этого нѣтъ никакихъ основаній.

Гл. 3. Когда Апостолъ Павелъ будто-бы укорялъ прочихъ Апостоловъ (какъ видно изъ посл. къ Гал. 1,14), то это происходило не потому, что они внесли искаженіе въ Евангеліе, но совершенно по другимъ причинамъ.

Въ концѣ концовъ получается, что истинное Евангеліе Маркіона теряетъ свою историческую почву и само является подложнымъ.

Гл. 4. Если Маркіонъ осмѣливается выдавать свое Евангеліе за истинное и за настоящее Евангеліе отъ Луки, а обыкновенный текстъ считаетъ подложнымъ, то этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ исторически.

Дѣло въ томъ, что до отпаденія Маркіона отъ церкви не возбуждалось вопроса о критикѣ текстовъ, и никто и не зналъ о существованіи двухъ текстовъ Евангелія отъ Луки, т.-е., значитъ, былъ извѣстенъ только одинъ текстъ, который не былъ текстомъ Маркіона.

Гл. 5. Вопросъ о подлинности Евангелій вообще разрѣшается свидѣтельствомъ церквей, основанныхъ Апостолами, которыя должны были знать, слѣдуетъ ли данныя письмена считать подлинными или подложными.

Достовѣрность преданій церкви доказывается рядомъ непрерывнаго епископскаго преемства.

Такимъ же путемъ, т.-е. свидѣтельствомъ непрерывнаго церковнаго преданія, доказывается подлинность трехъ прочихъ Евангелій и Апокалипсиса, равно какъ и Евангелія отъ Луки.

Гл. 6. Доказательство и методъ убѣжденія, что Христосъ, явившійся во времена Тиверія, не отличается отъ Того который въ Ветхомъ Завѣтѣ былъ названъ Мессіею, что это былъ дѣйствительно настоящій Христосъ, а не тотъ Христосъ Бога истиннаго блага, о которомъ распространяется Маркіонъ.

Это вполнѣ ясно также изъ нѣкоторыхъ мѣстъ Священнаго Писанія, которыя Маркіонъ признаетъ за настоящія или не считаетъ подложными.

Кн. V.

Argumentum:

Подобно тому какъ въ предъидущей книгѣ на основаніи Евангелія отъ Луки, которымъ злоупотреблялъ Маркіонъ, такъ въ слѣдующей пятой книгѣ Тертулліанъ на основаніи посланій Апостола Павла доказываетъ, что Апостолъ проповѣдывалъ не иного какого либо Бога, но Бога-Творца.

Гл. 1. Сперва Тертулліанъ выясняетъ, что самъ Апостолъ Павелъ получаетъ свой авторитетъ отъ Ветхаго Завѣта Бога-Творца, и изъ Дѣяній апостольскихъ, которыя Маркіонъ отвергаетъ.

Гл. 2. Аргументаціей служитъ мѣсто изъ посланія къ Галат. въ I-й гл.

Гл. 3. Изъ того же посланія, въ гл. II и III.

Гл. 4. Изъ того же посланія, въ гл. IV, V, VI.

Гл. 5. Изъ перваго посланія Апостола къ Коринѳ. въ гл. I.

Гл. 6. Изъ того же посланія въ гл. II и III.

Гл. 7. Изъ того же посланія въ гл. IV, V, VI, VII, VIII, IX и X.

Гл. 8. Изъ того же посланія въ гл. XI, XII, XIII и XIV.

Гл 9. Изъ того же посл. изъ первой части XV главы.

Гл. 10. Изъ второй части XV гл. того же посланія.

Гл. 11. Изъ словъ Апостола Павла во II посланіи къ Коринѳ. въ гл. I, II, III.

Гл. 12. Оттуда же въ гл. V, VII, XI, XII и XIII.

Гл. 13. Изъ словъ Апостола въ посл. къ Римлянамъ въ гл. I, II, III, IV, V, VI.

Гл. 14. Изъ того же посланія въ гл. VIII, X, XI, XIII и XVI.

Гл. 15. Изъ перваго посланія Ап. Павла къ Ѳессалоникійцамъ.

Гл. 16. Изъ втораго посланія къ Ѳессалоникійцамъ.

Гл. 17. Изъ словъ Ап. Павла въ посланіи къ Ефесянамъ въ гл. I и II.

Гл. 18. Изъ того же посланія въ гл. III, IV, V и VI.

Гл. 19. Изъ словъ Ап. Павла въ посланіи къ Колоссянамъ.

Гл. 20. Изъ словъ Апостола въ посланіи къ Филиппійцамъ.

Гл. 21. И наконецъ изъ посланія къ Филемону.

Среди прочихъ ересей, ересь Маркіона привлекала всего болѣе вниманіе Тертулліана, потому что основатель этой ереси обладалъ смѣлымъ умомъ, находившимъ всюду противорѣчія. Такъ Маркіонъ, согласно своей системѣ, противополагалъ законъ (Моисея) Евангелію, іудейскаго Іегову—христіанскому Богу, понятіе справедливости,—понятію благости. Еще ранѣе написанія своего трактата «adversus Marcionem» Тертулліанъ написалъ противъ Маркіона опроверженіе, но не обнародовалъ его, желая обработать и дополнить впослѣдствіи. Но одинъ христіанинъ—отступникъ похитилъ рукопись далеко несовершенную и обнародовалъ ее.

Вслѣдствіе этого, авторъ сочиненія, счелъ себя вынужденнымъ передѣлывать все уже по шире задуманному плану. Такимъ путемъ произведеніе Тертулліана является уже въ третьей передѣлкѣ.

Въ первой книгѣ Тертулліанъ опровергаетъ различіе, дѣлаемое Маркіономъ, между іудейскимъ и христіанскимъ Богомъ и доказываетъ единство Божіе. *Во второй* — онъ доказываетъ, что благость и правосудіе вовсе не составляютъ несовмѣстимыхъ противоположностей. *Третья* книга показываетъ, что не было другаго Христа, кромѣ предреченнаго пророками и рожденнаго отъ Дѣвы Маріи. *Четвертая* составляетъ обзоръ Евангелій, съ цѣлью указать на согласіе между Ветхимъ и Новымъ Завѣтомъ, составляющимъ восполненіе и усовершенствованіе Ветхаго. *Въ пятой* заключается обзоръ посланій святаго Павла, имѣющій цѣлью доказательство того, что Ап. Павелъ признавалъ святость Моисеева закона, наравнѣ съ прочими Апостолами, и что его проповѣдь ни въ чемъ не отличается отъ Евангелій.

Возражая противъ двойственности въ представленіи Маркіона о Богѣ, Тертулліанъ даетъ свое опредѣленіе Верховнаго Существа: «христіанская истина ясно возвѣщаетъ: если не существуетъ только одного Бога, Бога не существуетъ вовсе; потому что мы считаемъ достойнѣе Бога не быть, чѣмъ существовать иначе, чѣмъ это должно бы было. А для пониманія того, что Богъ долженъ быть одинъ, старайтесь понять, что̀ Онъ есть, и вы поймете причину признанія необходимаго единства». Насколько слабость человѣческая можетъ опредѣлить Бога, Тертулліанъ старается выразить это, впрочемъ согласно съ общимъ сознаніемъ. «Богъ—Верховное Существо, существующее отъ вѣчности; Онъ не рожденъ и не сотворенъ; Ему нѣтъ ни конца, ни начала. Таково свойство вѣчности, что она являетъ Бога Существомъ Верховнымъ. Все сказанное о вѣчности не менѣе подходитъ къ другимъ опредѣленіямъ Божества, потому что понятіе о Богѣ

заключаетъ въ себѣ понятіе о верховномъ величіи въ бытіи, въ разумѣ, въ силѣ, въ могуществѣ. Въ этомъ согласны всѣ, потому что никто не можетъ отказать Богу въ верховномъ величіи, не ставя Его этимъ самымъ ниже какого-либо другаго начала—добраго и злаго—все равно, такъ что непризнаніе какого-либо свойства за Богомъ равносильно полному отрицанію Его. Разъ это несомнѣнно, — какое же должно быть положеніе Верховнаго Существа? Такое, что ничто не можетъ быть приравнено къ Нему; слѣдовательно, рядомъ съ Нимъ, немыслимо другое верховное владычество. Въ противномъ случаѣ придется признать существованіе равнаго Ему существа, и тѣмъ самымъ Богъ перестаетъ быть Верховнымъ Существомъ. Какимъ образомъ два Верховныя Существа могли бы существовать вмѣстѣ, когда верховное величіе состоитъ въ неимѣніи равнаго? Это приводитъ въ концѣ концовъ къ тому, что Оно—едино». Развивая дальше эту мысль, Тертулліанъ приходитъ къ такому заключенію, что для разума человѣческаго нѣтъ спасенія внѣ христіанскаго догмата о единствѣ Божіемъ, такъ какъ иначе, выйдя за предѣлы понятія о единствѣ, можно дойти до многобожія. Возражая Маркіону противъ его положенія, что одинъ Богъ не можетъ быть въ одно время благимъ и справедливымъ, и что для этихъ двухъ свойствъ надо предположить существованіе двухъ божествъ, Тертулліанъ говоритъ, что эти два вида совершенства тѣсно связаны одно съ другимъ; что благость безъ справедливости является слабостью, а справедливость безъ благости походила бы на тираннію. «Маркіону нужно, продолжаетъ Тертулліанъ, чтобы Богъ былъ безъ гнѣва, безъ осужденія, безъ кары, однимъ словомъ Богъ, Который не былъ бы Судьей. Но тогда гдѣ же причина законовъ, которые Онъ установляетъ, гдѣ найти ее во всей ея полнотѣ? Страненъ Богъ, дающій заповѣди, остающіяся безъ исполненія, безъ результата!—Богъ, который запрещаетъ грѣхъ и оставляетъ его безнаказаннымъ, потому что Онъ воздерживается отъ суда надъ нимъ, такъ какъ Ему чуждо всякое чувство строгости и суровости! Къ чему же запрещать закононарушенія, за совершеніе которыхъ Онъ отказывается карать? Гораздо лучше было бы не запрещать того, чего Онъ не можетъ карать, чѣмъ не карать того, что Онъ запрещаетъ. Далѣе: Богъ долженъ бы допустить въ мірѣ несправедливость, такъ какъ, не наказывая ее, запрещалъ бы ее безъ всякой причины. Ибо молчаливо позволяютъ то, что запрещаютъ съ намѣреніемъ не наказывать. Съ одной стороны Богъ Маркіона судитъ зло, не желая осуждать его, однако запрещая; съ другой стороны Онъ признаетъ его, не карая, и разрѣшаетъ его, удерживаясь отъ наказанія. О, богъ, нарушитель истины и разрушитель собственныхъ законовъ! Онъ страшится осудить то, что онъ осуждаетъ; онъ боится ненавидѣть то, что не одобряетъ; онъ запрещаетъ дѣлать и терпитъ совершившійся фактъ. Подобная благость—не благость! Все это законодательство призракъ, а эти предписанія—мертвая буква, которая обезпечиваетъ безопасность преступленію. Внимайте, грѣшники, и всѣ тѣ, которые еще не грѣшны, внимайте и научитесь грѣшить! Для вашего спокойствія изобрѣли болѣе удобнаго бога, который не оскорбляется, не раздражается, не мститъ; бога, въ аду котораго нѣтъ ни пламени, ни скрежета зубовнаго, ни мрака кромѣшнаго. Онъ благъ; если онъ запрещаетъ грѣшить — то только на словахъ! Вы можете ему повиноваться, если хотите, можете для вида почитать его, а страха онъ не хочетъ». На утвержденіе Маркіона, что человѣкъ не въ состояніи прійти къ понятію о Богѣ внѣ христіанскаго откровенія, Тертулліанъ возражаетъ, что идея о Богѣ врождена человѣческой душѣ. Съ самаго начала Творецъ открылся въ одно и тоже время съ Своимъ твореніемъ, которое имѣетъ цѣлью научить познанію Бога. Ибо хотя Моисей, прійдя позже, кажется, первый воздвигъ культъ Бога вселенной въ храмѣ Святыхъ Писаній, — не воображайте, что познаніе истиннаго Бога возникло съ Пятокнижіемъ!»

«Весь Моисеевъ разсказъ показываетъ намъ, что Богопознаніе началось въ раю съ Адамомъ и нѣтъ надобности производить его отъ Моисея. Даже болѣе этого, большинство

человѣческаго рода никогда не слыхало о Моисеѣ, еще менѣе о его книгахъ, и однако большинство знало Моисеева Бога, даже во время господства мрака идолопоклонства. Оно различало его отъ своихъ идоловъ, называло Бога принадлежащимъ Ему именемъ или Богомъ боговъ; оно свидѣтельствовало о своей вѣрѣ въ Него обычными восклицаніями: «если Богъ это позволитъ»; «что Богу угодно»; «поручаю себя Богу». Исповѣдывать Его могущество не значитъ ли познавать Его? Книги Моисея тутъ не при чемъ. Душа предшествуетъ пророчеству. Ибо познаніе Бога — природное приданое души. Душа не имѣетъ различій; она одинакова въ Египтѣ, Сиріи, Понтѣ. Всѣ видятъ въ Богѣ іудейскомъ Бога души... Богъ имѣетъ Свои свидѣтельства; свидѣтелями Онъ имѣетъ все наше существованіе и міръ, гдѣ мы существуемъ!»

Къ мученикамъ.

(Liber ad Martyres).

Слово къ мученикамъ написано Тертулліаномъ по слѣдующему поводу. Еще за нѣсколько лѣтъ до изданія эдикта императоромъ Септиміемъ Северомъ, эдикта, которымъ воспрещалось открытое исповѣданіе христіанской религіи, проконсулъ Африки, нѣкто Вигелій Сатурнинъ, началъ жестокое преслѣдованіе христіанъ въ управляемой имъ провинціи. Вслѣдствіе этого положеніе африканской церкви подверглось большимъ опасностямъ. Многіе изъ сыновъ ея были брошены въ темницы, гдѣ ожидали исполненія произнесеннаго надъ ними смертнаго приговора. Въ этотъ-то моментъ Тертулліанъ обратился къ христіанамъ съ своимъ словомъ для утвержденія ихъ мужества.

Argumentum:

Гл. 1. Мотивъ этого сочиненія. Увѣщаніе мученикамъ быть единодушными.

Гл. 2. Міръ для христіанъ собственно представляетъ темницу.

Гл. 3. Мученики должны смотрѣть на свои теперешнія мученія, какъ на приготовленіе къ окончательной борьбѣ.

Гл. 4. Многіе, изъ простаго честолюбія и не имѣя въ виду благъ вѣчности, терпятъ добровольно столь же тяжелыя страданія, какъ и мученики.

Гл. 5. Другіе дѣлаютъ это изъ сумашествія или изъ-за денегъ.

Гл. 6. Многіе теряютъ свою жизнь благодаря несчастнымъ случаямъ, не пріобрѣтая себѣ этимъ никакой заслуги.

«Блаженные братья, предназначенные воспріять мученичество! въ то время какъ церковь, наша мать и руководительница, питаетъ васъ молокомъ своего милосердія, и преданность вашихъ братьевъ приноситъ вамъ въ темницу пищу для поддержанія тѣлесной жизни,—позвольте и мнѣ, въ свою очередь, принять участіе въ питаніи не плоти, но вашей души. Вамъ извѣстно, что нѣтъ пользы упитывать тѣло, оставляя въ то же время голоднымъ духъ,—или лучше, если прилагаются заботы о поддержаніи того, что слабо, то не слѣдуетъ оставлять въ небреженіи и слабѣйшаго. Но кто я, берущій на себя поддерживать ваше мужество? Однако самые испытанные въ своемъ искусствѣ гладіаторы позволяютъ не только своимъ наставникамъ и начальникамъ обращаться къ нимъ съ совѣтами, но даже людямъ не свѣдущимъ и неопытнымъ въ ихъ искусствѣ. Сама публика своими возгласами воодушевляетъ ихъ издали и часто не безъ пользы».

«Оставьте ваши воспоминанія и заботы мірскія у порога вашей темницы, гдѣ вы простились съ вашими родными. Съ минуты вашего заключенія въ темницу вы отдѣлены отъ міра, тѣмъ болѣе отъ заботъ и суеты вѣка сего. Не ужасайтесь этого отдѣленія! Если признаемъ въ самомъ дѣлѣ, что міръ заслуживаетъ по многимъ причинамъ названія темницы, то поймемъ, что въ сущности вы скорѣе вышли изъ темницы, чѣмъ вошли въ нее. Міръ въ тысячу разъ мрачнѣе вашей темницы: его мракъ ослѣпляетъ сердца; у него оковы болѣе тяжкія: онѣ сковываютъ души. Міръ испускаетъ болѣе вредныя и нечистыя испаренія: это людскія страсти. Въ мірѣ больше преступниковъ, чѣмъ въ темницѣ—преступники его—весь человѣческій родъ! Но судья ихъ не проконсулъ, а Самъ Богъ! Итакъ убѣдитесь изъ этого, блаженные исповѣдники, въ томъ, что вы перемѣнили темницу на неприкосновенное убѣжище. Вы живете въ мѣстѣ, полномъ мрака, но вы сами—свѣтъ. Васъ связываютъ узы, но вы свободны предъ лицемъ Божіимъ. Вы дышете зараженнымъ воздухомъ, но вы сами—сладостное благоуханіе. Вы ожидаете приговора судьи, но вы сами будете судить земныхъ судей. Пусть печалится

тотъ, кто вздыхаетъ объ удовольствіяхъ вѣка! Христіанинъ отрекся отъ міра даже въ то время, когда онъ пользуется свободой. Входя въ одну темницу, онъ освобождается отъ другой. Что значитъ для васъ мѣсто, гдѣ вы находитесь въ этомъ мірѣ, для васъ, которые внѣ міра! Если вы и потеряли нѣкоторыя радости жизни, то вы счастливы, какъ тотъ купецъ, который жертвуетъ малой выгодой, чтобы получить бо́льшую».

«Въ темницѣ, по крайней мѣрѣ, вы не видите чуждыхъ боговъ; вы не наталкиваетесь на ихъ изображенія, а въ праздники язычниковъ вы не сталкиваетесь съ ними въ ежедневномъ общеніи; васъ не возмущаетъ ни нечистый дымъ отъ ихъ жертвоприношеній, не смущаютъ ни клики зрѣлищъ, ни видъ кровавыхъ или безстыдныхъ сценъ, происходящихъ на нихъ. Ваши взоры не оскорбляются при видѣ мѣстъ общественнаго разврата. Вы защищены отъ скандаловъ, испытаній, дурныхъ воспоминаній и даже преслѣдованія. Что давала нѣкогда пустыня пророкамъ, то христіанамъ даетъ теперь темница. Самъ Господь искалъ часто уединенія для того, чтобы свободнѣе предаться молитвѣ и отдалиться отъ міра. Въ уединеніи явилъ Онъ и Свою славу ученикамъ. Наконецъ, отбросивъ названіе темницы, назовемъ ее просто мѣстомъ удаленія. Хотя тѣло находится въ заключеніи, въ плѣну, но духъ свободенъ. Да, прогуливайтесь свободно, ходите духомъ, не подъ густыми тѣнями, не подъ длинными рядами колоннъ (портика), но по пути, ведущему къ Богу. Какъ только вы пойдете по этому пути духомъ, вы будете чувствовать себя свободными. Нога не будетъ чувствовать оковъ, которыя раздробляютъ ее, если душа на небѣ. Душа влечетъ человѣка съ собою всего и несетъ его туда, куда она хочетъ. Гдѣ сокровище ваше, тамъ будетъ также и сердце ваше. Итакъ да будетъ наше сердце тамъ, гдѣ мы желаемъ хранить наше сокровище».

«Допустимъ, если угодно, блаженные исповѣдники, что темницы—неудобное мѣстопребываніе для христіанина, но не вступили ли мы въ ряды воинства Бога живаго въ тотъ день,

когда мы дали свои обѣты Богу при таинствѣ крещенія? Какой воинъ ожидаетъ найти когда либо въ военной жизни то, что льститъ его изнѣженнымъ вкусамъ? Вѣдь не съ покойнаго ложа бросается онъ въ битву, а изъ тѣсной палатки, гдѣ жесткость голой земли, непогода и грубая пища приготовили его къ перенесенію тяжкихъ трудовъ и усталости. Наконецъ, скажу больше: самый миръ для воина только время тяжкаго и безустаннаго обученія войнѣ: онъ дѣлаетъ длинные переходы подъ тяжестью оружія, онъ скорымъ шагомъ проходитъ равнину, онъ роетъ ретрашементы и образуетъ черепаху (родъ военной защиты изъ щитовъ). Все пріобрѣтается цѣною пота для того, чтобы держать въ постоянномъ напряженіи тѣло и бодрость духа. Воинъ долженъ вѣчно переходить отъ тѣни къ солнцу, отъ жара къ холоду, отъ молчанія къ военному клику, отъ покоя къ тревогѣ. Поэтому, блаженные братья, какъ бы ни были тяжки ваши испытанія, смотрите на нихъ, какъ на военныя упражненія, гдѣ закаляются душевныя и тѣлесныя силы. Да, вамъ предстоитъ выдержать добрую битву; свидѣтелемъ и судьей вашихъ подвиговъ будетъ Богъ живой, руководителемъ Св. Духъ, вѣнцомъ— вѣчность, въ награду же за побѣду получите ангельскую жизнь и славу на вѣки вѣчные».

«Если стремленіе къ земной славѣ можетъ дать душѣ и тѣлу достаточную твердость для презрѣнія меча, огня, креста, дикихъ звѣрей, пытки, и все только для того, чтобы добиться человѣческой похвалы, то я могу утверждать, что страданія здѣшней жизни мало значатъ въ сравненіи съ небесной славой и божественными наградами. Если цѣнятъ такъ высоко стекло, то какой же цѣной слѣдуетъ цѣнить жемчугъ? Кто откажется сдѣлать для истиннаго блага то, что другіе дѣлаютъ для химеръ»? «Развѣ не встрѣчаются нынѣ люди, которые, такъ сказать, съ жалкимъ высокомѣріемъ попираютъ ногами, не знаю вслѣдствіе какой душевной болѣзни, всевозможныя лишенія и ужасы боя? Сколько праздныхъ людей доводитъ любовь къ состязаніямъ до ремесла гладіатора! Они любятъ подвергать себя зубамъ дикихъ звѣрей и

считаютъ себя тѣмъ красивѣе, чѣмъ больше на ихъ тѣлѣ слѣдовъ укушеній и ранъ. Одни берутся пройти извѣстное пространство въ объятой пламенемъ туникѣ; другіе проходятъ съ непоколебимой твердостью подъ настоящимъ градомъ ударовъ, сыплющихся на ихъ выносливыя плечи. И не безцѣльно, блаженные исповѣдники, допустилъ Господь подобные факты въ мірѣ, но для того, чтобы поддержать нынѣ наше мужество и привести насъ въ смущеніе въ послѣдній день, если мы устрашимся перенести за истину, въ виду вѣчнаго блаженства, бѣды, которыя иные несутъ изъ-за суетности, имѣя въ виду погибель».

«Достаточно вникнуть въ наше положеніе для того, чтобы въ бѣдствіяхъ, постигающихъ насъ, помимо нашей воли, отыскать поводъ переносить ихъ съ мужествомъ. Сколько несчастныхъ погибшихъ въ пожарахъ! Сколько людей, растерзанныхъ дикими звѣрями въ глубинѣ лѣсовъ или даже въ городахъ, если звѣрь вырвется изъ своей клѣтки! Сколько людей погибло подъ ножомъ разбойниковъ! Сколько распято на крестѣ врагами, послѣ всевозможныхъ мукъ и оскорбленій! Не найдется ни одного, который бы не перенесъ за человѣческій интересъ того, что колеблется перенести за дѣло Божіе! Сколько примѣровъ представляетъ наше время, какъ лица самаго высшаго положенія гибнутъ смертью, которой не предвѣщали имъ ни ихъ рожденіе, ни ихъ достомнство, ни ихъ темпераментъ, ни ихъ возрастъ! И изъ за чего? изъ-за человѣка: гибнутъ отъ его рукъ, если они вели борьбу съ нимъ; отъ руки его враговъ, если они приняли его сторону»!

О зрѣлищахъ.

(De Spectaculis).

Этотъ трактатъ написанъ Тертулліаномъ вѣроятно вслѣдствіе того, что многіе изъ новообращенныхъ африканской церкви не имѣли достаточно ясныхъ понятій объ опасности для нихъ посѣщенія театра. Хотя нельзя съ достовѣрностью опредѣлить время написанія трактата, но можно думать, что карѳагенскій пресвитеръ воспользовался, какъ поводомъ для него, знаменитыми играми, которыя давались по всей имперіи въ 198 г. по случаю побѣдъ, одержанныхъ Септиміемъ Северомъ надъ противниками.

Argumentum:

Гл. 1. Многимъ не ясно, какъ слѣдуетъ относиться къ зрѣлищамъ съ христіанской точки зрѣнія.

Гл. 2. Говорятъ, что все, употребляемое при представленіяхъ, создано Богомъ; поэтому въ зрѣлищахъ нѣтъ ничего дурнаго.

Гл. 3. Другіе утверждаютъ, что въ Св. Писаніи нѣтъ никакого запрещенія относительно ихъ.

Гл. 4. Христіане однако отрекаются отъ нихъ уже въ обѣтахъ крещенія.

Гл. 5. Такъ какъ игры имѣютъ тѣсную связь съ идолослуженіемъ.

Гл. 6. На это отчасти указываютъ названія отдѣльныхъ родовъ игръ.

Гл. 7. Что игры находятся въ связи съ языческой религіей, слѣдуетъ изъ ихъ внѣшняго украшенія, убранства и употребляющагося во время ихъ установленнаго церемоніала.

Гл. 8. Также изъ характера тѣхъ мѣстъ, гдѣ они совершаются.

Гл. 9. Изобрѣтеніе колесницъ приписываютъ героямъ и богамъ.

Гл. 10. Театръ также тѣсно связанъ съ языческой религіей.

Гл. 11. Тоже можно сказать и о состязаніи на призы.

Гл. 12. Тоже самое и объ играхъ, происходящихъ на празднествахъ въ честь мертвыхъ.

Гл. 13. Выводы изъ предыдущаго.

Гл. 14. Для сужденія объ играхъ выясняются еще дальнѣйшія точки зрѣнія.

Гл. 15. Участіе въ нихъ противорѣчитъ нравственности вообще.

Гл. 16. Благодаря имъ, возбуждаются самыя жестокія страсти.

Гл. 17. Основа многихъ зрѣлищъ безнравственна.

Гл. 18. Нравственное недостоинство стадіума или школы фехтованія.

Гл. 19. Сильное порицаніе игръ въ амфитеатрѣ.

Гл. 20. Нѣкоторые говорятъ, что Богъ терпѣливо взираетъ на игры; поэтому ихъ можно совершать; опроверженіе этого взгляда.

Гл. 21. Благодаря участію въ зрѣлищахъ, всякое нравственное и хорошее чувство притупляется.

Гл. 22. Самихъ участниковъ игръ въ частной жизни презираютъ.

Гл. 23. Въ глазахъ Бога ихъ безчинства въ высшей степени противны.

Гл. 24. Удаляться отъ зрѣлищъ—общій обычай христіанъ и отличительный ихъ признакъ среди другихъ людей.

Гл. 25. Созерцаніе зрѣлищъ чаруетъ и ошеломляетъ людей, такъ что ихъ мысли совершенно отвлекаются отъ всего божественнаго.

Гл. 26. Богъ иногда мгновенно и явно наказываетъ эту страсть.

Гл. 27. Нѣчто привлекательное, существующее въ зрѣлищахъ, есть въ сущности только сладкій ядъ.

Гл. 28. За языческой жаждой удовольствій слѣдуетъ печаль; за христіанскимъ отреченіемъ отъ міра—радость.

Гл. 29. Христіанинъ имѣетъ другія радости и зрѣлища.

Гл. 30. Въ заключеніе—пусть всякій припомнитъ грядущее величайшее и послѣднее зрѣлище, а именно страшный судъ.

«Слуги Божіи, говоритъ Тертулліанъ, обращаясь одновременно къ оглашеннымъ и вѣрнымъ, какъ тѣ изъ васъ, которые готовятся приблизиться къ Богу, такъ и тѣ, которые уже открыто исповѣдуютъ Его,—да будетъ вѣдомо вамъ, на какихъ правилахъ вѣры, на какихъ началахъ истины, на какомъ законѣ христіанской дисциплины основана обязанность отрекаться отъ зрѣлищъ, равно какъ и отъ другихъ заблужденій міра, изъ опасенія впасть въ грѣхъ—однимъ по незнанію, другимъ—по силѣ искушенія. Въ самомъ дѣлѣ, искушеніе удовольствій столь велико, что оно заставляетъ намѣренно оставаться долгое время въ невѣжествѣ или извращаетъ нашу совѣсть до забвенія долга. Кромѣ того, встрѣчаются, можетъ быть, такіе, которымъ по сердцу слѣдующее разсужденіе язычниковъ, имѣющихъ обыкновеніе выставлять его противъ насъ въ вопросѣ о зрѣлищахъ: «что значатъ для религіи, основа которой лежитъ въ душѣ и совѣсти, внѣшнія утѣхи, доступныя зрѣнію и слуху? Можетъ ли Богъ оскорбиться какимъ нибудь удовольствіемъ, наслаждаясь которымъ, человѣкъ сохраняетъ всетаки страхъ и должное почтеніе къ Богу? Нѣтъ! Забавляться въ свое время и въ своемъ мѣстѣ не составляетъ преступленія»... Мечта! Мы имѣемъ въ виду доказать здѣсь, что эти забавы согласуются также мало съ истинной религіей, какъ и съ чистосердечнымъ повиновеніемъ истинному Богу».

«Богъ, восклицаютъ язычники,—и мы съ ними, Богъ создалъ всѣ предметы и далъ ихъ въ даръ человѣку. Всѣ созданія Божіи хороши, такъ какъ Творецъ ихъ благъ. Къ созданіямъ слѣдуетъ причислить все, что служитъ для зрѣлищъ,—лошадь, льва, тѣлесныя силы, гармоничность голоса. Не должно считать чуждымъ или непріятнымъ Богу какой либо предметъ, ибо онъ дѣло рукъ Его, или считать преступнымъ то, что по своей сущности не чуждо Богу, не можетъ быть Ему враждебно. Напр., амфитеатры съ своимъ камнемъ, цементомъ, колоннами и мраморомъ—дѣло Бога, Который положилъ эти матеріалы въ нѣдра земли для нуждъ человѣка. Наконецъ, самыя представленія развѣ не даются подъ небомъ, жилищемъ Божества?»

«Когда мы, вошедшіе въ воду возрожденія, громогласно произносили въ установленныхъ чиномъ выраженіяхъ исповѣданіе христіанской вѣры, то мы собственными устами заявили что отреклись отъ демона, служенія ему и его аггеловъ. Но гдѣ же больше всего властвуютъ демоны и его аггелы, какъ не въ идолослуженіи? Не отъ послѣдняго ли исходитъ духъ всего, что скверно и способно на зло? Но я не стану здѣсь больше распространяться объ этомъ предметѣ. Если я докажу что вся пышность театра, весь порядокъ его покоится на идолослуженіи, то вопросъ будетъ рѣшенъ заранѣе».

«Обязательства, данныя нами при крещеніи, предписываютъ *намъ отреченіе отъ демона, отъ служенія ему* и его аггеловъ.

Обратимся теперь къ происхожденію каждаго зрѣлища въ отдѣльности и посмотримъ, какъ были введены зрѣлища въ мірѣ, потомъ перейдемъ къ разсмотрѣнію названій, даваемыхъ нѣкоторымъ зрѣлищамъ,—далѣе обратимъ вниманіе на постановку ихъ на сцену съ происходящими при этомъ суевѣріями; наконецъ мѣста зрѣлищъ укажутъ намъ, какимъ божествамъ они посвящены, и самый характеръ представленій—кто были основателями ихъ.

Если что либо изъ разсмотрѣннаго нами окажется чуждымъ идоламъ, тогда подтвердится то, что зрѣлища не имѣютъ

никакого отношенія ни къ идолослуженію, ни къ клятвамъ, даннымъ нами при крещеніи.»

Ставя дѣло такимъ образомъ, авторъ становится на твердую историческую почву. Безспорно, театральныя представленія, игры и зрѣлища древности возникли изъ религіозныхъ основаній и стояли въ самой тѣсной связи съ язычествомъ.

«Такъ какъ мы коснулись вопроса о мѣстахъ для зрѣлищъ, продолжаетъ авторъ, то предупредимъ возможное возраженіе. «Какъ? скажете мнѣ. Развѣ я подвергаюсь опасности оскверниться, посѣщая циркъ, когда въ немъ нѣтъ представленій? Мѣста, какъ мѣста, не закрыты для посѣщеній. Слуга Божій можетъ идти безъ вреда не только въ мѣста, гдѣ собираются для зрѣлищъ, но даже въ языческія храмы, только имѣлъ бы къ этому законную причину, независимо отъ характера и назначенія этого мѣста. Кромѣ того, развѣ улицы, публичныя мѣста, бани, гостинницы, наконецъ наши жилища не заселены идолами? Сатана и его ангелы наполняютъ собою цѣлый міръ. Жить въ мірѣ не всегда значитъ отдаляться отъ Бога; преступленія только отдаляютъ насъ отъ Него».

«Какъ хитро и искусно разсуждаетъ иногда человѣкъ, желая оправдать свое пристрастіе къ удовольствіямъ вѣка сего!» восклицаетъ Тертулліанъ. «Но нѣтъ! если мы отрекаемся отъ Бога, восходя на Капитолій или лучше—въ храмъ Сераписа въ качествѣ жрецовъ или поклонниковъ, точно также—если отправимся въ циркъ или театръ для того, чтобы смотрѣть представленія, даваемыя въ немъ. Не самыя мѣста оскверняютъ насъ, но происходящее въ нихъ,—то, что дѣлаетъ ихъ очагами пороковъ, такъ какъ зараза сообщаетъ заразу. Мы должны помнить о томъ, какимъ божествамъ посвящаются вообще эти мѣста, съ той цѣлью, чтобы лучше усвоить себѣ то понятіе, что все, совершающееся въ нихъ, имѣетъ особенное отношеніе къ тѣмъ, въ чьемъ владѣніи они состоятъ». «Мнѣ кажется, для каждаго, кто посмотритъ мѣсто, гдѣ даются представленія, и всю сопровождающую ихъ пышность, будетъ очевидно то, что зрѣлища ничто иное, какъ многосложное идолослуженіе. Что же касается

жертвоприношеній, совершающихся тамъ, то послѣднія никоимъ образомъ не приличествуютъ христіанамъ, которые дважды отреклись отъ идолослуженія; и это не потому, чтобы, какъ говоритъ апостолъ, идолы были сами по себѣ что нибудь, но потому, что приносимыя идоламъ жертвы приносятся демонамъ, обитающимъ въ нихъ—все равно, изображаютъ ли идолы умершихъ или то, что называютъ богами. Эти два рода идоловъ равной природы, такъ какъ умершіе и боги язычниковъ въ сущности одно и тоже; вотъ почему мы одинаково запрещаемъ служеніе тѣмъ и другимъ. Мы одинаково презираемъ храмы боговъ и памятники умершихъ. Какъ мы не приближаемся къ алтарямъ первыхъ, такъ не покланяемся ликамъ послѣднихъ; мы не совершаемъ жертвоприношеній однимъ и не приносимъ даровъ другимъ; мы не вкушаемъ мяса закланныхъ въ честь боговъ животныхъ, такъ же какъ и мяса, предлагаемаго умершимъ, ибо нельзя сидѣть одновременно за трапезой Господа и за столомъ демоновъ».

«Итакъ если мы оберегаемъ нашъ ротъ и нашъ желудокъ отъ осквернения жертвеннымъ мясомъ, то какой искать болѣе настоятельной причины удалять наши глаза и уши, органы болѣе священные, отъ какого бы то ни было нечистаго удовольствія, своего рода жертвы въ честь боговъ и умершихъ, жертвы, которая не исчезаетъ въ нашихъ внутреннихъ органахъ, а переваривается душой и умомъ? А чистота ума и души пріятнѣе Богу чистоты тѣла».

Объ убранствѣ женщинъ.

(De Cultu feminarum libri duo).

Тертулліанъ желалъ охранить христіанокъ своей эпохи отъ стремленій къ роскоши, поддерживаемыхъ неумѣреннымъ желаніемъ выдѣляться и нравиться, между тѣмъ какъ, по его мнѣнію, единственной охраной достоинства жены и матери является простота и скромность вкусовъ. Особенное значеніе труду придавало постоянное столкновеніе вѣрныхъ съ языческимъ обществомъ, въ которомъ утонченность тщеславія не знала границъ. Замѣтимъ еще, что въ эпоху написанія трактата Тертулліанъ склонялся уже къ монтанизму, чѣмъ и объясняется нѣсколько ригористическій духъ всего сочиненія.

Argumentum:

Гл. 1. Женщины украшаютъ себя не соотвѣтственно съ тѣмъ положеніемъ, которое выпало на долю ихъ вслѣдствіе грѣхопаденія.

Гл. 2. Вещи и утварь, служащія для роскоши, происхожденія діавольскаго, какъ это утверждаетъ книга Эноха.

Гл. 3. Защищается подлинность книги Эноха.

Гл. 4. Переходъ къ предмету сочиненія.

Гл. 5. Золото и серебро получаются изъ земли, какъ и другіе металлы, и сами по себѣ не лучше ихъ.

Гл. 6. Тоже слѣдуетъ сказать о драгоцѣнныхъ камняхъ и о жемчугѣ.

Гл. 7. Достоинство этихъ вещей основывается только на ихъ рѣдкости и цѣнности, которая вызвана предпочтеніемъ людей.

Гл. 8. Предметы не должны употребляться иначе, какъ съ той цѣлью, для какой предназначилъ ихъ Богъ.

Гл. 9. Благодаря неправильному употребленію, предметы часто пріобрѣтаютъ ту цѣнность, которой они на самомъ дѣлѣ и по существу не имѣютъ.

II.

Гл. 1. Жажда нравиться при помощи разнообразныхъ украшеній не согласуется съ цѣломудріемъ.

Гл. 2. Благодаря жаждѣ нравиться, женщина можетъ стать предметомъ грѣховнаго желанія и такимъ образомъ сдѣлаться участницей въ чужихъ грѣхахъ.

Гл. 3. Что долженъ думать христіанинъ о тѣлесной красотѣ и прелести.

Гл. 4. Замужнія женщины не имѣютъ никакого уважительнаго повода искусственно возвышать свою красоту.

Гл. 5. Употребленіе косметическихъ средствъ есть въ нѣкоторомъ родѣ преступленіе противъ творческой премудрости Бога.

Гл. 6. Красить волосы есть признакъ безнравственности и извращенности.

Гл. 7. О фальшивыхъ украшеніяхъ изъ волосъ и искусственныхъ прическахъ.

Гл. 8. У мужчинъ, еще больше, чѣмъ у женщинъ, туалетное искусство противорѣчитъ христіанской строгости.

Гл. 9. Христіанка должна отречься не только отъ излишнихъ украшеній туалета, но и отъ дозволенныхъ, соотвѣтственно общественному положенію, украшеній, въ виду тяжкихъ обстоятельствъ тогдашняго времени.

Гл. 10. Драгоцѣнности и украшенія для христіанъ должны имѣть только то значеніе, чтобы отъ обладанія ими перейти къ отреченію отъ нихъ.

Гл. 11. Простота въ одеждѣ прилична христіанину и служитъ къ возвеличенію Бога.

Гл. 12. Слѣдуетъ избѣгать даже кажущагося прелюбодѣйнаго вида и одѣваться просто.

Гл. 13. Стремленіе къ очарованію изнѣживаетъ, дѣлаетъ неспособнымъ къ выполненію христіанскихъ обязанностей и ведетъ къ ослабленію твердости во время гоненія.

Въ началѣ своего трактата Тертулліанъ напоминаетъ женщинѣ, что законъ жертвы и страданія былъ возложенъ на нее послѣ паденія. Евва—первая виновница грѣхопаденія; пусть женщины не забываютъ этого и, не привязываясь къ тщеславному вздору, пусть подражаютъ матери человѣческаго рода въ ея послѣдующей скорбной и покаянной жизни! «Что еслибы при началѣ міра стали кроить одежды изъ милетской шерсти, изъ индійскаго хлопка, изъ тирскаго пурпура; если бы Фригія выслала свои вышитыя вуали, а Вавилонъ—свои ткани; если бы забѣлѣлъ жемчугъ, если бы засверкалъ огонь рубиновъ; если бы уже тогда жадность вырвала золото изъ нѣдръ земли, и если бы зеркалу было позволено лгать,—и Евва, изгнанная изъ рая, осужденная на смерть, пожелала бы всего этого—прилично ли было бы это?! Ну, такъ и теперь не желайте ихъ страстно, если вы желаете возродиться къ новой жизни!»

Все это бремя украшеній, которое носитъ женщина, осужденная и уже мертвая, не болѣе какъ печальная похоронная помпа.

Затѣмъ, для лучшаго доказательства суетности украшеній, Тертулліанъ раздѣляетъ свою аргументацію на двѣ части, смотря потому, порицаетъ ли онъ излишекъ внѣшнихъ украшеній, свидѣтельствующій о внутренней душевной пустотѣ, или—тѣ чрезмѣрныя заботы, которыя расточаетъ женщина по отношенію къ своему тѣлу.

«Въ первомъ ряду предметовъ роскоши, говоритъ онъ, фигурируютъ издѣлія золота и серебра. Но что такое эти металлы сами по себѣ? Земля, немного болѣе блестящая, при извлеченіи изъ рудниковъ руками рабовъ, осужденныхъ на эту казнь, пропитанная ихъ потомъ и слезами! Разставшись въ пламени съ своимъ названіемъ земли и потерявъ свою первоначальную

форму,—вмѣсто орудія казни начинаетъ служить украшеніемъ, вмѣсто истязанія—потѣхой, вмѣсто позора—почетной вещью... Но чѣмъ въ сущности золото и серебро отличаются отъ самыхъ малоцѣнныхъ металловъ, желѣза, мѣди и друг.? Также, какъ малоцѣнные металлы, они добываются изъ земли, чтобы затѣмъ подвергнуться переработкѣ въ мастерскихъ. Въ природной сущности ихъ нѣтъ ничего такого, что придавало бы имъ болѣе благородства. Можетъ быть, скажутъ, что золото и серебро обязаны своимъ преимуществомъ приносимой ими пользѣ? Напротивъ, въ этомъ отношеніи гораздо болѣе выгоды на сторонѣ желѣза и мѣди, которыя имѣютъ болѣе необходимыя и многочисленныя заслуги передъ человѣчествомъ и часто въ свою очередь даже замѣняютъ золото и серебро на болѣе законномъ основаніи. Такимъ образомъ перстень дѣлается изъ желѣза. Поэтому же, въ воспоминаніе о древности, мы хранимъ небольшія мѣдныя вазы, служащія для питья и ѣды. Пусть иногда чудовищное богатство золота и серебра низводитъ ихъ до употребленія въ качествѣ грязной и низкой посудины, но никогда не станутъ обработывать поле золотымъ плугомъ и обшивать бока корабля серебряными досками; никакая кирка не погрузитъ золота въ землю; никакой серебряный бортъ не укрѣпитъ нашихъ балокъ. Всѣ жизненныя потребности удовлетворяются желѣзомъ и мѣдью. Да что еще? Сами по себѣ эти тщеславные металлы не могутъ быть ни извлечены изъ рудниковъ, ни выкованы для употребленія людьми безъ помощи желѣза и мѣди. Итакъ откуда же происходитъ достоинство этихъ выскочекъ, гдѣ основаніе для того, чтобы ихъ предпочитали ихъ братьямъ, равнымъ по рожденію, превосходящимъ ихъ по пользѣ? Далѣе—что такое драгоцѣнные камни, которые вмѣстѣ съ оправой изъ золота усугубляютъ и свое высокомѣріе, какъ не простые булыжники, прихотливые выбросы земли, которые никогда не были необходимы для укрѣпленія фундаментовъ нашихъ домовъ, для возведенія стѣнъ, для поддержки крышъ, для упроченія террасъ? Они съ давнихъ поръ знаютъ только одно: воздвигать твердое зданіе женскаго тщеславія, потому

что ихъ съ большимъ трудомъ полируютъ, чтобы добиться блеска, искусно выдѣлываютъ, чтобы играли разными цвѣтами, осторожно сверлятъ, чтобы висѣли, и затѣмъ они служатъ вмѣстѣ съ оправой изъ золота къ большему соблазну».

«Пусть роскошь ловитъ въ британскихъ или индійскихъ моряхъ пресловутыя раковины, пусть такъ! но онѣ все-таки раковины, которыя на вкусъ не отличаются отъ самыхъ обыкновенныхъ. Это не можетъ служить причиной для того, чтобы я ихъ считалъ выше какого-нибудь морскаго ежа. Если эта раковина заключаетъ подъ своей покрышкой какой-то отростокъ, я считаю это скорѣй за недостатокъ, чѣмъ за достоинство. Зовите ее, сколько угодно, именемъ жемчужины, она все-таки останется не болѣе, какъ твердой и круглой стклянкой. Говорятъ, что на лбу драконовъ ростутъ нѣкоторые каменистые отростки, похожіе на тѣ, которые находятъ въ мозгу рыбъ. Право — христіанкѣ не достаетъ только заимствовать у змѣи свои драгоцѣнности. Она вѣрнѣе сотретъ главу змія (діавола), когда она похититъ у него украшеніе для своей шеи или для самой головы». «Стало быть, продолжаетъ Тертулліанъ, цѣна всѣхъ этихъ дорогихъ безділушекъ происходитъ отъ того, что онѣ рѣдки или иноземнаго происхожденія. Перемѣстите ихъ въ страны, обитаемыя нами, и вся цѣна ихъ пропадетъ! Это золото, которое стоитъ въ такой высокой цѣнѣ, пользуется презрѣніемъ въ глазахъ нѣкоторыхъ народовъ, которые доходятъ до того, что сковываютъ преступниковъ золотыми цѣпями. Вы дѣлаете много шума по поводу вашихъ драгоцѣнностей: парѳяне и мидяне расточаютъ драгоцѣнные камни, какъ малоцѣнные матеріалы, съ гордымъ равнодушіемъ. Вы съ торжествомъ убираете ваши платки и ваши занавѣсы; у тирійцевъ пурпуръ находится въ бо́льшемъ употребленіи, чѣмъ у насъ кирпичъ. Поэтому не придавайте такой важности излишествамъ, которыя сами по себѣ не имѣютъ никакого значенія. Но нѣтъ! Достаточно того, чтобы вещь была рѣдкой или заграничной, чтобы горѣли нетерпѣніемъ обладать ей—вотъ что придаетъ пустякамъ баснословную цѣнность».

«Въ маленькомъ ящичкѣ оказывается вдругъ громадное наслѣдство; на тонкую ткань тратятъ десять тысячъ сестерцій; уборъ нѣжной головки стоитъ огромныхъ помѣстій и острововъ; большіе доходы висятъ на маленькомъ ухѣ; мѣшки, наполненные золотомъ, горятъ на каждомъ пальцѣ лѣвой руки! О, тщеславіе сего вѣка—вотъ какъ велика твоя сила! Тѣла слабой женщины достаточно для того, чтобы вынести всѣхъ столькихъ сокровищъ»!

Но Тертулліанъ не осуждаетъ все-таки роскоши безповоротно; онъ говоритъ, напримѣръ: «если мы не можемъ безъ нея обойтись, то будемъ пользоваться ею съ нѣкоторою умѣренностью. Не слѣдуетъ только имѣть сердечной привязанности къ предметамъ роскоши, упоенія ей, забвенія своего положенія и желанія быть замѣченной и понравиться».

«Жена—христіанка, продолжаетъ Тертулліанъ, не должна усиленно стараться нравиться своему супругу; пусть она предоставитъ язычницамъ эти тысячи ухищреній, которыми убиваютъ добродѣтель въ самихъ себѣ, въ то время какъ стараются искоренить ее въ другихъ. Впрочемъ я не хочу объявить войны самой красотѣ. Она счастливая случайность тѣла; украшеніе, данное Богомъ Своему созданію, богатое одѣяніе души. Избави Богъ, чтобы я сталъ внушать вамъ неряшливость, нечистоплотность и полное нерадѣніе о своей внѣшности. Я стараюсь единственно внушить вамъ, въ какой мѣрѣ, по какимъ правиламъ вы можете заботиться о вашемъ тѣлѣ, не смущая чувства стыдливости и цѣломудрія. Слѣдуетъ наблюдать скромность, простоту, которая не выходила бы за предѣлы того, что прилично или угодно Богу. Истинно грѣшатъ противъ Бога тѣ женщины, которыя покрываютъ свою кожу обманчивымъ составомъ, красятъ щеки румянами, удлиняютъ рѣсницы при помощи черной пудры. Дѣло Божественной руки, очевидно, имъ не нравится; онѣ обвиняютъ, онѣ осуждаютъ Бога въ Его твореніи. Не значитъ ли въ самомъ дѣлѣ осуждать Его, прибавляя то, чего Онъ не создалъ и исправляя созданное Имъ? И у кого выпрашиваютъ онѣ этихъ излишнихъ прибавленій? У сатаны, своего врага. Да,

у сатаны! вѣдь кто другой могъ бы внушить намъ секретъ обезображивать наши тѣла, какъ не тотъ, кто уже сумѣлъ, благодаря своей злобѣ, исказить человѣческій умъ? Не сомнѣвайтесь въ этомъ: это онъ изобрѣлъ эти ухищренія, чтобы быть въ состояніи нѣкоторымъ образомъ положить руку на дѣло Бога въ нашемъ лицѣ. Все, что родится, твореніе Божіе; а то, что есть чистый обманъ, происходитъ отъ дьявола. Какая преступная попытка скрывать дѣло Божіе подъ выдумками и изобрѣтеніями сатаны! Я вижу, что нѣкоторыя дѣлаютъ своей прическѣ шафранную окраску. Стыдясь за свое отечество, онѣ сожалѣютъ, что не родились въ Германіи или въ Галліи. Онѣ перемѣняютъ свое отечество при помощи волосъ. Роковое предзнаменованіе заключаетъ въ себѣ эта огненная шевелюра! Онѣ находятъ прекраснымъ то, что портитъ. Посмотрите, говорятъ онѣ, какъ наши волосы изъ бѣлыхъ или черныхъ—стали подъ нашей рукой рыжеватыми, какъ это придаетъ намъ больше изящества! Съ другой стороны стыдъ показаться постарѣвшими наталкиваетъ ихъ на перемѣну бѣлыхъ волосъ на черные. О преступное безразсудство! Стыдятся возраста, котораго желали бы достигнуть. Скрадываютъ годы; жалѣютъ о молодости, полной всякихъ безобразій; хотятъ избѣгнуть того, что налагаетъ на нихъ необходимость держаться важно. Подобное безуміе далеко отъ мудрыхъ дѣлъ! Чѣмъ болѣе стараются скрыть свою старость, тѣмъ скорѣе ее разоблачаютъ. Хотите вы украсить свой лобъ вѣчной юностью? Храните невинность, нетлѣнную красоту, которой мы обязаны украшаться здѣсь, пока земное жилище не будетъ замѣнено тѣмъ, которое обѣщаетъ намъ божественный Промыслъ».

Преимущества природнаго дара красоты часто становятся орудіемъ соблазна. Въ глазахъ Тертулліана они—испытаніе, назначенное для того, чтобы лучше блистала добродѣтель; рисуя крайности человѣческой суетности, онъ нападаетъ на злоупотребленія косметики, причемъ насмѣшка и негодованіе слѣдуютъ другъ за другомъ: «Какое значеніе имѣютъ для спасенія эти тревоги и заботы объ украшеніи головы?

Нѣтъ ни часа отдыха вашимъ волосамъ, то сдерживаемымъ узломъ, то свободнымъ отъ сѣтки, то спущеннымъ, то распущеннымъ по волѣ; здѣсь, какъ плѣнные, они заплетены въ косы, тамъ разбросаны и развѣваются съ природной небрежностью. Вотъ появляется новая мода: громадная масса фальшивыхъ волосъ окружаетъ голову, какъ шапка, какъ обширный чехолъ, которымъ охватывается вся голова, или переносится назадъ и покрываетъ шею. О побѣдоносная сбруя! Я былъ бы весьма удивленъ, если бы она не побѣдила Божественныя заповѣди... Никто, сказано, не можетъ прибавить себѣ роста, а вы — вы прибавляете свой вѣсъ, нагромождая на свою голову массу волосъ, которую можно принять за кругло выпуклую фигуру щита. Если вы не стыдитесь этой тяжести, постыдитесь по крайней мѣрѣ ея неприличія. Обрывки съ чужой головы, быть можетъ, грязной, преступной и предназначенной къ аду, — нѣтъ!! не прививайте ихъ къ святой христіанской головѣ!... Изгоните, удалите какъ можно дальше отъ свободнаго чела унизительное рабство этихъ украшеній. Напрасно стараетесь выказаться украшенными, напрасно пользуетесь вы наиболѣе ловкими мастерами своего дѣла для того, чтобы построить зданіе вашихъ волосъ—Богъ велитъ вамъ быть съ покрытой головой! Зачѣмъ? Для того, чтобы скрыть, какъ я предполагаю, голову нѣкоторыхъ женщинъ. О, еслибы мнѣ грѣшному сподобиться въ оный день торжества христіанъ (въ день всеобщаго воскресенія) поднять свое чело хотя бы до пятъ вашихъ,—я увидалъ бы, съ бѣлилами и румянами ли, съ этихъ ли подмостковъ тщеславія вы выйдете изъ гробовъ вашихъ? Разрисованныхъ ли и отягченныхъ ли, поднимутъ васъ ангелы на облака, чтобы явиться передъ Христомъ? И такъ откажитесь отъ такихъ украшеній! Пусть Богъ видитъ васъ теперь такими, какими увидитъ въ тотъ день!...»

«Положимъ, что приходится считаться съ роскошью въ силу требованій общественнаго положенія, рожденія или богатства. Но, по крайней мѣрѣ, говоритъ Тертулліанъ, если ваше положеніе осуждаетъ васъ на роскошь, въ извѣстной

степени умѣряйте ее христіанскимъ смиреніемъ. Наконецъ, гдѣ мотивы для такой пышности у васъ, которыхъ родъ жизни удаляетъ отъ потребностей въ роскоши? Для того, чтобы посѣщать храмы идоловъ? Вы ихъ не посѣщаете. Зрѣлища? Онѣ должны быть вамъ чужды. Праздники язычниковъ? Вы ихъ не должны знать. А, такъ это, значитъ, для собраній, для того, чтобы на людей посмотрѣть и себя показать! На этихъ-то собраніяхъ всѣ украшенія выставляются на показъ, чтобы блеснуть своей роскошью и увеличить свою славу».

«Нѣтъ, васъ ничто не должно отвлекать отъ дома, кромѣ важныхъ и серьезныхъ мотивовъ, наприм., посѣтить больнаго, принести святую жертву, слышать слово Божіе. Каждое изъ этихъ дѣлъ святое и скромное. Для участія въ нихъ не требуется ни особенной одежды, ни длинныхъ приготовленій, ни развѣвающагося платья. Если долгъ дружбы или семейныя отношенія призываютъ васъ къ женщинамъ язычницамъ, почему же вамъ не показаться облеченными въ ваши доспѣхи, которые служатъ именно вашимъ отличіемъ, какъ служительницъ истиннаго Бога, тѣмъ болѣе, что вы являетесь передъ лицами, чуждыми вашей религіи? Не правда-ли,— здѣсь представляется случай показать разницу, существующую между служительницами Бога и сатаны? Не слѣдуетъ ли вамъ служить примѣромъ послѣднимъ, чтобы и онѣ устроились по вашему образцу, и чтобы, по слову Апостола, Богъ прославился въ вашемъ тѣлѣ? Но если Онъ прославляется въ тѣлѣ благодаря цѣломудрію, то одинаковымъ образомъ Онъ прославляется и во внѣшнемъ убранствѣ, которое можетъ соотвѣтствовать цѣломудрію».

«Необходимо отвергнуть всѣ наряды, роскошь которыхъ, пріучая къ нѣгѣ, можетъ ослабить мужество вѣры. Я сильно сомнѣваюсь, чтобы руки, привыкшія къ богатымъ браслетамъ, могли устоять противъ тяжести цѣпей; ноги, украшенныя блестящими кольцами, могли вынести терпѣливо желѣзныя оковы; чтобы голова, скрытая подъ сѣткой изъ изумрудовъ и жемчуга, оставила свободное мѣсто для острія

меча. Итакъ, возлюбленныя сестры мои, приготовимъ себя своимъ образомъ жизни къ перенесенію наиболѣе труднаго и тяжелаго, и мы этого не почувствуемъ; оставимъ въ покоѣ то, что льститъ нашимъ чувствамъ, и мы объ этомъ не пожалѣемъ. Будемъ готовы ко всѣмъ нападеніямъ, не храня ничего, что бы мы побоялись потерять. Всѣ блага міра—только цѣпи, которыя сковываютъ нашу надежду. Бросимъ къ ногамъ украшенія земли, если мы хотимъ небесныхъ украшеній. Не любите золота, на которомъ вырѣзаны первые грѣхи Израиля! Вы должны ненавидѣть то, что погубило іудеевъ, то, чему они поклонялись, оставивъ Бога! И теперь еще это золото—пища огня!

Впрочемъ, всѣ времена, въ особенности наши, желѣзныя а не золотыя—для христіанина! Посмотрите: приготовляются уже одежды мучениковъ, ангелы несутъ ихъ намъ съ вышины неба. Явитесь украшенными, но украшеніями, преданными намъ черезъ пророковъ и апостоловъ! У простоты ищите себѣ бѣлизны, у невинности—румянца, у скромности— прикрасъ для вашихъ глазъ; положите молчаніе на уста ваши; внѣдрите въ уши ваши слова Господа; возложите на выи ваши иго Христа; склоните голову вашу подъ власть вашего супруга,—и вы будете достаточно украшены. Занимайте руки ваши пряжей шерсти, прикуйте ноги ваши къ дому, и вы будете болѣе привлекательны, чѣмъ въ блескѣ золота. Пусть честность станетъ вашимъ шелкомъ, святость вашимъ льномъ, стыдливость вашимъ пурпуромъ; съ этими драгоцѣнностями и украшеніями самъ Богъ васъ возлюбитъ!»

Объ идолопоклонствѣ.

(De Idololatria).

Евангельское ученіе старалось вдохнуть новый духъ въ древній міръ въ то время, когда послѣдній былъ весь пропитанъ духомъ язычества. Отсюда между двумя началами—непримиримая противоположность, и все, относящееся такъ или иначе къ одному изъ двухъ, считалось несовмѣстимымъ съ другимъ. Акты общественной или частной жизни, повидимому, безразличные по своей сущности, могли стать недозволенными вслѣдствіе своего отношенія къ язычеству, къ языческимъ нравамъ. Напр., что̀ могло быть невиннѣе—мѣняться подарками въ извѣстные дни года или писать договоры? Но эти дни посвящались языческимъ божествамъ, договоры заключали въ себѣ языческія формулы. Не могло ли считаться участіе во всемъ этомъ скрытой измѣной христіанству? Многіе изъ христіанъ до своего обращенія ко Христу занимались производствомъ кумировъ, торговлею благовоніями для языческихъ жертвъ, жертвенными животными. Могли ли они послѣ своего обращенія продолжать съ спокойной совѣстью свои профессіи или ремесла? Съ цѣлію рѣшенія безпокоившихъ современное общество вопросовъ Тертулліанъ написалъ книгу «Объ идолопоклонствѣ», которая, повидимому, слѣдовала вскорѣ за трактатомъ о зрѣлищахъ.

Argumentum:

Гл. 1. Культъ идоловъ коренится собственно въ нравственной испорченности. Каждый грѣхъ въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи ведетъ къ идолослуженію.

Гл. 2. Идолопоклонство часто скрывается подъ личиною будто-бы невинныхъ дѣйствій—противъ тѣхъ, которые полагали, что въ грѣхѣ идолослуженія виновенъ только тотъ, кто возжигаетъ ладанъ, приноситъ жертвы и т. д.

Гл. 3. Опредѣленіе идолопоклонства: форма и матерія, служащія для того, чтобы устроить идола, совершенно безразличны; все зависитъ отъ почитанія его людьми.

Гл. 4. Въ запрещеніи почитанія идоловъ заключается уже запрещеніе изготовлять ихъ.

Гл. 5. Уже Ветхій Завѣтъ запрещаетъ почитаніе идоловъ.

Гл. 6. Если Евангеліе не заключаетъ въ себѣ никакого рѣзко выраженнаго запрещенія, то это уже слѣдуетъ изъ самаго духа Новаго Завѣта. Изготовленіе идоловъ было бы занятіемъ недостойнымъ христіанина.

Гл. 7. Продолженіе разсужденія.

Гл. 8. Христіанинъ не долженъ приготовлять даже побочныхъ вещей, которыя могутъ служить для идолопоклонства.

Гл. 9. Запрещеніе астрологіи.

Гл. 10. О положеніи учителя.

Гл. 11. О торговлѣ предметами идолопоклонства.

Гл. 12. Кто, будучи язычникомъ, занимался отраслью торговли, находящеюся въ связи съ идолопоклонствомъ, тотъ, ставши христіаниномъ, долженъ отъ этого отказаться, даже съ опасностью потерять средства къ жизни.

Гл. 13. Придерживаться языческихъ праздниковъ и уважать дни, посвященные языческимъ божествамъ, есть уже признакъ идолопоклонства.

Гл. 14. Продолженіе разсужденія.

Гл. 15. Иллюминація и увѣшиваніе гирляндами домовъ и воротъ недозволительны.

Гл. 16. О домашнихъ и семейныхъ праздникахъ.

Гл. 17. Какъ должны поступать христіанскіе рабы и слуги при жертвоприношеніяхъ ихъ господъ—язычниковъ. Едва ли возможно, чтобы христіанинъ могъ быть должностнымъ лицомъ, не запятнавъ себя идолопоклонствомъ.

Гл. 18. Должностныя почести и знаки отличія имѣютъ часто въ себѣ нѣчто идолопоклонническое.

Гл. 19. О военной службѣ.

Гл. 20. Объ употребленіи именъ языческихъ боговъ въ обыкновенномъ житейскомъ разговорѣ.

Гл. 21. Слѣдуетъ остерегаться клясться въ присутствіи идоловъ, равно не позволительно употреблять ихъ имена въ качествѣ проклятій.

Гл. 22. Не слѣдуетъ допускать благословлять себя именемъ идола и желать когда либо быть принятымъ за язычника.

Гл. 23. При изданіи проскрипцій и предохранительныхъ мѣропріятій бываютъ случаи, способствующіе идолопоклоннические рѣчамъ и дѣйствіямъ.

Гл. 24. Заключеніе статьи.

«Развѣ для того ты отрекся отъ діавола и аггеловъ его, чтобы потомъ мастерить ихъ? Какъ въ такомъ случаѣ утверждать, что мы отказались отъ тѣхъ, съ которыми не скажу—живемъ, но отъ которыхъ живемъ? Какъ можешь питать ненависть къ тѣмъ, кому ты обязанъ поддержаніемъ своей тѣлесной жизни? Можешь ли ты отрицать устами того, кого признаешь рукой? Отвергаешь на словахъ то, что созидаешь на дѣлѣ? Можешь ли ты исповѣдывать одного Бога, творя множество боговъ? Или—исповѣдывать Истиннаго Бога и творить въ то же время воображаемыхъ? Но, скажутъ иные, я изготовляю ихъ, но не поклоняюсь имъ. Какъ будто та причина, которая запрещаетъ поклоняться имъ, не запрещаетъ также тебѣ и изготовлять ихъ, такъ какъ это—во всякомъ случаѣ оскорбленіе Бога. Я же скажу больше: ты поклоняешься имъ въ истинномъ смыслѣ, давая возможность другимъ поклоняться имъ; ты воздаешь имъ поклоненіе не

дымомъ матеріальнаго, грубаго жертвоприношенія, но благоуханіемъ отъ самого себя. Ты приносишь въ жертву имъ не жизнь животнаго, но свою собственную. Ты несешь имъ на закланіе свои способности; ты совершаешь возліяніе предъ ними своимъ потомъ; твой разумъ, твоя воля—вотъ тотъ фиміамъ, который ты сжигаешь въ честь ихъ. Ты для нихъ выше жреца, ибо они тебѣ обязаны тѣмъ, что у нихъ есть жрецы. Своимъ ремесломъ ты изготовляешь для нихъ, т.-е. для жрецовъ боговъ. Ты не поклоняешься, по твоимъ словамъ, какъ божествамъ, тѣмъ, которыхъ производишь своими руками, но они не откажутся признавать тебя своимъ поклонникомъ, ибо ты приносишь имъ на закланіе богатѣйшую, питательнѣйшую, величайшую изъ жертвъ—свое спасеніе».

«Нисколько меня не извиняетъ то, что преступленіе совершается другими, если я доставляю имъ способы къ нему. Я не долженъ становиться пособникомъ никому въ томъ, что̀ запрещено мнѣ дѣлать самому. Изъ того только, что мнѣ запрещено дѣлать, я долженъ понять и то, что мнѣ слѣдуетъ зорко наблюдать за тѣмъ, чтобы не оказать помощь и другимъ въ запрещенномъ мнѣ дѣлѣ».

«Скажешь: я впаду въ бѣдность! А развѣ Господь не сказалъ: блаженны нищіе! — Мнѣ нечего будетъ ѣсть! — Но развѣ не сказано въ Писаніи: не имѣйте заботъ о пищѣ? Относительно одежды намъ также указанъ примѣръ въ лиліяхъ.—Мнѣ нужны были деньги!—Но слѣдуетъ продать все имѣніе и раздать нищимъ.—У меня есть обязанности по отношенію къ моимъ дѣтямъ, семьѣ! — Но кто принимается за плугъ съ оглядкой, тотъ не способенъ на дѣло Божіе.—Я не больше какъ работникъ того, кто мнѣ платитъ за мою работу!—Но никто не можетъ служить двумъ господамъ разомъ. Если желаешь быть ученикомъ нашего Господа, возьми крестъ твой и иди за Господомъ, т.-е. переноси нищету, страданіе, только страдала бы плоть, которая сама по себѣ уже родъ креста. Родителей, жену, дѣтей слѣдуетъ оставить для Бога! А вы, вы колеблетесь отречься отъ вашего промысла, вашей торговли, вашего ремесла въ виду вашихъ

дѣтей и вашихъ родственниковъ?! Но намъ было сказано, что слѣдуетъ оставить все—семью, дѣла, занятія для того, чтобы идти за Господомъ. Іаковъ и Іоаннъ, позванные Господомъ, оставляютъ своего отца и свой корабль. Матѳей встаетъ немедленно и оставляетъ свою таможню. Для тогдашней вѣры—пойти похоронить отца казалось уже промедленіемъ. Нашелся ли хотъ одинъ, который отвѣтилъ бы на призывъ Христа словами: мнѣ нечѣмъ жить? Вѣра не боится голода; ей не безызвѣстно то, что въ виду дѣла Божія не слѣдуетъ бояться ни—голода, ни даже самой смерти, какова бы она ни была».

«Относительно различнаго рода церемоній, имѣющихъ значеніе для одного или нѣсколькихъ лицъ, напр., при облаченіи въ бѣлую тогу, сговора, брака или при нареченіи имени—я не думаю, чтобы во всемъ этомъ лежала какая либо опасность грѣха идолослуженія. И въ самомъ дѣлѣ, надобно разсмотрѣть причину этихъ обычаевъ. Я считаю ихъ невинными, принимая во вниманіе, напр., то, что мужская тога, кольцо и бракосочетаніе не берутъ своего начала отъ какого-нибудь идольскаго культа. Мнѣ неизвѣстно, осудилъ ли когда либо Богъ одѣяніе вообще, развѣ только мужчина надѣнетъ женскую одежду (Втор. XXII, 5): «Да будетъ проклятъ тотъ, кто одѣвается въ женское платье!» Но эти слова не могутъ быть приложимы къ тогѣ, которая даже по своему названію—(toga virilis=тога возмужалости)—одѣяніе мужское».

«Пусть съ торжествомъ совершаютъ бракосочетаніе,—Богъ не осудилъ брака, какъ не осудилъ нареченія именъ, но съ этимъ торжествомъ соединены жертвоприношенія. Если приглашаютъ меня на эти торжества, то я пойду, лишь бы мое участіе въ нихъ не имѣло никакого отношенія къ жертвоприношеніямъ, совершаемымъ на нихъ. Конечно, дай Богъ даже и не видѣть того, что запрещено дѣлать намъ! Но злой духъ обвилъ міръ столь плотною сѣтью идолослуженій, что да будетъ намъ дозволено присутствовать на нѣкоторыхъ церемоніяхъ, лишь бы мы шли на нихъ для человѣка, а не для идола».

«Если же приглашаютъ на какую нибудь церемонію формально религіознаго характера, то я не пойду; ибо здѣсь дѣло идетъ о воздаяніи идольской чести. Я не приму въ ней участія никоимъ образомъ—ни совѣтами, ни деньгами. Присутствуя на какомъ нибудь жертвоприношеніи, на которое пригласили меня, я принимаю участіе въ идолослуженіи. Если же я принялъ приглашеніе по иному поводу, то я не болѣе какъ случайный зритель жертвенной церемоніи».

«Господь ходилъ по землѣ въ униженіи и безвѣстности, не имѣя постояннаго жилища: Сынъ Человѣческій не имѣетъ, гдѣ головы преклонить, говорилъ Онъ. Онъ носилъ одежду изъ грубой ткани, иначе Онъ не сказалъ бы: одѣвающіеся въ тонкія одежды живутъ въ царскихъ палатахъ. Наконецъ, Онъ былъ безъ славы по лицу и по внѣшности, какъ Исаія еще раньше предвозвѣстилъ Его. Если Господь не проявлялъ никакой власти, даже надъ Своими учениками, которымъ Онъ оказывалъ услуги раба; если, сознавая вполнѣ Свое царское достоинство, Онъ, тѣмъ не менѣе, отказывался быть царемъ, то это для того, чтобы показать Своимъ, какъ слѣдуетъ понимать высоту и пышность достоинства или власти. Спрашиваю, кому болѣе приличествовали они, какъ не Сыну Божію? Какіе бы пучки съ сѣкирой носили предъ Нимъ! Какъ бы пурпуръ развѣвался на Его плечахъ! Какая бы діадема блестѣла на Его головѣ, еслибы Онъ не признавалъ того, что слава міра сего—предметъ чуждый Ему и Его ученикамъ! Итакъ, чего Онъ не желалъ, то отринулъ; что отринулъ—то осудилъ; что же осудилъ, то причислилъ къ служенію сатанѣ. Онъ не осудилъ бы, если бы это не было чуждо Ему; но что не принадлежитъ Богу, то принадлежитъ діаволу. Знайте же вы, отрекшіеся отъ служенія сатанѣ, что возвратъ къ одному изъ нихъ будетъ идолослуженіе. Довольно для васъ этого простаго предостереженія!»

«Корабль вѣры плаваетъ среди подводныхъ камней, бродовъ, заливовъ и проливовъ идолослуженія, развивая свои паруса по дуновенію Духа Божія, всегда покойный, если онъ остороженъ, и въ полной безопасности, если не ослабѣ-

ваетъ бдительность. Кто же допуститъ себя опрокинуть, тотъ будетъ увлеченъ въ неизбѣжную пучину идолослуженія, подвергнется крушенію, отъ котораго никто не спасется, низвергнется въ бездну, которая поглотитъ несчастныхъ, осужденныхъ на гибель. Каждая волна тогда поглотитъ, каждая пучина приведетъ въ адъ. Не говорите: кому же тогда удастся сохранить себя въ безопасности? Лучше, въ такомъ случаѣ, уйти изъ міра.—Конечно, лучше уйти изъ него, чѣмъ оставаться идолопоклонникомъ. Но ничего нѣтъ легче, какъ избѣгнуть идолослуженія, лишь бы боялись его больше всего. Какова бы ни была наша бѣдность, она ничто въ сравненіи съ такой великой опасностью, какъ идолослуженіе. Святой Духъ освободилъ насъ, по ходатайству Апостоловъ, изъ-подъ ига ветхаго закона для того, чтобы потомъ мы посвятили всѣ наши усилія на избѣжаніе идолослуженія. Пусть это будетъ намъ закономъ! Этотъ законъ не тяжелъ, но тѣмъболѣе надлежитъ наблюдать его. Это отличительный признакъ христіанъ,—онъ отдѣляетъ насъ отъ идолопоклонниковъ и служитъ намъ искусомъ. Его прежде всего слѣдуетъ предлагать приближающимся къ вѣрѣ; его слѣдуетъ прививать тѣмъ, которые уже приняли вѣру для того, чтобы одни обсудили его, прежде чѣмъ приблизиться къ вѣрѣ, другіе соблюдали бы его, третьи отступили бы отъ него заблаговременно, т. е. отказались бы отъ званія христіанина, если не желаютъ слѣдовать ему».

«Должны ли войти въ церковь, согласно символу ковчега, воронъ, коршунъ, волъ, собака и змѣя? Извѣстно, что идолослуженіе не имѣетъ своего образца въ ковчегѣ: никакое животное, бывшее въ немъ, не было предметомъ идолопоклоненія. Но что не было допущено въ ковчегъ, то да не войдетъ и въ церковь».

О терпѣніи.

(De Patientia).

Трактатъ о терпѣніи принадлежитъ къ серіи сочиненій Тертулліана, касавшихся нравственности. Онъ вызванъ не внѣшними отношеніями христіанъ къ языческому обществу, но внутренними,—имѣетъ въ виду, какъ и другіе трактаты, установить на твердомъ основаніи нравственные законы и правила христіанской жизни. Этотъ трактатъ въ послѣдствіи послужилъ образцомъ подобнымъ же трудамъ, вышедшимъ изъ-подъ пера двухъ знаменитыхъ отцовъ церкви, св. Кирилла и св. Августина.

Argumentum:

Гл. 1. Авторъ сознаетъ у себя самого недостатокъ терпѣнія и свое недостоинство писать объ этой добродѣтели.

Похвала терпѣнію.

Гл. 2. Самъ Богъ терпѣливъ.

Гл. 3. Въ Христѣ мы имѣемъ величайшій образецъ терпѣнія.

Гл. 4. Терпѣніе коренится въ послушаніи, и праведный Богъ терпѣніемъ испытываетъ нашу вѣру.

Гл. 5. Недостатокъ терпѣнія былъ причиною грѣха діавола и первыхъ людей; то же случилось и съ потомками ихъ, въ особенности съ евреями.

Гл. 6. Терпѣніе есть слѣдствіе вѣры. Совершенство закона, который далъ Христосъ, существенно состоитъ въ усиленныхъ требованіяхъ терпѣнія.

Гл. 7. Оно учитъ насъ, какъ слѣдуетъ правильно обладать временными благами и переносить ихъ потерю.

Гл. 8. Слѣдуетъ противопоставлять терпѣніе обидамъ.

Гл. 9. Страданіе, вслѣдствіе потери имѣвшихся прежде благъ, христіанинъ долженъ переносить терпѣливо и тѣмъ дѣлать его сноснымъ.

Гл. 10. Мстительность часто бываетъ причиной недостатка терпѣнія.

Гл. 11. Однако поводы къ нетерпѣнію многочисленны. Надо соблюдать терпѣніе въ большихъ и малыхъ, въ допущенныхъ Богомъ и заслуженныхъ самимъ, обстоятельствахъ.

Гл. 12. Терпѣніе заключаетъ въ себѣ миръ, дѣлаетъ способнымъ къ раскаянію и пробуждаетъ любовь.

Гл. 13. Терпѣніе способствуетъ воздержанію, сохраненію себя въ дѣвственной чистотѣ и дѣлаетъ способнымъ къ мученичеству.

Гл. 14. Примѣры терпѣнія среди тѣлесныхъ страданій.

Гл. 15. Цѣнность, дѣйствіе и красота терпѣнія.

Гл. 16. Нельзя смѣшивать терпѣнія съ отупѣніемъ, съ состояніемъ отсутствія какой-либо чувствительности или обычнымъ равнодушіемъ.

«Я исповѣдуюсь передъ нашимъ Господомъ Богомъ въ томъ, что съ моей стороны есть нѣкоторая смѣлость, чтобы не сказать—безстыдство, писать трактатъ о терпѣніи,—со стороны того, который не даетъ въ своемъ лицѣ ни малѣйшаго примѣра его, ибо я человѣкъ, лишенный всякаго добра. Слѣдовало бы, однако, если желаешь возвеличить какую-нибудь добродѣтель и доказать спасительность ея, начать съ того, чтобы самому поступать въ своей жизни согласно ученію о ней и подтвердить собственнымъ примѣромъ свое ученіе, изъ боязни, чтобы не заставить слова покраснѣть за поступки. Дай Богъ, чтобы такое смущеніе принесло мнѣ пользу, чтобы стыдъ за несоблюденіе того, что я желаю совѣтовать другимъ, научилъ меня и самого поступать лучше.

Правда, что по отношенію нѣкоторыхъ благъ, равно какъ и нѣкоторыхъ золъ, можно сказать: они до того велики, что мы не въ силахъ стяжать первыя или терпѣливо переносить вторыя иначе, какъ при содѣйствіи благодати, при помощи божественнаго внушенія. И въ самомъ дѣлѣ, совершенное благо пребываетъ въ Богѣ, и только Обладатель этого блага можетъ удѣлить его намъ въ той мѣрѣ, въ какой Ему будетъ угодно.

По крайней мѣрѣ, для меня будетъ утѣшеніемъ бесѣдовать о добрѣ, которое мнѣ не дано испытать, подобно тѣмъ болящимъ, которые всегда твердятъ о преимуществахъ здоровья, котораго нѣтъ у нихъ. Такъ и я, какъ ни несчастенъ, будучи одержимъ горячкой нетерпѣнія, долженъ просить воздыханіями, мольбами, непрестанной молитвой—здоровья терпѣнія, котораго у меня нѣтъ, особенно, если я усматриваю, сознавая мою слабость, сколь трудно быть крѣпкимъ въ вѣрѣ и въ ученіи Господнемъ, если у нихъ въ подмогу нѣтъ терпѣнія».

Напомнивъ о томъ, что учители языческой мудрости (философіи) совѣтовали своимъ ученикамъ терпѣніе, Тертулліанъ подчеркиваетъ различіе между ложной аффектаціей нечувствительности и безстрастія, которыми хвалятся тщеславные люди, и христіанской добродѣтелью, которая ищетъ въ Богѣ свою силу и свой образецъ. «Что касается насъ, говоритъ Тертулліанъ, то мы не вдохновляемся какой-либо человѣческой доктриной. Если мы признаемъ обязанность выполнять въ жизни добродѣтель терпѣнія, то не съ цѣлью выставлять на-показъ циническое равнодушіе, но съ цѣлью сообразоваться въ своихъ поступкахъ съ живымъ закономъ небеснаго порядка, который открываетъ намъ самого Бога, какъ образецъ терпѣнія. Прежде всего Онъ изливаетъ благость Своего свѣта на праведниковъ и неправедниковъ; Онъ раздаетъ достойнымъ и недостойнымъ блага различныхъ временъ года, дары природы и все, что приноситъ людямъ всякая тварь; Онъ переноситъ неблагодарность народовъ, поклоняющихся съ свойственнымъ искусству своеправіемъ дѣлу

рукъ своихъ, хулящихъ Его имя и гонящихъ слугъ Его. Наконецъ развратъ, жадность, беззаконіе, злодѣяніе, которое становится съ каждымъ днемъ все нахальнѣе, все дерзостнѣе, все это Онъ сноситъ съ такимъ терпѣніемъ, что, повидимому, оно вредитъ Его дѣлу, ибо многіе перестаютъ вѣрить въ Господа, видя Его столь медлящимъ покарать міръ. Таковъ образецъ Божественнаго терпѣнія, который подается намъ свыше для того, безъ сомнѣнія, чтобы этимъ сказать намъ, что добродѣтель терпѣнія нисходитъ съ неба».

Для большаго убѣжденія своихъ читателей въ спасительности терпѣнія, Тертулліанъ старается вызвать въ ихъ памяти тотъ Божественный образецъ, котораго не знали язычники. «Какъ изобразить словами, продолжаетъ авторъ, то Божественное терпѣніе, которое люди могли когда-то осязать, такъ сказать, руками. Богъ благоволитъ родиться въ утробѣ Матери; Онъ ждетъ въ ней Своего срока; родившись, ростетъ, какъ всѣ прочіе люди; придя въ возрастъ, не спѣшитъ заявить о Себѣ, но скорѣе старается унизиться, допускаетъ крестить Себя Своему слугѣ, и только словомъ отражаетъ нападенія искусителя... Онъ не отталкиваетъ отъ Себя никого изъ желающихъ быть при Немъ; Онъ не презираетъ ни чьей трапезы, ни чьего крова; Онъ не отвергаетъ ни грѣшниковъ, ни мытарей. Онъ не гнѣвается даже на городъ, отказывающійся принять Его, между тѣмъ какъ Его же ученики готовы призвать небесный огонь для наказанія нечестивыхъ. Онъ исцѣляетъ неблагодарныхъ, Онъ отдается вполнѣ устраивающимъ противъ Него козни Его врагамъ. Дальше—Онъ держитъ около Себя предателя, не обличая его. Посмотрите на Него тогда, когда Онъ преданъ, когда Его уводятъ,—эту жертву, позволяющую вести Себя на смерть! Онъ не отверзаетъ даже устъ Своихъ, какъ агнецъ подъ стригущей его рукой. Онъ, Который могъ бы однимъ только словомъ призвать съ неба легіонъ ангеловъ для Своей защиты, не позволяетъ одному изъ Своихъ учениковъ отмстить за Себя мечемъ... Говорить ли о заплеваніи, заушеніи, осмѣяніи, бичеваніи, терновомъ вѣнцѣ? Говорить ли далѣе?...

Изумительная ровность духа, никогда не измѣняющая себѣ! Тотъ, Кто соблаговолилъ скрыть Свое величіе въ образѣ человѣка, не беретъ ничего у человѣческаго нетерпѣнія. По этой-то чертѣ особенно вы, о фарисеи, должны бы были признать Господа: человѣкъ никогда не былъ бы способенъ къ такому терпѣнію! Если многочисленные и столь великіе примѣры, по своей высотѣ, служатъ язычникамъ поводомъ ославлять вѣру, то намъ, напротивъ, они служатъ доказательствомъ ея истинности, ибо вѣрующіе видятъ ясно, какъ изъ страданій Господа, такъ и изъ Его ученія, что само терпѣніе—Божественной природы. Въ немъ проявляется дѣйствіе и превосходство свойствъ, присущихъ Богу»!

«Предавай все, что бы съ тобой ни случилось, праведному суду Божію! Оскорбленъ ли ты? Ввѣрь свое оскорбленіе Ему, Онъ отмститъ за тебя; отняли у тебя что? Онъ возьметъ на Себя заботу о возвратѣ тебѣ отнятаго. Въ болѣзни ли ты? Онъ будетъ твоимъ врачемъ; угрожаетъ ли тебѣ смерть? Онъ воскреситъ тебя! Чуднымъ преимуществомъ обладаетъ терпѣніе—преимуществомъ имѣть своимъ должникомъ Бога! И, конечно, вполнѣ справедливо: оно хранитъ Его повелѣнія, оно идетъ навстрѣчу Его заповѣдямъ. Терпѣніе укрѣпляетъ вѣру, утверждаетъ миръ, поддерживаетъ милосердіе, воспитываетъ смиреніе, располагаетъ къ покаянію, довершаетъ сознаніе во грѣхахъ (исповѣдь), господствуетъ надъ плотью, ободряетъ духъ, обуздываетъ языкъ, останавливаетъ руку, попираетъ искушенія, отталкиваетъ соблазны, совершаетъ дѣла мученичества. Терпѣніе утѣшаетъ бѣдняка и внушаетъ умѣренность богачу; оно не обременяетъ слабаго и не изнуряетъ сильнаго; радуетъ истинно вѣрующаго, привлекаетъ язычника, доставляетъ слугѣ благоволеніе господина, а послѣднему—благоволеніе Бога. Терпѣніе украшаетъ женщину и одобряетъ мужа; терпѣніе любятъ въ дитяти, уважаютъ въ юношѣ и чтятъ въ старцѣ; оно прекрасно въ людяхъ обоего пола и всякаго возраста».

«Попытаемся уловить черты терпѣнія во всей ихъ совокупности. У человѣка, обладающаго даромъ терпѣнія, лицо пріі-

ятное и покойное; чело чисто; ему неизвѣстны ни морщины гнѣва, ни облака печали. Его брови всегда раскрыты отъ удовольствія; глаза опущены, но не въ знакъ неудовольствія, а въ знакъ скромности; печать молчанія лежитъ на его устахъ. Краска его лица—краска невинности и спокойной умѣренности: оно сотрясаетъ часто головой, чтобы выгнать изъ ума демона, и его смѣхъ полонъ угрозъ для него. Кромѣ того, самое одѣяніе, въ которое облекается терпѣніе, поразительной бѣлизны и такъ хорошо прилегаетъ къ тѣлу, что нѣтъ ни складки, ни пятна. Оно возсѣдаетъ на тронѣ кроткаго и спокойнаго духа, котораго никакой вихрь не умчитъ за собой и ничто не затмитъ. Напротивъ, Онъ открывается въ нѣжной, вѣчно свѣтлой, вѣчно простой ясности, именно такимъ, какимъ видѣлъ Его въ третій разъ пророкъ Илія. Ибо тамъ, гдѣ пребываетъ Богъ, обитаетъ съ Нимъ и Его дитя—терпѣніе»!

О крещеніи.

(De Baptismo adversus Quintillam).

Трактатъ о крещеніи—поученіе, обращенное къ оглашеннымъ. Онъ вызванъ былъ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ африканской церкви стали распространяться еретическія мнѣнія относительно крещенія, отрицавшія его необходимость.

Argumentum:

Гл. 1. Похвала крещенію. Причина и цѣль настоящаго сочиненія.

Гл. 2. Не слѣдуетъ удивляться, что вода имѣетъ столь великое значеніе въ таинствѣ крещенія: это отчасти объясняется ея свойствами.

Гл. 3. Вода съ самаго начала творенія есть элементъ, наиболѣе необходимый и жизненный.

Гл. 4. Вода, уже во время творческаго акта, была освящена Богомъ.

Гл. 5. Параллели въ язычествѣ, какъ-бы подражанія крещенію. Прообразъ крещенія.

Гл. 6. Омовеніе тѣла водой само по себѣ не даетъ ничего, кромѣ чистоты тѣла. Дѣйствіе таинства.

Гл. 7. О миропомазаніи, слѣдующемъ за крещеніемъ.

Гл. 8. Рукоположеніе имѣетъ тоже значеніе, что и миропомазаніе—сообщеніе новокрещенному даровъ Св. Духа.

Гл. 9. Прообразы крещенія въ Ветхомъ Завѣтѣ. Вода въ Новомъ Завѣтѣ.

Гл. 10. Крещеніе Іоанна и его дѣйствіе.

Гл. 11. Необходимость крещенія для спасенія.

Опроверженіе противнаго взгляда. Отчего Христосъ самъ не крестилъ?

Крестительская дѣятельность Его учениковъ.

Гл. 12. Были-ли Апостолы крещены сами или нѣтъ? Въ противномъ случаѣ—какимъ образомъ они могли быть праведными?

Гл. 13. Въ Ветхомъ Завѣтѣ до воскресенія Христова крещеніе не было необходимо для спасенія души.

Гл. 14. Крестилъ ли Ап. Павелъ, по поводу текста изъ посланія къ Коринѳян. I, 1, 17.

Гл. 15. Есть только одно крещеніе — крещеніе церкви. Крещеніе, производимое еретиками, не дѣйствительно.

Гл. 16. Крещеніе кровію.

Гл. 17. О совершителѣ крещенія. Должны ли женщины крестить?

Гл. 18. Крещеніе не должно быть производимо раньше, чѣмъ не будетъ крещаемый подвергнутъ испытанію.

Взглядъ Тертулліана на крещеніе дѣтей.

Гл. 19. О времени крещенія.

Гл. 20. Необходимое приготовленіе къ принятію крещенія.

Заключеніе.

Въ самомъ началѣ трактата мы узнаемъ поводъ, послужившій къ появленію его, и какого рода читателей Тертулліанъ имѣлъ въ виду. «Благословенно таинство христіанской воды! Оно, омывая грѣховную скверну, слѣдствіе прежней грѣховной жизни, ведетъ насъ къ вѣчной жизни. Трактатъ объ этомъ предметѣ не будетъ, безъ сомнѣнія, безполезенъ какъ тѣмъ, воспитаніе которыхъ еще не окончено, такъ и тѣмъ, которые, вѣря въ простотѣ сердца, но не изслѣдуя разумныхъ основаній того, чему научили ихъ, могутъ подвергнуться искушеніямъ, способнымъ поколебать ихъ неопытность. Кромѣ того, не очень давно произошло то, что одна изъ самыхъ ядовитыхъ ехиднъ Каіанской ереси заразила ядомъ своего ученія большое число изъ нашихъ братій. Особенно она нападаетъ на крещеніе. Ничто конечно лучше не соотвѣтствуетъ ея природѣ: ехидны, аспиды, сама царская змѣя, всѣ премыкающіяся этого рода—ищутъ обыкновенно сухія и безводныя мѣста. Что же касается насъ, рыбокъ, слѣдующихъ за нашимъ Главой Іисусомъ Христомъ, то мы родимся въ водѣ и не могли бы найти спасенія внѣ ея. Такимъ образомъ и Квинтилла, отвратительное чудовище, не имѣвшій даже права учить истинѣ, открылъ секретъ умерщвлять этихъ рыбъ: онъ лишаетъ ихъ воды, дающей имъ жизнь».

«Какъ ни хитра злоба, подкапывающая основы, на которыхъ утверждается вѣра, сколько для разрушенія ея, столько же и для воспрепятствованія тому, чтобы она была принята во всей полнотѣ, но ничто такъ не приводитъ въ смущеніе человѣческія мысли, какъ простота божественныхъ дѣйствій въ области того, что воспринимается нашими чувствами, и вмѣстѣ съ тѣмъ обиліе слѣдствій, вытекающихъ изъ нихъ. Это также относится и къ крещенію. Чего проще? Нѣтъ при совершеніи его никакой пышности, великолѣпія, дорого стоящей церемоніи. И что-же? только потому, что новообращенный, послѣ своего погруженія въ водѣ, во время произнесенія надъ нимъ нѣсколькихъ словъ, не выходитъ изъ нея болѣе чистымъ на видъ, чѣмъ прежде, не вѣрятъ въ полученіе имъ вѣчной жизни. У идолопоклонниковъ, напротивъ, стараются вызвать вѣру и довѣріе великолѣпіемъ, пышностью дорогихъ церемоній, торжествъ и мистерій. Жалкое невѣріе! ты отказываешь Богу въ свойственной Ему одному простотѣ, соединенной съ могуществомъ! Какъ же въ самомъ дѣлѣ?! Не странно ли, что малое количество воды уничтожаетъ смерть? Нисколько! Напротивъ, тѣмъ болѣе слѣдуетъ вѣрить, такъ какъ нѣтъ другой причины для отрицанія, кромѣ величія чуда. И въ самомъ дѣлѣ, какое иное свой-

ство могутъ имѣть божественныя дѣла, какъ не то, что они превосходятъ всякое удивленіе? Мы также поражаемся ими, но это потому, что мы вѣримъ. Невѣрующіе напротивъ удивляются безъ вѣры. Что просто, то кажется имъ обманчивымъ, что великолѣпно, то кажется имъ невозможнымъ. Чтобы ни думалъ ты, но тебя заранѣе опровергли божественныя изреченія. Богъ избралъ немудрое міра, чтобы посрамить мудрыхъ. Невозможное людямъ — возможно Богу. Если Богъ мудръ и всесиленъ, чего не оспариваютъ даже непризнающіе Его, то Онъ долженъ былъ допустить въ область Своихъ дѣлъ и противоположное мудрости и могуществу, т. е. то, что кажется человѣку безумiемъ и невозможностью. Ибо обладающій способностью проявлять силу можетъ также и пренебрегать ею». «Съ призываніемъ имени Божія сошедшій съ неба Св. Духъ освящаетъ воду своей благодатью; освященная вода воспринимаетъ въ себя въ Свою очередь освящающее свойство. Сверхъ того, самое дѣйствіе погруженія въ воду при крещеніи указываетъ на смыслъ таинства: пятно грѣха загрязнило насъ, вода смываетъ грязь. Но такъ какъ слѣды грѣховъ не появляются на тѣлѣ, ибо никто не носитъ на себѣ слѣдовъ идолопоклонства, прелюбодѣянія или лжи, то слѣдовательно они оскверняютъ духъ, который собственно и есть виновникъ грѣха, — духъ, который повелѣваетъ, плоть же повинуется ему, подобно рабѣ. Однако вина въ грѣхѣ лежитъ на обоихъ, на духѣ, потому что онъ повелѣваетъ, и на плоти, потому что она повинуется. Вотъ почему нѣкогда воды получали какъ бы цѣлительное свойство черезъ ангельское наитіе: душа омывалась посредствомъ тѣла, и плоть очищалась дѣйствіемъ духа. Что нѣкогда излѣчивало тѣлесные недуги, исцѣляетъ теперь душу; что содѣйствовало нѣкогда временному выздоровленію, то доставляетъ нынѣ вѣчное спасеніе; что избавляло ежегодно одного только человѣка, то спасаетъ цѣлые народы и уничтожаетъ смерть, омывая грѣхи, ибо крещеніе, устраняя грѣхъ, устраняетъ также и наказаніе. Такимъ образомъ человѣкъ возвращается къ Богу, на подобіе того, который нѣ-

когда былъ сотворенъ по образу Божію: образъ въ приложеніи къ формѣ, подобіе въ вѣчности. И въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ вновь сподобляется даровъ Св. Духа, Котораго дыханіе Божіе сообщило ему первоначально, но Котораго онъ лишился вслѣдствіе грѣха».

Затѣмъ Тертулліанъ говоритъ о томъ, что человѣкъ не можетъ войти въ царство Божіе безъ крещенія послѣ страданія и воскресенія Господа, т. е. послѣ проповѣданія Евангелія: «ибо законъ постановленъ и форма опредѣлена. Идите, сказалъ Господь Апостоламъ, научите всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца, Сына и Святаго Духа. Къ этому добавлено еще слѣдующее: если кто не родится отъ воды и духа, тотъ не войдетъ въ Царство Небесное. Отсюда вытекаетъ для вѣры необходимость крещенія».

Дальше Тертулліанъ говоритъ о миропомазаніи и о священномъ чинѣ, наблюдаемомъ при крещеніи.

«Я не утверждаю того, что вода сообщаетъ намъ дары Св. Духа, но вода, очищая насъ, съ помощью ангельскаго воздѣйствія, дѣлаетъ насъ способными къ принятію Св. Духа». «По выходѣ изъ бани возрожденія, мы принимаемъ св. миропомазаніе, подобно тому, какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ священникъ приготовлялся къ своему служенію изліяніемъ елея на его голову. Такъ Ааронъ былъ помазанъ Моисеемъ, и Іисусъ называется Христомъ отъ слова «chrisma», означающаго помазаніе, посредствомъ котораго Богъ Отецъ исполнилъ Его Своимъ Духомъ, какъ объ этомъ читается въ дѣяніяхъ Апостоловъ: «Собрались въ городѣ семъ на Святаго Сына Твоего Іисуса, помазаннаго Тобою». (Дѣян. IV, 27). Хотя помазаніе совершается на тѣлѣ, но оно воздѣйствуетъ на насъ духовно. Такъ и актъ крещенія—совершенно внѣшній актъ, ибо одно только тѣло погружается въ воду, но дѣйствіе его духовное, ибо черезъ него мы избавляемся отъ грѣха. Затѣмъ возлагаютъ на насъ руки, призывая благословеніемъ Св. Духа. Святый Духъ соблаговоляетъ нисходить отъ Отца и, паря надъ водами крещенія, какъ бы надъ древнимъ престоломъ Своимъ, почиваетъ на

насъ, очищенныхъ и благословенныхъ таинствомъ. Онъ также нѣкогда сходилъ на Господа въ образѣ голубя, чтобы выразить Свою природу чистотой и невинностью этого незлобиваго животнаго. Заповѣдь: будьте просты какъ голуби—также не безъ отношенія къ этому символу. Послѣ того, какъ потопъ омылъ въ своихъ водахъ древнее беззаконіе, однимъ словомъ—послѣ крещенія міра, если смѣю такъ выразиться, голубь, вылетѣвшій изъ ковчега и прилетѣвшій потомъ въ него съ оливковой вѣткой, возвѣстилъ этимъ вселенной о томъ, что гнѣвъ Божій утихъ. Извѣстно, что у народовъ оливковая вѣтвь есть символъ мира. Въ явленіи аналогичномъ, явленіи, изъ котораго вытекаютъ слѣдствія духовныя, именно послѣ того, какъ наша земля, т. е. человѣческое тѣло, выходитъ изъ возрождающей бани, очищенное отъ старыхъ скверно, Св. Духъ, небесный голубь, сошедшій съ высоты, приноситъ намъ миръ Божій, подобно голубю ковчега,—символа церкви».

Изъяснивъ сущность и форму совершенія крещенія, Тертулліанъ рѣшаетъ различные вопросы, волновавшіе африканскую церковь его времени, но особенное значеніе имѣетъ сказанное имъ относительно того, кто можетъ совершать крещеніе. «Право на совершеніе крещенія принадлежитъ первосвященнику, т. е. епископу; за нимъ—священникамъ и діаконамъ, никогда однако безъ разрѣшенія епископа, въ виду уваженія, должнаго церкви: пока такое уваженіе поддерживается, существуетъ церковный миръ. Впрочемъ міряне имѣютъ также участіе въ этомъ правѣ. Полученное отъ всѣхъ можетъ даваться всѣмъ, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда нельзя призвать епископовъ, священниковъ, которые суть ученики Господни. Никто не долженъ скрывать дара Божія. Къ тому же, такъ какъ крещеніе благо, которому всѣ причастны, то каждый изъ вѣрующихъ можетъ совершать его. Между тѣмъ скромность и смиреніе обязываетъ мірянъ не присвоивать себѣ того, что приличнѣе всего совершать предстоятелямъ, воздерживая ихъ брать на себя обязанность, которая принадлежитъ по праву только

епископу. Соперничество мать расколовъ. Все позволительно, говоритъ святѣйшій Апостолъ, но не все полезно. Достаточно мірянину воспользоваться этимъ правомъ въ случаѣ необходимости, когда мѣсто, время, лицо требуютъ этого. Тогда опасность, въ которой находится одинъ, извиняетъ содѣйствіе другаго. Отказать кому-нибудь въ помощи, когда въ нашей власти оказать ее ему—это значитъ быть виновнымъ въ гибели его души».

Въ заключеніе приведемъ слова, относящіяся къ еретикамъ. Тертулліанъ признаетъ недѣйствительнымъ крещеніе, совершенное еретиками: «Что должно соблюдать относительно еретиковъ? Вотъ что необходимо тщательно изслѣдовать. Истинное крещеніе только у насъ; еретики же не причастны нашему ученію, такъ какъ отдѣленные отъ общенія съ нами—они намъ чужіе. Я не обязанъ признавать у нихъ того, что мнѣ заповѣдано, потому что у нихъ не тотъ Богъ, не тотъ Христосъ, какой у насъ. Слѣдовательно и ихъ крещеніе отлично отъ нашего. Но не имѣя такого крещенія, какое должно быть, еретики не имѣютъ безспорно никакого; невозможно принимать въ уваженіе того, что недѣйствительно; невозможно принимать крещеніе отъ еретиковъ, ибо у нихъ нѣтъ его. Впрочемъ мы изложили подробнѣе касающееся этого предмета въ нашемъ сочиненіи, писанномъ погречески».

Здѣсь Тертулліанъ имѣетъ въ виду трактатъ, гдѣ онъ доказываетъ недѣйствительность крещенія, совершеннаго еретиками.

О покаяніи.

(De Poenitentia).

Въ сочиненіи, которое разсматривается здѣсь, авторъ раскрываетъ понятіе о покаяніи, объ условіяхъ его дѣйствительности и живо рисуетъ картину покаянія, какъ оно совершалось въ древней церкви.

Argumentum:

Гл. 1. О покаяніи вообще.

Люди, лишенные свѣта Господняго, тѣмъ не менѣе знаютъ раскаяніе и понимаютъ его, какъ извѣстное движеніе души, возбуждающее сожалѣніе о предшествующемъ дурномъ дѣйствіи.

Но истинное понятіе о покаяніи существуетъ только у христіанъ. Тѣ, которые не понимаютъ Бога, по необходимости не понимаютъ и Его творенія. Они не знаютъ, какъ избѣжать бурь, свирѣпствующихъ въ мірѣ, раскаиваются часто въ своей добросовѣстности, добротѣ, простотѣ, терпѣніи, милосердіи и при первой же неудачѣ не прощаютъ сами себѣ, что сдѣлали добро.

Гл. 2. Истинное покаяніе вытекаетъ изъ страха Божія и есть начало святости.

Никогда не должно раскаиваться въ сдѣланномъ добрѣ. Самъ Богъ по Своей благости опредѣлилъ спасти человѣка, осужденнаго правосудіемъ Его, и отложилъ Свой гнѣвъ, простивши согрѣшившаго.

Іоаннъ проповѣдывалъ покаяніе, опредѣляя его, какъ очищеніе разума и сердца, удаленіе грѣховной скверны и исправленіе жизни. Тогда сердце дѣлается чистымъ жилищемъ для обитанія Св. Духа. Такова цѣль раскаянія: оно даетъ возможность намъ пользоваться милосердіемъ Божіимъ; спасая насъ, оно служитъ къ славѣ Божіей. Но раскаиваться возможно и спасительно только относительно содѣяннаго зла.

Гл. 3. Слѣдуетъ раскаиваться только во грѣхахъ. Что такое грѣхъ? Различіе между грѣхомъ, совершаемымъ фактически, и только въ волѣ или въ помыслѣ. При какихъ обстоятельствахъ раскаяніе справедливо и законно?

Должно избѣгать и очищать посредствомъ раскаянія не только содѣянныя преступленія, но также и грѣхи мысли и воли.

Гл. 4. Польза и слѣдствіе раскаянія; похвала покаянію. Богъ, Который обѣщалъ судъ и наказаніе за всѣ грѣхи, соблаговолилъ даровать прощеніе подъ условіемъ раскаянія, (когда Онъ говорилъ народу: покайся и будешь спасенъ. Я Богъ живыхъ; не хочу смерти грѣшниковъ и т. п.).

Если бы необходимо было перечислить всѣ преимущества и всю пользу раскаянія, то это послужило бы матеріаломъ длиннаго трактата.

Гл. 5. Предостереженіе противъ вторичнаго впаденія въ прежніе грѣхи послѣ раскаянія и обращенія. Борьба съ заблужденіемъ, будто грѣховныя дѣйствія не вредятъ страху Божію. Раскаяніе, указанное и предписанное Божьимъ милосердіемъ, возвращаетъ намъ Его любовь и не должно быть впредь нарушаемо повтореніемъ грѣха.

Гл. 6. Готовящіеся къ крещенію передъ принятіемъ таинства имѣютъ много времени для веденія покаянной жизни.

Поэтому обязанности христіанской жизни начинаются еще до принятія крещенія.

Все, что наша слабость старалась внушить для увѣщанія въ необходимости раскаянія и послѣдующаго исправленія жизни, относится ко всѣмъ служителямъ Бога.

Господь предлагаетъ намъ прощеніе взамѣнъ раскаянія. Но очищены ли мы отъ грѣха сознаніемъ, что мы прощены? Мы очищены, когда въ моментъ раскаянія долгъ наказанія нами уплаченъ при помощи сердечнаго сокрушенія. Грѣшникъ долженъ оплакивать свои ошибки до дня прощенія.

Гл. 7. Такъ называемое покаяніе въ собственномъ смыслѣ этого слова. Зависть дьявола особенно возбуждается противъ новыхъ прозелитовъ.

Поэтому Богъ установилъ повторяемость покаянія. Тертулліанъ воздерживается говорить о повторяемости покаянія, чтобы не дать поводовъ къ продолженію грѣховной жизни. Тѣмъ не менѣе, не слѣдуетъ при впаденіи снова во грѣхъ и отчаяваться въ виду повторяемости покаянія.

Гл. 8. Указаніе на это изъ Св. Писанія.

Всякій находитъ себѣ облегченіе, сознавая тяжесть своихъ грѣховъ и исповѣдуя ихъ, и равно увеличиваетъ эту тяжесть, скрывая ихъ. Исповѣдь есть начало успокоенія и примиренія съ Богомъ, скрытность—начало паденія.

Гл. 9. Описаніе благочестивыхъ упражненій и подвиговъ, сопровождающихъ покаяніе или исповѣдь.

Гл. 10. Борьба съ ложнымъ стыдомъ передъ исповѣдью. Большинство, между прочимъ, уклоняется отъ раскаянія, какъ-бы избѣгая позора. Между тѣмъ необходимость раскаянія и исповѣди для спасенія должна побудить насъ претерпѣть все для очищенія души.

Гл. 11. Доказательства этой необходимости.

Гл. 12. Указаніе на адскія мученія, которыхъ можно избѣжать только черезъ покаяніе.

Заключеніе.

Исповѣдь тебя пугаетъ: вспомни объ геенѣ огненной, отъ которой она тебя избавляетъ; обдумай сперва величину наказанія, чтобы не колеблясь прибѣгнуть къ спасительному средству. Господь послѣ перваго блага крещенія открылъ тебѣ еще второй источникъ милосердія въ покаяніи. Не слѣдуетъ отказываться отъ спасенія.

Даже животныя, лишенныя рѣчи и разума, и тѣ инстинктомъ сознаютъ въ свое время средства, предназначенныя Богомъ для ихъ благополучія.

Тертулліанъ точно опредѣляетъ *идею покаянія.* Онъ сначала разграничиваетъ сожалѣніе отъ раскаянія и обрушивается на язычниковъ, которые сожалѣли о сдѣланномъ благѣ, если оно не принесло имъ пользы, и не старались между тѣмъ раскаиваться въ совершенномъ злѣ. «Эти люди, говоритъ онъ, переплываютъ житейское море безъ руля разума; поэтому они не умѣютъ избѣгать бури, грохочущей надъ міромъ. Подобнымъ поведеніемъ они отрицаютъ истинное покаяніе. Гдѣ же начало искренняго обращенія? Оно кроется въ страхѣ Божіемъ, въ страхѣ передъ Богомъ, верховнымъ Судьей нашихъ поступковъ. Всякій, боящійся Господа, раскаивается въ обидѣ Ему и обѣщаетъ въ будущемъ исправиться. Безъ страха Божія нѣтъ нравственнаго усовершенствованія, перемѣны къ лучшему, а безъ перемѣны жизни къ лучшему и покаяніе безплодно. Грѣшникъ долженъ сокрушаться и оплакивать свои прегрѣшенія, чтобы получить прощеніе ихъ. Кромѣ того, раскаяніе должно выражаться внѣшними признаками, потому что Богъ не довольствуется внутреннимъ выраженіемъ почитанія Его. Отсюда основными элементами раскаянія являются сознаніе виновности со стороны кающагося, скорбь о грѣхѣ, рѣшеніе исправиться и совокупность поступковъ, выражающихъ перемѣну происшедшую въ душѣ». Подобнаго раскаянія требовалъ Богъ вездѣ и всегда.

Опредѣливши понятіе о раскаяніи, Тертулліанъ переходитъ къ *понятію о грѣхѣ.* Онъ съ величайшей прозорливостью анализируетъ нравственное значеніе человѣческаго поступка. Плоть и духъ, будучи различными субстанціями, образуютъ одно цѣлое существо, къ которому должно относить всѣ наши поступки: иначе говоря, единство человѣческой личности объясняетъ солидарность души и тѣла относительно совершенія добра и зла. Вслѣдствіе этого неисполненіе поступка, свободно задуманнаго, не освобождаетъ человѣка отъ вины,—короче, воля—источникъ нравственной дѣятельности—volun-

tas facti origo. Поэтому Богъ, видящій всю глубь душевныхъ помысловъ, судитъ грѣхъ даже въ его зародышѣ и началѣ.

Далѣе Тертулліанъ приступаетъ *къ убѣжденію оглашенныхъ* достойно приготовляться къ крещенію черезъ покаяніе. «Всевышній Судія, Который готовитъ кару всѣмъ грѣхамъ—плоти и духа, преступнымъ желаніямъ, наравнѣ съ поступками, далъ возможность получить прощеніе черезъ покаяніе. Онъ подтвердилъ это, говоря народу: покайся, и Я тебя спасу! и въ другомъ мѣстѣ: Я есмь Богъ живый, Я предпочитаю покаяніе смерти грѣшника. Слѣдовательно, покаяніе ведетъ къ жизни и противополагается смерти. Грѣшникъ, подобный мнѣ, или скорѣе—ниже меня, потому что я исповѣдую мое превосходство въ грѣхѣ, прибѣгаетъ къ раскаянію, подобно тому, какъ потерпѣвшій во время кораблекрушенія овладѣваетъ доской, на которой онъ можетъ спастись. Раскаяніе поможетъ тебѣ преодолѣть губительныя волны и приведетъ тебя въ пристань божественнаго милосердія. Лови благопріятный случай получить неожиданно счастіе: бывши незадолго передъ тѣмъ въ глазахъ Бога не болѣе, какъ каплей воды, атомомъ праха, глинянымъ сосудомъ—не замедли статьдеревомъ, насажденнымъ при потокахъ водъ, листья котораго не увядаютъ, которое приноситъ плоды въ свое время и которое не увидитъ ни огня, ни сѣкиры. Раскайся въ твоихъ заблужденіяхъ, такъ какъ ты нашелъ истину, раскайся въ томъ, что любилъ то, чего не любитъ Богъ, потому что самому послѣднему изъ нашихъ слугъ мы не позволяемъ любить то, что намъ не нравится. Сходство расположеній и вкусовъ, дѣйствительно, служитъ порукой въ послушаніи». Говоря объ оглашенныхъ, авторъ замѣчаетъ, что у вѣрныхъ и оглашенныхъ одна и та же вѣра, одно и то же упованіе, одинъ и тотъ же страхъ передъ Божьимъ судомъ; слѣдовательно, раскаяніе необходимо каждому.

Высказавъ свой взглядъ на покаяніе, которое должно предшествовать крещенію, Тертулліанъ переходитъ къ ученію о покаяніи, установленномъ для вѣрныхъ. Тонъ рѣчи его становится торжественнѣе соотвѣтственно предмету его трактата. Онъ какъ бы колеблется говорить о послѣднемъ средствѣ, которое остается грѣшнику послѣ крещенія. «Я колеблюсь, говоритъ онъ, упомянуть о второй или вѣрнѣе—о послѣдней надеждѣ изъ боязни открыть болѣе широкій путь грѣху, говоря объ этой помощи раскаянія. Да не будетъ угодно Богу, чтобы истолковали такъ дурно мою мысль, съ цѣлью вообразить, что возможность раскаянія является возможностью грѣха, что преизбытокъ небеснаго милосердія даетъ широкій просторъ дерзостному безразсудству человѣчества. Поэтому пусть никто не желаетъ быть тѣмъ болѣе виновнымъ, чѣмъ болѣе милосердъ Богъ, или вновь становиться грѣшникомъ столько разъ, сколько разъ онъ получаетъ прощеніе. Очевидно, кто постоянно грѣшитъ, можетъ быть на всегда удаленнымъ отъ Бога. Мы удалились отъ Него разъ,—остережемся подвергать опасности наше будущее въ предположеніи, что мы избѣгнемъ ее снова. Посмотрите на большинство спасшихся отъ кораблекрушенія: они разрываютъ всякую связь съ моремъ и кораблемъ и славятъ благодѣяніе Божіе, т.-е. ихъ спасеніе, помня объ опасности. Я хвалю ихъ страхъ, я люблю ихъ недовѣріе: они не хотятъ болѣе искушать Божественное милосердіе, они боятся оказаться назойливыми, прося снова того, что они уже разъ получили; помня опытъ, они боятся испытывать то, чего они научились бояться. Умѣряя свое безразсудство, они этимъ обнаруживаютъ свой страхъ. Но *бояться* для человѣка значитъ почитать Бога. Однако, если сама природа человѣка и искушенія со стороны злаго духа приводятъ его на путь порока, неужели не остается болѣе никакого средства къ примиренію съ Богомъ? Врагъ человѣческаго рода никогда не измѣняетъ своей злобѣ. Онъ даже удвоиваетъ ярость, когда видитъ, что человѣкъ избѣгаетъ его оковъ; чѣмъ болѣе гаснутъ наши страсти, тѣмъ сильнѣе воспламеняется его ненависть. Я думаю, онъ печалится и скорбитъ оттого, что, благодаря прощенію грѣховъ, столько смертныхъ дѣлъ уничтожено въ человѣкѣ и столько осужденій вычеркнуто изъ списка (правосудія).

Онъ горюетъ при мысли, что грѣшникъ, ставъ служителемъ Христа, будетъ судить его и его аггеловъ. По этому онъ подстерегаетъ человѣка, нападаетъ ва него, осаждаетъ его; злой духъ пытается всѣми средствами—то поразить его взгляды вожделѣніемъ, то привлечь его душу въ сѣть соблазновъ міра, то уничтожить вѣру страхомъ предъ земнымъ могуществомъ, то совратить съ истиннаго пути превратными ученіями; смущенія и искушенія онъ разсыпаетъ обильно. Богъ же, предвидя, что сатана разольетъ этотъ ядъ, хотя и отнялъ у человѣка возможность новаго крещенія, оставилъ ему однако выходъ изъ его положенія. Онъ далъ второе покаяніе съ тѣмъ, чтобы оно открывалось для тѣхъ, кто ищетъ Его, но только одинъ разъ, потому что это уже второе покаяніе,—не болѣе одного раза, потому что предыдущее было безполезно. Можешь ли ты въ самомъ дѣлѣ сказать, чтобы тебѣ не было достаточно одного раза? Ты имѣешь больше, чѣмъ заслуживаешь, потому что самъ потерялъ то, что получилъ». Поэтому евангельскія притчи о потерянной драхмѣ и заблудшей овцѣ и о блудномъ сынѣ Тертулліанъ примѣняетъ не только къ обращенію язычниковъ, но и къ приведенію вѣрныхъ, удалившихся отъ церкви, въ ея лоно. «О какомъ отцѣ (Тертулліанъ говоритъ по поводу послѣдней притчи), идетъ рѣчь въ евангельскомъ разсказѣ?—О Богѣ. Нѣтъ ни одного Отца, подобнаго Ему; нѣтъ никого, столь милосердаго! Ты—Его сынъ; ты попусту разсѣялъ то, что получилъ отъ Него; ты вернулся къ Нему нищимъ и нагимъ,—Онъ приметъ тебя потому только, что ты вернулся къ Нему. Даже болѣе: твой возвратъ дастъ Ему больше радости, чѣмъ вѣрность другихъ. Но подъ какимъ условіемъ? Если ты покаешься изъ глубины души; если ты сравнишь свой голодъ съ изобиліемъ слугъ твоего отца; если ты покинешь свиней, т.-е. нечистую толпу; если ты вернешься къ твоему Отцу, какъ бы Онъ ни былъ разгнѣванъ, говоря ему: Отецъ мой! Я согрѣшилъ, я недостоинъ болѣе называться Твоимъ сыномъ».

«Чѣмъ болѣе приноситъ утѣшенія исповѣданіе грѣховъ, тѣмъ большая тяжесть ложится на человѣка, если онъ ихъ

скрываетъ. Исповѣдь — начало удовлетворенія правосудія, скрываніе же — продолженіе возмущенія противъ Бога. Не довольно ли внутренняго сокрушенія сердца для полученія прощенія? Нѣтъ! Крайнимъ средствомъ, которое предлагаетъ намъ это второе и послѣднее покаяніе, болѣе трудное, должно состоять въ испытаніи такого рода, чтобы оно касалось не только глубины совѣсти, но довершилось бы и внѣшнимъ выраженіемъ внутренняго сокрушенія. Этотъ актъ мы обозначаемъ греческимъ словомъ exomologesis (исповѣдь); мы исповѣдуемъ грѣхъ нашъ Господу, не потому, чтобы Онъ не вѣдалъ объ этомъ грѣхѣ, но потому что исповѣдь располагаетъ къ удовлетворенію, порождаетъ раскаяніе, которымъ умилостивляется Богъ. Исповѣдь имѣетъ цѣлію смирить человѣка, требуя отъ него поведенія, привлекающаго милосердіе; при этомъ даются предписанія о поведеніи и образѣ жизни. Человѣкъ облекается во вретище и покрывается пепломъ и пылью; душа покружается въ печаль о грѣхахъ. Все, что служило приманкою грѣха, замѣняется противоположными благочестивыми упражненіями. Нельзя ни пить, ни ѣсть больше, чѣмъ сколько нужно для поддержанія жизни, а вовсе не для услажденія желудка; молитва должна сопровождаться постомъ; грѣшникъ пусть стонетъ и плачетъ, пусть вздыхаетъ день и ночь къ Господу Богу; пустъ падетъ на колѣна передъ Божіими угодниками; пусть проситъ, молитъ за себя и всѣхъ собратьевъ, чтобы они своими молитвами ходатайствовали за него! Вотъ что наблюдается при исповѣди для сообщенія силы покаянію... наконецъ, для того, чтобы избѣжать... нѣтъ! для того, чтобы за вѣчныя муки заплатить временными страданіями, которыя она налагаетъ на грѣшника. Такимъ образомъ, унижая человѣка, она его возноситъ; покрывая пылью, очищаетъ; обвиняя—оправдываетъ, осуждая—освобождаетъ. Повѣрь этому,—и чѣмъ менѣе ты простишь самому себѣ, тѣмъ болѣе проститъ тебѣ Богъ».

Такимъ образомъ ясно, что въ исповѣди (exomologesis) слѣдуетъ различать слѣдующіе три акта: раскаяніе въ грѣхѣ съ твердымъ намѣреніемъ исправиться, открытое соз-

наніе въ совершенномъ грѣхѣ и, наконецъ, удовлетвореніе правосудія Божія благочестивыми упражненіями и подвигами. Исповѣдь отнюдь не должна ограничиваться внутреннимъ исповѣданіемъ грѣха Богу, а должна приноситься Богу черезъ пресвитера: «Я предполагаю, что большинство уклоняется отъ исповѣди, какъ публичнаго объявленія своихъ грѣховъ, какъ-бы пригвождающаго къ позорному столбу, или откладываютъ ее со дня на день, повинуясь болѣе голосу стыда, чѣмъ голосу спасенія, подобно тѣмъ больнымъ, которые, стыдясь открыть врачу ихъ тайныя язвы, умираютъ отъ ложнаго стыда. Стыдъ не способенъ удовлетворить правосудію оскорбленнаго Господа и возвратить на путь спасенія оставившихъ Его. По истинѣ твой стыдъ—хорошее извиненіе! Съ поднятой головой совершалъ ты грѣхъ, а теперь ты отказываешься склонить чело, чтобы вымолить собѣ прощеніе! По мнѣ, такъ я не стѣсняюсь со своимъ стыдомъ, когда мнѣ выгоднѣе прогнать его въ пятки и когда онъ какъ-бы самъ мнѣ говоритъ: не считайся со мной; будетъ лучше, если я погибну черезъ тебя! Конечно, ты имѣлъ бы поводъ къ опасенію, если бы твое объявленіе снискало тебѣ издѣвательство и насмѣшки, какъ это бываетъ въ свѣтѣ, гдѣ страданіе одного бываетъ торжествомъ другому, и гдѣ попираютъ ногой лежащаго на землѣ! Но ничто подобное не ожидаетъ тебя среди твоихъ братьевъ, которые служатъ общему съ тобой одному Господу; у которыхъ все общее: надежда, страхъ, радость, печаль, страданіе, потому что одинъ и тотъ же духъ воодушевляетъ имѣющихъ одного Господа и Отца. Почему ты ихъ считаешь не равными себѣ по природѣ? Почему ты бѣжишь тѣхъ, которые огорчаются твоимъ паденіемъ,—какъ будто они руконлещутъ ему? Тѣло не можетъ радоваться болѣзни одного изъ его членовъ; напротивъ, оно необходимо должно страдать во всей своей цѣлости и все цѣликомъ прибѣгать къ лѣченію. Церковь заключается въ одномъ членѣ, какъ и въ другомъ; но церковь—это Христосъ. Итакъ, когда ты простерся на колѣняхъ передъ твоими братьями, ты передъ Христомъ простерся, Христа умо-

ляешь. Даже, когда они проливаютъ слезы о тебѣ, это Христосъ сострадаетъ, Христосъ молитъ Своего Отца. Сынъ, что проситъ, легко получаетъ. Много-ли выиграетъ твоя скромность, стыдливость, скрывая грѣхъ? Можешь ли ты скрыть отъ Бога то, что скрылъ отъ свѣдѣнія людей? И можно ли ставить людское мнѣніе наравнѣ со всевѣдѣніемъ Божіимъ? Неужели лучше быть осужденнымъ тайно, чѣмъ быть оправданнымъ явно?

Тяжело, скажете вы, приступать къ исповѣди!

Согласенъ; но за эту тягость вы должны пенять на свой грѣхъ; кромѣ того, эта тягость изчезаетъ въ покаяніи, потому что она становится спасительной. Одинаковымъ образомъ тяжело подвергаться ампутаціи, прижиганію, мученіямъ отъ какого-нибудь ѣдкаго порошка. Но все это охотно претерпѣваютъ, подвергаясь лѣченію, въ виду облегченія; ожидаемая отъ нихъ польза заставляетъ забывать причиняемую ими боль. Переходя къ упорству нѣкоторыхъ лицъ, не желавшихъ подвергать себя трудностямъ публичной исповѣди,—«Что я отвѣчу имъ, говоритъ авторъ, если кромѣ стыда, выставляемаго ими главнымъ аргументомъ, они еще боятся лишенія привычныхъ удобствъ? Какъ? восклицаютъ они, отказаться отъ бани, носить грязное платье, отречься отъ всякой радости, жить въ грубомъ вретищѣ, вдыхать непріятный запахъ пепла, поблѣднѣть лицомъ, истомиться отъ поста. Не въ тирскомъ ли пурпурѣ прилично оплакивать свои грѣхи? Ну, хорошо, пусть будетъ по вашему! Вотъ игла, чтобы раздѣлить ваши волоса! Вотъ пудра, чтобы освѣжить блескъ вашихъ зубовъ! Вотъ желѣзныя или стальныя ножницы, чтобы обрѣзать ваши ногти! Распространите по вашимъ щекамъ и губамъ ложную бѣлизну и лицемѣрный румянецъ. Ступайте въ удобныя бани, въ тишинѣ, въ какомъ нибудь укромномъ мѣстѣ виллы или освѣжайтесь на берегу моря! Увеличьте ваши издержки, снабдите ваши столы рѣдкими птицами; смакуйте старыя вина и, когда васъ спросятъ, къ чему такое излишество, отвѣчайте: я согрѣшилъ противъ Бога; я въ опасности погибнуть навѣки; я не знаю, что мнѣ

дѣлать для того, чтобы изнурить себя, распять себя и примириться такимъ путемъ съ Богомъ, Котораго я оскорбилъ моимъ вѣроломствомъ... А! ты боишься исповѣди—ну, такъ подумай объ адскомъ пламени, которое потушитъ для тебя исповѣдь. Поразмысли о величіи кары,—и ты не будешь болѣе колебаться въ принятіи спасительнаго средства!»

О МОЛИТВѢ.

(Liber de Oratione).

Трактатомъ о молитвѣ авторъ имѣетъ въ виду убѣдить вѣрующихъ въ необходимости молитвы, какъ существеннаго элемента христіанской жизни, причемъ высказываетъ порицаніе пустымъ и суевѣрнымъ церемоніямъ, заимствованнымъ отчасти у евреевъ.

Argumentum:

Гл. 1. Значеніе молитвы Господней, которой научилъ насъ Сынъ Божій, Божіе Слово и Премудрость.

Гл. 2. «Отче нашъ». Значеніе этого призыванія.

Гл. 3. Объясненіе перваго прошенія.

Гл. 4. Второе прошеніе.

Гл. 5. Третье прошеніе.

Гл. 6. Четвертое прошеніе.

Гл. 7. Пятое прошеніе.

Гл. 8. Шестое и седьмое прошенія.

Гл. 9. Славословіе.

Гл. 10. Надо приносить Богу также другія молитвы и прошенія.

Гл. 11. При молитвѣ Богу не должно имѣть никакого гнѣва на своихъ братьевъ.

Гл. 12. Во время молитвы слѣдуетъ быть свободнымъ отъ всякаго разстройства духа.

Гл. 13. Объ обычаѣ мыть руки передъ молитвой.
Гл. 14. Апострофе.
Гл. 15. О снятіи верхней одежды.
Гл. 16. О сидѣніи послѣ молитвы.
Гл. 17. О подниманіи рукъ при молитвѣ.
Гл. 18. О цѣлованіи.
Гл. 19. О постѣ.
Гл. 20. Объ одеждѣ женщинъ.
Гл. 21. О дѣвушкахъ—нѣкоторые утверждаютъ, что онѣ должны являться въ церковь съ открытымъ лицомъ.
Гл 22. Возраженіе на это.
Гл. 23. О колѣнопреклоненіи при молитвѣ.
Гл. 24. О мѣстѣ молитвы.
Гл. 25. О времени молитвы.
Гл. 26. Объ увольненіи у христіанъ.
Гл. 27. О чтеніи псалмовъ при молитвѣ и аллилуія.
Гл. 28. О духовномъ жертвоприношеніи.
Гл. 29. О силѣ и дѣйствіи молитвы. Заключеніе.

«Духъ Божій, Слово Божіе, Разумъ Божій, Слово Разума и Разумъ Слова—все это въ совокупности Іисусъ Христосъ, нашъ Господь, научилъ насъ, учениковъ Новаго Завѣта, молитвѣ по новому образцу. Это также необходимо, какъ и то, чтобы новое вино содержалось въ новыхъ мѣхахъ или чтобы заплата новая была пришита къ одеждѣ также новой. Сверхъ того, все, прежде бывшее, или отмѣнилось, какъ напр., обрѣзаніе, или восполнилось, какъ недостающее въ законѣ, или исполнилось, какъ пророчество, или усовершенствовалось, какъ вѣра. Новая благодать Божія одухотворила все, что было плотскаго въ древнемъ законѣ, пройдя по всей (ветхозавѣтной) древности очищающей силой Евангелія, въ которомъ Іисусъ Христосъ, нашъ Господь, показалъ, что Онъ одновременно и Духъ Божій, и Слово Божіе, и Разумъ Божій. Духъ по силѣ Своего могущества, Слово по силѣ Своего ученія, Разумъ по силѣ Своего проявленія. Итакъ молитва,

установленная Іисусомъ Христомъ, составлена изъ этихъ трехъ основныхъ частей (элементовъ): слова, ее выражающаго, духа, дающаго ей силу, и разума, подающаго ея уразумѣніе и пониманіе».

«Въ немногихъ словахъ совмѣщены изреченія пророковъ, Апостоловъ и Евангелій! Наставленія Господнія, притчи, примѣры, правила, всѣ обязанности одновременно! Почтеніе къ Богу въ наименованіи Его Отцомъ; исповѣданіе вѣры въ прославленіи Его имени; знакъ покорности въ желаніи исполненія Его воли; выраженіе надежды въ желаніи скораго наступленія Его царства; прошеніе жизни, поддержаніемъ которой служитъ хлѣбъ; сознаніе нашихъ грѣховъ въ прошеніи о прощеніи; предупрежденіе противъ опасностей для души въ прошеніи Божественнаго покровительства!! Чему, впрочемъ, здѣсь удивляться? Одинъ только Богъ могъ научить насъ тому, какой молитвы Онъ желаетъ; слѣдовательно, устанавливая образецъ молитвы и одухотворяя ее Своимъ Духомъ въ тотъ моментъ, какъ она исходила изъ Его устъ, Богъ одарилъ ее особымъ преимуществомъ восходить на небо для того, чтобы трогать Отца словами Сына.»

«Въ чемъ откажетъ Богъ молитвѣ, сказанной въ духѣ и истинѣ, Онъ, Который такой и требуетъ? Намъ извѣстно, насколько сильно дѣйствіе молитвы, потому что мы читали или слышали объ этомъ. Молитва Ветхаго Завѣта избавляла отъ огня, дикихъ звѣрей, голода, между тѣмъ она не получила своего образца отъ Христа; гораздо бо́льшею силой обладаетъ молитва христіанина! Если она не заставляетъ сходить съ неба ангела, не низводитъ росы для тушенія пламени, если она не заграждаетъ пасти львовъ, если она не приноситъ голодающимъ пищи, назначенной работающимъ въ полѣ, если она не утоляетъ чувства боли чудодѣйствіемъ благодати, то она совершаетъ большее, вооружая терпѣніемъ страдающихъ и чувствующихъ свои страданія. Силой, полученной черезъ нее, вѣрующій можетъ измѣрить величіе благодѣянія при страданіяхъ, которыя ему опредѣлено переносить во имя Божіе. Нѣкогда молитва навлекала бѣд-

ствія на голову злыхъ, разсѣевала полчища непріятеля, задерживала плодоносные дожди. Нынѣ же молитва справедливости отвращаетъ Божій гнѣвъ, бодрствуетъ надъ спасеніемъ враговъ,—нынѣ къ Небу взываетъ молящій голосъ за гонителей. Удивительно ли, что молитва можетъ изливать съ неба воды благодати, молитва, прежде низводившая огнь съ неба? Одна только молитва преклоняетъ Бога. Христосъ, сообщившій ей могущество для добра, зналъ, что она не будетъ дѣйствовать для зла. Воскрешать мертвыхъ, возстановлять силы разслабленныхъ, исцѣлять больныхъ, избавлять отъ власти демоновъ, отворять двери темницы, разбивать цѣпи невиннымъ—вотъ единственныя дѣла молитвы. Она заглаживаетъ грѣхи, отстраняетъ искушенія, прекращаетъ гоненія, ободряетъ робкія души, радуетъ мужественныя сердца, показываетъ путь страннику, успокоиваетъ волны (страстей), наводитъ ужасъ на нечестивыхъ, питаетъ бѣдняка, руководитъ въ жизни богатыхъ, предостерегаетъ, поддерживаетъ или поднимаетъ падающихъ: молитва—оплотъ вѣры; она служитъ намъ оружіемъ, стрѣлой противъ вездѣ подстерегающаго насъ врага. Итакъ, ни шагу впередъ безъ этого оружія; будемъ твердо стоять на своемъ посту днемъ и бдѣть ночью! Вооруженные ею, мы должны беречь знамя нашего Царя, внимательно прислушиваясь къ ожидаемому звуку архангельской трубы. Сами ангелы молятся. Кромѣ того, всѣ твари присоединяютъ свои голоса къ этому хору. Животныя, какъ домашнія, такъ и дикія, всѣ молятся посвоему и преклоняютъ колѣна: выходя изъ своего стойла или пещеры, они не остаются нѣмыми въ виду открытаго передъ ними неба, но звуками своего голоса обараживаетъ дыханіе, одушевляющее ихъ. Птица, пробуждаясь, стремится къ небу, простираетъ вмѣсто рукъ крылья къ видѣ креста и издаетъ звуки, похожіе на молитву. Но зачѣмъ еще приводить доказательства нашей обязанности молиться? Самъ Господь молился—Онъ, Которому всякая честь и могущество во вѣки вѣковъ!»

Двѣ книги къ женѣ.

(Ad uxorem libri duo).

Вполнѣ раздѣляя взгляды автора на бракъ, какъ на божественное установленіе, и сочувствуя его задачѣ — защитить цѣлость и неразрывность брачнаго союза противъ возстанія страстей, нельзя однако не замѣтить ригористическаго оттѣнка, проходящаго чрезъ все сочиненіе. Трактатъ превосходно характеризуетъ автора, его время и тѣ трудности, которыя возникали изъ смѣшанныхъ браковъ христіанъ съ язычниками.

Argumentum:

Гл. 1. Авторъ намѣренъ оставить женѣ-вдовѣ, какъ духовное завѣщаніе, требованіе не выходить замужъ вторично, послѣ его смерти.

Гл. 2. Бракъ — необходимый разсадникъ человѣческаго рода, но только, будучи совершенъ однажды, соотвѣтствуетъ мысли Бога.

Гл. 3. Совершеннѣе, конечно, дѣвственность.

Гл. 4. Чтобы оправдать свой второй выходъ замужъ, вдовы выставляютъ разные мотивы, особенно свою молодость и обезпеченіе средствъ къ жизни.

Гл. 5. Христіанкой въ этомъ не должно руководить даже желаніе оставить потомковъ.

Гл. 6. Вторичные браки приводятъ, особенно у христіанокъ-вдовъ, не рѣдко къ большему вреду, какъ это доказываютъ примѣры.

Гл. 7. Если жена теряетъ мужа вслѣдствіе смерти, то это голосъ Бога къ ней, зовущій ее къ совершенству вдовства.

Вступленіе во второй бракъ дѣлаетъ человѣка неспособнымъ для сана духовнаго.

Гл. 8. Добродѣтель сохранять въ вдовствѣ труднѣе, чѣмъ въ дѣвственности, и потому Богу это въ особенности пріятно. Вдовы должны быть особенно осмотрительны въ выборѣ своего положенія.

Кн. II.

Гл. 1. Ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ прощать втораго брака съ язычникомъ. Такіе браки запрещаетъ уже Апостолъ Павелъ.

Гл. 2. Изъясненіе его изреченій, относящихся къ данному случаю.

Гл. 3. Подобный бракъ заключаетъ нѣкоторымъ образомъ опасность отреченія отъ Христа и Его церкви и приноситъ вредныя слѣдствія и опасности для вѣры.

Гл. 4. Онъ затрудняетъ и соблюденіе нѣкоторыхъ христіанскихъ обязанностей.

Гл. 5. Жена-христіанка въ языческомъ дому всегда находится въ приниженномъ положеніи.

Гл. 6. Она въ постоянной опасности отъ соприкосновенія съ языческой распущенностью и идолопоклонствомъ.

Гл. 7. Она, однако, приняла на себя обязательство добровольно переносить подобныя затрудненія.

Гл. 8. Побудительныя причины къ бракосочетаніямъ съ язычниками по большей части заключаются въ распущенности человѣческаго характера.

Гл. 9. Христіанскіе браки напротивъ украшаются благословеніемъ церкви и приводятъ къ взаимному освященію обоихъ супруговъ.

«Я полагалъ, (говоритъ авторъ въ началѣ своего трактата) что теперь будетъ кстати, любимая подруга моя въ служеніи нашему Господу, начертать тебѣ правила, которымъ ты должна будешь слѣдовать по отшествіи моемъ изъ этого міра, если я буду призванъ раньше тебя,—и вручить ихъ твоей вѣрѣ, чтобы ты могла ихъ соблюдать. Въ самомъ дѣлѣ, когда рѣчь идетъ о временныхъ интересахъ, наша прозорливость никогда не страдаетъ: мы пишемъ завѣщанія, чтобы обезпечить тому или другому слѣдующую часть наслѣдства. Почему мы скорѣе не займемся духовными интересами нашего потомства, завѣщая ему совѣты и наставленія относительно того, что можетъ доставить ему нетлѣнныя блага небеснаго наслѣдства? Пусть Богъ, Которому принадлежитъ честь, слава, хвала, достоинство и могущество нынѣ и во вѣки вѣковъ, поможетъ тебѣ сохранить во всей цѣлости залогъ тѣхъ завѣтовъ, которые я ввѣряю твоей вѣрѣ».

Супругъ-наставникъ совѣтуетъ женѣ не выходить вторично замужъ. Формулируя это желаніе, онъ говоритъ: «я не позволяю себѣ увлечься чувствомъ самолюбія или ревности: мнѣ нѣтъ въ этомъ никакой выгоды послѣ моей смерти. Воскресеніе тѣлъ преобразуетъ нашу природу, и единеніе супруговъ въ той жизни будетъ вполнѣ духовнымъ. Единственной моей цѣлью является нравственная польза, которую можетъ извлечь изъ этого воздержанія та, которая была подругой моей въ здѣшней жизни. Бракъ—божественное установленіе; союзъ мужа и жены благословенъ самимъ Богомъ съ тѣмъ, чтобы онъ былъ единственнымъ. Адамъ былъ единственнымъ супругомъ Евы; Ева была единственной женой Адама. Правда, Моисеева религія въ извѣстныхъ случаяхъ дозволяла уклоненія отъ этого основнаго закона; но Евангеліе пришло возстановить его въ его первоначальной цѣлости. Я далекъ отъ мысли утверждать, что Христосъ не одобрялъ брака: Онъ предпочитаетъ только воздержаніе, какъ болѣе высокую степень совершенства. Святой Павелъ позволяетъ вдовамъ вторично выходить замужъ; но онъ говоритъ въ то же время, что лучше имъ не пользоваться этимъ позволені-

емъ. Впрочемъ, дозволять что-нибудь иногда значитъ сказать, что выгоднѣе воздерживаться отъ этого, потому что то, что является благомъ въ глазахъ всѣхъ, не нуждается въ частномъ позволеніи. Притомъ, что можетъ вынуждать на заключеніе второго брака, какъ не похоть плоти и вожделѣніе вѣка? Отвѣчай на побужденія плоти примѣромъ нашихъ сестеръ, имена которыхъ вписаны въ книгѣ Господа, и которыя, пославъ впередъ себя къ Богу своихъ мужей, приносятъ въ жертву святости соблазны красоты или молодости. Онѣ предпочитаютъ быть супругами Бога; для Бога онѣ прекрасны; для Него онѣ остаются юными; онѣ живутъ съ Нимъ, встрѣчаются съ Нимъ; онѣ не покидаютъ Его ни днемъ, ни ночью; приносятъ Ему въ приданое свои молитвы и въ обмѣнъ получаютъ отъ Него, всякій разъ какъ просятъ, вдовью часть Его щедротъ. Такимъ образомъ онѣ получаютъ впередъ вѣчный даръ Господа. Супруги Бога здѣсь на землѣ, онѣ уже зачислены въ семью ангеловъ. Если ты пойдешь по ихъ стопамъ, подражая ихъ воздержанію, ты похоронила въ могилѣ чисто духовной привязанности похоть плоти, ища въ благахъ другого рода вознагражденія за временныя наслажденія, которыя могли бы обѣщать тебѣ возрастъ и красота».

«Многія вдовы ищутъ во второмъ бракѣ роскоши и богатства, которыхъ не можетъ имъ доставить вдовство. Но къ чему такъ сильно заниматься излишествомъ, когда достаточно необходимаго? Правда, Господь не даетъ вдовамъ, которыя посвящаютъ себя на служеніе Ему, ни тяжелыхъ золотыхъ ожерелій, ни роскошныхъ и затрудняющихъ движеніе одеждъ, ни толпы галльскихъ рабовъ и германскихъ носильщиковъ, ни всей роскоши, которая разжигаетъ желаніе втораго брака; но къ чему всѣ эти пустяки, когда можно имѣть Самого Господа?»

«Можетъ быть, мотивомъ къ браку является также желаніе жить въ потомствѣ, которое заставляетъ женщину вздыхать о второмъ бракѣ? Вотъ ужъ, можно сказать, выбрана удобная минута для такихъ стремленій, когда лучшее желаніе, которое христіане могутъ имѣть по отношенію къ своимъ дѣтямъ это — видѣть ихъ взятыми изъ этого нечестиваго вѣка, гдѣ имъ угрожаетъ столько бѣдствій!»

«Я знаю хорошо, говоритъ Тертулліанъ во 2-мъ письмѣ, насколько можетъ быть тягостно вдовство въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, поэтому я не располагаю налагать на тебя бремя, слишкомъ тяжелое для твоихъ силъ. По крайней мѣрѣ, вторично выходя замужъ, вдова не должна выходить за невѣрнаго. Женщина-христіанка, которая выходитъ за идолопоклонника, не будетъ въ состояніи выполнить свои религіозныя обязанности, имѣя рядомъ съ собой раба сатаны, невѣрнаго слугу, которому господинъ его поручилъ препятствовать благочестивой ревности вѣрныхъ. Нужно ли будетъ отправиться на стояніе, мужъ утромъ назначитъ ей свиданіе въ баняхъ. Идетъ ли рѣчь о постѣ—онъ назначитъ въ этотъ день пиръ. Нужно ли женѣ выйти изъ дому—никогда не встрѣтится больше занятій въ хозяйствѣ, какъ именно въ то время. Какой изъ супруговъ-язычниковъ позволитъ своей женѣ посѣщать нашихъ братьевъ въ той и другой улицѣ и заходить въ самые жалкіе уголки? Кто изъ нихъ позволилъ бы ей встать для того, чтобы идти на ночныя бдѣнія, когда требуетъ этого долгъ? Кто спокойно будетъ смотрѣть, какъ она будетъ отсутствовать для торжественной пасхальной службы всю ночь? Кто пуститъ ее безъ подозрѣній участвовать на трапезѣ Господа, о которой такъ много кричатъ язычники? Какой мужъ сочтетъ приличнымъ, если она пойдетъ въ темницы цѣловать цѣпи мучениковъ, омывать ноги святыхъ, давать и получать отъ нихъ лобзанія мира? Кто изъ нихъ не разсвирѣпѣетъ отъ одной мысли, что она будетъ участвовать въ агапахъ? Какой братъ можетъ прійти къ ней въ домъ, какое гостепріимство встрѣтитъ онъ въ домѣ чуждаго человѣка?! Если понадобится творить милостыню, амбаръ и кладовая окажутся запертыми. Даже въ томъ случаѣ, еслибы мужъ не препятствовалъ женѣ въ исполненіи христіанскихъ обязанностей, съумѣешь ли ты скрыть, спрашиваю я тебя, что ты будешь дѣлать на одрѣ или на

тѣлѣ знакъ креста, когда прогоняешь нечистаго духа или когда ты поднимаешься ночью для молитвы? Развѣ твой мужъ не вообразитъ, что ты занимаешься какимъ-то волхованіемъ? Развѣ скроешь отъ его глазъ то, что ты тайно вкушаешь натощакъ передъ другой пищей? Если ты откроешь, что это хлѣбъ, то не подумаетъ ли онъ, что это хлѣбъ, о которомъ столько было толковъ? А такъ какъ онъ не можетъ постигнуть тайны, которой онъ не знаетъ, то сколько поднимется тревоги, сколько подозрѣній? Онъ станетъ думать объ убійствѣ и объ отравленіи... Да и кромѣ того, какимъ опасностямъ не подвергнется жена язычника—христіанка—среди распущеннаго общества, въ развлеченіяхъ и безобразіяхъ котораго она должна будетъ принимать участіе!? Чего только не увидитъ, чего только не наслушается сестра святыхъ въ обществѣ, гдѣ царствуетъ идолопоклонство съ его пороками и хулами! Что она тамъ услышитъ? Театральные гимны, трактирныя пѣсни, безстыдныя слова! А память о Богѣ, а воззваніе ко Христу, а пища, почерпаемая вѣрой въ чтеніи святыхъ книгъ, а обновленіе души, а божественное благословеніе при выходѣ изъ-за стола,—гдѣ ихъ найти? Между столь различными по духу супругами все становится чуждымъ, все принимаетъ враждебный характеръ, все становится предметомъ для осужденія, все разъединено злымъ духомъ, съ цѣлью погубить души».

Въ противоположность этому, Тертулліанъ съ увлеченіемъ рисуетъ картину взаимнаго счастія супруговъ, привязанность которыхъ освящена религіей. «Гдѣ найти словъ для выраженія счастія христіанскаго брака? Церковь его одобряетъ, принесеніе безкровной жертвы его утверждаетъ, благословеніе кладетъ на него свою печать, ангелы объявляютъ о немъ, Отецъ небесный признаетъ его законнымъ. Потому что въ цѣломъ мірѣ дѣти не имѣютъ права жениться безъ согласія родителей. Какой это благословенный союзъ двухъ вѣрныхъ душъ, соединенныхъ одной и той же надеждой, однимъ и тѣмъ же ученіемъ, узами одинаковаго служенія! Оба они братья; оба они слуги—одного Господа; нѣтъ раздѣленія ни

плоти, ни духа! Да, они двое въ одной плоти,—одна плоть, одинъ духъ. Они вмѣстѣ молятся, они вмѣстѣ падаютъ на колѣна, вмѣстѣ постятся, другъ друга просвѣщаютъ, ободряютъ, другъ друга поддерживаютъ. Вы встрѣтите ихъ вмѣстѣ въ церкви, вмѣстѣ на божественной трапезѣ. Тоска, напасть, радость—все у нихъ общее. Нѣтъ тайны для скрыванія, вмѣсто того—взаимное довѣріе, взаимная поддержка. Они не скрываются другъ отъ друга для того, чтобы посѣщать больныхъ; ихъ милостыня безъ мученій, ихъ жертвы безъ разсчетовъ, ихъ ежедневныя упражненія безъ препятствій. У нихъ нѣтъ скрытыхъ крестныхъ знаменованій, нѣтъ робкихъ поздравленій, нѣмыхъ благословеній. Они согласно поютъ гимны и псалмы, соперничая единственно въ томъ, кто лучше прославитъ похвалами Господа. Вотъ союзы, радующіе Христа»!

Монтанизмъ.

Переходя къ изложенію сочиненій Тертулліана такъ называемаго монтанистическаго періода, въ которыхъ болѣе или менѣе сильно отразились заблужденія и увлеченія монтанизма, считаемъ необходимымъ предпослать нѣсколько данныхъ о самомъ монтанизмѣ, равно какъ, подъ вліяніемъ его, и о заблужденіяхъ нашего автора.

Около 160 г. по Р. Х. въ г. Ардабанѣ, на границѣ Мизіи, а впослѣдствіи въ городѣ Пепузѣ, въ самой Фригіи, обратилъ на себя общее вниманіе нѣкій Монтанъ, новообращенный христіанинъ, выдававшійся своими эксцентричностями. Въ собраніяхъ своей церковной общины онъ впадалъ въ состояніе экстаза, увѣрялъ, что получилъ особеннаго рода откровеніе отъ Параклета, орудіемъ или органомъ котораго онъ провозглашалъ себя. Въ загадочныхъ выраженіяхъ возвѣщалъ (ξενοφωνίαι) Монтанъ новыя гоненія на христіанъ, ободряя послѣднихъ къ безстрашному мученичеству, а затѣмъ предсказывалъ наступленіе на землѣ царства Господня, славу и величіе котораго рисовалъ въ увлекательныхъ картинахъ. Къ нему присоединились въ качествѣ пророчицъ двѣ женщины: Максимилла и Приска (Присцилла). Послѣдняя утверждала, будто ей явился самъ Господь въ образѣ женщины въ блестящемъ одѣяніи. «Онъ подошелъ ко мнѣ, говоритъ Приска, излилъ на меня всю мудрость, сказавъ, что это мѣсто (Пепуза) свято, и сюда-то снизойдетъ небесный Іерусалимъ».

Монтанистическія пророчества носятъ на себѣ замѣтный характеръ языческой мантики.

Пророкъ является у нихъ пассивнымъ орудіемъ воздѣйствующаго на него духа.

«Смотри! человѣкъ подобенъ лирѣ, на которой Я играю какъ плектромъ. Человѣкъ спитъ—Я бодрствую!»

«Смотри! Господь возбуждаетъ сердце человѣка!»

«Это — Я, всемогущій Богъ, имѣющій Свое обитаніе въ человѣкѣ»!

Позднѣе Тертулліанъ усиливался доказать многими мѣстами Писанія, что человѣкъ теряетъ самосознаніе въ моменты пророческаго вдохновенія,—такъ Богъ навелъ на Адама сонъ (Быт. 2,21), такъ, напримѣръ, Ап. Петръ, по его увѣренію, не зналъ, что̀ говорилъ во время преображенія Христа; наконецъ, большинство людей узнаетъ волю Божію въ сновидѣніяхъ и т. д. Само собой разумѣется, что такое понятіе о божественномъ вдохновеніи далеко отъ истины.

Параклетъ, по толкованію Монтанистовъ, не говоритъ ничего новаго; онъ скорѣе restitutor, чѣмъ institutor. Подобно тому, какъ церковь признавала учителемъ (διδάσκαλος) Христа, послѣдователи Монтановой ереси признавали Параклета. Впрочемъ, монтанисты не претендовали на то, чтобы сообщать новыя откровенія въ области догматической. Они стремились къ установленію въ средѣ своихъ послѣдователей болѣе строгихъ нравственныхъ правилъ. Противъ нравственной распущенности современныхъ христіанъ больше всего гремѣли Монтанисты и стремились противопоставить ей, какъ оплотъ, ригоризмъ въ нравахъ и обычаяхъ, порицая въ то же время бѣгство въ эпоху гоненій. По ихъ мнѣнію слѣдуетъ желать умереть смертію мученика, чтобы тѣмъ прославить пострадавшаго за насъ, а не на постели дожидаться послѣдняго часа. Для умерщвленія плоти необходимо ввести строгіе посты (xerophagia) даже наканунѣ такъ называемыхъ *dies stationum*,—дни, въ которые воины Христовы должны были стоять на стражѣ (Tert. orat. 19). Таковыми днями считались середа, день преданія Христа, и пятница—день смерти. Тертулліанъ называетъ вторичный бракъ прелюбодѣяніемъ. Безбрачіе для духовенства получаетъ без-

условную обязательность. Послѣдователи Монтана—истинно духовные люди, какъ говоритъ Тертулліанъ, — пневматики въ противоположность психикамъ, не принимающимъ духа (πνεῦμα); они имѣютъ только душу и плоть.

Если откровеніе Св. Духа сообщается каждому вѣрующему, способному воспринять его, то нѣтъ необходимости въ особенной организаціи духовнаго сословія или класса, на обязанности котораго лежитъ быть посредниками между Богомъ и людьми. Идея *всеобщаго священничества* стала орудіемъ въ рукахъ Монтанистовъ въ ихъ нападкахъ противъ духовенства, а главное — противъ епископовъ. Если нужно намъ подняться противъ духовенства, то мы всѣ за одно, говорилъ Тертулліанъ. Тогда мы всѣ священники, ибо Господь возвелъ насъ всѣхъ въ санъ священниковъ Бога и Отца. Мірянинъ, сподобившійся откровенія духа, имѣетъ такую же власть совершать таинства, какую и священникъ. Ученики Параклета могутъ отпускать грѣхи, но не дѣлаютъ того, чтобы не попустить людей совершать новые. Нападая на дисциплину церкви, казавшуюся имъ слабою, они считали непрощаемыми грѣхами блудъ и прелюбодѣяніе и вообще увеличивали число такъ называемыхъ смертныхъ грѣховъ. Монтанисты особенно громко заговорили противъ слабости церкви тогда, когда римскій епископъ Зефиринъ разрѣшилъ только что совершившихъ упомянутые грѣхи принимать снова въ церковное общеніе, послѣ того какъ они подвергнутся возложенному на нихъ церковному покаянію или эпитиміи. Наконецъ Монтанисты пришли къ тому, что отрицали за церковію совершенно власть отпускать грѣхи; это дѣло Божіей власти—учили они.

Христіанство, по ученію ихъ, постоянно обновляется, подъ никогда не прерывающимся воздѣйствіемъ на него Параклета, только не со стороны догматической, а со стороны нравственной и дисциплинарной. Если Христосъ, замѣчаетъ Тертулліанъ, отмѣнилъ то, что̀ заповѣдалъ Моисей, то почему же Параклетъ не можетъ отмѣнить то, что̀ допускалъ еще Ап. Павелъ? Тертулліанъ примѣняетъ къ христіанству историческій законъ постепеннаго прогресса. Христіанство, по его разумѣнію, еще не достигло полнаго совершенства; оно достигнетъ его только тогда, когда наступитъ надъ міромъ царство Параклета.

Монтанова ересь намѣтила себѣ двѣ цѣли: съ одной стороны подготовить къ открытію на землѣ царства Господня, царства совершенныхъ, свободныхъ отъ грѣховъ христіанъ. Отсюда проповѣдь аскетизма, стремленіе поднять христіанство на высшую ступень совершенства, приблизить его, на сколько это возможно, къ идеалу Христа. Съ другой стороны, въ Монтановой ереси выразилась реакція противъ того, что христіанство мало по малу пріобрѣтало, такъ сказать, право гражданства въ мірѣ, противъ омірщвленія церкви, если можно такъ выразиться. Отсюда—проповѣдь, приглашавшая христіанъ возвратиться къ тому положенію, какое занимала церковь при самомъ началѣ.

Скажемъ нѣсколько словъ о постепенномъ развитіи монтанизма. Первоначальный характеръ движенія долженъ былъ несомнѣнно измѣниться съ переходомъ на Западъ, гдѣ главнымъ представителемъ монтанизма является Тертулліанъ. Влеченіе къ нравственному ригоризму, неудержимое стремленіе къ мученичеству, вражда съ епископатомъ—способствовали распространенію ереси. Иныхъ влекло къ монтанизму высокомѣрное стремленіе стать выше своихъ собратій, выдѣлиться изъ толпы психиковъ въ сонмъ духовныхъ. Но, собственно говоря, пророческія общины организовались только въ Малой Азіи подъ непосредственнымъ руководительствомъ Монтана и притомъ въ немногихъ мѣстностяхъ. Сила монтанизма, однако, лежала не въ этомъ, а въ томъ, что онъ отвѣчалъ тенденціямъ времени, неудовольствію противъ слишкомъ большихъ претензій со стороны епископата и вслѣдствіи отстраненія мірянъ отъ управленія церковными дѣлами. У Евсевія говорится въ одномъ мѣстѣ (V, 16) о томъ, что христіанская община въ Анкрѣ кишитъ новыми пророками.

Престоятели церквей часто собирались (такъ возникали соборы), чтобы опровергать монтанистическихъ пророковъ;

рѣчи ихъ приписывались внушеніямъ демоновъ, и считали ихъ даже бѣсноватыми. Шла своимъ чередомъ и литературная борьба, въ которой принимали особенное участіе два писателя апологета *Клавдій Аполлинарій и Мильтіадъ*; послѣдній, между прочимъ, написалъ книгу, въ которой старался умалить значеніе монтанистическихъ пророчествъ, но вообще, нужно сказать, борьба велась слабо. Нѣкоторые изъ полемистовъ противъ монтанизма думали подорвать ученіе послѣдняго о Параклетѣ тѣмъ, что стали отвергать пророческія книги Новаго Завѣта, Апокалипсисъ и даже Іоанново Евангеліе, потому что въ немъ говорится объ обѣщаніи Христа послать Параклета. Составленіе новозавѣтнаго канона способствовало умаленію вліянія Монтановыхъ пророковъ. Непринятіе же послѣдователями Монтановой ереси ученія о Логосѣ дало поводъ окрестить ихъ неразумными или врагами Логоса «ἄλογοι».

Значительная часть римской христіанской общины выказала нѣкоторую склонность къ этическому ригоризму и дисциплинѣ Монтанистовъ. Епископъ Елевѳерій (а, быть можетъ, и его преемникъ Викторъ) нашелъ удобнымъ отнестись снисходительно къ малоазійскому движенію, вызванному Монтаномъ. Впрочемъ къ этому побудило его посольство, отправленное къ нему отъ общинъ Галліи подъ главенствомъ пресвитера Иринея, бывшаго потомъ ліонскимъ епископомъ. Галльскія общины всегда находились въ близкихъ сношеніяхъ съ малоазійскими. Первыя, какъ передаетъ Евсевій, обратились съ посланіемъ и къ братьямъ, жившимъ въ Азіи и во Фригіи, совѣтуя снисхожденіе и прощеніе обидъ. Ихъ ходатайство однако въ Римѣ не достигло желанныхъ результатовъ. Въ это время въ Римъ является монархіанецъ Праксей, уговариваетъ папу взять посланную имъ малоазійскимъ общинамъ примирительную грамоту обратно и высказывается рѣшительно противъ Монтанистовъ. Позднѣе и Ириней высказывался строго о малоазійскомъ движеніи и считалъ пророчества Монтанистовъ лжепророчествами, хотя еще не рѣшался объявить самый Монтанизмъ ересью.

Наиболѣе удобной почвой для развитія Монтановой ереси оказались, послѣ общинъ малоазійскихъ, общины сѣверо-африканскія. Впрочемъ сѣверо-африканскія общины не думали отдѣляться отъ церкви до того момента, пока не взялъ на себя руководительство движеніемъ человѣкъ пылкаго характера, чьей натурѣ была присуща борьба—это Тертулліанъ. Онъ пытался преобразовать Монтанизмъ совершенно, сдѣлать его болѣе глубокимъ и доказать истину его ученія на основаніи Св. Писанія. Если Тертулліанъ раньше допускалъ покаяніе послѣ крещенія, то теперь этого не разрѣшаетъ; если онъ разрѣшалъ спасеніе бѣгствомъ во времена гоненія, то теперь онъ запрещаетъ и съ этой цѣлью пишетъ книгу *de Fuga in persecutione*. Въ Карѳагенѣ организуется община Монтанистовъ, члены которой назывались Тертулліанистами; однако въ эпоху Августина она вошла снова въ общеніе съ церковію. На Западѣ Монтанизмъ исчезъ, хотя начала его, особенно сочиненія Тертулліана, пользовались тамъ большимъ уваженіемъ. Въ Азіи же Монтанисты, окончательно побѣжденные церковью и литературой, напримѣръ, сочиненіями такихъ церковныхъ писателей, какъ Серапіонъ, Аполлоній (ок. 196 г.) и др., вели изолированное существованіе секты, которая выказала впрочемъ сильное мужество во время гоненій третьяго столѣтія. Она прожила до пятаго.

Не считаемъ нужнымъ подробно останавливаться надъ вопросомъ о погрѣшностяхъ Тертулліана, что потребовало бы отъ насъ спеціальнаго изслѣдованія. Мы постараемся лишь указать главнѣйшія изъ нихъ, прибавивъ, что одни объясняются временемъ или эпохой, въ которую жилъ и дѣйствовалъ Тертулліанъ, другія—личными его свойствами и взглядами, всѣмъ его умственнымъ и нравственнымъ строемъ, особенно же его монтанистическими увлеченіями.

Вторичный бракъ есть блудъ: ad Uxor. lib. 1, c. 1 de Virg. vel. c. 10. 11. adv. Hermog. 11. de Resur. carnis. c. 8. adv. Marc. c. 15. de Monog. de Pudicitia, c. 1.

Избѣгать гоненій есть преступленіе. Лучше среди мученій пасть, чѣмъ бѣжать. ad Uxor. lib. 1, c. 3. de Cor. mil. c. 1.

Падшіе ангелы грѣшили со смертными женщинами: de Idololatria, c. 9. de Habitu muliebr. c. 1. de Cultu femin. c. 10. de Virg. vel. c. 7. adv. Marc. V, c. 18.

Монтанъ—обѣтованный Параклетъ, долженствовавшій довести церковь до совершенства: de virg. Vel. c. 1. de Anima, c. 51. de Resurrect. carn. c. 11. adv. Marc. I, c. 29. V, c. 2. adv. Prax. c. 1, 8, 13, 15. de Monog. c. 2. См. также de Fuga, de Jejuniis, de Pudicitia.

О непрощаемыхъ грѣхахъ—блудѣ и прелюбодѣяніи въ кн. de Pudicitia.

Душа имѣетъ своего рода тѣло: apol. c. 48. de Anima, c. 5, 6, 7, 8, 9, 22, 36, 37. de Carne Christi, c. 11. de Resurrect. carnis, c. 17, 45, 53. adv. Marc. c. 10, 15.

Богъ также имѣетъ своего рода тѣло: de Poenit c. 3. adv. Hermog. c. 35. de Carne Christi, c. 2. adv. Marc. II, c. 16. adv. Prax. c. 7.

Крещеніе, совершаемое еретиками, недѣйствительно: de Praescript. c. 12. de Baptism. c. 15. de Pudic. c. 19.

Іисусъ Христосъ являлся въ Вет. Зав. въ той же видимой плоти, какую впослѣдствіи воспріялъ во чревѣ Дѣвы Маріи: adv. Iudaeos, c. 9. de Carne Christi, c. 6. adv. Marc. II. c. 27. III, c. 6, 9. lib. V, c. 19. adv. Pax. c. 14, 16.

I. Хр. будетъ царствовать со Своими святыми въ Новомъ Іерусалимѣ въ теченіе 1000 лѣтъ до страшнаго суда: de Resurr. carn. c. 25. adv. Marc. lib. I, c. 29. III, c. 24. IV, c. 29.

Ангелы являлись людямъ въ человѣческой плоти: adv. Marc. III. c. 9, 11. Не станемъ перечислять другихъ менѣе важныхъ.

Интересующихся разъясненіемъ затронутыхъ здѣсь вопросовъ отсылаемъ къ слѣдующимъ сочиненіямъ—на русскомъ языкѣ: «Тертулліанъ, его теорія христіанскаго знанія и основныя начала его Богословія». К. Поповъ. Кіевъ. 1880. Философія отцевъ и учителей церкви. К. И. Скворцовъ. Кіевъ. 1868 г. Истор. ученіе объ отцахъ церкви. Соч. Филарета, арх. Черниговскаго. Спб. 1882. т. 1. Изъ иностранныхъ—

G. Ludwig. Tertullian's Ethik. См. также *Böringer*, Die alte Kirche. Защиту Тертулліана отъ обвиненій въ матеріализмѣ, равно какъ и въ друг. погрѣшностяхъ, см. въ Patrologia Moehler'a. О такъ называемомъ матеріализмѣ Тертулліана есть особый трактатъ, «Il Materialismo di Tertulliano» Pagano Paganini.

Относительно этого важнѣйшаго упрека, дѣлаемаго Тертулліану въ догматическомъ отношеніи, мы склоняемся къ мнѣнію, что, говоря о «тѣлесности» Бога и души человѣческой, онъ разумѣетъ подъ тѣломъ «сущность» [1] всякой вещи, въ противоположность небытію, хотя во всякомъ случаѣ, считаемъ подобное выраженіе неумѣстнымъ. Гораздо болѣе заслуживаютъ справедливаго упрека его нравственныя тенденціи, проникнутыя несвойственнымъ духу христіанства преувеличеннымъ ригоризмомъ.

Изобличая ереси, Тертулліанъ произнесъ знаменательныя слова: «въ поведеніи или произведеніяхъ любаго лжеучителя до его отпаденія отъ церкви всегда можно усмотрѣть зародышъ его будущаго отпаденія. Нѣкоторыя умственныя и нравственныя предрасположенія, при помощи внѣшнихъ вліяній, наконецъ приводятъ его къ печальному концу—отпаденію». Какъ нельзя болѣе приведенныя слова относятся къ самому автору ихъ. Намъ не извѣстна въ точности настоящая причина, побудившая Тертулліана къ отпаденію отъ церкви, да нѣтъ особенной надобности и доискиваться ея, когда мы видимъ въ немъ самомъ, въ его духѣ главныя побудительныя причины. Суровостью дышатъ всѣ его творенія. Настроеніе его духа всегда пасмурно и скорѣе грустно..... Приступая къ чтенію его произведеній монтанистическаго характера, мы съ грустью увидимъ, какъ эта суровость все усиливается, какъ свѣтъ тускнѣетъ, а тѣни сгущаются все болѣе и болѣе...

---

[1] Adv. Hermogenem, c. 35: „Nisi fallor enim, omnis res aut corporalis aut incorporalis sit necesse est (ut concedam interim esse aliquid incorporale de substantiis duntaxat, cum ipsa substantia corpus sit rei cujusque) certe post corporale et incorporale nihil tertium".

Но, ясно замѣчая заблужденія великаго ума, особенно при яркомъ свѣтѣ евангельской истины, не станемъ, подражая ему, сурово порицать великаго апологета христіанства, великаго борца съ зловредными ересями,—не станемъ строго осуждать того, чьей искренности не можемъ отвергнуть: въ основѣ столь несвойственныхъ истинному духу христіанства нравственныхъ тенденцій Тертулліана лежитъ стремленіе осуществить мечту о безгрѣшномъ еще на землѣ христіанствѣ, мечту, недостижимую для земныхъ обитателей...

Вооружившись этими свѣдѣніями объ ошибкахъ и заблужденіяхъ Тертулліана, приступимъ безъ опасенія къ дальнѣйшему изложенію его твореній, которыя, независимо отъ присущихъ имъ крайностей, отлично въ тоже время познакомятъ насъ и со взглядами наиболѣе строгой части тогдашнихъ вѣрующихъ внутри самой церкви [1].

[1] Припомнимъ, что тогда еще не было иночества.

О Палліумѣ.

(De Pallio).

Тертулліанъ перемѣнилъ тогу на плащъ, одежду философовъ. Подвергаясь насмѣшкамъ, авторъ написалъ проникнутое ироніей сочиненіе въ защиту плаща.

Argumentum:

Гл. 1. Палліумъ — исконная часть древне-карѳагенскаго костюма. Поэтому, по крайней мѣрѣ, жители Карѳагена найдутъ эту одежду пріятною и наименѣе странною.

Гл. 2. Измѣненія въ природѣ и перемѣна въ быту людей не заключаютъ въ себѣ ничего необычнаго, а составляютъ естественное явленіе.

Гл. 3. Точно также нерѣдко происходятъ измѣненія и въ мірѣ животныхъ.

Гл. 4. Примѣры, представляемые исторіей относительно перемѣнъ въ одеждѣ, вызываемыхъ потребностями жизни; а также примѣры переодѣваній, зависящихъ отъ миѳологіи.

Гл. 5. Юмористическое описаніе неудобства тоги. Палліумъ образуетъ поэтому удобное одѣяніе; это одежда философовъ и выраженіе любви къ простотѣ.

Гл. 6. Палліумъ предпочитается прочимъ одеждамъ тѣми лицами, которые посвящаютъ себя духовной дѣятельности. Поэтому Тертулліанъ избралъ его, по примѣру Христа, для своего собственнаго одѣянія.

Чтобы усмирить язвительный юморъ своихъ враговъ, нападавшихъ на него за перемѣну тоги на паллій, Тертулліанъ заявляетъ, что плащъ, который кажется имъ такой новизной, былъ древнимъ костюмомъ карѳагенянъ.

«Карѳагенскіе люди, говоритъ онъ, — во всѣ времена владыки Африки, столь же славные своею древностью, сколько счастливые своимъ новымъ положеніемъ! Я радъ, что ваши дни такъ благополучны, что вы имѣете досугъ и охоту критиковать одежду. Вотъ плоды мира и изобилія! Со стороны имперіи и неба все обстоитъ благополучно. Однако, сознайтесь, вы не всегда одѣвались одинаково. Нѣкогда вы носили туники, отличавшіяся тонкостью ткани, изъ которой онѣ были сдѣланы, въ нихъ преобладала гармонія цвѣтовъ и соразмѣрность формъ. Въ самомъ дѣлѣ, онѣ не заходили дальше колѣнъ и не висѣли, вопреки приличію, выше колѣнъ; онѣ не связывали плеча, предоставляли свободу рукамъ и не требовали пояса для раздѣленія складокъ; наконецъ, благодаря ихъ симметричности, онѣ превосходно шли къ мужчинамъ. Что касается до плаща или верхней одежды, онъ имѣлъ одинаково четыре угла, откидывался съ той или другой стороны, съуживался около шеи и распускался по плечамъ, сдерживаемый аграфомъ. Онъ походилъ на тотъ, какой носятъ теперь жрецы Эскулапа, ставшаго вашимъ богомъ. Такъ же въ сосѣдствѣ одѣвалась Утика, ваша сестра; такъ же одѣвались и тирійцы на другомъ концѣ Африки. Но когда урна міровыхъ судебъ измѣнилась, и Богъ высказался за римлянъ, Утика добровольно поспѣшила перемѣнить костюмъ, чтобы привѣтствовать Сципіона, какъ только онъ приталъ къ берегу, и, благодаря преждевременному усвоенію римской одежды, ея граждане сдѣлались скороспѣлыми римлянами. Что касается до васъ, тога была предложена вамъ послѣ обидныхъ благодѣяній, какъ побѣжденнымъ, потерявшимъ свою древнюю независимость, но не славу. Ахъ, сколько странъ прошла эта тога! Отъ пеласговъ она перешла къ лидянамъ, отъ нихъ къ римлянамъ, затѣмъ перешла на плечи самаго знаменитаго народа — карѳагенянъ.

Съ того времени вы носите болѣе длинную тунику, съ поясомъ, который охватываетъ ее по желанію, и поддерживаете громадный продолговато-круглый плащъ, охватывающій васъ со всѣхъ сторонъ своими складками, не считая добавленій, которыхъ требуетъ ваше положеніе, вашъ санъ или время года. И, вопреки этому, вы указываете пальцемъ на тѣхъ, которые носятъ плащъ, забывая, что во всѣ времена онъ былъ вашимъ обычнымъ костюмомъ. Подобный недостатокъ памяти не изумляетъ меня! Впрочемъ никто не можетъ упрекнуть кого либо за перемѣну костюма. Все вѣдь въ мірѣ мѣняетъ форму: день и ночь слѣдуютъ одинъ за другимъ; солнце имѣетъ свои ежегодныя стоянія; луна — ежемѣсячныя фазы. Благодаря смѣшенію и множеству созвѣздій, появляется въ интервалахъ то, что только что было закрыто. Покровъ неба — то ясный и сіяющій, то потемнѣвшій отъ тучъ; здѣсь стремятся потоки дождя, тамъ отбросы смѣшиваются съ дождемъ; то дождь идетъ каплями; то опять попрежнему все ясно. На морѣ то же непостоянство: сегодня, пока дуютъ равномѣрные вѣтры, оно спокойно; завтра умѣренная буря волнуетъ его; вдругъ оно забушуетъ подъ напоромъ волнъ. Земля также мѣняетъ свои украшенія, сообразно съ временами года, — вы едва узнаете ее подъ этой поверхностью: то зеленой, то желтой, то бѣлой. Возможно ли перечислить другія украшенія ея? Потоки, низвергающіеся съ горъ; родники, бѣгущіе подъ землею; лоно рѣкъ, покрывающееся иломъ — не измѣняется ли все постоянно? Цѣлый міръ измѣнилъ нѣкогда свой видъ, потому что воды его поглотили. Раковины и морскія рогатки находятся еще теперь въ горахъ, доказывая Платону, что высочайшія вершины были покрыты водою. Когда же воды вернулись вспять, шаръ земной принялъ другую, отличную отъ прежней форму, ставши другимъ благодаря этому измѣненію, оставаясь въ то же время самимъ собою».

Констатировавъ періодическія перемѣны, происходящія въ природѣ, Тертулліанъ переходитъ къ перемѣнамъ въ жизни и исторіи народовъ. Постоянную измѣнчивость формъ встрѣ-

чаемъ также и въ жизни животныхъ. Павлинъ мѣняетъ свои перья, змѣя мѣняетъ кожу, гіена мѣняетъ свой полъ, олень молодѣетъ, хамелеонъ мѣняется, оставаясь въ сущности тѣмъ же самымъ.

Переходя собственно къ одеждѣ, Тертулліанъ дѣлаетъ историческій очеркъ искусства и промышленности въ приложеніи къ одеждамъ. Онъ перечисляетъ изобрѣтенія, которыми человѣчество обязано было сначала необходимости, потомъ — вкусамъ роскоши, начиная съ фиговыхъ листьевъ, которые прикрывали нашихъ прародителей, — до шелковыхъ одеждъ, матеріалъ для которыхъ даетъ незначительное насѣкомое; говоритъ о фабрикаціи шерсти, полотна и льна. Перемѣны въ костюмѣ, проведенныя по эпохамъ, достаточно показываютъ, что не всегда новая мода безупречна сама по себѣ; она становится неудобной, когда не соотвѣтствуетъ природѣ или оскорбляетъ скромность.

«Сохраните ваши насмѣшки, продолжаетъ Тертулліанъ, для Ахилла, замаскированнаго молодою дѣвушкой, для Геркулеса, преобразованнаго въ Омфалу, для римскихъ матронъ, мѣняющихъ покрывало и развѣвающееся платье на одежду, болѣе удобную для ихъ распущенности. Вотъ платья, на которыя точно стоитъ указывать пальцами и осмѣивать, потому что они оскорбляютъ стыдъ и противны не только обычаю, но и законамъ природы. А плащъ пусть считается недостойнымъ въ глазахъ язычниковъ, и это недостоинство— заслуга его: онъ сталъ одеждой мудрости, которая отрекается отъ пустыхъ суевѣрій».

«Вотъ что дѣлаетъ его важнѣе всѣхъ покрововъ міра. Отличительный знакъ священника, плащъ возвышается надъ тіарой и другими украшеніями. Наконецъ, онъ носитъ защиту свою въ выгодѣ, которую могутъ всѣ оцѣнить—удобство. Нѣтъ одежды, болѣе удобной и менѣе обременительной. Нѣтъ необходимости, чтобы съ вечера искусный слуга приводилъ въ порядокъ складки, идущія сверху до низу, чтобы онъ ихъ округлилъ въ колечки, чтобы онъ ихъ собралъ въ одномъ центральномъ пунктѣ, какъ бы на выпуклости щита и укрѣпилъ ихъ форму аграфами, и т. д.....». (Слѣдуетъ исчисленіе разнообразныхъ хлопотъ объ одеждѣ).

«Нѣтъ ничего свободнѣе плаща, даже если онъ двойной, какъ у Кратеса. Эта одежда не требуетъ столькихъ приготовленій. Все усиліе, котораго онъ требуетъ, это то, чтобы онъ былъ сложенъ для надѣванія; а это можно сдѣлать, обернувъ имъ тѣло человѣка такъ, чтобы прикрыть его приличнѣе. Этотъ покровъ оставляетъ наружи плечи или закрываетъ ихъ по желанію; онъ привязывается къ нимъ, но не обременяетъ ихъ и не сжимаетъ ихъ очень. Плащъ не безпокоится о симметріи складокъ, онъ держится легко и приводитъ самъ себя въ требуемый видъ. Если скинули его, то не надо поручать никакому искусственному прессу на завтра. Если туника внизу, нѣтъ надобности въ поясѣ. Обувь, сопровождающая его — одна изъ простыхъ, или же нога остается обнаженной, что болѣе свойственно мужчинѣ, чѣмъ носить котурны».

Въ заключеніе, какъ-бы осмѣивая суетливую дѣятельность своихъ согражданъ, авторъ заставляетъ плащъ, одежду философовъ и аскетовъ, произнести рѣчь въ свою защиту: «я ничѣмъ не обязанъ ни форуму, ни Марсову полю, ни сенату; я не занимаюсь никакой службой; я не овладѣваю впередъ всѣхъ никакой трибуной; я не бываю на аудіенціи у преторовъ; я не вдыхаю запахъ каналовъ; я не приближаюсь къ баріеру ни одного трибунала; я не углубляюсь въ скамьи судей, я не мѣшаю теченію справедливости; я не защищаю съ трескомъ, я не солдатъ, не судья; я живу внѣ толпы; я достаточно имѣю занятій въ самомъ себѣ; мое единственное занятіе — не имѣть его. Но иногда и мнѣ позволено быть полезнымъ міру. На каждомъ углу улицы, передъ каждымъ алтаремъ я имѣю обыкновеніе предлагать для нравовъ средства, болѣе полезныя, чѣмъ твоя дѣятельность, для благополучія государствъ, городовъ и имперій. Кромѣ философіи, я владѣю еще другими искусствами, полезными обществу. Меня носитъ тотъ, кто учитъ первоначальнымъ знаніямъ; тотъ, кто читаетъ голосъ ребенка, кто

чертитъ на пескѣ первыя письмена: грамматикъ, риторъ, софистъ, медикъ, поэтъ, музыкантъ, астрологъ, гаруспексъ... Всѣ свободныя искусства закутываются въ мои четыре угла. Безъ сомнѣнія, они появляются послѣ римскихъ всадниковъ; но поэтому весь позорный родъ учителей фехтованія и гладіаторовъ ходитъ, покрытый тогой. Есть ли какой нибудь позоръ въ томъ, чтобы скинуть тогу и надѣть плащъ? Что касается меня, я вижу для плаща новый почетъ въ употребленіи, которое дѣлаютъ изъ него общество и дисциплина, установленныя Богомъ. Возрадуйся, плащъ, и возликуй: лучшая философія признала тебя достойнымъ ея съ тѣхъ поръ, какъ ты сталъ покрывать христіанина».

Къ Скапулѣ.

(Liber ad Scapulam).

Болѣзнь проконсула подала автору поводъ написать къ нему посланіе въ видѣ увѣщанія съ цѣлію остановить его на пути гоненія, воздвигнутаго на христіанъ въ его области.

Argumentum:

Гл. 1. Настоящее защитительное посланіе о христіанахъ написано не изъ боязни гоненія и не изъ собственнаго интереса.

Гл. 2. Неблагоразумно и даже глупо принужденіе христіанъ къ принятію язычества.

Отклоненіе обвиненія во враждебности къ государству.

Гл. 3. Гнѣвъ Божій противъ гонителей не проходитъ, и слѣды его остаются навсегда.

Гл. 4. Проконсулы могутъ постоянно найти средства и пути выполнять эдикты о гоненіи кротко и человѣчно, если только они захотятъ этого. Если Скапула захочетъ примѣнить напротивъ безразсудную строгость, то онъ, по крайней мѣрѣ, долженъ держаться въ предѣлахъ закона.

Гл. 5. Суровость не достигнетъ своей цѣли.

Просьба о дарованіи христіанамъ пощады.

Посланіемъ къ Скапулѣ, проконсулу Африки, Тертулліанъ заключилъ свою дѣятельность защитника христіанской ре-

лигіи противъ нападокъ на нее со стороны язычниковъ. Вотъ наиболѣе характерныя мѣста этого посланія.

«Мы, христіане, не знаемъ, что значитъ блѣднѣть или трепетать передъ тѣми бѣдствіями, которыя мы претерпѣваемъ отъ незнающихъ насъ, христіанъ. Въ тотъ день, какъ мы вступили въ церковь, наша жизнь стала битвой, причемъ у насъ нѣтъ иного желанія, кромѣ желанія благъ, обѣщанныхъ намъ Богомъ; у насъ нѣтъ иного страха, кромѣ страха наказаній въ будущей жизни. Мы непоколебимо боремся съ вашимъ варварствомъ; нѣтъ, что я говорю? Мы спѣшимъ ему на встрѣчу, радуясь больше нашему осужденію, чѣмъ оправданію. И потому, если мы обращаемся къ вамъ съ этимъ посланіемъ, то не изъ страха за самихъ себя, но за васъ, нашихъ враговъ, нѣтъ! — за нашихъ друзей; ибо нашъ законъ повелѣваетъ намъ любить враговъ и молиться за гонителей; въ этомъ-то открывается та полнота доброты, которая свойственна намъ, и которой никто, кромѣ насъ, не причастенъ. Любить друзей — свойство всѣхъ; но любить враговъ — удѣлъ только христіанъ. Поэтому мы, оплакивающіе ваше невѣжество, жалѣющіе о человѣческомъ заблужденіи, провидя будущее, предзнаменованія котораго, какъ мы видимъ, грозно приближаются, — мы сочли за необходимое довести этимъ путемъ до вашего вѣдѣнія то, что вы не желаете слышать прямо».

Дальше Тертулліанъ говоритъ о карахъ, поразившихъ мучителей христіанъ. Такъ, напр., въ Каппадокіи жрецъ Германіанъ, еще живой, сдѣлался добычей червей, которые кишѣли въ его язвахъ; умирая, онъ просилъ не говорить про это никому, изъ боязни доставить своей мучительной смертью радость христіанамъ. «Торжествуйте, христіане», воскликнулъ другой гонитель христіанъ, Цецилій Капелла, правитель Византіи. Проконсулъ Африки, Скапула былъ боленъ и могъ страшиться такой же участи, какъ и его предшественники въ гоненіи христіанъ.

Тертулліанъ пользуется его болѣзнью, чтобы обратиться къ нему съ слѣдующимъ строгимъ увѣщаніемъ.

«Что касается до тебя, Скапула, то да будетъ безпокоющая тебя болѣзнь не больше, какъ простымъ предостереженіемъ; вспомни однако твой приказъ о преданіи Мавила адруметскаго на растерзаніе дикимъ звѣрямъ! И теперь кровь вопіетъ къ небу! Но подумай также и о будущемъ, еще болѣе страшномъ воздаяніи! Далека отъ насъ мысль о желаніи устрашать тебя, но, не имѣя страха ни передъ кѣмъ, мы желали бы спасти всѣхъ людей, убѣждая ихъ не оскорблять Бога. Развѣ ты не могъ бы, исполняя обязанности магистрата, сохранить въ себѣ человѣческія чувства, такъ какъ вѣдь и надъ вами виситъ мечъ? Осуждать виновныхъ, сознающихся въ своемъ преступленіи, подвергать пыткѣ отрицающихъ его—вотъ твоя обязанность, большаго законъ не требуетъ отъ тебя. Слѣдовательно, вы—первые нарушители закона, подвергая пыткѣ сознающихся для того, чтобы принудить ихъ отречься. Такимъ образомъ вы сами провозглашаете нашу невинность, если не желаете карать насъ по простому нашему заявленію о винѣ. Мы не страшимся ничего по отношенію къ себѣ, но мы желали бы воспрепятствовать вамъ, для вашей же пользы, оскорблять Бога».

«А намъ чего бояться? Чѣмъ большіе размѣры принимаетъ борьба, тѣмъ большая, вмѣстѣ съ тѣмъ, ожидается награда. Ваша жестокость служитъ къ нашей славѣ. Смотрите, чтобы мы не поспѣшили сами на встрѣчу вашимъ казнямъ, съ единственной цѣлью убѣдить васъ въ томъ, что, вмѣсто страха передъ ними, мы призываемъ казни сколь возможно громче. Когда Аррій Антонинъ ожесточался на насъ въ Азіи, то всѣ христіане, какіе были въ городѣ, цѣлыми массами предстали на его судъ. И что же? Онъ ограничился только заключеніемъ въ темницу нѣкоторыхъ изъ нихъ, остальнымъ же сказалъ: «несчастные, если вы желаете смерти, то развѣ мало у васъ веревокъ и пропастей?» Если бы пришла намъ мысль повторить здѣсь эту сцену, то какъ поступили бы вы съ тысячами мужей и женщинъ всѣхъ возрастовъ и состояній, пришедшихъ протянуть руки для цѣпей? Сколько костровъ, сколько мечей понадобилось

бы вамъ?! Какія бы томленія переживалъ Карѳагенъ, если-бы ты рѣшилъ обездолить его казнями, и если бы каждый изъ пришедшихъ зрителей призналъ въ жертвахъ своихъ родныхъ, обитателей одного съ нимъ дома, быть можетъ, мужей и женщинъ одинаковаго съ тобою достоинства, личностей самого высокаго положенія, близкихъ или друзей,— наконецъ твоихъ друзей?! Итакъ пощади себя, если не желаешь пощадить насъ; пощади Карѳагенъ, если не желаешь пощадить себя; пощади провинцію, которую одно обнаруженіе твоихъ намѣреній предало грабежамъ жадной солдатчины и мщенію со стороны отдѣльныхъ лицъ».

«У насъ здѣсь нѣтъ другаго властелина, кромѣ Единаго Бога. Этотъ властелинъ передъ тобою и Онъ не можетъ быть скрытъ. Ты не можешъ ничего предпринять противъ Него. Тѣ, которыхъ ты считаешь своими властелинами, не больше какъ люди, осужденные умереть не сегодня—завтра. Но наша религія неразрушима. Знай же! Стремясь къ ея разрушенію, ты лишь способствуешь еще крѣпчайшему утвержденію ея. При видѣ такого поразительнаго терпѣнія съ нашей стороны, не одинъ человѣкъ воспріиметъ истину, какъ только узнаетъ ее; къ этому онъ будетъ побужденъ страстнымъ желаніемъ самому испытать его»

Скорпіакъ.

(Adversus Gnosticos scorpiace).

По свидѣтельству св. Иринея и Климента Александрійскаго, приверженцы гностиковъ отрицали долгъ исповѣдывать вѣру съ опасностью жизни. Такъ какъ во время Тертулліана, какъ и всегда, было много робкихъ и нерѣшительныхъ душъ, готовыхъ поддаться подобному ученію, то онъ и вступилъ на борьбу съ хулителями мученичества и съ этою цѣлію написалъ свое сочиненіе.

Argumentum:

Гл. 1. Гностики стараются установить, что мученичество вовсе не требуется Богомъ.

Ихъ образъ дѣйствія и манеры похожи на уколы скорпіоновъ; цѣлебное средство противъ нихъ.

Гл. 2. Раскрытіе темы сочиненія, направленнаго противъ утвержденія еретиковъ, и его планъ. Уже Пятокнижіе выразительно требуетъ познанія истиннаго Бога и запрещаетъ строжайшимъ образомъ отпаденіе отъ Него. Тексты, служащіе доказательствами.

Гл. 3. Кары надъ отпавшими израильтянами.

Гл. 4. Уже изъ запрещеній идолопоклонства вытекаетъ долгъ мученичества въ тѣхъ случаяхъ, когда иначе невозможно уклониться отъ идолопоклонства, какъ перенесши смерть.

Гл. 5. Благодаря мученичеству преодолѣваются грѣхъ и грѣховное стремленіе.

Мученичество принадлежитъ къ цѣлебнымъ средствамъ, которыми Богъ очищаетъ человѣчество отъ грѣха, и его можно сравнить съ прижиганіемъ и операціей врача.

Гл. 6. Опасности, которыя Богъ посылаетъ Своимъ служителямъ, служатъ имъ удобнымъ случаемъ доказать твердость вѣры и получить высокія награды.

Гл. 7. Поэтому не слѣдуетъ говорить вмѣстѣ съ гностиками: если Богъ посылаетъ мученичество, то Онъ-убійца. Вѣдь смерть мученическая даетъ жизнь душѣ.

Гл. 8. Искони уже было такъ, что правда была ненавидима и гонима, и слѣдовательно носители ея страдали. Примѣры, взятые изъ Ветхаго Завѣта.

Гл. 9. Для христіанской правды было невозможно ждать чего либо иного.

Изрѣченіе Господа: блаженны изгнанные за правду—имѣетъ силу не только для Апостоловъ, какъ говорятъ гностики, но вообще для всѣхъ.

Борьба съ гностическимъ толкованіемъ стиха 33, 10 главы Евангелія отъ Матѳея: (А кто отречется отъ Меня передъ людьми, отрекусь отъ того и Я предъ Отцомъ Моимъ Небеснымъ), по которому слѣдуетъ де различать отреченіе христіанства отъ отреченія Христа.

Гл. 10. Гностики предполагаютъ, что требуемое Христомъ исповѣданіе Его должно быть совершено на небѣ и передъ Богочеловѣкомъ; полудѣйствительное, полуироническое опроверженіе этого взгляда.

Гл. 11. Стихъ 39, 10 главы отъ Матѳея: (Сберегшій душу свою потеряетъ ее, и потерявшій душу свою ради Меня сбережетъ ее) не слѣдуетъ понимать аллегорически.

Между тѣмъ еретики въ своихъ религіозныхъ заблужденіяхъ не хотятъ дать силы истинамъ, вѣрятъ въ разный бездоказательный вздоръ.

Гл. 12. Ученики Христа понимали всегда буквально изрѣченія, относящіяся къ мученичеству; такъ дѣлали Петръ и Іоаннъ.

Гл. 13. Точно такой же смыслъ имѣютъ и многія изрѣченія Ап. Павла.

Гл. 14. Мученичество не противорѣчитъ послушанію, необходимость котораго (на основаніи посланія къ Римлянамъ, г. 13. ст. 1. 4) предписывается по отношенію къ властямъ предержащимъ.

Гл. 15. Изрѣченія Апостоловъ, касающіяся мученичества; нѣкоторыя изъ нихъ безусловно не допускаютъ ложнаго толкованія. Мы имѣемъ примѣры Стефана, Іакова, Петра и Павла, которые сами пострадали и своею смертью запечатлѣли истину своей проповѣди.

«Земля рождаетъ скорпіоновъ, страшныхъ животныхъ, хотя ничтожныхъ по величинѣ. У каждаго рода ихъ свой особый ядъ; у каждаго изъ видовъ свое убійственное орудіе; однимъ словомъ—каждое изъ этихъ животныхъ причиняетъ болѣзни, которыя описалъ и изобразилъ Никандръ. Общее свойство скорпіоновъ то, что они наносятъ вредъ своимъ хвостомъ. Я называю хвостомъ то продолженіе задней части туловища, посредствомъ котораго животное причиняетъ рану. Рядъ узловъ, гдѣ вплетена ядовитая вена, напрягаются съ силой лука, чтобы выпустить, подобно метательной машинѣ, свое копье. Называется вѣдь также скорпіономъ и военная машина, пускающая сплюснутыя стрѣлы. Жало скорпіона, заостренное на концѣ для того, чтобы причинить рану, служитъ въ то же время и каналомъ для проведенія яда въ нее. Лѣто—преимущественно опасное время года относительно укушенія скорпіонами. Жестокость ихъ становится сильнѣе отъ дуновенія южныхъ африканскихъ вѣтровъ. Что касается средствъ къ излеченію, то природа предоставляетъ намъ ихъ во множествѣ: у магіи свои перевязки, у медицины—желѣзо и лекарственныя питія».

«Но къ чему ведетъ эта рѣчь? Напомнить вѣрѣ, что и у нея также есть свои скорпіоны, отъ которыхъ она страдаетъ: племя, правда, не многочисленное, но ужасное, раздѣленное на нѣсколько родовъ, вооруженное также жаломъ и не упускающее никогда случая для своихъ нападеній выбрать жаркое время года, т. е. гоненіе на христіанъ. Лишь только вѣра начинаетъ изнемогать, лишь только церковь объята пламе-

немъ, подобно горящей купинѣ, сейчасъ гностики устремляются изъ своихъ скрытыхъ убѣжищъ, Валентиніане начинаютъ ползать по землѣ, всѣ ненавистники мученичества приходятъ въ движеніе, кипятятъ свои яды съ единственною цѣлью напасть на какую нибудь жертву, пронзить ее, умертвить...»

«Но если твоя вѣра хотя немного бодрствуетъ, порази своими заклинаніями скорпіона—богохульника и оставь его умереть въ его собственномъ снѣ. Берегись, если ему удастся влить ядъ въ рану, отрава не замедлитъ проникнуть до самыхъ сокровенныхъ внутренностей твоего тѣла и распространится по немъ. Что же случится вслѣдствіе этого? Всѣ прежнія великодушныя чувства притупятся, кровь души застынетъ, духовный огнь потухнетъ подъ тяжестью плоти, самое имя христіанина будетъ возбуждать отвращеніе, и душа будетъ искать мѣста, куда бы его изрыгнуть. Такимъ образомъ, люди, слабые въ вѣрѣ, послѣ первыхъ ударовъ, окончательно потеряютъ свою ослабленную ядомъ вѣру, впавши или въ ересь или предавшись суетѣ мірской».

«Удивляйтесь мудрости медика! Онъ противопоставляетъ разрушеніямъ, производимымъ болѣзнію, лекарства, сходныя съ нею, примѣняя по способу (повидимому противоположному дѣлу) для нашего облегченія то, что причиняетъ намъ страданія. И въ самомъ дѣлѣ, онъ останавливаетъ воспаленіе, производя еще болѣе сильное воспаленіе; онъ тушитъ лихорадочный жаръ возбужденіемъ жажды; онъ задерживаетъ разлитіе желчи горькимъ питьемъ; наконецъ онъ прекращаетъ изліяніе крови, надрѣзывая жилу въ другомъ мѣстѣ. А вы считаете возможнымъ обвинять Бога ревниваго (т. е. любящаго Своихъ до ревности), когда Онъ въ борьбѣ съ злымъ началомъ приходитъ на помощь тѣмъ, что противопоставляетъ оскорбленію оскорбленіе, уничтожаетъ смерть смертью, отвергаетъ закланіе закланіемъ, устраняетъ пытки пытками, казни казнями, даетъ жизнь лишеніемъ ея, облегчаетъ боль тѣла нанесеніемъ ему ранъ, спасаетъ душу, избавляя ее отъ узъ тѣлесныхъ. Что вы называете безпорядкомъ становится разумомъ; строгость, въ которой вы обвиняете Бога, —

истинной милостью Его. Божественный медикъ умѣетъ извлекать вѣчную жизнь изъ испытаній одной минуты».

«Съ какимъ рвеніемъ люди прославляютъ тѣ бои и торжественныя состязанія, которыя суевѣріе, вмѣстѣ съ жаждой удовольствій, ввело нѣкогда у Грековъ! Африка сама можетъ подтвердить это. Всѣ пригороды еще до сихъ поръ нарушаютъ своимъ рукоплесканіемъ тишину Карѳагена, пожалованнаго недавно пиѳійскими играми. Такъ во всѣ времена полагали, что для ободренія соревнованія, для развитія тѣлесной силы и звучности голоса необходимо было постановить, какъ цѣль, для атлетовъ награды, зрителей сдѣлать судьями; а приговоръ ихъ—побудительной причиной къ подвигамъ ристанія. Тогда нѣтъ утомленія, нѣтъ ранъ! Награждаютъ другъ друга кулачными ударами, сталкиваются наконечники копій, жесть рветъ мясо, бичи полосуютъ кожу: тѣмъ не менѣе найдется ли хотя одинъ, который имѣлъ бы мысль обвинять судью за допущеніе насилія надъ людьми? Внѣ ристанія за оскорбленіе требуется возмездіе; тутъ же удары и ушибы исчезаютъ отъ обольстительнаго обаянія вѣнковъ и рукоплесканій, подарковъ, общественныхъ щедротъ, гражданскихъ отличій, изображеній и статуй—все это переносится въ надеждѣ жить въ людской памяти и въ виду воображаемаго безсмертія. Слышали ли вы когда либо жалобы атлета на свои раны? Нѣтъ, онъ самъ желалъ ихъ. Вѣнокъ закрываетъ его язвы; пальмовая вѣтвь скрываетъ его кровь; онъ болѣе гордится своей побѣдой, чѣмъ негодуетъ за удары. Скажите, развѣ вы считаете оскорбленнымъ этого столь радостнаго бойца? Наконецъ, побѣжденный, развѣ онъ обвиняетъ предсѣдателя въ своей неудачѣ? Если такъ, то неприлично ли Богу также назначать Свои игры и состязанія, а намъ открыть ту арену, на которой Онъ покажетъ насъ людямъ, ангеламъ и всѣмъ силамъ для того, чтобы испытать крѣпость нашей души и стойкость плоти? Не достоитъ ли Ему—назначить одному пальмовую вѣтвь, какъ знакъ побѣды, другому почести; третьему гражданскія права; четвертому просто награды, высказать порицаніе нѣкоторымъ изъ участвующихъ на аренѣ и отринуть съ безчестіемъ тѣхъ, которые

достойны наказанія? Ужъ не собираетесь ли вы, въ самомъ дѣлѣ, предписывать Богу мѣсто, время и тотъ порядокъ суда, по которому Онъ долженъ судить Свою семью, какъ будто не принадлежитъ судьѣ право произносить свой приговоръ раньше остальныхъ людей—не судей!»

«Страданія Апостоловъ служатъ намъ яснымъ свидѣтельствомъ того, каково ихъ ученіе относительно этого пункта (мученичества); достаточно просмотрѣть книгу *Дьянній*. Другихъ не нужно: въ ней встрѣчаются повсюду: темницы, цѣпи, бичи, каменья, мечи, іудеи, наносящіе оскорбленія, приходящіе въ ярость народы, допрашивающіе цари, позорящіе трибуны, производящіе судъ проконсулы, и гремящее имя Цезаря. Петръ казненъ смертью, Стефанъ побитъ камнями, Іаковъ умерщвленъ, Павелъ обезглавленъ—вотъ факты, написанные ихъ кровью. Желаетъ ли еретикъ еще доказательствъ въ подтвержденіе этого? Ну, вотъ пусть лѣтописи имперіи заговорятъ подобно іерусалимскимъ камнямъ! Открываю жизнь Цезарей: Неронъ первый окровавилъ въ Римѣ колыбель вѣры. Тогда то Петръ, послѣ притвожденія къ кресту, препоясанъ былъ чуждой рукой; Павелъ, римскій гражданинъ, пробуждается къ новой жизни благородствомъ своего мученичества. Читая объ этихъ фактахъ, я учусь страдать...»

«Если бы Продикъ или Валентинъ нашептывалъ въ уши Павлу: «нѣтъ нужды исповѣдывать здѣсь Господа передъ лицомъ людей; еще меньше нужно думать, будто Богъ жаждетъ человѣческой крови, а Христосъ требуетъ отъ насъ въ свою очередь мученичества, какъ будто Онъ ждетъ отъ Него своего спасенія,» онъ услышалъ изъ устъ Божьяго слуги то же, что сказалъ Господь дьяволу: «отойди отъ Меня, сатана, ты Мнѣ соблазнъ; написано: Господу Богу твоему поклоняйся, и Ему одному служи». Да падутъ эти слова на голову сектанта, ибо, спустя долгое время послѣ Апостоловъ, онъ тайно разливаетъ свои яды, гибельные для слабыхъ, забывающихъ омочить свои губы въ питье, предлагаемое ему съ нашей стороны во имя вѣры, какъ предохранительное средство или какъ противоядіе!»

Противъ Гермогена.

(Adversus Hermogenem).

Трактатъ противъ Гермогена заключаетъ въ себѣ защиту догмата творенія изъ ничего (ex nihilo) противъ гностиковъ, и въ числѣ ихъ противъ Гермогена, который, отрицая догматъ творенія изъ ничего, признавалъ вѣчность матеріи и сводилъ творческую дѣятельность Бога къ простой организаціи раньше существовавшаго матеріала (*дуализмъ*).

Argumentum:

Гл. 1. Ученіе Гермогена, сравнительно съ ученіемъ церкви, совершенно ново и въ то же время заимствовано у стоиковъ.

Гл. 2. Излагаются два доказательства Гермогена, изъ которыхъ будто-бы слѣдуетъ, что Богъ сотворилъ міръ изъ матеріи.

Допускаются только три возможности соображенія, именно: или Богъ сотворилъ міръ изъ Себя Самого, или изъ ничего, или изъ ранѣе существовавшей матеріи.

Первое и второе, по словамъ Гермогена, невозможно, слѣдовательно, имѣетъ мѣсто третье предположеніе.

Гл. 3. Если матерія, говоритъ Гермогенъ, существовала не вѣчно, то, очевидно, Богъ постоянно не могъ быть Господомъ, ибо въ извѣстное время не имѣлъ бы объекта Своего господства. Но этотъ аргументъ обращается въ свою очередь противъ самого Гермогена.

Гл. 4. Потому что если бы матерія была вѣчна, то этимъ самымъ она приравнивалась бы къ Богу и даже, замѣнивъ Его, была сама бы богомъ.

Гл. 5. Гермогенъ не хочетъ признать этого и поэтому впадаетъ во внутреннее противорѣчіе.

Гл. 6. Онъ говоритъ, что матерія обладаетъ вѣчностью и другими божественными свойствами, не лишая Бога Его свойствъ; но можно его же взглядъ перефразировать и сказать, что Богъ обладаетъ этими свойствами, не лишая въ то же время нѣкоторыхъ свойствъ и матерію.

Весь вопросъ сводится къ тому, какая разница въ свойствахъ Бога и матеріи.

Гл. 7. Матерія, по мнѣнію Гермогена, болѣе ограниченна и несовершенна сравнительно съ Богомъ, между тѣмъ такой взглядъ при его предварительномъ предположеніи невозможенъ.

Гл. 8. Если Богъ нуждался въ ней для Своего творчества, то этимъ самымъ доказывается, что Онъ находился отъ нея въ зависимости.

Гл. 9. Кромѣ того, по его же предположенію, она была несовершенна, и Богъ не былъ въ полномъ смыслѣ господиномъ надъ ней.

Какимъ же образомъ произошло, что Онъ былъ въ состояніи изъ нея сотворить нѣчто?

Гл. 10. Продолженіе и заключеніе изложенія этого доказательства.

Гл. 11. Матерія никоимъ образомъ не можетъ быть злою, если она только вѣчна, ибо вѣчно только высшее благо.

Гл. 12. Какъ извѣстно (Быт. 1. 21: И сотворилъ Богъ... и увидѣлъ Богъ, что это хорошо), Богъ создалъ также добрыя существа изъ матеріи.

Если это такъ, то она должна была отказаться отъ присущаго ей злаго начала, слѣдовательно, должна была себя совершенно измѣнить и поэтому не могла быть вѣчной.

Гл. 13. Если же она себя не измѣнила, то, слѣдовательно, съ самаго начала была и хорошей и дурной. Такимъ образомъ благо не является дѣломъ рукъ Божіихъ, но находитъ

свое первое основаніе въ матеріи, а слѣдовательно рушится и представленіе о Богѣ добра гностиковъ.

Гл. 14. Гермогенъ, встрѣчаясь съ подобнымъ возраженіемъ, желаетъ пособить своей системѣ уверткою, что матерія давала только возможность творчеству, но что творческая воля принадлежитъ всецѣло только Богу; но и при этихъ условіяхъ Богъ все-таки ставится въ зависимость отъ матеріи.

Гл. 15. Если же благо произошло не изъ матеріи, а непосредственно отъ Бога, то, очевидно, оно появилось изъ ничего, точно также какъ и злое начало. Въ противномъ случаѣ, всѣ соображенія будутъ впадать въ противорѣчіе съ собою.

Гл. 16. Сводъ доказательствъ, высказанныхъ до сихъ поръ, и логически силлогистическое опроверженіе Гермогена.

Гл. 17. Продолженіе и заключеніе его.

Гл. 18. Если бы Гермогенъ желалъ разрѣшить трудные вопросы, касающіеся ученія о сотвореніи, то Священное Писаніе даетъ ему наилучшую возможность это сдѣлать.

Гл. 19. Разсужденіе о ложномъ истолкованіи мѣста: «въ началѣ Богъ сотворилъ небо и землю» (Быт. 1. 1.)

Гл. 20. Дальнѣйшія доказательства того, что Священное Писаніе не учитъ о томъ, будто Богъ творилъ изъ существовавшей раньше матеріи, на основ. Притч. 8, 22, и Іоан. 1, 1—3.

Гл. 21. Если бы Богъ сотворилъ міръ изъ существовавшей матеріи, то Священное Писаніе должно бы было высказаться объ этомъ вполнѣ ясно.

Въ противномъ случаѣ, конечно, и упоминать объ этомъ не слѣдовало.

Гл. 22. Въ Священномъ Писаніи наблюдается вездѣ подобный порядокъ изложенія.

Гл. 23. Учитъ ли Священное Писаніе о томъ, что существовала предварительно хаотическая матерія, изъ которой Богъ создалъ землю? Быт. 1, 2.

Гл. 24. Все Писаніе направленно противъ Гермогена, ибо самое выраженіе «матерія» неизвѣстно Священному Писанію.

Гл. 25. Онъ желаетъ подразумѣвать подъ словомъ «земля» (Быт. 1, 2.) матерію, но подобный взглядъ ведетъ къ противорѣчіямъ.

Гл. 26. 27. Продолженіе этого разсужденія.

Гл. 28. О мнимой невидимости и хаотическомъ состояніи матеріи.

Гл. 29. Какъ должно понимать послѣдовательное созданіе и твореніе земли.

Гл. 30. Упоминаніе о мракѣ, о тверди и водахъ и Божественномъ Духѣ (Быт. 1, 2.) говоритъ все противъ допущенія хаотической матеріи.

Гл. 31. Данныя Библіи не являются доказательствомъ существованія подобной матеріи, но служатъ для характеристики первоначальнаго состоянія неба и земли.

Гл. 32. Заключеніе разъясненія взгляда Моисея на сотвореніе міра. Онъ ничего не знаетъ о той матеріи, про которую учитъ Гермогенъ.

Гл. 33. Сводъ всего предъидущаго.

Гл. 34. Предсказаніе конца настоящаго міра есть доказательство его сотворенія изъ ничего.

Гл. 35. О свойствахъ мнимой вѣчной матеріи.

Гермогенъ объ этомъ не можетъ ничего сказать удовлетворительнаго. Онъ не можетъ опредѣлить, матеріальна ли она или не матеріальна.

Гл. 36. Въ иныхъ мѣстахъ онъ выдаетъ ее то за матеріальную, то за не матеріальную.

Гл. 37. По отношенію къ ея духовнымъ свойствамъ, по ученію Гермогена,—она есть ни доброе, ни дурное.

Гл. 38. Онъ ставитъ ей границы и опредѣляетъ пространство, что въ то же время ведетъ его къ противорѣчіямъ съ самимъ собою.

Гл. 39. Измѣненія, которыя Богъ совершилъ въ этой матеріи, находятся въ противорѣчіи съ ранѣе допущенной вѣчностью ея.

Гл. 40. Новыя противорѣчія.

Гл. 41. Матерія, по ученію Гермогена, находилась въ равномѣрномъ движеніи между добромъ и зломъ.

Вслѣдствіе такого взгляда благо и зло являются матеріальными субстанціями.

Гл. 42. Дальнѣйшее противорѣчіе, въ которое запутывается Гермогенъ, предлагая ученіе о развитіи матеріи.

Гл. 43. Продолженіе этого разсужденія.

Гл. 44. Самый актъ творчества, по мнѣнію Гермогена, происходилъ такъ, что Богъ приближался въ пространствѣ къ матеріи.

Гл. 45. Эта теорія совершенно незнакома Священному Писанію.

«Ты принимаешь существованіе вѣчной матеріи, говоритъ авторъ, обращаясь къ еретику, въ которой Богъ будто бы имѣлъ нужду для образованія міра? Но если матерія вѣчна, она равна Богу, такъ какъ вѣчность—отличительный признакъ Божественнаго существа.

Одному Богу свойственно существовать черезъ Самого Себя, ни имѣть ни конца, ни начала,—другими словами—не быть подчиненнымъ условіямъ времени, которое служитъ мѣрой конечныхъ существованій. Слѣдовательно говорить о вѣчности матеріи значитъ приравнивать ее къ Богу. А придавая матеріи свойство безконечности, необходимо признавать за ней и остальныя свойства божественнаго существа.

Такимъ образомъ, рядомъ съ Богомъ получится другое начало, равно необходимое, неизмѣняемое, совершенное. Какая нелѣпость! Признавая вмѣсто одного—двухъ боговъ и ограничивая одного чрезъ другого, ты тѣмъ самымъ уничтожаешь ихъ. Для человѣческаго разума нѣтъ исхода, кромѣ догмата сотворенія міра изъ ничего. Сущность единаго Бога требуетъ этого условія: Онъ одинъ, потому что Онъ есть только Онъ одинъ, Онъ только одинъ, потому что ничто не существуетъ наравнѣ съ Нимъ; поэтому Онъ первый, потому что все послѣ Него; все послѣ Него, потому что все

происходитъ отъ Него; все происходитъ отъ Него потому, что все появилось изъ ничего (ex. nihilo). Слѣдовательно Писаніе имѣетъ полное основаніе сказать:

«Кто уразумѣ умъ Господень, и кто совѣтникъ Ему бысть, иже научаетъ Его, или съ кѣмъ 'совѣтова и настави и ? Или кто показа Ему судъ, или путь разумѣнія кто показа Ему, или кто прежде даде Ему и воздастся ему (Ис. XL. 13 и 14)?» Очевидно, никто, потому что не было никакой силы, никакой матеріи, никакой субстанціи, отличной отъ Него— чтобы помочь Ему».

Возражая Гермогену противъ его мнѣнія о происхожденіи зла и несовершенства въ мірѣ отъ вѣчной матеріи, злой, по своей сущности, Тертулліанъ признаетъ невозможнымъ допустить существованіе этой вѣчно злой матеріи. Эти два термина исключаютъ другъ друга: вѣчное—совершенно и, слѣдовательно, устраняетъ всякую мысль о злѣ, которое не болѣе, какъ паденіе, униженіе. Даже болѣе: если зло вѣчно— оно непобѣдимо, неодолимо; оно сопротивляется всякому усилію, которое дѣлали бы для того, чтобы восторжествовать надъ нимъ; а поэтому къ чему же послужила бы борьба съ нимъ? Но если и предположить существованіе этой вѣчной, злой матеріи, то этимъ не устраняется отъ Бога упрекъ въ томъ, что Онъ виновникъ зла. Ибо если Богъ извлекъ изъ этой матеріи злое, отсюда слѣдуетъ, что это злое есть продуктъ Его воли; лучше было бы похоронить это злое въ хаотической массѣ, чѣмъ призвать его къ формальному, личному существованію. «Слѣдовательно, по твоей системѣ, Богъ хотѣлъ зла, такъ какъ Онъ произвелъ его съ помощью матеріи. Не важно, откуда Онъ извлекаетъ зло; съ тѣхъ поръ, какъ Онъ образуетъ и организуетъ зло, Онъ отвѣчаетъ за него. И упрекъ, который ты хочешь удалить, при помощи гипотезы о предсуществующей матеріи, появляется снова въ сопровожденіи другихъ. Дѣйствительно, дѣло не только въ объясненіи происхожденія зла, но и въ происхожденіи блага. Изъ какого источника ты выводишь благо, существующее въ мірѣ? Изъ матеріи. Но ты признаешь ее

существенно злой. Изъ субстанціи Бога? Но ты отвергаешь пантеизмъ! Остается сказать, что Богъ произвелъ благо единымъ дѣйствіемъ Своего могущества и Своей воли. Отсюда ты необходимо долженъ прійти къ догмату творенія (ex nihilo).» Но Гермогенъ по примѣру прочихъ еретиковъ II вѣка, поддерживая свое мнѣніе о предсуществованіи матеріи, совѣчной Богу, опирался на то самое мѣсто которое цитируется постоянно защитниками догмата творенія (ex nihilo)—«in principio creavit Deus coelum et terram.» (Быт. I гл., 1 ст.—«въ началѣ Богъ сотворилъ небо и землю»). Но это мѣсто Священнаго Писанія, исключая всякій вопросъ о вѣчности матеріи, даетъ право заключить только то, что Богъ сотворилъ все изъ ничего (ex nihilo creavit). Тщательно выдѣляя изъ библейскаго текста всякую возможность интерпретаціи, подходящей къ космогоніи древнихъ или фантастическому вымыслу языческихъ поэтовъ или къ грезамъ философскихъ системъ, Тертулліанъ резюмируетъ разсказъ книги Бытія въ двухъ пунктахъ: общее твореніе міра изъ ничего и постепенное образованіе земли.

Противъ Валентиніанъ.

(Adversus Valentinianos.)

Ученіе Валентина, съ его сложной генеалогіей эоновъ, изображаетъ въ сущности рядъ внутреннихъ эволюцій Божественнаго существа, которое, воплощаясь, развивается въ мірѣ, пока не приходитъ въ человѣкѣ къ познанію самого себя. Это—пантеизмъ. По мнѣнію автора, заблужденія Валентиніанъ заслуживаютъ не серьезнаго опроверженія, но лишь осмѣянія.

Argumentum:

Гл. 1. Общая характеристика Валентиніанъ. Ихъ способы и умѣнье находить прозелитовъ.

Гл. 2. Они обвиняютъ истинныхъ христіанъ въ простотѣ и невѣжествѣ, между тѣмъ какъ самъ Христосъ хвалилъ простоту, и въ дѣйствительности знать меньше гораздо лучше, нежели знать дурно.

Гл. 3. Продолженіе этого разсужденія.

Гл. 4. Происхожденіе и исторія секты Валентиніанъ.

Гл. 5. Предшественники Тертулліана въ борьбѣ противъ нихъ.

Гл. 6. Какимъ образомъ авторъ будетъ пользоваться гностическими терминами.

Гл. 7. Биѳосъ, Сиге, Нусъ и Алеѳейя, первая тетрада, со Словомъ, Жизнью, Человѣкомъ и Церковью—первая Огдоада эоновъ.

Гл. 8. Эоны двухъ прочихъ классовъ—Декады и Додекады.

Гл. 9. Послѣдній эонъ Додекады— Софія и его роль.

Гл. 10. Другое, болѣе разработанное изображеніе судьбы Софіи. Возникновеніе отъ нея матеріи—Энтимезисъ.

Гл. 11. Созданіе Валентиніановскаго Христа и Св. Духа чрезъ Моногеноса или Нуса (Разумъ) единороднаго.

Гл. 12. Одинаковое достоинство членовъ Плеромы—эоновъ и ихъ блаженство. Произведеніе всей Плеромы—Іисусъ и ангелы.

Гл. 13. Завершеніе Плеромы. Дальнѣйшее развитіе внѣ Плеромы.

Гл. 14. Описаніе состоянія Энтимезиса или Ахамота внѣ Плеромы. Ея страданія.

Гл. 15. Возникновеніе матеріи и элементовъ міра изъ страдальскихъ аффектовъ Ахамотъ.

Гл. 16. Іисусъ очищаетъ Ахамотъ отъ страстей и, сгустивъ ихъ, даетъ начало веществу,—добрымъ и злымъ сущностямъ.

Гл. 17. Отъ созерцанія ангельской красоты Ахамотъ приходитъ въ волненіе и порождаетъ три рода существъ: матеріальныя, душевныя и духовныя.

Гл. 18. Изъ душевной субстанціи происходитъ Деміургъ, владыка всего существующаго въ мірѣ.

Гл. 19. Продолженіе предыдущаго.

Гл. 20. Дѣятельность Деміурга.

Гл. 21. Другія функціи Ахамотъ. Описаніе свойствъ Деміурга.

Гл. 22. Происхожденіе діавола по ученію Валентиніанъ.

Гл. 23. Расположеніе отдѣльныхъ царствъ: Плеромы, Ахамотъ, Деміурга и проч. и одушевленіе стихій огнемъ.

Гл. 24. Ученіе Валентиніанъ о природѣ, происхожденіи человѣка и о матеріи, изъ которой онъ былъ созданъ.

Гл. 25. Когда Деміургъ одарилъ человѣка душею, въ него также излилось духовное сѣмя отъ Ахамотъ.

Гл. 26. Отсюда произошли три рода людей, имѣющихъ каждый свой особый жребій и назначеніе.

Гл. 27. Христосъ—Избавитель человѣческаго рода по системѣ Валентиніанъ.

Гл. 28. Отношеніе Деміурга къ дѣлу искупленія.

Гл. 29. Перстные, душевные и духовные люди.

Гл. 30. Добрыя дѣла, равно какъ и мученичество, вовсе не необходимы для духовныхъ, какими они считали себя, но только для душевныхъ.

Гл. 31. Эсхатологія Валентиніанъ.

Гл. 32. Конечная судьба человѣческаго рода.

Гл. 33. Разногласіе между Валентиніанами: послѣдователи Птоломея назначаютъ для Битоса двухъ женъ: Мысль и Волю; отъ Мысли произошла Истина; отъ воли—Единородный.

Гл. 34. Другіе не приписываютъ ему никакого брачнаго союза.

Гл. 35. Генеалогія эоновъ у другихъ гностиковъ, по которой Битосъ занимаетъ далеко не первое мѣсто.

Гл. 36. Иные гностики производятъ цѣликомъ Огдоаду (осьмерицу) отъ отца Битоса и Эннойи, т. е. мысли.

Гл. 37. Одинъ изъ гностиковъ придумалъ высочайшее божество-Менотеса (уединеніе) и рядомъ съ нимъ Генотеса (единство), которое произвело Монаду (единство) вмѣстѣ съ Союзомъ—отсюда произошли всѣ остальные эоны.

Гл. 38. Ученіе Секунда о двухъ Тетрадахъ (четверицахъ), правой и лѣвой, подобно свѣту и тьмѣ.

Гл. 39. Другія заблужденія гностиковъ о лицѣ Іисуса Христа.

Не смотря на сложную генеалогію эоновъ и ихъ разнообразіе, въ основѣ системы мы видимъ языческій пантеизмъ, противъ котораго вооружается нашъ авторъ.

«Если бы надо было избирать, говоритъ Тертулліанъ въ началѣ трактата, я предпочелъ бы знать лучше мало, чѣмъ знать дурно, ошибаться самому, чѣмъ обманывать другихъ...»

«Я откладываю до другаго времени, продолжаетъ Тертулліанъ, серьезную борьбу, а теперь удовольствуюсь только

простымъ изложеніемъ теорій, однако всюду, гдѣ недостойный вымыселъ заслуживаетъ посрамленія, я не уклонюсь отъ того, чтобы не дать ему пинка и не пощипать, хотя и воздержусь отъ пронзанія».

«Вообрази, читатель, что ты присутствуешь при какой либо сшибкѣ до начала серьезной борьбы. Я лишь намѣчу удары, но не стану причинять ранъ. Если ты при томъ или другомъ случаѣ начнешь смѣяться—не удерживайся: это вполнѣ справедливо по отношенію къ подобнымъ вещамъ. Вѣдь многое и не требуетъ иного опроверженія, иначе—серьезный отвѣтъ придастъ важность пустымъ и вздорнымъ вещамъ. Насмѣшки для нихъ вполнѣ достаточно. Прилично иногда и самой истинѣ посмѣяться: вѣдь она исполнена радости; прилично ей осмѣять своихъ враговъ, такъ какъ она увѣрена въ своей побѣдѣ. Надо только стараться, чтобы смѣхъ въ свою очередь не заслужилъ осмѣянія, еслибы онъ оказался неумѣстнымъ. Впрочемъ повсюду, гдѣ смѣхъ приличенъ,—тамъ его дѣло, его служба».

Затѣмъ Тертулліанъ сатирически отзывается о Валентиніанской теоріи эоновъ. Онъ называетъ эту систему комедіей, первый актъ которой происходитъ въ самомъ кругѣ плеромы. Затѣмъ занавѣсъ падаетъ. Когда онъ снова взовьется, мы присутствуемъ при похожденіяхъ Софіи... Ахамотъ внѣ Плеромы. За этой новой сценой слѣдуетъ симфонія, оканчивающая всю драму. Иронизируя надъ Валентиніанами, Тертулліанъ спрашиваетъ, напримѣръ, у ересіарха, почему его воображеніе, плодовитое, по части выдумыванія эоновъ, упустило изъ виду вывести на сцену кормилицъ этихъ боговъ...

Переходя къ вымыслу гностиковъ, по которому ангелы завладѣютъ нашими душами для того, чтобы жениться на нихъ, онъ сравниваетъ это небесное похищеніе съ похищеніемъ Сабинянокъ...

О душѣ.

(Liber de Anima).

Въ предлагаемомъ трактатѣ авторъ излагаетъ свои воззрѣнія на душу, ея происхожденіе и природу, въ связи съ относящимися сюда вопросами, причемъ опровергаетъ противоположные взгляды философовъ и гностиковъ.

Argumentum:

Гл. 1. Философы предлагали много разныхъ ученій о душѣ, но, не смотря на это богатство ученій, безъ откровенія они не достигли на этой почвѣ никакихъ твердыхъ результатовъ.

Гл. 2. Правда, философы въ нѣкоторыхъ частныхъ сторонахъ своихъ ученій нашли и нѣчто правильное, что въ то же время согласуется и съ ученіемъ откровенія, тѣмъ не менѣе доказательства ихъ, приводимыя ими въ данномъ случаѣ, очень часто неосновательны, или если даже иногда основныя положенія истинны, то выводы изъ нихъ ложны. Такимъ образомъ у нихъ происходитъ смѣшеніе истиннаго съ ложнымъ. Медицина со своей стороны расширяетъ нашъ кругозоръ знанія касательно души.

Гл. 3. Философія есть мать ересей такъ же и по отношенію къ ученію о душѣ.

Гл. 4. Настоящее сочиненіе имѣетъ цѣлью изслѣдовать сущность души и разрѣшить вопросъ о происхожденіи души, направляясь противъ Платона.

Гл. 5. О томъ, имѣетъ ли душа извѣстную тѣлесную оболочку, взгляды философовъ раздѣлились. Платонъ и Аристотель отрицали ее.

Гл. 6. О томъ, что она таковой обладаетъ, доказываютъ наблюденія врача Сорана и другія основанія.

Гл. 7. Авторъ усиливается подтвердить свое воззрѣніе о тѣлесности души св. Писаніемъ [1]).

Гл. 8. Тѣлесность души въ то же время не содержитъ въ себѣ понятія объ ея матеріальности, но совсѣмъ другого характера.

Гл. 9. Болѣе точное описаніе душевной тѣлесности. Тоже самое доказывается будто-бы изъ монтанистическихъ видѣній.

Гл. 10. По ученію откровенія, душа есть единая субстанція и принципъ жизни. Душа и духъ такимъ образомъ не суть двѣ различныя субстанціи.

Гл. 11. Душу слѣдуетъ называть духомъ однако не въ томъ смыслѣ, какъ полагалъ Гермогенъ, будто она—Духъ Божій, и не въ смыслѣ Валентиніанъ, учившихъ о какомъ-то духовномъ сѣмени, привнесенномъ въ душу.

Гл. 12. Продолженіе этого разсужденія. Опроверженіе взглядовъ Валентина, Анаксагора, а также частію — взглядовъ Аристотеля.

Гл. 13. Слѣдуетъ признать за душой единство, не смотря на различныя выраженія, которыя употребляются для этого въ латинскомъ языкѣ, именно *animus* и *anima*.

Гл. 14. То, что философы называли въ душѣ составными частями ея, не болѣе, какъ различныя стороны ея или силы и дѣятельности

Гл. 15. Такъ называемый гегемониконъ, высшая витальная область души, гдѣ сконцентрированы всѣ ея дѣятельности, по ученіямъ многихъ философовъ и врачей, а также по ученію Св. Писанія, находится въ сердцѣ.

Гл. 16. Въ душѣ находятся двѣ стороны: разумная и неразумная, но только первая въ полномъ смыслѣ естественна,

---

[1]) См. выше о заблужденіяхъ Тертулліана.

а вторая появилась въ послѣдствіи, вслѣдствіе грѣхопаденія. Платонъ заблуждается, когда онъ безразлично приписываетъ неразумному началу въ душѣ гнѣвныя и чувственныя движенія.

Гл. 17. Слѣдуетъ ли признать чувственныя воспріятія надежными.

Гл. 18. Ученіе Платона объ идеяхъ и родственное ему представленіе еретиковъ. Различіе между чувственными воспріятіями и интеллектомъ не ведетъ къ признанію въ человѣкѣ двойственной души.

Интеллектъ (разумъ—высшая способность души) несомнѣнно стоитъ выше, нежели чувственное воспріятіе, и является только высшей способностью того же самаго принципа, тѣмъ болѣе что и объектъ его дѣятельности самъ по себѣ стоитъ выше.

Гл. 19. Интеллектъ находится уже въ наличности въ существѣ несовершеннолѣтнемъ, будучи врожденъ душѣ.

Гл. 20. Точно также все остальное содержаніе свое душа уже получаетъ съ самаго начала.

Различіе въ способностяхъ души зависитъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ во время ея развитія.

Гл. 21. Душа едина и однообразна, имѣетъ самостоятельность и способность измѣняться въ силу своей свободы.

Что касается тройственнаго дѣленія души, по ученію Валентиніана, то ничего подобнаго на самомъ дѣлѣ нѣтъ.

Гл. 22. Краткій обзоръ свойствъ души, построенный на основаніи данныхъ до сихъ поръ объясненій.

Гл 23. Борьба съ теоріями гностиковъ и Платона касательно образа происхожденія души.

Гл. 24. Если бы душа не имѣла начала и все знаніе, которое она въ себя воспринимаетъ, являлось бы воспоминаніемъ, какъ объ этомъ учитъ Платонъ, то она сама по себѣ уже должна была бы быть существомъ высшимъ, существомъ божественнаго свойства.

Гл. 25. Душа является въ человѣкѣ не со дня его рожденія; опытомъ ежедневной жизни, а также и съ помощью медицины доказано, что уже плодъ въ утробѣ чувствуетъ, слѣдовательно живетъ, слѣдовательно и имѣетъ душу.

Гл. 26. Объ одушевленіи зародыша очень часто говорится въ Св. Писаніи.

Гл. 27. Ученіе Тертулліана, по которому душа съ тѣломъ должны воспитываться одновременно.

Гл. 28. Ученіе Пиѳагора о переселеніи душъ, которое раздѣляетъ и Платонъ. Опроверженіе этого ученія.

Гл. 29. Опроверженіе основаній, приводимыхъ для подтвержденія ученія о переселеніи душъ.

Гл. 30. Если бы переселеніе душъ существовало, то статистика должна была бы показать, что число людей остается постоянно одинаковымъ.

Гл. 31. Трудности, представляемыя человѣческимъ возрастомъ и его занятіями, по отношенію къ ученію о переселеніи душъ.

Гл. 32. Нельзя допустить, чтобы человѣческая душа переходила въ тѣла животныхъ и даже въ растенія, потому что это говорило бы противъ идентичности души.

Гл. 33. Утверждать же, что онѣ туда переселяются въ наказаніе, повело бы къ слишкомъ большимъ нелѣпостямъ.

Гл. 34. Осмѣяніе ученія Симона волхва.

Гл. 35. Карпократъ принимаетъ ученіе о переселеніи душъ для того, чтобы поддержать свою атомистическую теорію.

Гл. 36. Половое отличіе души принимаютъ одновременно съ своимъ возникновеніемъ.

Гл. 37. Рожденіе и дѣтство человѣка, которыя язычники ставятъ въ зависимость и подъ покровительство многихъ божествъ, находятся подъ надзоромъ ангеловъ.

Душа растетъ вмѣстѣ съ тѣломъ, но ея ростъ заключается только въ развитіи силъ.

Гл. 38. Говорится о развитіи души и вліяніи на нее тѣлеснаго питанія.

Гл. 39. Дьяволъ съ самаго возникновенія души становится ея спутникомъ.

Гл. 40. Какимъ образомъ тѣло и душа различаются по отношенію къ грѣху. Тѣло не является мѣстомъ нахожденія злаго начала.

Гл. 41. Сила и вліяніе первороднаго грѣха на человѣческую душу.

Гл. 42. Вопросы о смерти и снѣ касаются ученія о душѣ.

Гл. 43. Мнѣніе философовъ относительно сна. Естественность этого явленія. Сонъ является прообразомъ смерти и воскресенія.

Гл. 44. Такъ называемый случай съ Гермотимомъ.

Гл. 45. О снахъ и ихъ возникновеніи.

Гл. 46. Объ исполненіяхъ сновъ и ихъ значеніяхъ.

Гл. 47. Сны очень часто являются слѣдствіемъ вліянія демоновъ. Нѣкоторые посылаются отъ Бога, другіе возникаютъ вслѣдствіе причинъ естественныхъ.

Гл. 48. На происхожденіе сновъ дѣйствуютъ также и тѣлесныя условія.

Гл. 49. Имѣютъ ли всѣ люди сны.

Гл. 50. О смерти. Всѣ люди подвержены ей. Заблужденіе еретика Менандра.

Гл. 51. Въ тѣлѣ послѣ смерти не остается никакой части души.

Гл. 52. Смерть, какъ естественная, такъ и ускоренная, не свойственна природѣ человѣческой, но является слѣдствіемъ грѣха.

Гл. 53. Когда душевныя силы въ періодъ умиранія постепенно слабѣютъ, на это не нужно смотрѣть, какъ на потуханіе души, но причина сего заключается въ болѣзни.

Гл. 54. О томъ, куда приходитъ душа тотчасъ послѣ смерти.

Гл. 55. Души отходятъ въ преисподняя земли, гдѣ и остаются до страшнаго суда; только души мучениковъ тотчасъ же попадаютъ въ рай.

Гл. 56. О воззрѣніяхъ древнихъ, которые учили, что души не могутъ попасть въ подземное царство раньше, чѣмъ трупы не будутъ погребены.

Гл. 57. О томъ, какъ слѣдуетъ понимать вызываніе умершихъ.

Гл. 58. Наказаніе или награжденіе души въ преисподней наступаетъ тотчасъ же послѣ ея смерти.

Для нея не существуетъ индифферентнаго состоянія.

Тертулліанъ имѣлъ высокую идею о человѣкѣ, приписывая ему высшее происхожденіе и могущество. Поэтому къ изученію человѣческой души онъ направилъ все вниманіе проницательнаго и остраго наблюдателя. Онъ допускаетъ по этому предмету два источника знанія: естественный—общее чувство или разумъ и сверхъестественный—откровеніе. Опредѣляя душу, Тертулліанъ называетъ ее субстанціей простой, недѣлимой, неразрывной и, вслѣдствіе этого, безсмертной, ибо раздѣлиться—значитъ разорваться, а разорваться значитъ—умереть. Стало быть, нельзя дѣлить ее съ Платономъ на двѣ части, на три съ Зенономъ, на пять или на шесть по примѣру Панація, на семь съ Сораномъ, на восемь съ Хризиппомъ и т. д.; тамъ, гдѣ эти философы предполагали разныя части, слѣдуетъ видѣть разныя свойства, дѣйствія, проявленія. Однако, съ другой стороны, онъ поддерживаетъ мнѣніе, что душа тѣлесна (хотя эта тѣлесность далека отъ понятія плоти) и даетъ ей измѣренія, фигуру, даже цвѣтъ, который онъ называетъ воздушнымъ и свѣтящимся. Въ подтвержденіе этого онъ цитируетъ слова пришедшей въ экстазъ монтанистки и придаетъ буквальный смыслъ притчѣ о злomъ богачѣ и о бѣдномъ, принятомъ въ лоно Авраама.

Называя душу тѣлесной, Тертулліанъ противополагаетъ это названіе всему, ничѣмъ не заполненному, или абсолютной пустотѣ. Отсюда — онъ видитъ себя принужденнымъ дать ей форму человѣческую и даже цвѣтъ свѣтящагося воздуха. По вопросу о связи души съ тѣломъ, Тертулліанъ энергически возстаетъ противъ признанія связующаго звена между душой (animus) и тѣломъ (corpus) въ видѣ жизненной силы (flatus vitae). Не допуская реальнаго различія

между жизненнымъ началомъ и мыслящей душой, онъ съ удивленіемъ спрашиваетъ, къ чему раздѣлять такимъ образомъ человѣческое единство и вводить третью субстанцію тамъ, гдѣ достаточно двухъ для объясненія ограническої и интеллектуальной жизни. Тотъ же принципъ, который дѣлаетъ изъ человѣка живое существо, — дѣлаетъ его существомъ мыслящимъ и разумнымъ. «Вы, (т. е. еретики) ставите съ одной стороны жизненный принципъ, а съ другой принципъ духовный и разумный, какъ будто бы это были двѣ различныя субстанціи; но въ такомъ случаѣ можно бы было дойти до того, что духъ отдѣлился бы отъ души, какъ душа отдѣляется отъ тѣла, и что духъ покинулъ бы тѣло, когда еще осталась бы въ немъ душа; ибо между различными субстанціями есть возможность отдѣленія. Что же мы видимъ напротивъ? Душа не покидаетъ нигдѣ тѣла безъ духа; душа и духъ суть одно, ибо необходимо признать единство субстанціи тамъ, гдѣ никакое отдѣленіе невозможно. Даже болѣе, вы вводите въ человѣческій механизмъ безполезнаго двигателя: всю дѣятельность, которую вы приписываете этой третьей субстанціи, мы можемъ съ одинаковымъ правомъ отнести ко второй. Признавать двѣ—значитъ осуждать одну или другую на бездѣятельность. Но то, что Римляне называютъ *mens*, а греки νοῦς—есть сила, рождающаяся вмѣстѣ съ душой, находящаяся въ ней и принадлежащая ей по праву рожденія; сила, при помощи которой душа дѣйствуетъ и размышляетъ, владѣя которой, она въ то же время обладаетъ и внутреннимі импульсами своей дѣятельности». Короче, субстанція, оживляющая и одушевляющая тѣло, одинаково служитъ центромъ и интеллектуальной дѣятельности; ибо душѣ слѣдуетъ приписать свою совокупность мыслительной способности и жизненной силы.

Опредѣливъ природу души и ея отношенія къ тѣлу, Тертулліанъ изслѣдуетъ отличающія ее свойства; сначала онъ останавливается передъ свидѣтельствомъ чувствъ, достовѣрность которыхъ онъ защищаетъ противъ академиковъ. «Обвиняютъ, говоритъ онъ, зрѣніе въ обманѣ, потому что оно

представляетъ какъ бы согнутыми или сломанными весла, погруженныя въ воду, вопреки очевидной ихъ цѣлости; потому что оно убѣждаетъ насъ, что квадратная башня, замѣченная издали,—кругла, потому что оно издали измѣняетъ размѣры портика, показывая его съуживающимся на концѣ; потому что оно смѣшиваетъ небо съ моремъ, хотя небо находится на огромной вышинѣ. Не менѣе упрекаютъ слухъ во лжи. Напримѣръ, грохотъ телѣги мы принимаемъ за шумъ, идущій съ неба; или если гремитъ громъ, мы считаемъ навѣрняка, что это отдается шумъ колесницы. То же можно сказать объ обоняніи и вкусѣ: однѣ и тѣ же благоуханія, однѣ и тѣже вина впослѣдствіи теряютъ цѣну отъ употребленія. Тѣмъ болѣе не избѣгаетъ упрека осязаніе: нога считаетъ гладкими полы, шероховатость которыхъ поражаетъ руку; въ банѣ та же вода, которая сначала была горяча, нѣсколько минутъ спустя кажется уже остывшею. Равнымъ образомъ несомнѣнно, что отъ обмана чувствъ наши сужденія бываютъ разнообразны».

Чувства не заслуживаютъ никакого упрека, возражаетъ Тертулліанъ, ибо они передаютъ точно впечатлѣнія, воспринимаемыя ими. А если ихъ передача не соотвѣтствуетъ дѣйствительности вещей, то это зависитъ отъ обстоятельствъ, которыя оцѣнить можетъ разумъ. «Что дѣлаешь ты, безумная академія? Ты разрушаешь условія жизни; ты возмущаешь общій порядокъ природы; ты дѣлаешь слѣпымъ Провидѣніе самого Бога, который помѣстилъ во главѣ всѣхъ Своихъ твореній—для того, чтобы ихъ понимать, населять, распредѣлять и ими наслаждаться, существа съ лживыми и обманчивыми чувствами! Не онѣ ли, въ качествѣ вторыхъ, послѣ Бога, управляютъ всѣмъ твореніемъ? Не отъ нихъ ли міръ получилъ вторую форму, столько искусствъ, ремеслъ, наукъ, занятій, сношеній, средствъ, совѣтовъ, утѣшеній, пищи, украшеній и уборовъ? Онѣ даютъ смыслъ и пониманіе жизни, такъ какъ, благодаря имъ, одинъ изъ всѣхъ живыхъ существъ - человѣкъ признается за существо разумное, имѣя способность понимать все, даже включительно до академіи!»

Возражая гностикамъ противъ выставляемаго ими различія между интеллектомъ и чувствомъ, Тертулліанъ признаетъ это различіе только по отношенію къ объэкту дѣятельности и къ способу проявленія душевныхъ силъ. Та же самая душа, по его словамъ, служитъ центральной силой для мысли и чувства; она понимаетъ то, что чувствуетъ, чувствуетъ то, что понимаетъ; она проницаетъ видимыя вещи при помощи тѣлесныхъ органовъ и невидимыя вещи при посредствѣ пониманія. По другому вопросу, будто пониманіе приходитъ къ душѣ послѣ чувствъ, Тертулліанъ говоритъ: душа родится со всѣми своими способностями; эти способности существуютъ въ ней съ перваго момента жизни, хотя въ безформенномъ и зачаточномъ состояніи. Интеллектъ подобенъ врожденному сѣмени, которое должно развиться въ различныхъ условіяхъ и въ неопредѣленно-разнообразныхъ обстоятельствахъ. Онъ подкрѣпляетъ эту мысль примѣрами изъ царства растительности.

Говоря о врожденности пониманія въ душѣ, Тертулліанъ подошелъ къ другому важному вопросу, вопросу о происхожденіи душъ. Онъ утверждаетъ, что единеніе души съ тѣломъ слѣдуетъ допускать не съ момента рожденія, но еще съ момента зачатія.

Проявляя себя приверженцемъ теоріи традуціанизма, Тертулліанъ оспариваетъ предсуществованіе душъ и метампсихозу или переселеніе душъ, двѣ идеи, господствовавшія еще въ языческомъ мірѣ въ сферѣ философіи со временъ Пиѳагора, Эмпедокла и Платона. Итакъ какимъ путемъ происходятъ души? Сотворены ли онѣ Богомъ вмѣстѣ съ началомъ міра или наконецъ Богъ творитъ ихъ послѣдовательно всякій разъ?

Тертулліанъ примкнулъ къ теоріи традуціанизма съ цѣлью объяснить передачу первороднаго грѣха Адама. Онъ объясняетъ эту передачу посредствомъ гипотезы о рожденіи душъ. По его мнѣнію, душа ребенка содержится въ зародышѣ въ душѣ родителей, откуда она освобождается, чтобы начать личную жизнь. «Адамъ, въ первородномъ грѣхѣ, погубилъ

весь человѣческій родъ, заключенный въ немъ, какъ въ своемъ нравственномъ и физическомъ прародителѣ. Господь сказалъ: «если кто-нибудь не родится отъ воды и Духа, не можетъ войти въ царствіе Божіе», другими словами: не будетъ святъ! Такимъ образомъ всякая душа относится къ потомству Адама до тѣхъ поръ, пока она не воспріиметъ новой жизни во Христѣ, — остается нечистой и вслѣдствіе этого грѣшной, пока она не возродится къ новой жизни. Искаженіе природы—какъ бы другая природа, имѣющая своего бога и отца, т. е. виновника этого искаженія. Однако это искаженіе не зашло настолько далеко, чтобъ истребить въ душѣ все благое—первоначальное природное достояніе души—божественное, сродное ей благо, (т. е. образъ Божій). Дѣйствительно, вещи, происходящія отъ Бога, скорѣе затемняются, чѣмъ погибаютъ. Онѣ могутъ затемняться, потому что онѣ не Богъ; онѣ не могутъ погибнуть, потому что онѣ отъ Бога. Подобно тому, какъ свѣтъ, заслоненный какимъ-нибудь препятствіемъ, остается безъ блеска, если препятствіе не достаточно тонко для проницаемости свѣта; также и благо, подавленное въ душѣ большей или меньшей силою зла, или совершенно дѣлается незамѣтнымъ, скрывая свой свѣтъ, или испускаетъ лучи, лишь только получитъ возможность и свободу проявленія. Поэтому есть злые и добрые, хотя всѣ мы имѣемъ душу одинаковую по природѣ; поэтому встрѣчается нѣкоторое благо въ самыхъ порочныхъ, нѣкоторое зло въ самыхъ добродѣтельныхъ; ибо одинъ Богъ безъ грѣха, а Христосъ—одинъ человѣкъ безъ грѣха, потому что Христосъ—Богъ. Божественность души, въ силу присущаго ей блага, проявляется въ предвидѣніи, и совѣсть возвышаетъ свой голосъ, чтобы свидѣтельствовать объ истинѣ: «Богъ благъ, Богъ меня видитъ, я поручаю себя Богу!» Такъ—нѣтъ души безъ скверны, какъ нѣтъ души безъ сѣмени блага.

Прежде, чѣмъ прослѣдить душу въ ея состояніяхъ, въ которыхъ она можетъ находиться послѣ смерти и исхода изъ этого міра, Тертулліанъ высказываетъ свои наблюденія о предвосхищенномъ образѣ смерти, т. е. о снѣ. «Нѣтъ ничего

болѣе естественнаго, говоритъ онъ, чѣмъ этотъ законъ, установленный Богомъ для того, чтобы возстановить силы человѣка! Самымъ образомъ смерти, заключаетъ онъ свое разсужденіе о снѣ, ты посвященъ въ вѣру, имъ питаешь свою надежду: ты научаешься умирать и жить, ты научаешься бодрствовать, пока ты спишь. Съ вопросомъ о снѣ связанъ вопросъ о сновидѣніяхъ. Тертулліанъ приписываетъ душѣ способность, называемую имъ экстазомъ, благодаря которой душа дѣйствуетъ, когда чувства связаны, и проявленіе ихъ задержано. Если же сонъ есть образъ смерти, то смерть является долгомъ природѣ. Mors naturae debitum! Не то, чтобы человѣкъ былъ предназначенъ первоначально къ смерти,— нѣтъ!—безъ грѣха онъ никогда не зналъ бы смерти, которая служитъ наказаніемъ за грѣхъ».

«Между тѣмъ, какъ органы тѣла уничтожаются отъ поврежденія, свойственнаго каждому изъ нихъ, душа, принужденная удалиться, по мѣрѣ того, какъ ея орудія, убѣжища и границы разрушаются, исходитъ изъ тѣла какъ-бы уменьшаясь и ослабѣвая, подобно тому какъ кучеръ на колесницѣ кажется ослабѣвшимъ, когда лошади выбьются изъ силъ отъ утомленія: онъ лишается ихъ содѣйствія (для скорой ѣзды), хотя бы самъ и не ощущалъ утомленія. Такъ и живой духъ, управляющій тѣломъ, какъ-бы слабѣетъ, лишаясь служившихъ ему органовъ, — лишаясь своего проявленія, но не своей силы, утомленный въ своей дѣятельности, но не терпя ущерба въ своей природѣ; истощаясь въ своей крѣпости, но не въ сущности, потому что, переставая проявляться, онъ не перестаетъ существовать».

Въ заключеніе своего трактата о душѣ авторъ необходимо долженъ былъ коснуться вопроса о загробной жизни, объ адѣ и райскомъ блаженствѣ. Тертулліанъ, повидимому, считаетъ лишь мучениковъ достойными участвовать въ блаженномъ созерцаніи Бога до страшнаго суда, между тѣмъ какъ другія души дожидаются, по его мнѣнію, въ преисподней этого дня общаго воскресенія и суда. Какъ кажется, онъ хотѣлъ просто сказать, что души праведныхъ до воскресенія

не наслаждаются полнымъ блаженствомъ, потому что онѣ остаются безъ тѣлъ своихъ. При этомъ онъ считаетъ необходимымъ добавить, что душа нуждается въ очищеніи отъ болѣе легкихъ грѣховъ во время, слѣдующее за смертью до воскресенія тѣлъ, и что это очищеніе происходитъ въ томъ мѣстѣ, куда душа удаляется послѣ смерти и исхода изъ тѣла.

О тѣлѣ Христовомъ.

(Liber de carne Christi).

Гностики, какъ Валентинъ, Василидъ и другіе, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы отстранить отъ Христа, все, что казалось имъ несовершенствомъ, пришли къ отрицанію Его человѣческой природы, выходя изъ той мысли, что изъ матеріи проистекаетъ зло (вѣчное), и что Богъ не можетъ войти въ соотношеніе съ матеріей, не унижая Себя. Они утверждали, что тѣло Христово было только кажущееся (докетизмъ) или, по крайней мѣрѣ, по своей природѣ было отлично отъ нашего. Съ этимъ фантастическимъ идеализмомъ гностиковъ и борется Тертулліанъ въ трактатѣ «о тѣлѣ Христовомъ».

Argumentum:

Гл. 1. Предметъ статьи есть истинность плоти Христовой съ ея человѣческими свойствами.

Этотъ догматъ тѣсно связанъ съ другими и потому только отрицается еретиками, не желающими признавать послѣднихъ.

Гл. 2. Способъ Маркіона высказываться о рожденіи и дѣтствѣ Христа.

Еретикъ отрицаетъ исторію рожденія и дѣтства Христа. Но онъ не имѣетъ никакого права отрицать того, что извѣстно намъ изъ достовѣрнаго преданія.

Гл. 3. Если бы Богу было неприлично и невозможно сдѣлаться человѣкомъ, какъ это утверждаетъ Маркіонъ, еще менѣе приличествовало бы Ему казаться таковымъ, если бы Онъ не былъ имъ на самомъ дѣлѣ.

Какимъ образомъ согласуется воплощеніе Бога съ Его неизмѣняемостью.

Гл. 4. Продолженіе—о мнимомъ недостоинствѣ для Бога воплощенія.

Гл. 5. Рожденіе Христа столь же истинно и достовѣрно, какъ распятіе и смерть—сколько бы ни отрицалъ этого Маркіонъ.

Если бы у Христа было тѣло только кажущееся, то Онъ былъ бы въ необходимости безпрестанно притворяться.

Гл. 6. Апеллесъ полагаетъ, что Христосъ хотя и имѣлъ истинное тѣло, но оно явилось не путемъ рожденія, а было взято изъ звѣзднаго пространства, какъ тѣла, въ которыхъ въ Ветхомъ Завѣтѣ людямъ являлись ангелы. Христосъ имѣлъ дѣйствительное тѣло, потому что дѣйствительно претерпѣлъ смерть.

Гл. 7. Вопросъ Христа: «кто матерь Моя? и кто братья Мои?»—нисколько не отрицаетъ Его человѣческаго происхожденія.

Гл. 8. Если даже тѣло Христово, какъ полагаютъ послѣдователи Апеллеса, взято изъ небесной матеріи, то все таки оно явилось бы грѣховнымъ, какъ сотворенное изъ грѣховныхъ элементовъ, по словамъ самихъ послѣдователей Апеллеса.

Гл. 9. Тѣло Христа имѣло всѣ признаки истинной человѣческой плоти, а плоть человѣка создана изъ земли, а не изъ небеснаго матеріала.

Гл. 10. Ученіе Валентиніанъ, что тѣло Христово психической природы (душевное), ведетъ только къ противорѣчіямъ.

Гл. 11. Утвержденіе другихъ, будто душа во Христѣ стала плотію, ведетъ также къ противорѣчіямъ и непреодолимымъ трудностямъ и недостойно Бога. Христосъ приходилъ вовсе не для того, чтобы обнаружить душу, сдѣлавши ее тѣломъ.

Гл. 12. Душа человѣка по самой природѣ своей одарена самосознаніемъ. Христосъ приходилъ для спасенія человѣка.

Гл. 13. Если, по ученію ереси, душа Христова восприняла свойство и сущность тѣлесную, и тѣло восприняло сущность души, то они не являлись бы ни тѣломъ, ни душой, ни чѣмъ нибудь третьимъ.

Гл. 14. Христосъ не воспринималъ природы ангеловъ.

Гл. 15. Человѣческая природа Христа доказывается Его собственными словами и Св. Писаніемъ такъ ясно, что ересь Валентиніанъ — нисколько по существу не отличается отъ невѣрія язычниковъ вообще.

Гл. 16. Хотя тѣло Христово и было человѣческое, но оно не было обременено первороднымъ грѣхомъ, и хотя произошло путемъ сверхъ-естественнымъ, все таки было истиннымъ человѣческимъ тѣломъ.

Гл. 17. Христосъ долженъ былъ получить Свое тѣло отъ дѣвственной матери, какъ это было предсказано у пророка Исаіи.

Гл. 18. Христосъ родился безъ участія человѣческаго отца. Опроверженіе ученія Эвіона.

Гл. 19. Совсѣмъ не слѣдуетъ изъ Іоанна, 1. 13. «(не отъ крови, ни отъ хотѣнія мужа, но отъ Бога родились)», что Христосъ имѣлъ пневматическое тѣло, какъ полагаютъ это еретики.

Гл. 20. Другіе священные писатели говорятъ точно и ясно объ истинномъ рожденіи Христа отъ Дѣвы.

Гл. 21. Мнѣніе о томъ, что Христосъ прошелъ, такъ сказать, черезъ Марію, ничего не получивъ отъ нея существеннаго, не согласуется какъ съ природою вообще, такъ и съ свидѣтельствомъ Свящ. Писанія.

Гл. 22. Христосъ въ Свящ. Писаніи называется сыномъ Давида, сыномъ Авраама, и — слѣдовательно отъ плоти Давида и Авраама чрезъ Дѣву Марію.

Гл. 23. Свидѣтельство Симеона Богопріимца исполняется на еретикахъ. Пророчество Исаіи о рожденіи Христа отъ Дѣвы и исполненіе этого предсказанія.

Гл. 24. Такъ какъ слова Писанія по отношенію къ истинности рожденія Христа совершенно ясны, то еретики въ своихъ измышленіяхъ довольствуются ничтожными придирками.

Гл. 25. Заключеніе разсужденія. Изложенное и доказанное ученіе въ свою очередь является основою истиннаго ученія о воскресеніи.

Приступая къ опроверженію взглядовъ еретиковъ на воплощеніе, авторъ уже въ Ветхомъ Завѣтѣ усматриваетъ постепенное откровеніе Слова Божія. Онъ видитъ Слово Божіе бесѣдующимъ съ патріархами, являющимся Моисею въ горящемъ кустѣ, и сквозь дымъ на Синаѣ. Такимъ образомъ Слово открывалось въ Ветхомъ Завѣтѣ, пока не воплотилось и не явилось, въ Сынѣ Человѣческомъ.

Вся духовная исторія человѣчества была подготовленіемъ къ появленію Бога во плоти, и дѣйствіе Слова на міръ развивалось изъ года въ годъ еще до воплощенія.

Гностики, въ родѣ Маркіона, возмущались при мысли, что Сынъ Божій родился среди людей. Безъ сомнѣнія; возражаетъ имъ Тертулліанъ, нѣтъ достаточно благороднаго естества для того, чтобы служить одѣяніемъ Божеству. Но Богъ облагораживаетъ формы, въ которыя Онъ облекается. Дѣйствительное рожденіе не умаляетъ нисколько Божественнаго величія. Становясь человѣкомъ, Богъ нисколько не уменьшаетъ Своего величія, потому что Онъ не перестаетъ быть Богомъ. Измѣненіе проявляется не въ Верховномъ Существѣ; соединяясь въ одномъ лицѣ, двѣ природы остаются однако сами собой безъ всякаго измѣненія: одна возвышается, не унижая другую.

«Можетъ быть, тебя отталкиваетъ фактъ рожденія, говоритъ Тертулліанъ, обращаясь къ Маркіону. Стало быть, ты имѣешь довольно низменное понятіе о человѣческой природѣ Что-жъ, Маркіонъ, говори, сколько тебѣ угодно, противъ святыхъ и почтенныхъ проявленій природы! Умножай свои

нападки противъ того, изъ чего состоишь ты! Уничтожай начало плоти и души! Называй клоакой материнскія нѣдра, гдѣ формируется человѣкъ, это высшее изъ живыхъ созданій! Не щади даже стыдливости женщины, становящейся матерью, достойной уваженія за испытанныя опасности, священной по возлагаемому на нее природой служенію. Въ тебѣ, безъ сомнѣнія, возбуждаетъ омерзѣніе и этотъ младенецъ, выпавшій изъ утробы съ своей «сорочкой» и замаранный. Ты презираешь сдерживающія его перевязки, окружающія его пеленки, расточаемыя ему ласки — презираешь, Маркіонъ, почтеніе, воздаваемое дѣлу природы—какъ же ты самъ родился?!... Ты ненавидишь человѣка, приходящаго въ міръ, тогда—какъ же ты можешь любить кого нибудь?!... Конечно, ты самъ не любилъ себя, когда разрывалъ отношенія свои съ церковью и вѣрой Христа. Но ужъ это твое дѣло знать, нравишься ли ты себѣ или нѣтъ или не рожденъ ли ты какъ нибудь иначе. Тѣмъ не менѣе вѣрно то, что *Христосъ возлюбилъ человѣка*, зачатаго въ лонѣ женщины, сформировавшагося въотверженіи, рожденнаго въ позорѣ, выросшаго среди ласкъ, которыя тебѣ кажутся смѣшными. Для него сошелъ Христосъ, для него проповѣдывалъ, для него Онъ унизился до смерти и притомъ крестной! Да, безъ всякаго сомнѣнія Христосъ возлюбилъ его, такъ какъ искупилъ его такой цѣной». Тертулланъ охотно допускаетъ, что уничиженіе Богочеловѣка можетъ стать предметомъ смущенія для тѣхъ, которые удивляются только внѣшнему величію, но онъ не встрѣчаетъ никакого затрудненія: для него это служитъ необходимымъ доказательствомъ вѣры, ибо божественнымъ дѣламъ свойственно казаться людямъ невозможными. «Сынъ Божій родился, восклицаетъ онъ,—я не стыжусь этого, потому что этого не должно стыдиться; Сынъ Божій умеръ; этому слѣдуетъ вѣрить, потому что возмущается противъ этого разумъ. Онъ возсталъ—фактъ вѣренъ, потому что невозможенъ!» Возражая гностикамъ, допускавшимъ, что Сынъ Божій только внѣшнимъ образомъ явился въ человѣческомъ образѣ, Тертулліанъ отправляется отъ положенія, что не слѣдуетъ вообще

выдавать себя за то, чего нѣтъ на самомъ дѣлѣ. «Если, какъ вы утверждаете, матерія по сущности была зла, то Христосъ долженъ былъ бы отвергнуть не только ее, но даже видимость ея. Притворяться одѣтымъ плотью значило бы обманывать глаза и смѣяться надъ чувствами! И притомъ, не забудьте, — тою плотью, которая крѣпка безъ костей, тверда безъ мускуловъ; имѣетъ цвѣтъ, не содержа ни капли крови; одѣта, не имѣя кожи; голодна, не испытывая голода, ѣсть, не имѣя зубовъ для пищи; говоритъ, не имѣя языка для разговора! Нѣтъ, не старайтесь похитить у насъ обманомъ половину Христа. Христосъ весь былъ истина».

Аппелесъ утверждалъ, что Христосъ заимствовалъ свою плоть у субстанціи созвѣздій. Но развѣ на созвѣздіяхъ явился свѣтъ Божій? Если земля должна была быть мѣстомъ Его дѣятельности, то къ чему же Ему было заимствовать свои органы у большой Медвѣдицы, у Плеядъ или Гіадъ? Правда, Апостолъ Павелъ называетъ «новаго Адама» небеснымъ человѣкомъ, но это изъ противоположенія человѣку плотскому, а не для обозначенія различія матеріи. И мы можемъ духомъ стать небесными, хотя облечены земною плотію. Апостолъ говоритъ еще, что Іисусъ Христосъ былъ въ подобіи грѣшной плоти; но эти слова не обозначаютъ, что Слово приняло только по видимости образъ тѣла, не имѣя будто-бы тѣла въ дѣйствительности; они выражаютъ совершенно противоположную мысль: плоть Христа, изъятая изъ грѣха, была подобна нашей, подобна по природѣ, а не по грѣховной нечистотѣ, унаслѣдованной нами отъ Адама». «Нѣтъ матеріи, которая не носила бы въ себѣ свидѣтельства о своемъ происхожденіи, вопреки новымъ особенностямъ, пріобрѣтаемымъ ею черезъ преобразованія. Наше тѣло, состоящее изъ оформленнаго ила (истина, на которой всѣ народы строили свои миѳы), обличаетъ въ своемъ составѣ два первоначальные элемента: земной — своею плотью, водяной—своей кровью. Пустъ специфическія качества съ обѣихъ сторонъ измѣнились, потому что изъ одного произошло другое, отличающееся отъ перваго, но—что такое, въ концѣ кон-

цовъ, кровь, какъ не красная жидкость? Что такое плоть, какъ не преобразованная земля? Разсмотри часть за частью; мускулы походятъ на небольшія возвышенности земли; кости на камни, желѣзы сосцовъ на маленькіе голыши. Въ сплетеніи нервовъ не видишь ли ты распространяющихся корней? Въ вѣнахъ, развѣтвленныхъ по всѣмъ направленіямъ, — не замѣчаешь ли ты сходства съ змѣящимися рѣками? Въ покрывающемъ насъ пушкѣ родъ моха? Въ нашихъ волосахъ подобіе дерна? Въ сокровищѣ мозга, заключающагося въ нашихъ костяхъ, не видишь ли ты металлъ плоти? Всѣ эти признаки земнаго происхожденія равнымъ образомъ существовали и во Христѣ. Это-то и скрывало въ Немъ Сына Божія, Котораго принимали за обыкновеннаго человѣка именно потому, что видѣли въ Немъ субстанцію человѣческаго тѣла». Сынъ Божій хотѣлъ спасти человѣчество; слѣдовательно Онъ долженъ былъ обладать всѣмъ, что составляетъ человѣческую природу, кромѣ грѣха — дѣйствительнымъ тѣломъ и душой, подобной нашей. Если бы, согласно съ мнѣніями еретиковъ, Его плоть, вмѣсто матеріальной, имѣла природу души, Онъ не освободилъ бы ни нашей души, ни нашей плоти, ибо наша плоть не духовна, и наша душа не имѣетъ субстанціи плоти. Христосъ пришелъ спасти погибшее; человѣкъ погибъ; слѣдовательно человѣка могъ возстановить только человѣкъ, одинаковой съ нами природы, (кромѣ грѣха). Смерть предполагаетъ человѣческое рожденіе; отрицать одно — значитъ отвергать другую,—слѣдовательно уничтожать дѣло искупленія міра.

Для подкрѣпленія своего мнѣнія о призрачности плоти Христа, еретики повторяютъ слова Евангелія: «Кто Матерь Моя? и кто братья Мои?» Но Христосъ этими словами хотѣлъ только вразумить насъ, что семейныя отношенія должны быть подчинены высшимъ духовнымъ интересамъ, служенію Богу, слово Котораго слѣдуетъ слушать, а дѣло исполнять прежде всего. Проводя затѣмъ параллель между Евой и Маріей, Тертулліанъ доказываетъ, почему именно Сынъ Божій долженъ былъ родиться отъ Дѣвы. «Вѣчная премудрость, говоритъ онъ, приготовляла насъ сначала къ тайнѣ Бога, рождающагося отъ Дѣвы. Земля была еще дѣвственна; трудъ человѣка не давалъ еще себя чувствовать ей; ни одно сѣмя не было бросаемо въ ея грудь, когда Богъ образовалъ изъ нея твореніе, предназначенное воспринять живую душу. Итакъ, если первый Адамъ былъ образованъ изъ подобной земли, по справедливости второй или «*Новый Адамъ*», какъ говоритъ Апостолъ, долженъ былъ произойти отъ Бога и отъ земли, т.-е. изъ плоти, чистота которой не была никоимъ образомъ нарушена, и долженъ былъ стать животворящимъ духомъ. И—чтобы ужъ не даромъ упомянуто было у меня имя Адама, могъ ли бы Христосъ быть названъ такимъ именемъ, если бы Его плоть не была земной субстанціей? Здѣсь проявляется въ полномъ блескѣ премудрость Бога, Который черезъ противоположное дѣйствіе возвращаетъ образъ и подобіе Свое, похищенное сатаной. Евва была дѣвой, когда открыла свою душу слову-источнику смерти. На дѣву также должно было сойти животворящее Слово Божіе, чтобы полъ, бывшій причиной нашего паденія, сталъ орудіемъ нашего спасенія. Евва повѣрила змѣю, Марія повѣрила Гавріилу. Грѣхъ, совершенный первой, по ея легковѣрію, вторая изгладила своей вѣрой. Но, возразятъ мнѣ, Евва не зачала въ лонѣ своемъ отъ слова сатаны. Мы поправимъ ошибку: она зачала! Ибо слово сатаны было для нея роковымъ сѣменемъ, которое привело ее къ рожденію дѣтей въ позорѣ и скорби. Наконецъ, она дала жизнь діаволу—братоубійцѣ. Марія, напротивъ, носила во чревѣ Того, Который долженъ былъ нѣкогда спасти Израиля — Своего брата по плоти и Своего убійцу. Богъ, слѣдовательно, соблаговолилъ сойти въ лоно жены Своему Слову, сострадательному брату, чтобы изгладить память о братѣ—убійцѣ. Надо было, чтобы Христосъ, для спасенія людей, вышелъ оттуда, куда вошелъ осужденный человѣкъ». «Не будучи еще рожденъ отъ Дѣвы, Сынъ Божій могъ имѣть Бога—Отцомъ, безъ матери по человѣческой природѣ; равнымъ образомъ при рожденіи отъ Дѣвы, не имѣя человѣка отцомъ, Онъ могъ имѣть мать по

человѣческой природѣ». Характеръ двухъ субстанцій показалъ намъ во Христѣ Бога и человѣка, родившагося и нерожденнаго; плотскаго и духовнаго, слабаго и всемогущаго; подвластнаго смерти и безсмертнаго. Эти различныя свойства свидѣтельствуютъ о двухъ природахъ, божественной и человѣческой, той и другой, дѣйствительно присущихъ Тому, въ Которомъ вѣра признаетъ дѣйствительность духа и плоти.

Тертулліанъ, изложивъ свои доказательства въ пользу дѣйствительности воплощенія Слова, заканчиваетъ свой трактатъ многознаменательными словами Симеона Богопріимца: «Се лежитъ Сей на паденіе и на возстаніе многихъ въ Израилѣ и въ предметъ пререканій!»

О воскресеніи плоти.

(Liber de Resurrectione).

Сочиненіе о воскресеніи плоти имѣетъ тѣсную связь съ другими сочиненіями автора, направляясь противъ философовъ и еретиковъ, противъ которыхъ онъ боролся въ трактатахъ: de Carne Christi, adversus Marcionem, de Anima и др. Особенное значеніе, кромѣ свидѣтельства Св. Писанія, авторъ приписываетъ тому принципу, что вслѣдствіе тѣсной связи души съ тѣломъ возмездіе за поступки въ здѣшней жизни человѣкъ долженъ получить въ цѣломъ своемъ составѣ—въ душѣ и тѣлѣ.

Agrumentum:

Гл. 1. Ученіе о продолженіи существованія личности послѣ смерти и о ея воскресеніи суть два главнѣйшихъ догмата христіанства.

Противорѣчивыя отношенія язычниковъ и ихъ философовъ къ этому ученію.

Гл. 2. Даже въ самомъ христіанствѣ существуютъ такія секты, которыя отрицаютъ воскресеніе.

Связь этого заблужденія съ ложными ученіями, опровергнутыми Тертулліаномъ въ его болѣе раннихъ сочиненіяхъ.

Гл. 3. Слѣдуетъ допускать только такія общія понятія, добытыя человѣческимъ разумомъ, которыя согласуются съ ученіемъ откровенія, иначе эти ученія будутъ впадать въ ересь.

Гл. 4. У язычниковъ и еретиковъ очень обыкновенны разсужденія, построенныя на основаніи ходячихъ мнѣній касательно ученія о воскресеніи плоти.

Гл. 5. Человѣческая плоть, точно такъ же какъ и душа, имѣя свои отличительные признаки, имѣетъ и свои собственныя преимущества.

Гл. 6. Она представляетъ изъ себя земной прахъ, облагороженный рукой Бога и предназначенный служить оболочкой для воплощенія Христа.

Гл. 7. Послѣ того какъ она получила человѣческій образъ, перестала быть прахомъ и возвысилась до болѣе благородной субстанціи.

Плоть служитъ душѣ, какъ орудіе, какъ средство, какъ помощь во всякой дѣятельности ея, и потому въ высшей степени необходима ей и важна.

Гл. 8. Плоть при полученіи спасенія принимаетъ въ немъ также участіе.

Гл. 9. Богъ никоимъ образомъ не презираетъ человѣческой плоти: благость Бога и Христа простирается и на нее, несмотря на ея немощи.

Гл. 10. Св. Писаніе, не смотря на всѣ упреки, которые оно дѣлаетъ ей за ея слабости, не отнимаетъ однако же отъ нея и достоинствъ.

Гл. 11. Переходъ къ темѣ этой статьи. Могущество Творца. Для воскресенія плоти достаточно только возстановленія ея, что гораздо возможнѣе, нежели ея первоначальное сотвореніе.

Гл. 12. Аналогіи, взятыя изъ природы, служащія примѣрами воскресенія.

Гл. 13. Птица Феникъ—образъ воскресенія.

Гл. 14. Существуютъ дальнѣйшія основательныя причины, служащія доказательствомъ воскресенія плоти.

Гл. 15. Всѣ дѣйствія человѣка добрыя и злыя принадлежатъ одновременно плоти и душѣ, слѣдовательно и наказаніе и награда должны быть возданы обѣимъ.

Гл. 16. Еретики для того, чтобы обезсилить этотъ выводъ, говорятъ, что плоть представляетъ изъ себя неразумное орудіе души, которое само по себѣ не имѣетъ въ себѣ никакой воли.

Гл. 17. Хотя по психологіи Тертулліана душа и имѣетъ свою оболочку, изъ этого еще не слѣдуетъ, что нѣтъ надобности въ воскресеніи плоти. Напротивъ, для полноты возмездія необходимо допустить его, такъ какъ плоть принимаетъ участіе во всѣхъ дѣйствіяхъ души.

Гл. 18. Обзоръ сказаннаго. Истолкованіе словъ воскресеніе мертвыхъ.

Гл, 19. Еретики стараются свести это выраженіе къ аллегоріи или къ образному способу выраженія.

Гл. 20. Они утверждаютъ и, конечно, неосновательно, что пророки всегда говорили образно и никогда прямо.

Гл. 21. Однако на основаніи здраваго смысла нельзя принимать, что воскресеніе плоти было выраженіемъ аллегорическаго свойства.

Гл. 22. Нѣкоторые еретики понимаютъ подъ воскресеніемъ—достиженіе истиннаго познанія Бога. Но это не имѣетъ основанія, потому что и пророки, и Христосъ относятъ исполненіе этого предсказанія ко времени конца міра.

Гл. 23. Правда, Св. Писаніе знаетъ воскресеніе и въ смыслѣ духовномъ, но это воскресеніе не есть собственно то послѣднее воскресеніе, о которомъ идетъ рѣчь, и о которомъ въ посланіяхъ Апостоловъ говорится, какъ о фактѣ, имѣющемъ совершиться въ будущемъ.

Гл. 24. 25. Продолженіе.

Гл. 26. Обѣтованія, высказанныя въ Св. Писаніи по отношенію къ землѣ, суть, дѣйствительно, образныя выраженія, но, правильно истолкованныя, также подтверждаютъ вѣру въ воскресеніе плоти.

Гл. 27. Ученіе о воскресеніи очень часто скрывается и подъ другими образными выраженіями.

Гл. 28. Продолженіе разсужденія. Прообразы воскресенія.

Гл. 29. Мѣсто изъ пророка Іезекіиля 37, 1—14.

Гл. 30. Еретики стараются словамъ пророка придать значеніе аллегоріи и полагаютъ видѣть въ этомъ возстановленіе іудейскаго государственнаго строя. Опроверженіе этого мнѣнія.

Гл. 31. Слова эти не содержатъ никакого яснаго обѣтованія возстановленія іудейскаго государственнаго устройства, ибо это возстановленіе обѣщано всѣмъ людямъ вообще.

Гл. 32. Всѣ должны воскреснуть, равно какъ и тѣ, которые были пожраны дикими звѣрями и поглощены моремъ.

Произвольное отношеніе еретиковъ къ изреченіямъ пророковъ, которыя они то считаютъ аллегорическими, то считаютъ нужнымъ признать за ними прямой смыслъ.

Гл. 33. Переходъ къ Евангеліямъ. Здѣсь также далеко не все выражено въ притчахъ, особенно относительно воскресенія, конца міра и всеобщаго суда.

Гл. 34. Грѣхопаденіемъ человѣкъ погубилъ себя, какъ со стороны духовной, такъ и со стороны тѣлесной. Возстановленіе и спасеніе обѣщано также человѣку въ его цѣлости—въ духовной и тѣлесной природѣ.

Когда Христосъ говоритъ, что Онъ хочетъ спасти погибшее, то, очевидно, Его спасающая дѣятельность будетъ направлена и на возстановленіе плоти.

Гл. 35. Тѣлесное возстановленіе слѣдуетъ еще изъ того, что въ Евангеліи очень ясно говорится о наказаніяхъ тѣлу, которымъ оно будетъ подвержено въ аду.

Гл. 36. Доказательство воскресенія лежитъ въ отвѣтѣ Іисуса Христа, данномъ саддукеямъ, приведенномъ у Луки (20, 27—39).

Гл. 37. Устраненіе возраженія на основаніи мѣста у Іоанна 6. 64.

Гл. 38. Столь же убѣдительными являются, какъ и слова самого Господа, тѣ воскрешенія мертвыхъ, которыя были совершены Имъ.

Гл. 39. Переходъ къ свидѣтельствамъ о воскресеніи плоти, взятымъ изъ посланій Апостола Павла.

Гл. 40. Разсужденіе о текстѣ изъ втораго посланія къ Коринѳянамъ (4, 16—18).

Гл. 41. Разсужденіе о текстѣ изъ втораго посланія къ Коринѳянамъ (5, 1 и дал.).

Гл. 42. Разсужденіе о словахъ, сказанныхъ въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ (15, отъ 1 и дал.).

Гл. 43. Устраненіе нѣкоторыхъ возраженій, вытекающихъ будто-бы изъ словъ Апостола Павла.

Гл. 44. Продолженіе разсужденія. Слова, сказанныя во второмъ посланіи къ Коринѳянамъ (4. 10): («Всегда носимъ въ тѣлѣ мертвость Господа Іисуса, чтобы и жизнь Іисусова открылась въ тѣлѣ нашемъ») никоимъ образомъ не говорятъ противъ воскресенія плоти.

Гл. 45. Противники истиннаго ученія ложно понимаютъ и примѣняютъ мѣсто изъ посланія къ Ефесянамъ (4, 22, 23—24), гдѣ Павелъ говоритъ о древнемъ и новомъ человѣкѣ: «Отложить прежній образъ жизни ветхаго человѣка, истлѣвающаго въ обольстительныхъ похотяхъ, а обновиться духомъ ума вашего и облечься въ новаго человѣка, созданнаго по Богу, въ праведности и святости истины».

Гл. 46. Объясненіе ученія Апостоловъ о плотскомъ и чувственномъ вообще.

Гл. 47. Необходимость возстановленія въ нравственномъ отношеніи и исцѣленія человѣка, по ученію Св. Павла, касается также и плоти, поэтому и для нея въ будущемъ слѣдуетъ ожидать награды.

Гл. 48. Возраженія, взятыя изъ перваго посланія къ Коринѳянамъ (15. 50), гдѣ Павелъ говоритъ, что плоть и кровь не могутъ получить царствія Божія: «скажу вамъ, братія, что плоть и кровь не могутъ наслѣдовать царствія Божія, и тлѣніе не наслѣдуетъ нетлѣнія».

Доказательство, что Павелъ, не смотря на сказанныя слова, приписываетъ тѣлу извѣстное участіе въ заслугахъ, а слѣдовательно и въ благахъ царствія небеснаго.

Гл. 49. Продолженіе разсужденія. Если плоть и кровь не могутъ наслѣдовать царствія Божія, то подъ этимъ подразумѣвается не ихъ субстанція, но грѣховная дѣятельность.

Гл. 50. Продолженіе разсужденія. Апостолъ не отнимаетъ у нихъ возможности воскресенія, но не обѣщаетъ имъ только участія въ благахъ царствія Божія, которое является вѣчной наградой на небесахъ.

Гл. 51. Продолженіе разсужденія. Плоть и кровь у прообраза нашего Христа вознесены были на небо.

Павелъ ясно учитъ объ уничтоженіи смерти и возстановленіи тлѣнія.

Гл. 52. Свойство воскресшей плоти.

Апостолъ Павелъ учитъ объ этомъ подъ образомъ прозябанія сѣмени,—о тождествѣ воскресшей съ настоящей плотью.

Гл. 53. Когда Павелъ говоритъ: «сѣется тѣло душевное, возстаетъ тѣло духовное», онъ разумѣетъ здѣсь, очевидно, настоящее тѣло.

Христосъ—новый Адамъ по отношенію къ воскресенію.

Гл. 54. Апостолъ Павелъ во второмъ посланіи къ Коринѳянамъ (5. 4. «ибо мы, находясь въ этой хижинѣ, воздыхаемъ подъ бременемъ, потому что не хотимъ совлечься, но облечься, чтобы смертное поглощено было жизнью») никакимъ образомъ не говоритъ объ уничтоженіи плоти.

Гл. 55. Тождество воскресшей плоти съ плотью прежней. Различіе въ понятіяхъ уничтоженія и измѣненія.

Гл. 56. Тождество воскресшей плоти съ плотью настоящей, доказываемое путемъ разсужденія о наградѣ и наказаніи, которыя она заслужила.

Гл. 57. Изуродованныя и недоразвитыя тѣла воскреснутъ цѣльными и неповрежденными и будутъ вѣчно и безболѣзненно существовать.

Гл. 58. Воскресшая плоть не подвержена никакимъ несчастіямъ.

Гл. 59. Нельзя говорить о томъ, что настоящая субстанція плоти не годится для грядущаго вѣка.

Гл. 60. О томъ, въ какомъ состояніи будутъ находиться отдѣльные члены тѣла, дѣятельность коихъ должна отчасти прекратиться.

Гл. 61. Что произойдетъ съ органами, служащими для питанія и произрожденія.

Гл. 62. Мы будемъ по воскресеніи какъ ангелы Божіи.

Гл. 63. Общій выводъ: resurget igitur caro, et quidem omnis, et quidem ipsa, quidem et integra!

Возражая гностикамъ въ защиту дѣйствительности воплощенія Слова, Тертулліанъ указывалъ на то, что составляетъ нашу славу, величіе и надежду, т. е. на воскресеніе души и тѣла.

Гностики говорили: можно ли надѣяться, чтобы плоть, нечистая съ самаго начала, ставшая съ теченіемъ жизни еще болѣе нечистой, обратившаяся въ трупъ, и потомъ въ то, чему уже нѣтъ имени ни на какомъ языкѣ,—чтобы она воскресла въ томъ же состояніи, въ какомъ она была нѣкогда? Обнаружитъ ли снова плоть присущія ей потребности? Нужны ли ей будутъ пища и питье? Будемъ ли мы, какъ въ прошломъ, стыдиться одной части насъ самихъ? Возобновится ли функція каждаго изъ членовъ нашего тѣла? Будемъ ли мы имѣть шрамы, раны, лихорадку, подагру—и смерть? Если такова участь, ожидающая плоть по воскресеніи, то остается пожелать вторично избавиться отъ такой плоти.

«Что говорите вы о тѣлесныхъ безобразіяхъ!? возражаетъ Тертулліанъ. Плоть воскрешена будетъ во всей своей цѣлости. Полное преобразованіе исцѣлитъ ее отъ недостатковъ. Какъ жизнь дана намъ Богомъ, такъ будетъ и возвращена. Какую мы ее получили, такую и обратно получимъ. Намъ будетъ возвращена природа, а не безобразіе. Мы оживемъ такими, какими родились, а не такими, какими насъ сдѣлала жизнь».

«Пусть не говорятъ, что наши члены будутъ безполезны, если имъ не нужно будетъ болѣе исполнять ихъ теперешнихъ функцій; эти функціи имѣютъ отношеніе только къ нуждамъ теперешней жизни и должны прекратиться вмѣстѣ съ этими нуждами. Не будетъ голода—не будетъ и пищи; нѣтъ жажды—не нужно и питье; никто не будетъ рождаться—никто

не будетъ и рождать; не будетъ потребности въ средствахъ къ жизни—не будетъ и труда. Разъ уничтожена смерть—пища не нужна больше для поддержанія жизни. Другая дѣятельность, менѣе грубая и болѣе возвышенная, замѣнитъ здѣшніе труды, ибо ничто изъ принадлежащаго намъ не будетъ безполезнымъ передъ лицомъ Бога». «Уподобившись ангеламъ, по слову Божію, мы раздѣлимъ съ ними ихъ свойства, не отрекаясь отъ нашей природы. Душа наша подобна женѣ; за ней плоть послѣдуетъ, какъ приданое. Душа будетъ имѣть свое орудіе, свое украшеніе, свою рабыню—это будетъ плоть: плоть послѣдуетъ за душой какъ молочная сестра».

«Быть можетъ, васъ устрашаетъ затрудненіе при собраніи элементовъ плоти, разсѣянныхъ по всѣмъ направленіямъ? Но Богъ, сотворившій все изъ ничего, можетъ воззвать изъ ничего плоть, ставшую ничѣмъ. Кто помѣшаетъ Ему вырвать плоть изъ пучины, какова бы ни была пучина, гдѣ она погребена? Кто сдѣлалъ что-либо, можетъ снова это передѣлать; болѣе могущества въ созданіи, чѣмъ въ возсозданіи; въ дарованіи существованія, чѣмъ въ возвращеніи его. Повѣрьте—возстановленіе плоти легче творенія!»

Гностики отвергали воскрешеніе плоти потому, что это казалось имъ недостойнымъ Божественнаго величія, вслѣдствіе ихъ глубокаго презрѣнія ко всему матеріальному. Тертулліанъ, возражая еретикамъ, указываетъ на то, что Богъ образовалъ человѣка Своей рукой для того, чтобы отличить его отъ прочихъ существъ, созданныхъ Его словомъ. «Конечно, это илъ, это ничтожество. И то было уже счастье, если бы Богъ только коснулся его. Развѣ Богъ не могъ сотворить человѣка простымъ прикосновеніемъ? Но Онъ заботливо обработалъ эту матерію, такъ велико было приготовлявшееся чудо! Чѣмъ болѣе на этой матеріи отпечатлѣваются руки Господни, чѣмъ больше ея касаются, ее образуютъ эти руки, тѣмъ больше плоть пріобрѣтаетъ чести. Вообрази себѣ Бога, всецѣло занятаго Своимъ дѣломъ. Онъ отдается этому дѣлу весь: здѣсь Его руки, духъ, дѣло, совѣтъ, премудрость, провидѣніе... Любовь водитъ Его рукой по набрасываемымъ линіямъ. Вѣдь черезъ этотъ грубый илъ Онъ пошлетъ Своего Христа, который будетъ человѣкомъ! Новую честь пріобрѣтаетъ тѣло отъ соединенія съ душой». «Вопервыхъ, ты видишь, продолжаетъ онъ, что илъ пріобрѣлъ честь отъ того, что его коснулись Божественныя руки; плоть пріобрѣла еще больше чести отъ Божественнаго дыханія, при помощи котораго она восприняла достоинство души. Ты не искуснѣе Бога. Если ты не оправляешь въ свинецъ, въ мѣдь, въ желѣзо, даже въ серебро драгоцѣннаго камня Скиѳіи или Индіи или блестящаго жемчуга Краснаго моря; если, на оборотъ, ты вставляешь его въ самое чистое и художественнымъ образомъ отдѣланное золото; если для винъ, какъ и для тонкихъ благовоній, ты приготовляешь вазы, отвѣчающія ихъ качествамъ; если даже для меча изъ хорошаго клинка ты предназначаешь достойныя его ножны—неужели ты можешь вообразить себѣ, что Богъ довѣрилъ бы тѣнь Своей души, дуновеніе Своего Духа, дѣло Своихъ устъ какому нибудь низкому сосуду, свидѣтельствуя такимъ образомъ о Своемъ пренебреженіи недостоинствомъ самаго мѣста, гдѣ Онъ помѣстилъ бы его? Да, поистинѣ почетно для плоти заключать въ себѣ душу, которая такъ близка къ Богу!

«Не благодаря ли плоти душа наслаждается дарами природы, богатствамиміра и красотою стихій? Не благодаря ли плоти она владѣетъ орудіями чувствъ: зрѣнія, слуха, обонянія, вкуса, осязанія? Благодаря плоти, душа вооружена могуществомъ, способнымъ совершить все словомъ и даже нѣмымъ языкомъ жестовъ и взгляда. Слово же есть одинъ изъ органовъ плоти. Плоть—колесница искусствъ. Плоть поддерживаетъ науку и геній. Плоть—условіе промышленности, общественной жизни, всей дѣятельности. Жизнь души есть также и жизнь плоти, такъ что «не жить» для души значитъ быть отдѣленной отъ единенія съ плотью. Поэтому смерть—есть дѣло плоти, какъ и жизнь. Но, если все подвластно душѣ, благодаря дѣятельности плоти, значитъ—все подвластно одинаковымъ образомъ и плоти. Плоть, по служенію ея душѣ, является ея

подругой и сонаслѣдницей: если сонаслѣдницей временныхъ благъ, такъ почему же и не наслѣдницей вѣчныхъ?»

«Перейдемъ теперь къ преимуществамъ, которыя даетъ имя христіанина передъ лицомъ Бога этой субстанціи, низкой и немощной. Конечно, было бы достаточно для значенія плоти и того, что ни одна душа не можетъ получить спасенія, какъ только вѣрующая въ Бога, пока она въ плоти: настолько вѣрно, что плоть остается основаніемъ спасенія! Душа направлена къ служенію Богу —плоть доставляетъ ей эту честь. Плоть омывается, чтобы душа была очищена; плоть помазуется, чтобы душа была освящена; плоть знаменуется священнымъ знаменіемъ, чтобы душа была укрѣплена; плоть подвергается возложенію рукъ, чтобы душа была просвѣщена Духомъ; плоть питается тѣломъ и кровью Іисуса Христа, чтобы душа насытилась Богомъ. Онѣ не могутъ быть раздѣлены и въ наградѣ, такъ какъ онѣ соединены въ трудѣ». Затѣмъ Тертулліанъ перечисляетъ лишенія и добровольныя жертвы плоти, истязанія, которымъ она подвергается въ мученичествѣ.

«Неужели не воскреснетъ плоть, получившая отъ Бога столько почестей; плоть, которую Богъ образовалъ Своими руками и по Своему образу; которую Онъ одушевилъ Своимъ дуновеніемъ по подобію Своей жизни; которую Онъ поселилъ во вселенной, чтобы плоть жила въ ней, наслаждалась ей, владычествовала надъ Его твореніями; которую Онъ удостоилъ Своихъ таинствъ и ученія; плоть, чистоту которой Онъ любитъ, умерщвленіе одобряетъ, страданія цѣнитъ? Нѣтъ, нѣтъ! Далека отъ насъ мысль, что Богъ предоставитъ разрушенію безъ возврата дѣло рукъ Своихъ, предметъ Его творчества, оболочку Его дуновенія, царицу Его твореній, наслѣдницу Его щедрости, служительницу Его религіи, воина Его вѣры, сестру Его Христа!»

Гностики говорили, что плоть простой сосудъ, не слуга души. Поэтому на Страшномъ Судѣ появится одна душа, такъ какъ плоть не отвѣтственна за употребленіе, дѣлаемое душой изъ сосуда—плоти, какъ не отвѣтственна чаша, въ

которой былъ ядъ. Тертулліанъ возражаетъ на это, что сравненіе здѣсь не точно. Всякій сосудъ или орудіе, въ родѣ чаши или меча, не составляетъ части человѣческаго тѣла, которому они чужды. Напротивъ, тѣло составляетъ одно съ душой, каждое проявленіе которой отражается и на тѣлѣ въ силу общности существованія и жизни. Совершенство и полнота Божественнаго суда могутъ осуществиться только тогда, когда человѣкъ предстанетъ весь въ своей цѣлости. Но человѣческая природа имѣетъ свою цѣлость въ соединеніи двухъ субстанцій—тѣла и души. Такимъ образомъ слѣдуетъ, чтобы человѣкъ явился въ той и другой субстанціи, чтобы быть судимымъ во всей цѣлости. Какимъ онъ жилъ, таковымъ онъ и долженъ быть судимъ. «Вездѣ, гдѣ священныя книги говорятъ о воскресеніи мертвыхъ, (а онѣ говорятъ точно и много разъ) можетъ быть вопросъ только о воскресеніи плоти, ибо душа, будучи безсмертна, не имѣетъ нужды въ воскресеніи. Воскресеніе духовное не исключаетъ воскресенія плоти, которому оно служитъ образомъ и залогомъ. Не все у пророковъ образъ; у нихъ находится и дѣйствительность; не все тѣнь, ибо тѣнь предполагаетъ тѣло. Въ извѣстномъ пророчествѣ Іезекіиля, какъ и въ посланіяхъ Св. Павла, въ Евангеліяхъ, въ Дѣяніяхъ Апостоловъ, и въ Апокалипсисѣ св. Іоанна говорится о воскресеніи, которое совершится въ послѣдній день въ концѣ временъ, – о воскресеніи, отличающемся отъ нравственной перемѣны, происходящей въ теченіе нашей земной жизни. Мы оставимъ безъ возврата наши грѣхи и пороки—дѣла нашей плоти, а не самую плоть, которая займетъ мѣсто одесную Отца, такъ какъ и Христосъ, Богъ и человѣкъ въ одно время, возсѣлъ тамъ въ цѣлости Своей природы. Всѣ воскреснутъ для суда, но не всѣ для славы. Между тѣми и другими есть общность субстанціи и природы. Различіе будетъ существовать только относительно свойствъ воскрешенныхъ тѣлъ».

Противъ Праксея.

(Liber adversus Praxeam).

Исходнымъ пунктомъ антитринитаріевъ 2 и 3 вѣка была кажущаяся невозможность примирить единство Божіе съ троичностью Лицъ, или, выражаясь языкомъ того времени, идею монархіи съ идеей воплощенія. По ихъ мнѣнію, Отецъ, Сынъ и Св. Духъ не болѣе, какъ простыя наименованія, служащія для характеристики внѣшнихъ проявленій одного и того же Божественнаго начала. Слѣдовательно, цѣль автора состояла въ томъ, чтобы установить догматъ троичности Божественныхъ ѵпостасей и въ вмѣстѣ съ тѣмъ единства и недѣлимости Божественной сущности.

Argumentum:

Гл. 1. Въ эпоху римскаго папы, по однимъ Елевѳерія, по другимъ, Виктора, Праксей отличался своею дѣятельностью противъ Монтанистовъ, но въ то же время разсѣевалъ сѣмена своей ереси—патрипассіанства.

Гл. 2. Всѣ ереси, точно такъ же, какъ и ересь Праксея, могутъ быть отвергнуты на основаніи истиннаго вѣроученія.

Гл. 3. Предметъ сочиненія. Противники говорятъ, что только на основаніи ихъ собственнаго ученія можетъ быть доказано единство Бога. Ѵпостасное бытіе Сына и Св. Духа не противорѣчитъ единству Божію.

Гл. 4. Что Отецъ и Сынъ—двѣ ѵпостаси—слѣдуетъ изъ перваго посланія къ Коринѳянамъ, гдѣ говорится: «А затѣмъ

конецъ, когда Онъ предастъ царство Богу и Отцу, когда упразднитъ всякое начальство, и всякую власть и силу» (15, 24).

Гл. 5. Болѣе точное опредѣленіе задачи. Бытіе, сущность и свойство Сына Божія.

Божественная мудрость, по аналогіи съ человѣческой способностью мышленія, въ Богѣ вѣчна, какъ вѣчно Его слово.

Гл. 6. Божественная мудрость на основаніи книги Притчей и ея участіе въ сотвореніи міра.

Гл. 7. Бытіе Божественнаго Слова на основаніи Притчей и нѣкоторыхъ псалмовъ.

Гл. 8. Какимъ образомъ и въ какомъ смыслѣ Сынъ можетъ быть названъ порожденіемъ Отца?

Гл. 9. Онъ именно таковъ, несмотря на то, что не произошло никакого дѣленія въ Божественной сущности.

Гл. 10. Отецъ и Сынъ не могутъ быть одной и той же ѵпостасью, что очевидно изъ естественныхъ и логическихъ основаній.

Гл. 11. Свидѣтельства, взятыя изъ пророка Исаіи и псалмовъ, что Отецъ и Сынъ два различныхъ лица.

Гл. 12. Продолженіе разсужденія. Изложеніе хода творенія указываетъ также на ту же истину.

Гл. 13. Но изъ этого не слѣдуетъ, что надо ихъ считать двумя различными божествами.

Возраженіе противъ двоебожія. Смыслъ нѣкоторыхъ мѣстъ Ветхаго Завѣта, говорящихъ, повидимому, о двухъ Богахъ, служилъ къ тому, чтобы пролагать путь вѣрѣ въ божественность Христа, но не внушаетъ двоебожія и не противорѣчитъ единству Божію.

Гл. 14. Ѵпостась Бога Сына проявлялась въ нѣсколькихъ богоявленіяхъ Ветхаго Завѣта.

Гл. 15. Точно также изъ Новаго Завѣта ясно, что Отецъ и Сынъ—двѣ ѵпостаси.

Гл. 16. Откровенія Сына Божія въ Ветхомъ Завѣтѣ.

Гл. 17. Сыну такъ же свойственно, какъ и Отцу, названіе Бога и притомъ Всемогущаго.

Гл. 18. Священное Писаніе одновременно учитъ о единствѣ Божіемъ и отличаетъ Отца отъ Сына. Часто встрѣчающіяся въ В. Завѣтѣ указанія на единство Божіе направлены главнѣйше противъ склонности евреевъ къ многобожію.

Гл. 19. Точно также не говоритъ противъ ипостасности Сына мѣсто у пророка Исаіи, къ которому привязывались еретики: Азъ единъ распростеръ небеса. Но если въ Священномъ Писаніи ясно выражено ученіе о второмъ лицѣ Св. Троицы, этимъ вовсе не утверждается двойственность Божества и не уничтожается единобожіе.

Гл. 20. Главнымъ оружіемъ патрипассіанъ служатъ мѣста, въ которыхъ Господь высказываетъ Свое единство съ Богомъ Отцомъ: (Іоан. 14, 9—10) «Іисусъ сказалъ ему: столько времени Я съ вами, и ты не знаешь Меня, Филиппъ? Видѣвшій Меня видѣлъ Отца; какъ же ты говоришь: по кажи намъ Отца? Развѣ ты не вѣришь, что Я въ Отцѣ и Отецъ во Мнѣ? Слова, которыя говорю Я вамъ, говорю не отъ Себя; Отецъ, пребывающій во Мнѣ, Онъ творитъ дѣла».

Гл. 21. Мѣста изъ Евангелія отъ Іоанна, изъ которыхъ явствуетъ ипостасное различіе Сына Божія отъ Отца.

Гл. 22—25. Продолженіе разсужденія.

Гл. 26. Три прочихъ Евангелія согласны въ этомъ отношеніи съ Евангеліемъ отъ Іоанна.

Гл. 27. Послѣдняя уловка Праксея заключается въ томъ, что онъ считаетъ духовную сторону Іисуса Богомъ-Отцомъ, а тѣлесную Богомъ-Сыномъ.

Съ такимъ положеніемъ возникаетъ смѣшеніе божественной и человѣческой природы въ личности Христа, между тѣмъ какъ обѣ природы были въ Немъ соединены, но не смѣшены.

Гл. 28. Если бы Христосъ, иначе называемый Помазанникомъ, былъ бы тѣмъ же самымъ лицомъ, какъ и Его Отецъ, то кѣмъ же Онъ могъ быть помазанъ, а Христосъ вѣдь, какъ извѣстно, Помазанникъ Отца?

Гл. 29. Праксей не хочетъ согласиться съ тѣмъ, что онъ своимъ ученіемъ заставляетъ страдать и Бога-Отца.

Напрасно онъ старается различными реторическими уловками избѣжать этого слѣдствія, выводимаго изъ его ученія.

Гл. 30. Точно также безпомощное состояніе Христа на Крестѣ, Его могущество послѣ смерти и воскресенія и сидѣніе одесную Отца не согласуются съ патрипассіанскимъ ученіемъ.

Гл. 31. Монотеизмъ есть основное положеніе іудейства. Христіанское ученіе о Св. Троицѣ является законченнымъ откровеніемъ и высшею ступенью Богопознанія.

Спасительность Новаго Завѣта зиждется на ученіи о Св. Троицѣ.

Тертулліанъ въ началѣ трактата воспроизводитъ апостольскій символъ, затѣмъ излагаетъ догматъ о Троицѣ въ каѳолическомъ смыслѣ. «Еретики хвастаютъ, говоритъ онъ, что владѣютъ чистой истиной, потому что воображаютъ, что единственно—возможный способъ вѣрить въ единство Бога значитъ смѣшивать въ одномъ и томъ же лицѣ Отца, Сына и Святаго Духа, какъ будто бы Одинъ не есть все, если все происходитъ изъ одного по единству естества, при чемъ не уничтожается таинство домостроительства, открывающее намъ Троицу и позволяющее различать три лица: Отца, Сына и Духа Святаго. Они суть три не по естеству, но по степени, не по сущности, но по лицу, не по могуществу, но по Своимъ личнымъ свойствамъ—всѣ три одного существа, одной природы и одного могущества, потому что есть только одинъ Богъ, и отъ Него происходятъ и степени и лица и личныя свойства, подъ именемъ Отца, Сына и Св. Духа». Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ указываетъ сначала въ Ветхомъ Завѣтѣ слѣды догмата о Троицѣ, приводя преимущественно тѣ мѣста, которыя подтверждаютъ, что Богъ Самъ по Себѣ невидимъ и въ то же время открывается людямъ. Отсюда онъ выводитъ заключеніе, что Тотъ, Котораго никто не видитъ и не можетъ видѣть, иное лицо, чѣмъ Тотъ, Который проявляется въ послѣдовательности

временъ. Затѣмъ онъ обращается къ Новому Завѣту, гдѣ на каждой страницѣ встрѣчается свидѣтельство о троичности Божественныхъ Лицъ. Объ этомъ догматѣ свидѣтельствуетъ съ начала до конца Евангеліе Іоанна, то же подтверждаютъ другіе Евангелисты, называя Христомъ и Сыномъ Божіемъ Того, Кто обѣщаетъ Своимъ ученикамъ царство, уготованное Отцомъ Его; Кто, умирая вручаетъ душу Свою въ руки Отца; Кто, по воскресеніи Своемъ, даетъ, какъ послѣднее наставленіе Апостоламъ, повелѣніе крестить во имя Отца, Сына и Святаго Духа. «Если все это, заключаетъ Тертулліанъ, не доказываетъ различія лицъ въ Богѣ, то значитъ слѣдуетъ отказаться навсегда отъ мысли что либо доказать Евангеліемъ. Но возможно ли въ то же время сказать, на основаніи этихъ свидѣтельствъ, что есть два Бога, два Господа? Никогда подобное слово не вырвется изъ нашихъ устъ, — не потому, чтобы Отецъ или Сынъ или Святой Духъ не былъ Богомъ; не по тому, чтобы каждый изъ Нихъ не былъ Богомъ; но потому, что, различая лица, мы не дѣлимъ естество, одинаковое въ трехъ лицахъ.»

Возражая еретикамъ по поводу евангельскаго текста: «Азъ и Отецъ едино есмы», Тертулліанъ продолжаетъ: «на этомъ основаніи хотѣли утвердиться безумные или, лучше сказать, слѣпые. Во первыхъ они не видятъ, что «Азъ и Отецъ» означаютъ двоихъ; затѣмъ «есмы» означаетъ не одно лицо, потому что глаголъ стоитъ во множественномъ; наконецъ, сказано: «мы есмы одно», а не «мы есмы одинъ». Если бы было сказано — «мы есмы одинъ», мнѣніе еретиковъ имѣло бы нѣкоторую опору. «Одинъ» на самомъ дѣлѣ, повидимому, означаетъ единственное число. Кромѣ того, *два* требуютъ мужскаго рода. Вмѣсто этого сказано «одно» въ среднемъ родѣ, какъ будто для того, чтобы подтвердить не единственное число, но единство, сходство, единеніе, любовь Отца, Который любитъ Сына, и послушаніе Сына, Который повинуется волѣ Отца. Эти слова: «Я и Отецъ — одно» доказываютъ, что есть двое, которыхъ они приравниваютъ другъ къ другу, соединяя ихъ». Такимъ образомъ единство субстанціи Отца, Сына и Духа Святаго, Параклета, образуетъ три нераздѣлимыхъ лица, которыя идутъ одно за другимъ, такъ что трое суть одно, но не одинъ, согласно сказанному: «Я и Отецъ одно», что обозначаетъ единство естества, а не единство лицъ.

Прежде всего (говоритъ Тертулліанъ по поводу рожденія Слова) существовалъ одинъ, будучи для Самого Себя Своимъ міромъ, Своимъ пространствомъ и всѣмъ. Онъ существовалъ одинъ, потому что не было ничего, кромѣ Его. Впрочемъ, Онъ не былъ и тогда Одинъ, такъ какъ Онъ имѣлъ, вмѣстѣ съ Собой, какъ и въ самомъ Себѣ, Свой Разумъ, потому что Богъ премудръ: Разумъ существуетъ въ Немъ прежде всего, и такимъ образомъ все происходитъ отъ Него (Разума). Этотъ Разумъ ничто иное, какъ умъ Его. Греки называютъ его (Разумъ) Λόγος. Это слово латиняне неправильно переводятъ словомъ sermo — рѣчь, слово выраженное, тогда какъ Разумъ у Бога древнѣе: Богъ отъ начала — не говорящій (non sermonalis), но разумный (rationalis). *Это различіе между Богомъ разумнымъ и говорящимъ не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, чтобы Слово не было присуще (имманетно) Богу отъ вѣчности; этимъ указывается только на внутренніе моменты жизни Слова или втораго лица Пр. Троицы. Какъ отъ вѣчности присущее Отцу, пребывающее въ лонѣ Отца, Оно есть Разумъ. Открываясь во внѣ, Оно есть Слово.* «Впрочемъ какая надобность въ этихъ объясненіяхъ? Ибо хотя Богъ не изрекъ Слова (sermonem), Онъ всетаки имѣлъ Его (Λόγος) въ глубинѣ Своего существа (intra semetipsum) въ самомъ Разумѣ и съ Самимъ Разумомъ, тайно, молчаливо размышляя и располагая Самъ съ Собою то, что Онъ намѣревался выразить чрезъ Свое Слово. Въ самомъ дѣлѣ, съ Разумомъ Своимъ размышляя такимъ образомъ и располагая все, (что хотѣлъ сотворить), Онъ произвелъ Словомъ то, о чемъ размышлялъ въ Себѣ Самомъ». Отсюда видно, что Слово и Разумъ у Тертулліана — второе лице Св. Троицы.

«Для того, чтобы понять это скорѣе, ты, образъ и подобіе Божіе, разсмотри, на основаніи самого себя, разумъ, который ты носишь въ самомъ себѣ, такъ какъ ты разумное живое существо, созданное разумнымъ Существомъ и одушевленное Имъ Самимъ. Разсмотри! Когда ты размышляешь молчаливо самъ съ собой, это внутреннее движеніе происходитъ вслѣдствіе твоего разума, который встрѣчается у тебя сейчасъ же съ словомъ при всякомъ движеніи твоей мысли, при всякомъ возбужденіи ума. Все, что ты мыслишь, есть слово и въ словѣ—разумъ. Ты необходимо о чемъ нибудь бесѣдуешь въ глубинѣ души своей, и когда бесѣдуешь,—то есть слово—собесѣдникъ твой, въ которомъ присутствуетъ и самый разумъ; ты говоришь съ тѣмъ, чрезъ что размышляешь говоря. Итакъ, нѣкоторымъ образомъ, въ тебѣ есть второе слово, чрезъ которое ты говоришь, размышляя, и черезъ которое говоря размышляешь. Это иное слово. Насколько полнѣе совершается это въ Богѣ, Котораго ты—образъ и подобіе! Даже безмолвный Онъ имѣетъ въ Себѣ Разумъ и вмѣстѣ съ Разумомъ Слово. Итакъ я могу смѣло утверждать, что Богъ не былъ одинъ до сотворенія вселенной, такъ какъ Онъ имѣлъ въ себѣ Разумъ, а въ Разумѣ и Слово, которое Онъ родилъ вторымъ послѣ Себя, совѣщаясь Самъ съ Собою».

«Богъ произвелъ Слово, какъ учитъ этому Параклетъ, какъ дерево выходитъ изъ корня, рѣка изъ источника, лучъ отъ солнца; ибо эти различные виды суть эманаціи (προβολαί) тѣхъ сущностей, изъ которыхъ они вытекаютъ. Я не поколеблюсь сказать, что дерево, рѣка, лучъ суть дѣти корня, источника, солнца, потому что во всякомъ происхожденіи есть отцовство, и все, проистекающее отъ начала, есть порожденіе (progenies). До своего проявленія во—внѣ,—въ вѣчности безначальной второе лице св. Троицы можетъ быть названъ Filius—Logos. Открываясь въ твореніи, Онъ уже является Filius—Sermo, Слово произнесенное, открывшееся. Въ Ветхомъ Завѣтѣ творческое Слово изображается, какъ Премудрость. Лишь только Богъ благоволилъ въ соотвѣтственныхъ видахъ и субстанціяхъ сотворить то, что располагалъ (по идеальному плану) внутри Себя съ Разумомъ и Словомъ Премудрости, то Онъ прежде всего произвелъ (protulit) самое Слово, содержащее въ Себѣ нераздѣльными Разумъ и Премудрость, чтобы все произошло и создано было чрезъ то, чрезъ что Онъ размышлялъ и располагалъ, насколько все существовало въ Разумѣ Божіемъ; ибо не доставало вещамъ того, чтобы онѣ познались и утвердились въ своихъ видахъ и субстанціяхъ».

Когда осуществилось полное выступленіе и откровеніе Слово вовнѣ? Когда произошло совершенное Его рожденіе? Тогда, когда раздалось творческое: да будетъ свѣтъ! «Тогда и само Слово воспріяло Свой видъ (speciem) и свойственное Ему убранство (ornamentum)—звукъ и голосъ. Это совершенное рожденіе Слова, когда Оно произошло отъ Бога; Оно создано (conditus) отъ Него сначала (т. е. отъ вѣчности) для обдумыванія (ad cogitum) подъ названіемъ Премудрости, потомъ рождено для дѣйствія (ad effectum), затѣмъ Оно стало Сыномъ первороженнымъ (primogenitus), какъ рожденный прежде всего, и единороднымъ, какъ родившійся отъ Бога». Это слово не пустой звукъ, какъ полагали еретики: отъ Бога ничего пустаго не происходитъ. Слово, создавшее всѣ субстанціи, не можетъ само не имѣть субстанціи. Съ несравненно бо́льшимъ правомъ мы можемъ сказать это о Словѣ Божіемъ, Которое носитъ собственно имя Сына. И однако ни дерево не отдѣляется отъ корня, ни рѣка отъ источника, ни лучъ отъ солнца, также и Слово не отдѣляется отъ Бога. Слѣдовательно, согласно съ этими примѣрами, я исповѣдую и говорю, что есть двое—Богъ и Его Слово, Отецъ и Его Сынъ. Ибо корень и дерево суть двѣ вещи, но соединенныя; источникъ и рѣка суть два вида, но неотдѣлимыя; солнце и лучъ суть двѣ формы, но тѣсно связанныя. Всякая вещь, которая проистекаетъ изъ другой, необходимо вторая по отношенію къ той, отъ которой она происходитъ, но отъ нея не отдѣляется. Но гдѣ находится второй, тамъ есть два; и гдѣ находится третій—тамъ три. Третій есть Духъ, Который

проистекаетъ отъ Бога и отъ Сына, такъ же, какъ третій по отношенію къ корню есть плодъ, вышедшій отъ дерева; третій по отношенію къ источнику—ручей, который вытекаетъ изъ рѣки; третій, по отношенію къ солнцу, есть свѣтъ, испускаемый лучомъ. Ни одинъ изъ нихъ тѣмъ не менѣе не отчуждается отъ источнаго начала, отъ котораго онъ получаетъ свои свойства. Такимъ образомъ Св. Троица, проистекая чрезъ соединенныя и сопряженныя степени, ничѣмъ не вредитъ монархіи и способствуетъ въ то же время божественному домостроительству».

«Я исповѣдую слѣдующее правило, по которому признаю нераздѣльными Отца и Сына и Св. Духа; понимай Ихъ всегда таковыми, и тебѣ уяснится, въ какомъ смыслѣ такъ говорятъ. Вотъ я утверждаю, что иной Отецъ, иной (alius) Сынъ и иной Св. Духъ. Но это плохо пойметъ какой нибудь неразумный, если увидитъ различіе (diversitas) и изъ различія выведетъ раздѣленіе (separatio) Отца и Сына и Св. Духа. Я признаю Сына инымъ не по различію, но по распредѣленію (distributio) субстанціи, инымъ не по раздѣленію (divisio), но по отличію (distinctio), потому что Отецъ и Сынъ—не одно и то-же (modulo alius ab alio). Отецъ есть всецѣлая субстанція, Сынъ же произведеніе (derivatio) цѣлаго и часть Его (portio), по слову Его: Отецъ мой болѣе Меня,—понимай въ томъ смыслѣ, что Отецъ все сообщаетъ Своему Сыну, кромѣ свойства Отца. Сынъ Всемогущаго — также всемогущъ. Сынъ Бога — также Богъ».

Однимъ словомъ — Сынъ обладаетъ всею полнотою Божества, какъ и Отецъ, и столь же вѣченъ, какъ Его Слово и Премудрость.

Не слѣдуетъ забывать, что Тертулліанъ писалъ задолго до торжественныхъ собраній—вселенскихъ соборовъ, на которыхъ во всей точности установлено ученіе о Св. Троицѣ. Тѣмъ болѣе возникаетъ наше изумленіе предъ его проницательностью. Тертулліанъ приближался къ истинѣ, понималъ и описывалъ ее, но нельзя сказать, чтобы она точно и ясно опредѣлилась въ его сознаніи, чтобы онъ точно и отчетливо

опредѣлилъ единство въ различіи и различіе въ единствѣ, хотя искренно и глубоко стремился къ этому. Отражая ложное ученіе антитринитаріевъ, онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что Отецъ больше Сына, хотя въ тоже время aequit et jungit (уравниваетъ и соединяетъ). Имѣя въ виду время Тертулліана, мы вполнѣ поймемъ нѣкоторую неточность въ развитіи мысли и въ самой терминологіи. Но принимая во вниманіе всю совокупность высказанныхъ имъ понятій, мы увидимъ, что всѣ неточности и недомолвки могутъ быть истолкованы въ пользу православнаго образа мысли нашего автора.

Вся истина находится въ Отцѣ, Сынѣ и Святомъ Духѣ, согласно съ таинствомъ христіанской вѣры. Вѣрить въ Единаго Бога, не допуская въ единствѣ божественномъ Сына и послѣ Него Святаго Духа значитъ имѣть вѣру іудеевъ. Кто насъ отличилъ бы отъ нихъ безъ этого различія? Чѣмъ станетъ дѣло Евангелія и сущность Новаго Завѣта, гдѣ сказано, что «законъ и пророки продолжались до Іоанна», если съ тѣхъ поръ нѣтъ обязательства вѣровать, что Богъ единъ въ трехъ лицахъ: Отецъ, Сынъ и Духъ Святой? Богъ хотѣлъ возобновить завѣтъ вѣры, чтобы міръ инымъ образомъ увѣровалъ въ Него, въ Единаго, черезъ Сына и Духа, чтобы Богъ былъ признанъ явно подъ именами и лицами, которыя Ему свойственны.

О покрытіи головы у дѣвушекъ.

(De Virginibus velandis).

Церковь ревниво охраняла честь своихъ дѣвственницъ, которыхъ она могла противопоставить языческой распущенности, какъ доказательство своей божественности. Она простирала свою заботливость до внѣшности, стараясь устранить всякій поводъ къ соблазну. Уже во времена апостольскія возникъ вопросъ, быть ли женщинамъ въ собраніи вѣрующихъ съ покрытой головой. Апостолъ Павелъ рѣшилъ этотъ вопросъ для коринѳской церкви въ положительномъ смыслѣ. Но возникли несогласія изъ-за того, примѣнять ли правило Апостола къ однѣмъ замужнимъ женщинамъ или также и къ дѣвушкамъ. Восточныя церкви держались болѣе строгаго правила, подчиняя ему и дѣвушекъ. Западныя же церкви и въ частности карѳагенская держались болѣе снисходительной практики. Эта разница взглядовъ и подала поводъ къ написанію трактата.

Argumentum:

Гл. 1. Старинные христіанскіе обычаи и образъ жизни могутъ ли измѣняться или улучшаться?

Правило вѣры не перемѣнимо и неподвержено исправленію; но не то по отношенію къ церковной дисциплинѣ, которая можетъ развиваться.

Гл. 2. Обычай, допускающій покрытіе головъ дѣвушекъ, освященъ преданіемъ нѣкоторыхъ христіанскихъ общинъ.

Гл. 3. Противодѣйствіе сказанному обычаю исходитъ изъ черезчуръ большой свѣтскости дѣвушекъ и приноситъ ущербъ нравственности.

Гл. 4. Многіе утверждаютъ, что изреченіе Апостола въ 1-мъ посланіи къ Коринѳянамъ, гл. 11, ст. 3, и слѣд., касается только замужнихъ женщинъ.

Тертулліанъ указываетъ на то, что оно относится ко всѣмъ женщинамъ, такъ какъ выраженіе «жена» (mulier) общаго характера.

Гл. 5. Продолженіе. Такой же смыслъ имѣетъ это слово и въ книгѣ Бытія.

Гл. 6. Продолженіе. Тоже самое видимъ какъ у Апостола Павла, такъ и вообще въ Новомъ Завѣтѣ.

Гл. 7. Что Павелъ употреблялъ это слово въ данномъ значеніи, доказываютъ мотивы, выставленные имъ въ мѣстѣ, сюда относящемся.

Гл. 8. Это вытекаетъ изъ избранныхъ имъ выраженій.

Выраженія же эти слѣдуетъ понимать такъ, какъ указываетъ практика коринѳской церкви.

Гл 9. Церковная дисциплина достигаетъ того, что всѣ женщины въ церкви являются съ покрытыми головами, и дѣвушки, посвященныя Богу, появляющіяся въ церковь съ непокрытой головой, не должны считать это за свой отличительный признакъ.

Гл. 10. Ибо и холостые мужчины не пользуются никакимъ подобнымъ обозначеніемъ, хотя они, быть можетъ, могли бы имѣть болѣе претензій на это.

Гл. 11. Въ какомъ возрастѣ женщины подходятъ подъ условія этого правила? По разуму и по преданію срокомъ для этого слѣдуетъ считать вступленіе въ зрѣлый возрастъ.

Гл. 12. Продолженіе разсужденія.

Гл. 13. Несообразность того, что дѣвушки, посвященныя Богу, не соблюдаютъ въ церкви обычая покрывать головы, а на улицахъ накрываются.

Гл. 14. Онѣ оправдываютъ свое поведеніе подъ предлогомъ привлечь другихъ къ подражанію себѣ.

Но такіе поступки, возбужденные завистью и почетомъ, вредятъ только ихъ положенію.

Гл. 15. Если дѣвушка накрывается, она избѣгаетъ дурнаго глаза и заграждаетъ путь всякимъ покушеніямъ.

Гл. 16. Ретроспективный взглядъ на сказанное.

Гл. 17. Женщины также должны соблюдать обычай накрываться въ церкви и строго ему слѣдовать.

Заключеніе.

Для своей аргументаціи Тертулліанъ былъ принужденъ обратиться къ принципу, который, повидимому, противорѣчитъ его любимому тезису — давности. Онъ имѣлъ противъ себя уже давнишнюю привычку, которую хотѣлъ замѣнить новизной. Какъ же примирить духъ преобразованія съ его уваженіемъ къ преданію? Но онъ находитъ выходъ изъ подобныхъ упрековъ въ противорѣчіи себѣ самому. Прежде всего онъ различаетъ догматъ отъ дисциплины. Первый не можетъ быть измѣняемъ; послѣдняя же подвержена перемѣнамъ. «Правило вѣры, говоритъ онъ, абсолютно одно; оно единственно неизмѣняемо и непреобразуемо».

«Не то относительно дисциплины. Но надо, чтобы все имѣло свое время. Нѣтъ ничего, что́ не дождалось бы со временемъ своего усовершенствованія. Екклезіастъ говоритъ: всему свое время! Посмотрите на созданія Божіи: они постепенно достигаютъ своей зрѣлости. Вотъ сначала зерно; изъ изъ него выходитъ ростокъ; изъ ростка кустарникъ; затѣмъ крѣпнутъ вѣтви и листва; наконецъ является дерево во всемъ своемъ развитіи: почки наливаются; цвѣтокъ распускается изъ почки, плодъ родится отъ цвѣтка. Самый плодъ сначала сырой и невидный, нѣкоторое время мало по малу ростетъ, дѣлается мягче и пріобрѣтаетъ пріятный вкусъ. Возрастала въ правдѣ Божіей и церковь. Сначала она находилась въ дѣтствѣ, будучи природою, боящеюся Бога; въ

законѣ и пророкахъ она достигаетъ отрочества; чрезъ Евангеліе — юношеской силы; чрезъ Параклета — зрѣлости. *) Его мы должны принять и почитать за нашего учителя послѣ Христа. Онъ говоритъ не отъ себя, но то, что́ Христосъ поручилъ ему внушить намъ. Онъ одинъ долженъ предшествовать намъ, потому что онъ одинъ пришелъ послѣ Христа. Тѣ, которые приняли его, предпочитаютъ истину привычкѣ; тѣ, которые слышали его пророчествующимъ теперь, какъ и древле, покрываютъ головы дѣвъ. Въ церкви, наравнѣ съ неизмѣняемымъ догматомъ, можетъ также существовать прогрессъ вѣдѣнія и святости. Христосъ обѣщалъ и послалъ церкви Святаго Духа, чтобы этотъ намѣстникъ Господа присутствовалъ въ ней, управлялъ ею и велъ ее къ ея цѣлямъ. Да, постоянной миссіей Параклета является упорядоченіе дисциплины, истолкованіе Св. Писанія и направленіе душъ по пути къ совершенству».

«Вопросъ о покрывалѣ дѣвъ оставили нерѣшеннымъ, потому что разныя церкви поступали въ этомъ случаѣ, руководствуясь каждая своимъ толкованіемъ».

Для защиты своего мнѣнія Тертулліанъ прибѣгаетъ къ искусственнымъ и натянутымъ доказательствомъ: «Господь нашъ называется истинной, а не обыкновеніемъ; это не новизна, а истина, осуждающая ереси».

«Каждая благонравная дѣвушка, которая показывается публично, подвергается въ нѣкоторомъ родѣ безчестію. Притомъ терпѣть нѣкоторое стѣсненіе надъ своей плотью меньшая тягость, потому что можно видѣть въ этомъ дѣло природы. Но когда оскорбляютъ въ дѣвушкѣ самый духъ, изчезновеніе покрывала помогаетъ ей терять то, что́ она хранила». «О, святотатственныя руки, которыя могли сорвать одежду, посвященную Богу! Что́ хуже могъ сдѣлать гонитель, если бы онъ зналъ, что это — удовольствіе дѣвушки? Съ тѣхъ поръ, какъ вы открыли голову этой молодой дѣвушки, она не вполнѣ дѣвушка въ собственныхъ глазахъ своихъ; она

---

*) См. выше о заблужденіяхъ Тертулліана въ ст. о монтанизмѣ.

стала не то, что она была, стала другою. Возстань, истина, востань! Ты долго терпѣла. Надо покончить съ обычаемъ; я не желаю, чтобы ты защищала какой нибудь обычай, потому что́ стертъ уже тотъ, подъ сѣнью котораго ты наслаждалась твоими правами. Покажи, что ты покрываешь дѣвъ. Истолкуй сама свое писаніе, котораго не знаетъ обычай, потому что, если бы онъ зналъ его, онъ не существовалъ бы никогда».

Для доказательства того, что Апостолъ Павелъ въ своемъ повелѣніи женщинамъ быть съ покрытой головой въ собраніи вѣрныхъ подразумѣвалъ подъ словомъ mulier женщинъ вообще, т. е. и дѣвушекъ, а не однихъ только замужнихъ женщинъ, Тертулліанъ приводитъ аналогичныя мѣста изъ книги Бытія объ Еввѣ и изъ Новаго Завѣта о Дѣвѣ Маріи; затѣмъ онъ старается доказать, что мотивы, по которымъ Апостолъ убѣждаетъ женщинъ покрывать головы, подходятъ и къ дѣвушкамъ; скромность должна быть долгомъ, равно обязательнымъ для тѣхъ и другихъ; кромѣ того, онѣ должны накрываться въ знакъ своей зависимости и для отличія отъ мужчины, который является главой женщины Поэтому церковная дисциплина исключаетъ равно тѣхъ и другихъ изъ служенія, приличнаго только мужчинѣ. Наконецъ, сама природа указываетъ достаточно, что предписаніе Апостола имѣетъ въ виду молодыхъ дѣвушекъ наравнѣ съ женщинами. Какое значеніе имѣетъ отсутствіе брачныхъ церемотамъ, гдѣ тѣло и духъ достигли своего развитія, подобно таблицамъ, на которыхъ природа начертала свое обрученіе и свой бракъ?

Итакъ, повелѣніе Апостола Павла обнимаетъ родовое понятіе женщины, безъ подраздѣленія на замужнихъ и незамужнихъ. «Развѣ есть какая нибудь новизна въ употребленіи слова въ болѣе широкомъ смыслѣ, обнимающемъ всѣ виды родоваго понятія, особенно если нѣтъ ровно никакой небходимости различать части одного цѣлаго? Краткость рѣчи имѣетъ свою пріятную и необходимую сторону, между тѣмъ какъ распространенность ея столь же затруднительна, какъ

и безполезна. Поэтому мы довольствуемся родовыми терминами, которые обнимаютъ въ ихъ общности всѣ видовыя различія. Приложимъ этотъ принципъ къ разбираемому слову *mulier*. Слово *mulier*, *жена* является естественнымъ и общимъ терминомъ для обозначенія всего женскаго пола. Подъ нимъ понимается: дѣвушка, жена, вдова, — какое бы особое названіе ни было связано съ возрастомъ женщины. Но такъ какъ видъ подчиненъ роду, имѣющему надъ видомъ превосходство, какъ послѣдующее надъ предыдущимъ, какъ цѣлое надъ частью, то это и выражено въ обозначеніи рода, который превосходитъ и обнимаетъ видовое понятіе. Такъ, когда я называю тѣло, мнѣ нѣтъ надобности перечислять руки, ноги или какой нибудь другой членъ тѣла. Также, если говорятъ о мірѣ, то подразумѣваютъ уже, что словомъ *міръ* обозначено то, что́ онъ заключаетъ въ себѣ, т. е. солнце, луну, звѣзды, созвѣздія, земли, море, наконецъ, всѣ стихіи. Говорить *все*, значитъ обозначать то, изъ чего состоитъ *все*; поэтому называть женщину — значитъ обозначать весь женскій полъ».

«Конечно, продолжаетъ Тертулліанъ, дѣвство, когда оно чисто, цѣломудренно, не страшится ничего болѣе самого себя. Оно прибѣгаетъ къ покрывалу, какъ къ шлему, какъ къ щиту, защищающему добро его противъ нападокъ искушенія, поводовъ къ смущенію, подозрѣній, тайныхъ козней, ревности, зависти.... У язычниковъ есть нѣчто страшное, что называется сглазомъ; оно убиваетъ похвалой или ложной славой. Мы приписываемъ иногда его дѣйствія сатанѣ, которому свойственно ненавидѣть благо, иногда Богу, Которому надлежитъ судить гордость, возвышая униженныхъ и уничижая гордыхъ. Святая дѣвственница должна бояться— будетъ ли это съ одной стороны дурной глазъ врага, наказаніе ли Бога, злоба ли перваго, носящая зависть, свѣтъ ли суда втораго; она должна радоваться, если ее будетъ знать только она сама и Богъ. Пока ее будетъ знать одинъ Богъ, она мудро закростъ дверь ко всѣмъ искушеніямъ. Кто осмѣлится, въ самомъ дѣлѣ, безпокоить взглядами закрытое лицо,

не чувствующее лицо, лицо, если можно такъ выразиться, печальное? Всѣ дурныя мысли разобьются объ эту строгость. Та, которая закрываетъ свое дѣвство, возвышается надъ своимъ поломъ. Одѣвайтесь оружіемъ стыда; воздвигайте вокругъ себя валъ скромности; оградите лицо ваше стѣной, которая останавливала бы ваши собственные взгляды, удаляя взгляды чужихъ. Дополните одѣяніе женщины для того, чтобы соблюсти состояніе дѣвства. Скройте отъ взора мужчинъ нѣкоторыя изъ вашихъ природныхъ преимуществъ для того, чтобы показывать правду одному только Богу; или лучше сказать, не лгите, смотря на себя, какъ на замужнихъ, потому что вы—жены Христа. Ему вы предали плоть свою, Ему обручили зрѣлость своего возраста. Итакъ, являйтесь такими, какими желаетъ Васъ видѣть вашъ мужъ. Христосъ желаетъ, чтобы жены и невѣсты мужчинъ были съ покрытой головой; потребуетъ ли Онъ меньшаго отъ Своихъ?»

О ВѢНКѢ.

(Liber de corona).

Въ своемъ стремленіи къ крайнему ригоризму Тертулліанъ шелъ дальше цѣли, намѣченной церковію, — коснулся условій, безъ которыхъ человѣчество не могло бы выполнить своего назначенія. Онъ, повидимому, не понималъ возможности существованія христіанскаго государства. Ему казалось несовмѣстными съ Евангеліемъ гражданскія обязанности и военная служба; по крайней мѣрѣ, онъ вводитъ такія ограниченія, которыя дѣлаютъ отправленіе ихъ невозможнымъ. Ригоризмъ его не соотвѣтствуетъ духу христіанства, которое не могло ограничить свою миссію небольшимъ числомъ аскетовъ, оставившихъ міръ; его цѣль шире—воздѣйствовать обновляющимъ путемъ и преобразить весь гражданскій и общественный строй человѣчества, между тѣмъ какъ нравственныя требованія Тертулліана, особенно со времени обращенія къ монтанизму, клонились къ тому, чтобы обратить весь міръ въ монастырь.

Agrumentum:

Гл. 1. Одинъ солдатъ при раздачѣ императорскаго жалованья не хотѣлъ надѣть на свою голову вѣнка, какъ это сдѣлали другіе, указывая тѣмъ, что онъ христіанинъ; былъ за это исключенъ изъ службы и заточенъ въ темницу.

Поступилъ ли онъ правильно и по доллу?

Гл. 2. Нравственная строгость христіанъ простирается до того, чтобы не надѣвать на себя даже вѣнковъ.

Гл. 3. Въ случаѣ если Св. Писаніе не говоритъ ничего по какому нибудь вопросу, обще-христіанскій обычай имѣетъ силу и обязательность закона для всѣхъ.

Гл. 4. Продолженіе разсужденія.

Гл. 5. Носить на головѣ цвѣты въ формѣ вѣнковъ представляется противнымъ ихъ естественному назначенію.

Гл. 6. Указанія природы такъ же хороши, какъ опредѣленны ясно выраженные законы Бога. Св. Павелъ также придаетъ значеніе этимъ указаніямъ.

Гл. 7. Обычай класть вѣнки на голову отличительная черта язычниковъ и языческаго происхожденія.

Гл. 8. Если нѣкоторыя вещи, по чисто природнымъ своимъ качествамъ, у христіанъ и язычниковъ находятся въ одинаковомъ употребленіи, въ этомъ нѣтъ оправданія для случаевъ въ родѣ настоящаго.

Гл. 9. Св. Писаніе не благопріятствуетъ употребленію вѣнковъ.

Гл. 10. Примѣненіе всего сказаннаго къ ношенію вѣнковъ вообще.

Гл. 11. О вѣнкахъ воиновъ въ особенности.

Христіане должны избѣгать военной службы. (Говорится о языческ. войскѣ).

Гл. 12. Всякое ношеніе вѣнковъ, какъ это имѣетъ мѣсто у воиновъ, находится въ нѣкоторой связи съ идолопоклонствомъ.

Гл. 13. Всѣ украшенія вѣнками, столь употребительныя въ общественной и частной жизни, непозволительны для христіанъ.

Гл. 14. Указаніе на терновый вѣнецъ Христа.

Гл. 15. Указаніе на вѣчный вѣнецъ величія на небѣ.

Тертулліанъ разсказываетъ въ началѣ этого небольшаго трактата одно обстоятельство, послужившее поводомъ къ написанію его.

«Вотъ что случилось на дняхъ. Державнѣйшіе императоры раздавали должныя награды воинамъ, которые явились для полученія ихъ съ лаврами на головахъ. Одинъ изъ воиновъ, скорѣе Божій воинъ, чѣмъ императорскій, поэтому болѣе твердый, чѣмъ его собратья, вообразившіе, что могутъ служить двумъ господамъ, отдѣлялся отъ другихъ товарищей тѣмъ, что шелъ съ непокрытой головой, держа свой праздный вѣнокъ въ рукѣ и заявляя этимъ то, что онъ былъ христіанинъ. Всѣ указываютъ на него пальцами: издали— онъ предметъ насмѣшекъ, вблизи — негодованія. Говоръ доходитъ до трибуна: приходитъ очередь и ему предстать предъ послѣднимъ.—«Почему ты такъ отличаешься отъ другихъ?» «Я не могу поступать подобно имъ», отвѣчаетъ воинъ. На вопросъ же о причинѣ онъ сказалъ: «Я христіанинъ!» О, воинъ, славный у Господа! Отказъ воина подвергнуть былъ обсужденію, произвели слѣдствіе, обвиняемый былъ позванъ на судъ префектовъ. Предъ ними, готовый нести легчайшее иго, онъ снимаетъ свою тяжелую тунику, бросаетъ свою неудобную обувь для того, чтобы вступить на святую землю, отдаетъ тотъ мечъ, который не считался необходимымъ для защиты Господа, и выпускаетъ изъ своей руки вѣнокъ. Одѣтый пурпуромъ своей крови, обутый такъ, какъ требуетъ этого Евангеліе, опоясанный вмѣсто меча Божіимъ словомъ, вооруженный въ доспѣхи, о которыхъ говоритъ Апостолъ, и готовый принять вѣнокъ мученика, славнѣйшій изъ прочихъ, онъ ожидаетъ теперь гдѣ нибудь въ тюрьмѣ щедротъ Христа».

«Существуетъ много установленій, которыя мы поддерживаемъ, не имѣя однако возможности привести въ защиту ихъ ни одного текста изъ Св. Писанія, а существуютъ они лишь по преданію или по силѣ обычая. Начнемъ, напр., съ обряда при крещеніи: прежде чѣмъ войти въ воду, и нѣсколько раньше въ самой церкви мы клятвенно отрекаемся, повторяя слова священника, отъ сатаны и служенія ему и аггеловъ его; затѣмъ мы погружаемся до трехъ разъ въ воду: нѣсколько больше того, чѣмъ назначилъ Господь въ Евангеліи.

По выходѣ изъ воды мы вкушаемъ прежде всего напитокъ, составленный изъ молока и меда; съ этого дня мы удерживаемся отъ ежедневныхъ бань въ теченіе всей недѣли. Мы принимаемъ таинство Евхаристіи въ собраніяхъ вѣрующихъ, бывающихъ обыкновенно предъ началомъ дня и только изъ рукъ предсѣдающихъ на нихъ, хотя Господь вручилъ всѣмъ вѣрующимъ власть давать Евхаристію и даже въ часъ вечерней ѣды. Мы ежегодно, въ день кончины и новаго рожденія на небесахъ мучениковъ, совершаемъ приношенія за умершихъ. Мы считаемъ неприличнымъ поститься и молиться, стоять на колѣнахъ въ день Господень. Той же льготой мы пользуемся отъ дня Пасхи до дня Пятидесятницы. Если прольется капля изъ св. чаши или упадетъ крошка отъ хлѣба, совѣсть безпокоитъ насъ за нашу неосторожность. Идемъ ли мы куда или возвращаемся откуда, надѣваемъ ли на себя платье или обувь, входимъ ли мы въ купальню, садимся ли за столъ, или ложимся въ постель, наконецъ—что бы мы ни дѣлали—осѣняемъ чело крестнымъ знаменіемъ. Поищи и не найдешь ни одного свидѣтельства Св. Писанія въ подтвержденіе этихъ установленій и подобныхъ имъ. Но тебѣ укажутъ на преданіе, основавшее ихъ, обычай, утвердившій ихъ, и вѣру, соблюдающую ихъ».

«Церковный обычай не освятилъ употребленія вѣнковъ. Но можетъ быть ношеніе ихъ на головѣ сообразно съ законами природы? Властитель міра нашъ Богъ, Который создалъ человѣка, вмѣстѣ съ этимъ вложилъ въ него чувства, снабдивши соотвѣтствующими органами, чтобы желать, понимать и наслаждаться созданными Имъ дарами. Онъ вложилъ слухъ въ уши, просвѣтилъ зрѣніемъ глаза, помѣстилъ вкусъ на языкѣ, вложилъ въ ноздри обоняніе и устроилъ осязаніе на конечностяхъ рукъ. При помощи этихъ орудій внѣшняго человѣка, назначенныхъ на службу внутреннему, душа пользуется божественными дарами. Какая же собственно польза получается отъ цвѣтовъ? Существенный матеріалъ или, по крайней мѣрѣ, главный—для вѣнковъ доставляютъ полевые цвѣты. Ищутъ въ нихъ, ты скажешь, преимущество запаха,

красокъ или того и другаго. Какія же чувства возбуждаются красками или запахомъ? Мнѣ кажется, чувства зрѣнія или обонянія. Гдѣ сѣдалище этихъ двухъ чувствъ? Въ глазахъ и ноздряхъ, если не ошибаюсь. Итакъ, наслаждайся цвѣтами съ помощью зрѣнія и обонянія, воспринимающихъ отъ цвѣтовъ удовольствіе; пользуйся глазами и ноздрями, такъ какъ въ нихъ помѣщаются эти чувства. Матерія дана Богомъ, но обычай создается людьми; однако обычай, который не въ порядкѣ вещей, не можетъ быть узаконенъ въ противность правильному употребленію. Пускай сплетенные, собранные въ букетъ цвѣты, перевязанные шелковою нитью или обхваченные кольцомъ, остаются для тебя тѣмъ, чѣмъ они были, если бы оставались и на свободѣ, т. е. предметомъ, которымъ любуются и который нюхаютъ. Если тебѣ такъ нравится пучокъ цвѣтовъ, для того, чтобы имѣть ихъ въ большомъ числѣ и въ то же время вдыхать въ себя ихъ благоуханіе, храни ихъ на своей груди, если они столь красивы; разсыпь ихъ на своемъ ложѣ, если они столь нѣжны; поставь ихъ въ свою вазу, если они столь чисты—наслаждайся ими съ помощью всѣхъ своихъ чувствъ. Но какое удовольствіе они доставятъ тебѣ, если возложить ихъ на голову? Чѣмъ вѣнокъ предпочтительнѣе повязки? Употребляя цвѣты въ видѣ головнаго вѣнка, ты не видишь ни ихъ красокъ, не вдыхаешь ихъ благоуханія, не ощущаешь ихъ нѣжности. Искать цвѣтовъ для головы также противоестественно, какъ искать звуковъ для ноздрей. Но все, что противоестественно, заслуживаетъ по общему мнѣнію названія уродства; у насъ же подобное дѣло заклеймлено наименованіемъ преступленія противъ Бога, Творца и Властителя природы.

Не думаете ли, что дозволено христіанину совмѣстить клятву, данную Богу, съ присягой человѣку и, ставши слугою Христа, вступить на службу къ другому господину? Отречься отъ отца, матери, ближняго, которыхъ уважать и любить послѣ Бога повелѣваетъ древній законъ, подтвержденный равнымъ образомъ и Евангеліемъ, ибо оно ставитъ выше ихъ одного Христа!? Дозволено ли служить мечемъ,

когда Господь сказалъ, что поднимающій мечъ отъ меча погибнетъ!? Пойдетъ ли христіанъ на битву, онъ, сынъ мира, которому недозволено даже судиться? Поведетъ ли къ цѣпямъ, въ темницу, на пытки и на казнь тотъ, кому не дозволено мстить даже за свои обиды!? *) Или будетъ исправнѣе на стражѣ для другаго, чѣмъ для Христа!? Особенно въ день Господень, когда Онъ не можетъ быть на службѣ Христа!? Будетъ ли онъ стоять на стражѣ передъ храмами, отъ которыхъ отрекся!? Приметъ ли участіе въ вечернихъ трапезахъ въ мѣстахъ, запрещенныхъ Апостоломъ!? Станетъ ли ночью, опираясь на копье, которымъ былъ пронзенъ Христосъ, охранять тѣхъ, кого днемъ прогонялъ своими заклинаніями? Будетъ ли онъ носить знамя врага Христа? Испроситъ ли онъ у государя отличительный знакъ за свою службу у него, получивши уже такой знакъ отъ Бога? Пробудится ли онъ отъ сна при звукѣ военной трубы, когда послѣ своей смерти ему назначено ждать пробужденія отъ трубы архангела? Можно ли сжечь, согласно правиламъ военной дисциплины, того, котораго Христосъ освободилъ отъ геенны огненной!?... Сколько такихъ дѣяній въ военной службѣ, на которыя можно смотрѣть, какъ на вѣроотступничество! Наконецъ самое вступленіе въ лагерь тьмы не то же ли самое со стороны того, который причисленъ къ лагерю свѣта?».

«Какой вѣнокъ, спрашиваю васъ, носилъ Іисусъ Христосъ? Какъ кажется мнѣ, вѣнокъ, сплетенный изъ тернія и волчца, какъ символъ грѣховъ, которые земля произвела, но отъ которыхъ освободила ее искупительная сила креста, притупляя послѣднее жало смерти мученіями, терзавшими голову Христову. Несомнѣнно, кромѣ своего значенія, вѣнокъ Христовъ свидѣтельствуетъ объ оскорбленіи, стыдѣ, безчестіи и варварствѣ, которые, сплетенные вмѣстѣ, поругали и терзали чело Господа. Послѣ этого украшай свою голову вѣнкомъ изъ лавра, мирта, олива или иного прославленнаго дерева, наконецъ — тѣмъ больше, что это въ большомъ употребленіи — изъ столиственныхъ розъ, нарванныхъ въ садахъ Мидаса! Присоедини къ нимъ лилій всѣхъ видовъ, фіалокъ всѣхъ оттѣнковъ, можетъ быть, жемчуга и золота въ подражаніе также тому вѣнцу, который получилъ потомъ Христосъ; послѣ желчи Онъ вкусилъ сотоваго меда и былъ привѣтствованъ небеснымъ воинствомъ, какъ Царь славы, но только не прежде, чѣмъ былъ въ качествѣ царя іудейскаго пригвожденъ ко кресту; сперва былъ уманенъ Отцемъ «малымъ чимъ отъ ангелъ», потомъ увѣнчанъ славою и честію. Если за всѣ эти благодѣянія Христа ты долженъ принесть Ему въ жертву свою голову, то отдай ее также увѣнчанную, какъ была увѣнчана голова Христа, которую Онъ принесъ въ жертву за твою. По крайней мѣрѣ, не вѣнчайся цвѣтами; если ты не рѣшаешься вѣнчаться терніемъ, на цвѣты ты не имѣешь права».

*) Читая это и подобныя этому мѣста, не слѣдуетъ забывать, что авторъ жилъ въ языческомъ государствѣ. Едва ли бы онъ повторилъ свои слова столѣтіемъ или двумя позже....

О бѣгствѣ во время гоненія.

(De fuga in persecutione).

Поводомъ къ появленію этого небольшаго трактата послужило слѣдующее обстоятельство: императоръ Септимій Северъ, устрашенный успѣхами христіанской религіи, думалъ положить этому предѣлъ изданіемъ въ 202 году строгаго эдикта. Тогда въ средѣ вѣрныхъ возникъ вопросъ, дозволено ли спасаться отъ гоненія бѣгствомъ или даже предупреждать доносы на христіанъ, откупаясь деньгами, хотя и не было вопроса о томъ, дозволено или нѣтъ отказываться отъ своей вѣры передъ судомъ, такъ какъ никто не сомнѣвался въ долгѣ откровенно исповѣдывать свою вѣру въ подобныхъ случаяхъ. Дѣло шло о томъ, считать ли дозволеннымъ пользованіе человѣческими средствами съ цѣлью избѣжать смерти? Тертулліанъ не колеблется отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно въ трактатѣ «О бѣгствѣ во время гоненія» въ формѣ посланія къ одному изъ своихъ друзей, Фабію. По его мнѣнію, сущность вопроса сводится къ тому, откуда происходитъ гоненіе, кѣмъ посылается — Богомъ и діаволомъ? Если Богомъ — то бѣгство недозволительно *).

Argumentum:

Гл. 1. Гоненія на христіанъ нельзя считать просто за козни діавола, но правильнѣе приписать ихъ попущенію и положительной волѣ Бога.

*) Не забудемъ, что трактатъ писанъ авторомъ, уже перешедшимъ въ монтанизмъ.

Поэтому они требуютъ страха Божія и надежды на Бога.

Гл. 2. Особаго рода участіе діавола въ возбужденіи гоненій. Гоненіе — искушеніе вѣры христіанъ.

Однако изъ Св. Писанія можно увѣриться, что діаволъ никого не можетъ искушать безъ попущенія Божія

Гл. 3. Въ гоненіяхъ вѣра подвергается испытанію и укрѣпляется. Безъ воли Божіей ничего не происходитъ въ мірѣ, слѣд. и гоненія.

Гл. 4. Не слѣдуетъ уклоняться отъ гоненія бѣгствомъ уже по той причинѣ, что оно допускается Богомъ.

Гл. 5. Страхъ нельзя считать достаточнымъ основаніемъ къ бѣгству, если бы у насъ не достало твердости во время гоненія.

Примѣръ Рутилія.

Гл. 6. Ст. 23 10-й главы отъ Матѳея: (когда будутъ гнать васъ въ одномъ городѣ, бѣгите въ другой) Тертулліанъ пріурочиваетъ къ Іудеѣ и Апостоламъ.

Гл. 7. Другія мѣста Св. Писанія содержатъ прямыя требованія мужественнаго исповѣданія имени Господа.

Они не могутъ быть выполнены, если прибѣгать къ бѣгству.

Гл. 8. Самъ Христосъ иногда уклоняется отъ гоненія только для того, чтобы довести до конца Свое служеніе.

Когда это совершилось, Онъ принялъ смерть, хотя Самъ сознавалъ немощь плоти.

Онъ молилъ, чтобы миновала Его чаша, но однако взялъ ее на Себя, покоряясь волѣ Отца.

Гл. 9. Апостолы въ своихъ сочиненіяхъ ничего не упоминаютъ о бѣгствѣ, но часто о твердости; къ тому же убѣждаетъ и Параклетъ.

Гл. 10. Другія основанія, почему не слѣдуетъ бѣжать. Наполовину бороться во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ вовсе не бороться и бѣжать.

Все равно, должно же когда нибудь умереть и нельзя отклониться отъ этого своего назначенія.

Гл. 11. Еще менѣе, чѣмъ обыкновеннымъ вѣрующимъ, прилично бѣгство пастырямъ: епископамъ, священникамъ, діаконамъ.

Гл. 12. Должно ли покупать свободу отъ гоненія подкупомъ должностныхъ лицъ.

Гл. 13. Продолженіе разсужденія.

Гл. 14. Не должно подкупать лицъ, исполняющихъ полицейскія обязанности, чтобы тѣмъ облегчить собранія для Богослуженія.

Заключеніе.

Ссылка на Параклета.

«Гоненіе — это испытаніе или судъ, предъ которымъ человѣкъ признается достойнымъ званія христіанина или обратно. Окончательный приговоръ принадлежитъ Богу. Гоненіемъ, какъ вѣялкой, Господь очищаетъ Свое гумно — церковь, раздувая Своимъ духновеніемъ смѣшанную массу вѣрныхъ для того, чтобы отдѣлить пшеницу — мучениковъ отъ соломы — отступниковъ. Гоненіе еще подобно той лѣствицѣ, которую видѣлъ Іаковъ во снѣ, по которой одни восходили на небо, другіе спускались на землю. Наконецъ гоненіе можетъ считаться ареной для состязаній. Но кто зоветъ къ борьбѣ, какъ не Тотъ, Кто обѣщаетъ вѣнецъ и награды? Все, что происходитъ во время гоненія, совершается во славу Бога, который признаетъ однихъ достойными Себя, другихъ отвергаетъ, какъ недостойныхъ, возвышаетъ или уничижаетъ. Все во славу Божію! Ничто не можетъ произойти иначе, какъ по Его волѣ».

«Когда имѣютъ больше всего твердую вѣру въ Бога, какъ не во время гоненій? Тогда церковь больше всего на сторожѣ; тогда вѣра отличается большей дѣятельностью, большей строгостью, большимъ усердіемъ въ наблюденіи постовъ, въ бдѣніяхъ, въ молитвѣ, въ исполненіи подвиговъ смиренія, набожности и милосердія къ ближнему; тогда она больше всего ревностна въ совершеніи дѣлъ святости и воздержанія.

У человѣка вѣдь нѣтъ другихъ побудительныхъ причинъ къ дѣятельности, кромѣ надежды и страха. Нельзя приписывать демону какое либо событіе, конечная цѣль котораго приготовить лучшихъ слугъ Божіихъ».

«Встрѣчаются и забывающіе божественныя увѣщанія; они любятъ примѣнять къ себѣ одинъ греческій стихъ: «убѣгающій воинъ можетъ вернуться на поле битвы»,—вѣроятно для того, чтобы опять убѣжать. Но развѣ будетъ считаться побѣдителемъ тотъ, кто разъ уже призналъ себя побѣжденнымъ, обратившись въ бѣгство? Что это за воинъ—тотъ, кто въ полномъ вооруженіи, полученномъ отъ Апостола, покидаетъ свой постъ, лишь услышитъ тревогу гоненія! Я въ свою очередь приведу одну языческую поговорку въ формѣ вопроса: «Умереть—развѣ это ужасно?» Побѣдителемъ или побѣжденнымъ—все равно придется умереть. Если вы не устоите и откажетесь отъ вашей вѣры въ минуты пытокъ, то все таки вы боролись съ ними, и лучше для меня сожалѣть о васъ, чѣмъ краснѣть. Воинъ, погибшій на полѣ битвы, привлекательнѣе солдата, обратившагося въ бѣгство. О христіанинъ! ты трепещешь передъ человѣкомъ, ты, котораго ангелы должны страшиться, ибо ты будешь судить ангеловъ; ты, котораго демоны должны страшиться, ибо тебѣ вручена власть надъ ними; ты, котораго вся вселенная должна страшиться, ибо въ твоемъ лицѣ будетъ судъ міру! Ты облекся во Христа въ тотъ день, когда крестился во Христа. Спасаясь бѣгствомъ отъ демона, ты наносишь безчестіе Христу, Который въ тебѣ. Ты сдаешься демону, какъ перебѣжчикъ... Лучшій слуга Бога тотъ, который говоритъ въ своемъ сердцѣ: Онъ-мой Господь, Онъ всемогущъ; вся вселенная принадлежитъ Ему: все равно, гдѣ бы я ни былъ, я въ Его власти. Да будетъ Его воля—я не уклонюсь отъ нея! Если Ему угодно, чтобы я погибъ, пусть Онъ попуститъ мою гибель, лишь бы я былъ спасенъ для Него! Лучше мнѣ погибнуть по волѣ Бога, слагая съ себя отвѣтственность на Него, чѣмъ возбуждать Его гнѣвъ спасеніемъ отъ гибели по своей волѣ».

«Какъ не должно спасаться бѣгствомъ отъ гоненія, такъ не должно откупаться отъ него деньгами. Разница только въ деньгахъ. Если бѣгство—даровой откупъ, то денежный откупъ—то же бѣгство. Безъ сомнѣнія, такого рода уловка внушена малодушіемъ. Ты откупаешься отъ того, чего ты страшишься, слѣдовательно ты убѣгаешь. Ты бѣжишь не ногами, а золотомъ. Короче—ты убѣжалъ, хотя ты остался—цѣною денегъ. Какъ!? Откупаться деньгами человѣку, котораго Христосъ откупилъ цѣною Своей крови!! Какая недостойная Бога низость! Какое противорѣчіе предначертаніямъ Того, Который не пощадилъ для тебя Своего собственнаго Сына!... Лучше бѣги, чѣмъ имѣть такія низкія чувства, чѣмъ платить презрѣнною цѣною за человѣка, который цѣнится такъ дорого у Господа. Христосъ освободилъ его отъ духовъ, держащихъ міръ подъ своей властью, отъ злыхъ духовъ, отъ тьмы настоящаго вѣка, отъ вѣчнаго суда, отъ вѣчной смерти. А ты, ты желаешь торговаться изъ за Него съ какимъ нибудь доносчикомъ, солдатомъ, вѣроломнымъ судьей, изъ-подъ туники и пазухи, какъ говоритъ пословица, торгуясь, какъ о краденомъ,—ты, котораго Своею кровію откупилъ Христосъ,—что говорю я!—освободилъ передъ лицомъ міра!! Какой другой цѣной ты можешь откупить себя, христіанинъ, и вернуть себѣ свободу, какъ не той, которую—такъ сказать-установилъ Господь, т. е. своей кровью? Зачѣмъ ты у человѣка покупаешь за деньги Христа въ лицѣ христіанина, носящаго Его въ себѣ? Какимъ образомъ могли бы совершаться подвиги мученичества во славу Божію, если бы было дозволено намъ покупать цѣною какого либо налога право оставаться христіанами? Торговать своей вѣрой—это ничто иное, какъ возмущеніе противъ воли Божіей».

О призываніи къ цѣломудрію.

(Liber de exhortatione castitatis).

Трактатъ написанъ въ монтанистическомъ духѣ въ видѣ увѣщанія овдовѣвшему собрату, котораго авторъ старается отклонить отъ втораго брака. Второй бракъ строго осуждается и какъ-бы приравнивается къ прелюбодѣянію *).

Argumentum:

Гл. 1. Поводъ къ написанію трактата. Введеніе. О трехъ различныхъ способахъ половаго воздержанія вообще.

Гл. 2. Воля Бога при возникновеніи какого либо пожеланія въ человѣкѣ должна являться мѣриломъ или руководствомъ.

Свободная воля человѣка. Вліяніе діавола на нее.

Гл. 3. Позволяющая и попускающая воля Божія и воля Божія въ собственномъ смыслѣ. Indulgentia и voluntas. Объ изреченіи Ап. Павла въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ, (1 гл. 10 ст. и слѣд.) о второмъ бракѣ.

Гл. 4. Изреченія Ап. Павла изъ 1-го посланія къ Коринѳянамъ, гл. 7, содержатъ въ себѣ съ одной стороны личное мнѣніе Апост. Павла, съ другой—служатъ выраженіемъ воли Божіей.

Гл. 5. Только единократный бракъ соотвѣтствуетъ плану Божію, открытому при твореніи.

---

*) См. выше о заблужденіяхъ Тертулліана въ ст. „Монтанизмъ“.

Гл. 6. Отступленія отъ основнаго единобрачія, встрѣчающагося въ Ветхомъ Завѣтѣ, имѣютъ свои особенныя причины, которыхъ теперь больше не встрѣчается.

Гл. 7. Христіанинъ долженъ воздерживаться отъ втораго брака въ виду того, что священникамъ воспрещенъ второй бракъ.

Гл. 8. Дозволеніе на второй бракъ дается не потому, чтобы второй бракъ признавался самъ по себѣ за благо, но только въ виду опасности паденія.

Гл. 9. Второй бракъ скорѣе всего можно считать результатомъ чувственнаго вожделѣнія.

Чтобы быть свободнымъ отъ послѣдняго, всѣмъ безъ исключенія можно посовѣтовать дѣвственность *).

Гл. 10. Цѣломудріе освобождаетъ духъ, располагаетъ его къ молитвѣ и ко всему духовному.

Гл. 11. Неприличіе втораго брака во время торжества годичнаго поминовенія усопшаго мужа.

Гл. 12. Желаніе имѣть потомство и домашнія выгоды не могутъ оправдывать въ этомъ поступкѣ христіанина.

Гл. 13. Примѣры изъ нехристіанскаго міра.

Заключеніе.

---

*) См. послѣднее примѣчаніе: „Тертулліанъ и гр. Л. Толстой“.

О стыдливости.

(Liber de pudicitia).

Въ началѣ своего трактата «О стыдливости» Тертулліанъ, защищаясь отъ обвиненій въ противорѣчіяхъ, допускаемыхъ имъ относительно правилъ морали, говоритъ: «этотъ новый трактатъ противъ психиковъ и противъ мнѣнія, раздѣляемаго прежде и мной, безъ сомнѣнія доставитъ новый поводъ къ обвиненію меня въ легкомыслiи. Никогда отреченіе отъ общества не служитъ признакомъ ошибки. Какъ будто не было бы легче ошибаться съ толпой, когда истина, которую любишь, раздѣляется немногими. Но полезное непостоянство не опозоритъ меня, какъ равно не сдѣлало бы чести вредное легкомыслiе. Я не стыжусь ошибки, отъ которой я отказался, потому что я радуюсь моему отреченію, нахожу его лучше и цѣломудреннѣе. Никто не стыдится того, что прогрессируетъ. Знаніе во Христѣ имѣетъ также свои періоды, которые одинаково прошелъ Апостолъ. Когда я былъ ребенкомъ, говоритъ св. Павелъ, я говорилъ, какъ ребенокъ, и разсуждалъ, какъ ребенокъ. Но достигши возраста мужа, я освободился отъ всего, что удержалъ изъ дѣтства». Когда римскій епископъ Зефиринъ издалъ эдиктъ о прощеніи прелюбодѣянія и блуда, Тертулліанъ не вынесъ этого, и взрывъ вылился въ извѣстной тирадѣ въ трактатѣ «о стыдливости»: я узналъ, что изданъ эдиктъ и притомъ рѣшительный. Верховный первосвященникъ или епископъ говоритъ такъ въ этомъ эдиктѣ: «я отпускаю грѣхъ прелюбодѣнія и блуда сотворившимъ покаяніе...» Вотъ — эдиктъ, о которомъ нельзя сказать: доброе дѣло!

Этотъ декретъ слѣдовало бы повѣсить не на дверяхъ церкви, а на дверяхъ домовъ терпимости: тамъ его настоящее мѣсто! Самъ Тертулліанъ въ вопросѣ объ отпущеніи грѣховъ— то отвергаетъ власть церкви отпускать тяжкіе грѣхи, то, признавая ее, утверждаетъ, что церковь должна воздерживаться отъ ея примѣненія, то ограничиваетъ эту власть только церковью духовныхъ, т. е. монтанистовъ, въ лагерь которыхъ перешелъ и самъ! *).

Argumentum:

Гл. 1. Высокая цѣнность скромности въ глазахъ всѣхъ, еще болѣе передъ лицомъ церкви Божіей. Эдиктъ епископа епископовъ (папы Зефирина), напротивъ того, по мнѣнію Тертулліана, оскорбилъ ее разрѣшеніемъ прелюбодѣя. Съ тѣхъ поръ Тертулліанъ вышелъ изъ общенія съ римскою церковію, называя христіанъ, не раздѣлявшихъ его взглядовъ, психиками или еретиками.

Гл. 2. Свою чрезмѣрную суровость Тертулліанъ усиливается защитить текстами изъ Свящ. Писанія, выводя, въ противоположность психикамъ, что одни грѣхи заслуживаютъ прощенія, другіе—ни въ какомъ случаѣ.

Гл. 3. Если нѣкоторые грѣхи отнюдь не могутъ быть прощены, тогда зачѣмъ же допущено покаяніе? Тертулліанъ отвѣчаетъ, что покаяніе подготовляетъ человѣка къ суду Божію и вовсе не излишне.

Гл. 4. Разсужденіе о степени грѣховности прелюбодѣянія и блуда.

Гл. 5. Изображеніе порока прелюбодѣянія. На основаніи Св. Писанія доказывается, что этотъ порокъ слѣдуетъ осуждать наравнѣ съ идолослуженіемъ и убійствомъ.

---

*) Съ глубокою грустью читаемъ трактаты автора, перешедшаго въ лагерь монтанистовъ! Къ какимъ недостойнымъ изворотамъ приходится прибѣгать ему для оправданія своего отпаденія отъ церкви! Какъ замѣтно омрачается ясность его сужденій, подъ вліяніемъ заблужденія!

Гл. 6. Хотя въ Ветхомъ Завѣтѣ можно находить примѣры прощенія прелюбодѣянія, но есть также и примѣры осужденія. Но въ Н. Завѣтѣ долженъ быть установленъ новый порядокъ, болѣе строгій.

Гл. 7. Притча о заблудшей овцѣ относится де не къ христіанамъ-грѣшникамъ, а къ язычникамъ. Подобнымъ же образомъ—и притча о потерянной драхмѣ.

Гл. 8. Въ притчѣ о блудномъ сынѣ старшій сынъ не означаетъ іудейскаго народа, а младшій христіанства, какъ обыкновенно понимаютъ, но только де языческій міръ.

Гл. 9. Продолженіе.

Гл. 10. Такъ какъ раскаяніе свойственно и язычникамъ.

Гл. 11. Факты прощенія грѣшниковъ со стороны Спасителя (жена-блудница, самарянка) будто бы ничего не говорятъ противъ автора и не указываютъ де на законность прощенія тяжкихъ грѣховъ, потому что произошли до завершенія Новаго Завѣта въ страданіи, смерти и воскресеніи Спасителя и въ сошествіи Св. Духа.

Гл. 12. Переходъ къ посланіямъ Апостоловъ. Въ Новомъ Завѣтѣ, равно какъ и въ Ветхомъ, убійство, прелюбодѣяніе и идолопоклонство приняты были во время апостольскаго собора за недопустимые грѣхи.

Гл. 13. Разсмотрѣніе вопроса о прощеніи, данномъ Апостоломъ кровосмѣсителю.

Гл. 14. Продолженіе.

Гл. 15. Разсужденіе о взглядѣ Апостола на основаніи перваго и втораго посланія къ Коринѳянамъ.

Гл. 16. Продолженіе.

Гл. 17. Въ остальныхъ своихъ посланіяхъ Апостолъ Павелъ выражается о прощеніи блуда въ такомъ строгомъ тонѣ, что, повидимому, желаетъ, чтобы христіане разъ навсегда порвали сношенія съ виновнымъ въ немъ.

Это де значитъ, что онъ считаетъ прелюбодѣяніе за непрощаемый грѣхъ.

Гл. 18. Если психики возразятъ, что приведенныя цитаты не имѣютъ приписываемыхъ имъ здѣсь значеній, то есть

еще много другихъ мѣстъ, въ которыхъ прелюбодѣяніе спеціально осуждается. Прелюбодѣи не должны имѣть вновь общенія съ церковью, хотя они допущены къ покаянію и должны каяться.

Гл. 19. Свидѣтельство посланій Апостола Іоанна относительно излагаемаго взгляда о непрощаемости названныхъ грѣховъ церковью.

Гл. 20. Взглядъ автора особенно де подкрѣпляется посланіемъ къ Евреямъ и нѣкоторыми ветхозавѣтными прообразами.

Гл. 21. Апостолы имѣли, конечно, власть прощать грѣхи. Но только духовные люди, не психики, могутъ приписывать себѣ подобную власть.

Гл. 22. Церковныя власти поступаютъ вовсе не такъ, какъ слѣдовало бы. По просьбѣ мучениковъ, они даютъ церковный миръ впадшимъ въ блудъ, между тѣмъ не прощаютъ тѣхъ, которые, не выдержавъ мученій, отрекаются отъ Христа.

Тертулліанъ начинаетъ трактатъ «о стыдливости» распредѣленіемъ грѣховъ на два разряда: отпускаемыхъ и не отпускаемыхъ. Въ первой категоріи онъ помѣщаетъ: чувства гнѣва, гордости, ревности, присутствіе на зрѣлищахъ цирка, на бояхъ гладіаторовъ, на театральныхъ и пр. представленіяхъ; ко второй категоріи онъ относитъ убійство, отступничество или идолопоклонство, прелюбодѣяніе и блудъ. На возраженіе, что, если нельзя надѣяться на прощеніе, то покаяніе становится безплоднымъ,—Тертулліанъ говоритъ, что грѣхи, непрощаемые церковью, могутъ быть отпущены Богомъ. «Противники наши правы, говоритъ онъ, упрекая насъ, такъ какъ они узурпировали себѣ власть давать послѣ раскаянія прощеніе. Но покаяніе именно у нихъ-то и остается безплоднымъ, такъ какъ оно доставляетъ только примиреніе съ людьми. Насколько больше пользы принесетъ

покаяніе среди насъ *), помнящихъ, что одинъ Богъ прощаетъ грѣхи, къ тому же смертные грѣхи! Дѣйствительно, взывая только къ Богу и только повергаясь предъ Нимъ, раскаяніе у насъ тѣмъ скорѣе заслужитъ прощеніе, что оно испрашивается у одного Бога; что оно не довольствуется примиреніемъ, даннымъ людьми, какъ недостаточнымъ для омытія грѣха; что оно предпочитаетъ стыдъ передъ церковью, чѣмъ общеніе съ ней. Оно стоитъ у дверей, служитъ назиданіемъ другимъ черезъ свое уничиженіе; оно призываетъ на помощь слезы братьевъ и становится богаче отъ этого состраданія, чѣмъ отъ общенія, которое было бы дано. Если оно не пользуется миромъ въ здѣшней жизни, оно сѣетъ миръ, чтобы пожать его у Господа. Не теряя жатвы, оно приготовляетъ ее. Оно не отказывается отъ преимуществъ, такъ какъ не отказывается отъ подвиговъ. Покаяніе этого рода не можетъ быть тщетнымъ, а дисциплина, понятая надлежащимъ образомъ, не можетъ быть тяжела. Оба они прославляютъ Бога. Первое тѣмъ скорѣе получитъ прощеніе, чѣмъ менѣе будетъ обманывать себя. Вторая принесетъ тѣмъ больше помощи, чѣмъ менѣе заслуги будетъ приписывать себѣ». Такимъ образомъ позволяется надѣяться на прощеніе у Бога, котораго нельзя де получить у людей, и раскаяніе никогда не безполезно.

Тертулліанъ исключаетъ изъ числа грѣховъ, прощаемыхъ церковью убійство, идолопоклонство и нарушеніе цѣломудрія. Церковь, по его мнѣнію, должна безпощадно удалять изъ своего лона виновныхъ въ какомъ либо изъ указанныхъ грѣховъ и запрещать имъ навсегда всякое общеніе въ молитвѣ и таинствахъ, безъ всякой надежды на возвратъ къ общенію. Богъ одинъ можетъ принять ихъ покаяніе, потому что Ему одному вѣдомы внутреннія расположенія. Поистинѣ, такой порядокъ долженъ поднять человѣческую совѣсть. На обвиненія церкви, что Тертулліанъ своими мнѣніями уничтожаетъ божественное домостроительство нашего спасенія и искажаетъ смыслъ евангельскаго ученія, онъ замѣчаетъ,

---

*) Т. е. монтанистовъ.

что евангельское ученіе слѣдуетъ толковать сообразно съ вызвавшими его обстоятельствами времени. Фарисеи роптали на то, что Спаситель допускалъ къ Себѣ мытарей и грѣшниковъ; Спаситель противопоставляетъ имъ притчи о потерянной драхмѣ, о заблудшей овцѣ и о блудномъ сынѣ. Слѣдовательно, эти притчи относятся къ язычникамъ, удалившимся отъ Бога, благодаря идолопоклонству, и обращеннымъ къ Нему черезъ Евангеліе, а не къ іудеямъ, и еще менѣе къ христіанамъ, тогда еще не существовавшимъ.

На возраженія, что Спаситель далъ Петру съ ключами царства небеснаго власть вязать и разрѣшать, Тертулліанъ отвѣчаетъ, что эта власть должна быть отнесена только къ личности Петра, а не къ наслѣдникамъ его и не къ церкви. «Но допустимъ, говоритъ авторъ, что церковь имѣетъ власть отпускать тяжелые грѣхи, о которыхъ я говорю; только она не должна пользоваться этимъ правомъ изъ боязни, чтобы не воспользовались имъ для новыхъ грѣховъ».

Тертулліанъ не понимаетъ, какимъ образомъ ученикъ Евангелія можетъ дойти до позорныхъ паденій, которыя кажутся ему отступничествомъ. Онъ съ крайнимъ ригоризмомъ и проклятіями обрушивается на нарушеніе закона цѣломудрія, ставя это нарушеніе наравнѣ съ убійствомъ и идолопоклонствомъ. «Я вижу, говоритъ онъ, какъ прелюбодѣяніе выступаетъ съ пышностью, предшествуемое идолопоклонствомъ и сопровождаемое убійствомъ. Конечно, прелюбодѣяніе заслуживаетъ того, чтобы возсѣсть между этими двумя знаменитостями преступленія и занять среди нихъ вакантное мѣсто, на которое ему даетъ право одинаковый авторитетъ преступности. Такимъ образомъ охраняемое со обѣихъ сторонъ, опирающееся на такихъ товарищей, оно никѣмъ не можетъ быть вырвано изъ среды тѣхъ, съ кѣмъ оно такъ тѣсно соединено. Кто разрубитъ узелъ, который образуютъ вмѣстѣ съ нимъ преступленія—его сосѣди? Кто лишитъ его объятій его братьевъ, чтобы выдѣлить его одного въ ожиданіи плодовъ покаянія? Идолопоклонство съ одной стороны, убійство съ другой—не постараются ли его удержать? Они, если

могутъ — заговорятъ, чтобы потребовать его себѣ снова. «Стойте, закричатъ они: это уголъ, который насъ уплотняетъ, связь, которая соединяетъ насъ! Идолопоклонство нашъ предѣлъ; прелюбодѣяніе, служа посредникомъ намъ, различаетъ насъ; блестя посреди насъ, оно скрѣпляетъ нашъ союзъ. Само Божественное Писаніе насъ какъ бы связало въ одно неразрывное цѣлое; его черты—нашъ взаимный цементъ; само оно (прелюбодѣяніе) не можетъ быть безъ насъ — своихъ пособниковъ. Иногда я, идолопоклонство, доставляю удобныя случаи прелюбодѣянію. Мои священные лѣса, мои холмы, мои живыя воды—все, включая храмы среди городовъ, знаютъ все, что мы дѣлаемъ для ниспроверженія цѣломудрія. Я, убійство, работаю также часто для прелюбодѣянія; не говоря о трагедіяхъ,—отравители и маги знаютъ, сколькимъ позорнымъ сожительствамъ я мщу, сколько защищаю чрезъ истребленіе соперниковъ, сколько стражей, доносчиковъ, свидѣтелей я стираю съ лица земли. Акушерки также знаютъ, сколько прелюбодѣйныхъ зачатій было вытравлено. Даже у христіанъ прелюбодѣяніе не обходится безъ насъ. Гдѣ находятъ дѣла нечистаго духа, тамъ и идолопоклонство, гдѣ человѣкъ запятнанъ нечистотою,—тамъ же встрѣчаемъ и убійство. Такимъ образомъ нѣтъ середины: или прелюбодѣяніе совершенно лишено благъ покаянія или прощеніе можемъ получить мы всѣ трое. Или мы удержимъ прелюбодѣяніе или послѣдуемъ за нимъ!» Тонкость нравственнаго чувства, съ которой Тертулліанъ ставитъ въ параллель три порока, не менѣе замѣчательна въ похвалѣ стыдливости, которой и открывается его трактатъ «о стыдливости:» «невинность—цвѣтъ нравовъ, честь тѣла, слава двухъ половъ, чистота крови, обезпеченіе человѣческаго рода, основа святости, образецъ всякой добродѣтели!»

Тертулліанъ предвидитъ упрекъ за то, что онъ собралъ изъ Св. Писанія массу разнородныхъ текстовъ, осуждающихъ нарушеніе законовъ стыда, въ защиту крайняго ригоризма, отнимающаго у грѣшника послѣднюю надежду—испросить прощеніе своимъ раскаяніемъ. «Я согласенъ, возражаетъ

Тертулліанъ, что церковь имѣетъ власть отпускать грѣхи, но какая церковь? Церковь ли психиковъ, церковь ли епископовъ! Нѣтъ! Только церковь людей духовныхъ, церковь, руководимая самимъ Духомъ Божіемъ. Власть прощать грѣхи послѣ Петра и Апостоловъ принадлежитъ только людямъ духовнымъ—Апостолу или пророку. Потому что церковь, по началу и существу своему, есть Духъ, въ которомъ Троица Единаго Бога, Отца, Сына и Святаго Духа. Церковь, которую образуетъ Духъ, есть та, о которой Господь сказалъ, что она существуетъ тамъ, гдѣ собраны трое во имя Его. Отсюда слѣдуетъ, что какое бы ни было число вѣрныхъ, которые собираются съ этой вѣрой, оно считается церковью, согласно со словами Основателя и Освятителя ихъ. Поэтому церковь можетъ простить грѣхи, но—церковь, состоящая изъ людей духовныхъ, а не церковь, считающаяся таковой по количеству собравшихся епископовъ. Это право предоставлено Богу и не достоитъ Его служителю; это власть самого Бога, а не власть священника...»

О единобрачіи.

(Liber de monogamia).

Сочиненіе написано Тертулліаномъ Монтанистомъ *). Авторъ рекомендуетъ средній путь между тѣми, которые совсѣмъ отрицаютъ бракъ, и тѣми, которые признаютъ его повторяемость, причемъ старается доказать, что его ученіе не ново, но издавна извѣстно церкви.

Argumentum:

Гл. 1. Нѣкоторые еретики запрещаютъ бракъ, психики допускаютъ его повтореніе, монтанисты признаютъ только единобрачіе.

Гл. 2. Ученіе Параклета (чрезъ Монтана), разрѣшающее только единобрачіе, вноситъ отчасти новизну и болѣе строгости въ христіанскую нравственность. Но это согласно де со словами Спасителя. (Іоан. XVI, 12).

Гл. 3. Если что либо дозволяется, то дозволяется часто не потому, чтобы само по себѣ было хорошо, но потому, что считается за благо сравнительно съ худшимъ.

Гл. 4. Прародители вступали только одинъ разъ въ бракъ. Дальнѣйшія аналогіи изъ священной исторіи.

Гл. 5. Примѣръ І. Христа, не вступавшаго въ человѣческій бракъ и оставшагося единобрачнымъ въ союзѣ съ церковію.

*) См. выше о монтанизмѣ и о заблужденіяхъ Тертулліана.

Гл. 6. Какъ должно разсуждать о многоженствѣ Авраама.

Гл. 7. Законъ, предписанный въ книгѣ Левитъ, не содержитъ никакого возраженія противъ монтанистическаго единобрачія, — законныя предписанія о бракѣ священниковъ въ Ветхомъ Завѣтѣ прямо говорятъ за единобрачіе.

Гл. 8. Въ Новомъ Завѣтѣ, какъ разъ на порогѣ его, встрѣчаются намъ такія лица, какъ Захарія, Симеонъ, Анна, Іоаннъ, какъ образцы единобрачія и воздержанія.

Апостолы, за исключеніемъ Петра, были не женаты.

Гл. 9. При уничтоженіи установленнаго въ Ветхомъ Завѣтѣ развода черезъ разводное письмо Христосъ далъ понять, что Богъ, уже въ началѣ, при установленіи брака въ раю, имѣлъ въ виду только единобрачіе.

Гл. 10. Браки христіанъ не нарушаются смертью одного изъ супруговъ, но остаются неразрывными и за могилой.

Гл. 11. Апостолъ и церковь хотятъ, чтобы въ клирѣ было принято единобрачіе. неужели только клирики должны руководствоваться этимъ, хотя бы это предписаніе и не имѣло силы для мірянъ?

Объясненіе изреченій св. Павла о бракѣ въ 7-й главѣ перваго посланія къ Коринѳянамъ.

Гл. 12. Что предписаніе единобрачія имѣетъ силу не для однихъ только лицъ духовныхъ, слѣдуетъ по аналогіи другихъ нравственныхъ требованій, направленныхъ къ клиру.

Гл. 13. Изреченія Апостола во 2-мъ посланіи къ Тимоѳею, гл. 5, ст. 11, и къ Римлянамъ, гл. 7, ст. 2 — 6, слѣдуетъ понимать въ смыслѣ единобрачія.

Гл. 14. Если бы это пониманіе изреченій апостольскихъ не было основательно, то все-таки послѣдней и рѣшительной основой единобрачія является то, что Параклетъ усовершенствовалъ Новый Завѣтъ, подобно тому какъ. Христосъ — Ветхій.

Гл. 15. Защита монтанистической теоріи противъ обвиненія въ ереси: она сочетаваетъ свободу съ необходимостью.

Гл. 16. Ироническое отношеніе къ основаніямъ, взятымъ изъ гражданской жизни и направленнымъ къ доказательству цѣлесообразности вторичнаго брака.

Гл. 17. Въ язычествѣ есть примѣры воздержанія и дѣвственности, которые должны бы заставить покраснѣть христіанъ.

Заключеніе.

Тертулліанъ никогда не относился благопріятно ко вторичному браку. Это можно видѣть уже въ двухъ его письмахъ къ женѣ. Основаніемъ для возраженій противъ вторичныхъ браковъ Тертулліанъ ставитъ то, что слѣдуетъ стремиться къ усовершенствованію, а сохранить воздержаніе болѣе совершенно, чѣмъ вновь сочетаться бракомъ; поэтому вторичный бракъ надо считать недозволеннымъ. Кромѣ того, Апостолъ Павелъ позволялъ вдовамъ выходить замужъ, потому что «лучше выходить замужъ, чѣмъ разжигаться». Тертулліанъ отсюда выводитъ, что вторичный бракъ хотя и меньшее зло, но все-таки зло. Затѣмъ авторъ приводитъ въ примѣръ Адама, имѣвшаго одну жену, Евву, и Христа, соединеннаго союзомъ съ одной церковью. Наконецъ, говоритъ онъ смерть не разрываетъ узъ брака, потому что она зависитъ не отъ человѣка, а отъ воли Божіей. Поэтому, если будемъ вступать во второй бракъ, то безъ сомнѣнія поступимъ противъ воли Божіей, желая вновь получить то, что Богъ взялъ. Вѣдь если бы Онъ желалъ (чтобы человѣкъ пребывалъ въ бракѣ), то не отнялъ бы (одного изъ супруговъ). Развѣ допустимъ такое толкованіе, что Богъ желаетъ снова дать намъ то, въ чемъ уже разъ отказалъ!? Но твердой и истинной вѣрѣ не достоитъ все относить къ волѣ Божіей такимъ образомъ, если кто нибудь начнетъ успокоивать себя, что ничто де не совершается безъ Его мановенія, какъ будто бы ничего ужъ и не было предоставлено нашему разумѣнію. Вѣдь такимъ образомъ можно придти къ извиненію всякаго порока: ничего де не совершается съ нами

безъ воли Божіей. Но это привело бы къ отрицанію всякаго закона и Самого Бога: тогда бы вѣдь Онъ совершалъ Самъ то, чего не хочетъ, тогда бы ничего вѣдь не было, чего бы Онъ не желалъ. Если Онъ запрещаетъ извѣстные поступки подъ угрозой вѣчной кары, очевидно, Онъ не хочетъ того, что́ запрещаетъ, потому что это Его оскорбляетъ. А чего Онъ желаетъ, то повелѣваетъ, одобряетъ, награждаетъ вѣчной наградой. Но если мы знаемъ черезъ Его заповѣди то, что́ Онъ хочетъ, и то, чего Онъ не хочетъ, мы, тѣмъ не менѣе, сохраняемъ нашу волю и свободу избрать одно или другое, по словамъ Писанія: вотъ Я положилъ предъ тобою добро и зло, — ибо мы вкусили отъ древа познанія. Слѣдовательно, мы не должны приписывать волѣ Божіей того, что́ оставлено на нашъ свободный выборъ, такъ какъ Тотъ, Кто не хочетъ зла, оставилъ, однако, намъ свободу дѣлать его. Отсюда проистекаетъ, что мы пользуемся нашей собственной волей, когда мы хотимъ зла вопреки волѣ Бога, Который хочетъ добра. Откуда же происходитъ, вы спросите меня, эта воля, руководясь которой мы хотимъ чего нибудь противъ воли Божіей? Отъ насъ самихъ, отвѣчу я вамъ, и не безъ причины: мы должны по необходимости походить на сѣмя, изъ котораго мы вышли, т. е. на Адама, согрѣшившаго вопреки волѣ Божіей».

Далѣе Тертулліанъ доказываетъ, что Адамъ склонился ко злу по свободному выбору своей воли безъ внутренней необходимости и безъ внѣшняго принужденія.

Вѣря въ близкій конецъ міра, Тертулліанъ въ земной жизни видитъ торжество зла, котораго надо избѣгнуть, чтобы получить участіе въ царствѣ Божіемъ въ вѣчной жизни. «Поэтому, къ чему же зарываться въ семейныя связи, обременять себя потомствомъ, тогда какъ слѣдовало бы освободить себя отъ всѣхъ оковъ, чтобы тѣмъ легче достигать мученичества? Христіане, для которыхъ не существуетъ завтра, мечтаютъ о потомствѣ!... Служитель Божій желаетъ наслѣдниковъ, самъ лишенный наслѣдства въ мірѣ! Не будетъ ли онъ добиваться втораго брака, подъ предлогомъ,

что у него не было дѣтей отъ перваго? Но, въ такомъ случаѣ, — онъ попроситъ, навѣрное, до́льше и жить, между тѣмъ, какъ Апостолъ спѣшилъ возвратиться къ Господу. Не такъ ли въ самомъ дѣлѣ? Или Христіанинъ будетъ свободнѣе во время гоненій, тверже въ мученичествѣ, пригоднѣе для общенія со своими братьями, умѣреннѣе въ своихъ желаніяхъ; наконецъ, онъ умретъ спокойнѣе, если оставитъ дѣтей, которые отдадутъ ему послѣднія почести!? Можетъ быть, скажутъ, что христіане поступаютъ такъ въ интересахъ государства, изъ боязни, чтобы города не опустѣли за неимѣніемъ потомства; чтобы законы, суды и торговля не прекратилась; чтобы храмы не были покинуты, и чтобы остался кто нибудь для того, чтобы внимать крикамъ «христіанъ звѣрямъ!?» Должно быть, эти крики желательно слышать тѣмъ, которые хотятъ имѣть дѣтей!»

Вооружаясь противъ вторичнаго брака, Тертулліанъ то старается доказать, что Апостолъ Павелъ, дозволяя второй бракъ, выражаетъ только совѣтъ, а не божественное предписаніе; то утверждаетъ, что Апостолъ обращалъ свое позволеніе къ тѣмъ, которые крестились во время перваго брака и хотятъ вступить во второй бракъ уже послѣ своего обращенія; тогда послѣдній въ дѣйствительности является первымъ, потому что жизнь начинается съ обращенія въ христіанскую вѣру. Наконецъ, онъ поддерживаетъ мнѣніе, будто Апостолъ Павелъ далъ позволеніе вступать во второй бракъ, сообразно съ временными обстоятельствами (pro conditione temporum), и что эти временныя причины исчезли съ появленіемъ Параклета, органомъ котораго является де Монтанъ. Съ другой стороны Тертулліанъ утверждаетъ, что правила, которыя защищаетъ, неновы. На упреки, что Апостолъ далъ позволеніе всѣмъ мірянамъ на вторичный бракъ, не разрѣшая его только духовенству, Тертулліанъ восклицаетъ: «развѣ это не случайность, что міряне не священники? Не имѣютъ ли они въ самихъ себѣ право священства и слѣдовательно не должны ли они также соблюдать и то же правило? Тамъ, гдѣ собраны трое вѣрныхъ, хотя бы и мірянъ, есть церковь.»

Тертулліаномъ при написаніи послѣднихъ двухъ сочиненій руководило стремленіе охранить чистоту нравовъ и утвердить господство духа надъ плотью. Вотъ какъ рисуетъ онъ, въ случаѣ вторичнаго брака, неудобство раздѣленія тамъ, куда единство взаимнаго дара вноситъ гармонію совершенства: въ подобномъ случаѣ цѣломудріе терпитъ двойное оскорбленіе, потому что во вторичномъ бракѣ двѣ жены осаждаютъ одного мужа, одна — въ духѣ, другая — въ плоти. «Ты не будешь въ состояніи ненавидѣть первую жену, потому что, сохраняя къ ней болѣе святое чувство, какъ къ полученной отъ Бога, ты молишься за ея душу и ежегодно поминаешь ее при возношеніи безкровной жертвы. Или ты предстанешь передъ Господомъ съ столькими женами, сколько ихъ ты поминаешь въ своихъ молитвахъ! Или ты, быть можетъ, принесешь жертву за двухъ заразъ? И эта жертва будетъ предложена руками священника, который обязанъ своимъ посвященіемъ единобрачію или даже освященъ дѣвствомъ, и котораго окружаютъ дѣвственницы или женщины, одинъ разъ вышедшія замужъ?! Съ открытымъ ли челомъ представишь жертву свою Богу? И осмѣлишься ли ты, среди другихъ милостей и добрыхъ расположеній, просить для себя и своей жены чистоты?» Подъ воздѣйствіемъ своей основной мысли, Тертулліанъ приравниваетъ наконецъ вторичный бракъ къ прелюбодѣянію. До такой степени помрачились понятія автора подъ вліяніемъ монтанизма!....

О постѣ.

(Liber de Jejuniis).

Православные, которыхъ авторъ называетъ психиками, порицали нововведенія Монтана въ правилахъ воздержанія и поста. Авторъ въ названномъ трактатѣ беретъ ихъ подъ свою защиту.

Argumentum:

Гл. 1. Такъ какъ психики считаютъ ересью монтанистическое ученіе относительно брака, то надо удивляться тому, что они не дѣлаютъ того же относительно строгихъ постовъ; похоть и объяденіе связаны тѣсно между собой и служатъ другъ другу.

Гл. 2. Психики желаютъ соблюдать нѣкоторые опредѣленные дни поста, но только въ легкой формѣ, не затруднительной для нихъ. Они не признаютъ (stationes) долгихъ пощеній, какъ еретическихъ нововведеній.

Гл. 3. Такъ какъ поощреніе объяденія даетъ поводъ къ грѣху, подобно тому какъ нѣкогда желаніе вкусить запрещенный плодъ привело къ паденію и Адама, то страсть къ излишеству въ пищѣ и питьѣ должна быть особенно обуздываема.

Гл. 4. Тертулліанъ старается предупредить возраженіе, почему въ такомъ случаѣ Богъ послѣ грѣхопаденія Адама

разрѣшилъ, сверхъ плодовъ земныхъ, употребленіе въ пищу мяса животныхъ.

Гл. 5. Какъ скоро Богъ избралъ іудеевъ Своимъ народомъ, то Онъ далъ имъ запрещеніе нѣкоторыхъ яствъ въ наказаніе за ихъ жадность.

Гл. 6. Наполненный желудокъ дѣлаетъ духъ человѣка нерадивымъ къ божественному, а постъ дѣйствуетъ обратно.

Гл. 7. Примѣры изъ Ветхаго Завѣта, указывающіе на то, что постомъ пріобрѣтается милость Божія.

Гл. 8. Новый Завѣтъ открывается примѣрами: пророчицы Анны и сорокадневнымъ постомъ Христа.

Гл. 9. Защита сухоядѣнія и воздержанія отъ отдѣльныхъ яствъ.

Гл. 10. Защита монтанистической практики по отношенію къ такъ называемымъ продолжительнымъ постамъ (stationes).

Гл. 11. Защита Параклета и его пророчествъ отъ обвиненій въ новизнѣ, ереси и дьявольскомъ наущеніи.

Гл. 12. Осмѣяніе психиковъ, какъ служителей чрева, по случаю происшествія, бывшаго съ однимъ изъ мучениковъ во время послѣдняго гоненія.

Гл. 13. Утвержденію психиковъ, что не должно ничего измѣнять въ подобныхъ вещахъ, наблюдаемыхъ по преданію, Тертулліанъ противопоставляетъ фактъ, что епископы могутъ назначать особые постные дни. При созваніи соборовъ также постятся. Соборы въ греческихъ краяхъ.

Гл. 14. Опытъ монтанистовъ въ отношеніи постовъ не порицается Апостолами (посл. къ Галатамъ, гл. 6 ст. 10). Онъ не отличается существенно отъ опыта психиковъ, господствующаго въ церкви по традиціи.

Гл. 15. Взгляды Апостола Павла на постъ и на разграниченіе яствъ.

Отношеніе Господа къ этому.

Гл. 16. Богъ наказывалъ нарушенія установленнаго имъ воздержанія отъ яствъ. Примѣры изъ Ветхаго Завѣта.

Язычники и іудеи наблюдаютъ установленіе Божіе и стоятъ выше психиковъ.

Гл. 17. Горькое порицаніе агапъ психиковъ.

Заключеніе.

Въ своемъ трактатѣ «о постѣ» Тертулліанъ усиливаетъ свыше мѣры средства умерщвленія плоти. Христіане того времени постились въ среду и пятницу, наканунѣ праздниковъ, и кромѣ того епископы назначали въ извѣстныхъ случаяхъ посты, сообразно съ нуждами церкви. Точно также въ церкви временъ Тертулліана наблюдалось воздержаніе, обязательное или добровольное, отъ нѣкоторыхъ продуктовъ, которое Тертулліанъ называетъ ксерофагіей или частнымъ постомъ. Но этого недостаточно было монтанистамъ, къ которымъ въ эту эпоху принадлежалъ и самъ Тертулліанъ. Они продолжали до вечера постъ, кончавшійся въ полдень или въ 3 часа пополудни; они же установили въ теченіе года двѣ недѣли воздержанія, кромѣ предписаннаго времени. Монтанисты хотѣли сдѣлать свои нововведенія обязательными для всѣхъ, основываясь на авторитетѣ Монтана и новыхъ пророчицъ Присциллы и Максимиллы. Тогда Тертулліанъ выступилъ противъ церкви въ защиту постовъ, предписанныхъ Монтаномъ и его пророчицами.

Установивъ, что Монтанъ не проповѣдуетъ ни другаго Бога, ни другаго Христа, авторъ входитъ въ обширныя разсужденія о пользѣ поста и воздержанія, воздавая хвалу тѣлесному воздержанію, результатомъ котораго является господство духа надъ плотію. «Ты сдѣлалъ, (говоритъ онъ, обращаясь къ предающимся излишествамъ въ пищѣ и питьѣ), изъ своего брюха — бога, изъ легкихъ — храмъ, изъ желудка — алтарь. Твой жрецъ — поваръ; твой Святой Духъ — паръ отъ кушанія; твои духовные дары — приправы; твое пророчество — икапіе послѣ обжорства! Если говорить правду — то ты ветхій человѣкъ, потому что ты такъ много занятъ ѣдою; ты въ правѣ требовать себѣ первенства! Я признаю его: посмотрѣть на тебя, какъ ты бѣгаешь туда и сюда за

дроздами, какъ возвращаешься съ поля распущенной дисциплины и безпрестанно готовъ упасть, — такъ ты всегда поймешь (Исава) охотника за дикими звѣрями. Если бы я предложилъ тебѣ вареной чечевицы въ красномъ винѣ, ты продалъ бы мнѣ всѣ свои права на старшинство; твоя агапа кипитъ въ котлѣ, твоя вѣра подогрѣвается въ кушаніяхъ; твоя надежда покоится на днѣ кушаній».

Напротивъ, въ школѣ воздержанія христіанинъ долженъ научаться выносить тюрьму, терпѣть голодъ и жажду, презирать лишенія и безпокойства всякаго рода, чтобы быть въ состояніи войти въ темницу такимъ, какимъ и выйти, т. е. войти туда не для того, чтобы покориться наказанію, но для того, чтобы повиноваться дисциплинѣ; войти скорѣе мученикомъ своего долга, чѣмъ жертвой вѣка, который мучительствуетъ. «Освоившись такимъ образомъ со страданіемъ, христіанинъ пойдетъ на борьбу съ бо́льшей увѣренностью, не имѣя болѣе плоти, которая представила бы матеріалъ для мученій. Заключенный въ сухую оболочку своей кожи, онъ представитъ для желѣзныхъ когтей нечувствительное мясо, потому что онъ освободился предварительно отъ своей крови, какъ отъ оковъ свободной души, которая въ свою очередь не новичекъ въ этомъ и видѣла смерть вблизи во время умерщвленія плоти. Нѣтъ! худоба намъ нравится. Богъ, сообразно съ мѣрой разсудка, даетъ вѣсъ плоти. Изможденная плоть легче пройдетъ тѣсными вратами спасенія; облегченная плоть скорѣе воскреснетъ; изсохшая плоть дольше будетъ противиться разрушенію въ могилѣ. Пусть атлеты и борцы на олимпійскихъ играхъ тучнѣютъ — въ добрый часъ! Имъ идетъ къ лицу роскошь плоти, потому что имъ нужны силы; хотя и они въ то же время укрѣпляются воздержаніемъ! Что касается до насъ, наши силы иныя, иная наша мощь, иная борьба!» Считая жизнь приготовленіемъ къ мученичеству, Тертулліанъ для этого предлагаетъ вѣрнымъ средство умерщвленія плоти, причемъ онъ смотритъ на всякую пищу, какимъ бы образомъ и въ какой бы часъ ее ни принимали, какъ на настоящій ядъ.

Примѣчанія къ введенію.

гл. I—III.

[1] Бл. Августинъ (de Unit. eccles. 15) па замѣчаніе донатиста Петилія, что африканцы довольно поздно обратились къ Евангелію, говоритъ, что существуютъ языческіе народы, которые приняли христіанство гораздо позднѣе, чѣмъ африканцы. Marcelli, Africa christiana и Munter'a Primordia ecclesiae africanae – два наилучшія сочиненія по этому вопросу, которыхъ придерживается и аббатъ Freppel, не указываютъ основаній предполагать, чтобы африканская церковь была основана однимъ изъ ближайшихъ учениковъ I. Христа.

[2] Herodianus. Hist. l. VII. c. VI.

[3] Хотя Zöckler (Handbuch der theologischen Wissenschaften), Alzog (Grundriss der Patrologie), Perman (Bibliotheca patristica, pars IV). и друг. писатели считаютъ Минуція Феликса старше Тертулліана, тѣмъ не менѣе вопросъ остается спорнымъ.

[4] Hieron de Vir. illustr. c. 53. ed. Maurin Apolog. c. 9.

[5] Объ этомъ подробно сказано въ Vita Q. Sept. Flor. Tertulliani, auct. Iacobo Pamelio. Имя Тертулліана было распространено у Римлянъ.

[6] Евсев. Lib. II. c. IV.

[7] Apol. c. 18. 25. de Resurrect. carn. c. 59. de Anim. c. 2 de Poenit. c. 4. 12. ad Scapul. c. 5. de Spect. c. 19.

[8] Если принять, что онъ родился въ 160 году, а умеръ въ 220 или по другимъ въ 223 г., то выйдетъ, что Тертулліанъ прожилъ 60 лѣтъ, а по мнѣнію бл. Іеронима (Cat. des écr. eccl. c. LIII) онъ увлекся ученіемъ Монтана въ срединѣ своей жизни, т. е. около 30 лѣтъ, слѣд. около 190 года.

[9] Freppel. склоненъ полагать, что Тертулліанъ до начала своей общественной дѣятельности уже въ юности обратился въ христіанство, на томъ основаніи, что уже до своего обращенія въ христіанство Тертулліанъ написалъ нѣкоторые трактаты. См. также Hierom. adv. Iovin. lib. I. Ep. 19 ad Evstochiam.

[10] Объ этомъ передаетъ D. Cassius, lib. 72. c. IV.

[11] См. объ этомъ у Ael. Spartian. Sever. c. 17.

[12] Тертулліанъ разсказываетъ, что когда Септимій Северъ однажды заболѣлъ, то приказалъ привести къ себѣ одного христіанина, по имени Прокла, находившагося на службѣ у одной римской дамы въ качествѣ управляющаго. Проклъ былъ извѣстенъ, какъ врачъ. И дѣйствительно лишь только онъ помазалъ Септимія св. елеемъ, тотъ выздоровѣлъ. Это расположило его къ христіанству.

[13] См. у Ael. Spartian. Carac. c. 1. Tertull. ad Scapulam. IV.

[14] De cult femin. 7. Евсев. II, 2.

[15] Ch. Trogg. Gottl. Shoenemann, Bibliothec. Hist—litt-rar. partum latinorum (Lips. 1782—91. II, 8). T. 1. p. 2. Fr. Müller, Primordia ecclesiae african. (Havniae, 1829, 4) p. 128. Seb. Tillem. (Memoires de l'histoire ecc. T. III, p. 196). Ad. Moech. (Patrologie, ed. Fr. X. Reithmayer. p 701). О монтанизмѣ см. примѣчаніе „Монтанизмъ".

[16] Ueber Tertullian's schriftsellerischen Charakter, въ Zeitschrift fur historische Theologie Niedner'a. 1852 г. 316—319.

[17] Antignosticus oder Geist des Tertullian's. Berlin. 2 ausl. 1849.

[18] Hesselberg, Tertullian's Lehre, 1 Einleitung. Leben und Schriften. Dorpat. 1848. Schmidt, de Latinitate Tertulliani. Erlang. 1870. Статью трудно достать, да она и не представляетъ особенной важности по своему неглубокому анализу, всего 33 страницы.

[19] Относительно чисто-историческаго взгляда на латинскій языкъ есть сочиненіе Sittl'я — Die localen Verschiedencheiten der lateinischen Sprache mit berücksichtigung des afrikanischen Lateins, но спеціально Тертулліану отведено лишь незначительное мѣсто. Lib. cit. 82. 142 и 148.

[20] Diez, Grammatik der rom. Sprach. (2 изд.) II. стр. 325: ia—fiduciare; 368: ilis—humiliare;—igin—vestiginare;—ura—feturatus. Въ этихъ зависимостяхъ суффиксовъ наиболѣе характерна родственная связь новѣйшаго словообразованія съ древнелатинскимъ родичемъ. Также см. въ его словарѣ романск. языковъ, изд. 4. I. стр. 187. Lancia, откуда lanciare (отъ лат. lancea) и впервые у Тертулліана глаг. lancearе и т. п.

[21] Ebert. Tertullian's Verhaltniss zu Minucius Felix. Abhandlung der königsachs. Gesellschaft. d. Wissenschaften. Leipzig. 1868. стр. 386.

[22] См. Ruhnken, praef. ad Scheller. Lexicon, гдѣ высказано мнѣніе, заставляющее предполагать, что рецензентъ самъ, пожалуй, и не былъ знакомъ съ оригиналомъ, по крайней мѣрѣ не успѣлъ основательно вчитаться въ Тертулліана. Ritschl. Vorlesungen über lateinische Grammatik. Rönsch. Itala und Vulgata. Steinthal'я рецензія въ Zeitschrift fur Volkerpsych. u. Sprachwissenschaft. 1875. Послѣдняя тетрадь; касательно африканской латыни см. I. *Aygmeric*, Etudes sur la latinité des Péres Africains (Lettres chrétiennes. Algier. 1881. 1. Mai, Juli и Aut). Ritter, die Scriftsteller Afrika's (Zeitschrift f. Philologie und kathol. Theol. H. 8. Köln. 1833).

[23] Правда, съ другой стороны, какъ романистъ, въ своемъ соч. „Золотой оселъ" или „Метаморфоза" онъ довольно характерно и живо рисуетъ пороки совершеннаго общества.

[24] Апулей въ своей Апологіи говоритъ самъ: Nomina etiam Romanis inusitata, et in hodiernum, quod sciam, infecta; ea tamen nomina labore meo et studio ita de Graecis provenire, ut tamen latina moneta percussa sint,— что характерно говоритъ о степени заимствованія въ языкѣ въ эту эпоху, когда оригинальная литература падаетъ, и бѣдность мысли заставляетъ литераторовъ изощряться въ изобрѣтеніяхъ словъ.

[25] Таковы: Alemona; Cardea; Araturia; aquilicium; nudipedalia; aeditualis; consecraneus; adgeniculari.

[26] См. ad Nat. 1, 17. Словообразованія: accendones; conthurnatio; illudium; agonisticus; salticus; adsolare и др.

[27] Объ этомъ, кромѣ соч. самого Тертулліана, свидѣтельствуютъ: Hieronymus. Ep. 83 ad Magn. Lactantius, Instit. 5, 1, 23. Vincentius Larinensis. Commonit. 24. См. также de Test. anim. 5.

[28] Такъ въ Praescript. 50 — слово alphabetum (хотя лучшимъ примѣромъ словообразованія служитъ Августиново abecedarium—азбука). De Anima, 33,—elementicius; de Praecript. 39,—homerocentones (подобно тому какъ Plautus Trucul. 2, 6, 4—Homeronides; Hieronym. epist. 103 — Virgiliocentones); подобныя словообразованія часты и въ наше время. Также—paedagogatus, disciplinatus.

[29] См. de Anim. 23. „Novum elaboravit argumentum: μαθήσεις ἀναμνήσεις, id est, discentias reminiscentias esse.

[30] Напр., recorporatio и redanimatio —μετενσωμάτωσις и μετεμψύχωσις.

[31] Вопросъ объ адвокатурѣ Тертуллiана, по нашему мнѣнію, не имѣетъ существеннаго значенія, хотя несомнѣнно, что Тертуллiанъ τοὺς τῶν Ῥωμαίων νόμους ἠκριβωκὼς ἀνὴρ (Евсев. Ист. ц. 2, 2).

[32] Apol. 2, 4.

[33] Apol. 4.

[34] Adv. Marc. 2, 14, 2, 24.

[35] Ad Nation. 1, 12; de Praescript. 20; adv. Marc. 4, 16.

[36] См. adv. Prax. 5: Ajunt quidem et genesim in Hebraico ita incipere: in principio Deus fecit sibi filium.

[37] Сравн. adv. Marc. 3, 13. 2, 9. de Virg. vel. 7, 5; de Orat 17.

[38] Ср. adv. Marc. 3, 21. adv. Herm. 26, 19.

[39] Adv. Marc. 4. 25: Ceterum, si ἐπερχόμενος ille, quae sunt omnia, quae illi a patre sunt tradita?—ibid. 3, 25. Πολίτευμα—municipatus

[40] de Praescript. 38. 8. 9.

[41] Hauschild, Grundzatze und Mittel des Wortbild. bei Tertullian p. 11.

[42] Такъ adv. Marc. 1, 27: „Deus melior inventus est, cui nullus ignis coquitur in gehenna; 4. 30: post illam elibanus vel furnus gehennae sequatur. Въ переносн. смыслѣ de Poenit. 12: si de exomologesi retractas, gehennam

in corde considera, quam tibi exomologesis exstinguit. Цѣлое выраженіе: gehennam comminari.

[48] Такія передѣлки впрочемъ не составляютъ рѣдкаго явленія. Аналогію такого словообразованія см. напр. у Плавта: hamaxare отъ греч. ἁμαξα; у Цицерона: architectari отъ ἀρχιτέκτων; у Терт. plasmare отъ πλάσμα и т. д.

[44] Cic. de Fin. I, 2, 4; 3, 7; Tuscul. I, 1, 3.

[45] Cic. de Nat. deor. I, 4, 8.

[46] Cic. de Offic. I, 1, 1. Tusc. I, 4, 7.

[47] Cic. de Offic. I, 1, 1. de Nat. deor. I 4, 8. de Fin. I, 3, 10.

[48] Cic. de Fin. III, 15, 51; IV, 15.

[49] De Coron. mil. 6. de Bapt. 15. de Virg. vel. 1. Въ adv. Prax. c. 3 говоритъ, что оба классическ. языка—латинск. и греч. ему очень хорошо извѣстны.

[50] Adv. Valent. 5.

[51] Jac. Pamelius. Quint. Sept. Flor. Tertulliani vita. Joh. Kave. De Tertulliano et ejus scriptis dissertatio. J. Aug. Nösselt. De vera aetate ac doctrina scriptorum, quae supersunt. Q. S. Flor. Tertulliani disputatio. Carl Hesselberg. Tertullian's Lehre.

G. N. Bonwetsch. Die Schriften Tertullian's. Но не одни они занимались этими вопросами. Такъ Бароній распредѣляетъ слѣд. образомъ:

de Baptismo — Poenitentia — Praescript.	127.
de Corona mil. Apologeticus	201.
ad Scapulam	203.
Scorpiace	205.
de Spectaculis de Idololatria	206.
advers. Marcion. de Carne Christi de resurrect. carnis	209.
adv. Judaeos	210.
de Monogamia de Jejuniis de Pudicitia	216.

Neander въ свою очередь даетъ такую классификацію: a) сочиненія до—монтанистическія, имѣющія отношенія къ язычникамъ: ad Martyres; de Spectaculis; de Idololatria; ad Nationes libr. II; Apologeticus; de Testimonio animae. b) относящіяся къ христіанамъ: de Patientia, de Oratione; de Baptismo; de Poenitentia; ad Uxorem libr. II; de Cultu femin. libri II. c) догматико-полемическія: de Praescript. d) монтанистическія: de Corona mil., de Fuga in persecut; Scorpiace; ad Scapulam; Exhortatio cast; de Monog.;

de Pudicit.; de Jeuniis; de Virg. vel.; de Pallio; adv. Marcion.; adv. Valentinian.; de Carne Christi; de Resurrect. carnis; adv. Hermog.; de Censu animae; de Anima; adv. Prax.; утеряны: de Spe fidelium; de Paradiso; de Extasi; неизвѣстно, куда отнести—adv. Iudaeos.

Мы не считаемъ нужнымъ вдаваться въ критику мнѣній по поводу той или другой даты. Существуетъ слишкомъ много разногласій, въ особенности въ опредѣленіи происхожденія какого-нибудь изъ сочиненій въ частности. Такъ, напр., Apologeticum Moscheim относитъ къ 198; Nösselt и Hesselberg къ 199, Pamelius, le Nourry, Uhlhorn, Böhringer къ 200, Kellner къ 201, Cave къ 202, Joh. Caye вскорѣ послѣ 204, Allix къ 217, Georgius къ 193, Capellus къ 196, Bonwetsch къ осени 197-го года.

Приведемъ еще классификацію Uhlhorn'a въ его изслѣдованіи Fundamenta chronologiae Tertullianeae.

Ad Nationes, libri II —	къ 199.
Apologeticus de Testimonio animae	200
de Cultu feminarum de Patientia ad Uxorem libri II	201
Монтанистическія:	
de Corona militis	202
de Fuga in persecut. de Exhort. cast.	203
de Virg. Vel.	204
de Monogamia de Jejuniis de Pudicitia	205
adv. Prax. — Germog.	206
adv. Marc. lib. I de Praescript.	207
de Censu animae de Paradiso de Anima adv. Valentinian. adv. Apellecianos adv. Marcion. Libb. II — IV de Carne Christi de Resurrectione Carnis advers. Marcionem, lib V.	208—212 гг.

Примѣчанія къ

Apologeticum *).

*) По недосмотру не проставлены или невѣрно поставлены цифры, указывающія на примѣчанія къ Apologeticum:

въ главѣ II 25 послѣ словъ: „на растерзаніе звѣрямъ“.
32 послѣ словъ: „приписываете намъ“?
въ главѣ III 34 послѣ словъ: „стали христіанами“.
въ главѣ V 44 послѣ словъ: „даровавъ амнистію сосланнымъ“.
въ главѣ VI вмѣсто 48 слѣдуетъ 49 послѣ словъ: „съ собачьей головой“.
въ главѣ VII вмѣсто 35 слѣдуетъ 53 послѣ словъ: „самымъ скорымъ бичемъ“.
въ главѣ IX 59 послѣ словъ: „по своей жестокости“.
60 послѣ словъ: „рожденной изъ тѣла“.
въ главѣ XIII 65 послѣ словъ: „святому богу“.
въ главѣ XVI 74 послѣ словъ: „котораго не поняли“.
75 послѣ словъ: „Deus christianorum onoikotes“.
въ главѣ XXIII 94 послѣ словъ: „на священную башню“.
въ главѣ XXV 100 послѣ словъ: „святѣйшій архигаллъ“.
въ главѣ XXVI выпустить 103 послѣ слова: „кочевой“.

[1] Обыкновенно это сочиненіе носитъ заглавіе *Apologeticus*. По Öhler'y, всѣ рукописи были озаглавлены *Apologeticum*. Kellner полагаетъ, что Apologeticum, равно какъ и другую форму, встрѣчающуюся параллельно—Apologeticon слѣдуетъ понимать, какъ родит. падежъ множ. числа отъ греч. Απολογητικῶν или по латыни Apologeticûm, по аналогіи съ georgicon, подразумѣвая слово liber.

[2] Romani antistites—карѳагенскіе должностные лица—проконсулъ и начальники провинціи.

[3] Liceat veritati vel occulta via tacitarum litterarum ad avres vestras pervenire.

[4] Conditione.

[5] Unum gestit interdum ne ignorata damnetur.

[6] Primam causam apud vos collocamus iniquitatis odii erga nomen christianorum. Непонятно, откуда Карнеевъ взялъ: „итакъ первое на насъ нападеніе“, когда primam causam apud vos collocamus—этотъ характерный методъ защиты путемъ противообвиненія у него очевидно непонятъ. Genude: Tel est donc notre premier grief... Kellner: Dies legen wir Euch also als den ersten Beschwerdepunkt vor...

[7] Idem titulus et onerat et revincit—ignorantia scilicet.

[8] Quid enim eniquius quam ut oderint homines, quod ignorant, etiam si res meretur odium?

[9] Non de eventu, sed de conscientia probanda est?

[10] Nec tamen hoc modo ad aestimationem alicujus latentis boni promovent animos.

[11] Мнѣніе Анархазиса см. въ Diog. Laert. II, 8, 5: „θαυμάζειν δὲ ἔφη, πῶς παρὰ τοῖς Ἕλλησιν ἀγωνίζονται μὲν οἱ τεχνῖται, κρίνουσι δὲ οἱ μὴ τεχνῖται“. См. Plut. Solon. c. 5. Нужно имѣть въ виду, что μουσικοί греки называли вообще образованныхъ людей, свѣдущихъ въ наукахъ и искусствахъ: μουσικὴν ὅλην τὴν ἐγκυκλοπαιδείαν. Aristoph. Equit. 188. Схоліасты даютъ на это слѣд. объясненіе: ὅτι μουσικὴν τὴν ἐγκύκλιον παιδείαν φησίν.

[12] Sed non ideo, inquit, bonum quia multos convertit. У Карнеева съ самаго начала до этого мѣста изложеніе носитъ характеръ пересказа, какъ слѣдовало бы правильно назвать его трудъ. Постараемся подтвердить это. Текстъ защиты представляетъ распространенный силлогизмъ —наприм., въ частности доказывая несправедливость ненависти противъ христіанъ, авторъ отправляется отъ общаго къ частному. Нужно доказать, что римскія власти ошибаются. Первый выводъ:

Ненавидѣть незная за что—преступленіе.
Отсюда слѣдствіе—ita utrumque ex alterutro redarguimus.
Второй выводъ—тотъ же самый:
Ignorare illos, dum oderunt, et injuste odisse, dum ignorant.
Третій выводъ:

Non ideo bonum, quia multos convertit... sed omne malum aut timore aut pudore natura perfudit, а здѣсь Neminem pudet, neminem poenitet... ergo bonum est.

Затѣмъ эти три общихъ вывода, становясь сами посылками, даютъ въ результатѣ:

Non potes dementiam dicere, qui revinceris ignorare.

Этихъ-то характерныхъ оборотовъ рѣчи у Карнеева и не видно благодаря его изложенію; онъ прямо переходитъ къ рѣчи лицомъ къ лицу, и выходитъ, что вся первая глава есть какъ-бы простое оправданіе, тогда какъ тогда какъ на самомъ дѣлѣ это есть логическое обвиненіе, которое въ прямомъ смыслѣ, еслибы Тертулліанъ, какъ адвокатъ, требовалъ бы по закону, началось бы: Vos, Romani antistites, accusso... и т. д. Русская рѣчь можетъ свободно и отчетливо передать переходъ отъ общаго къ частному, нѣмецкая рѣчь—точно также, тотда какъ французская рѣчь теряетъ отъ этого свою живость. Вотъ почему во французскихъ переводахъ мы встрѣчаемъ обращеніе во второмъ лицѣ—это даетъ намъ возможность предполагать, что Карнеевъ излагалъ свой пересказъ съ французскаго. Такъ напр.: „но отъ того, говорите вы, что многіе люди пріемлютъ христіанство, не слѣдуетъ еще, чтобы въ немъ заключалось какое либо благо“. Во французскомъ: Mais enfin, dira-t-on, le Christianisme est-il bon par cela, qu'il attire a lui la multitude? А въ текстѣ между тѣмъ: sed non ideo, inquit, bonum quia multos convertit—общее положеніе!

[13] Omne malum aut timore aut pudore natura perfudit.

[14] Quid hoc mali est, quod naturalia mali non habet?

[15] Non potes dementiam dicere, qui revinceris ignorare.

[16] Правило, оставшееся въ судахъ и до сихъ поръ: всякаго допрашиваютъ объ обстоятельствахъ дѣла, даже если преступникъ сознался, такъ какъ судъ обязанъ воздать виновному точно по заслугамъ. А случиться можетъ, что кто нибудь возьметъ вину на себя (какъ это часто случается), находя въ этомъ извѣстный разсчетъ. Притомъ когда хорошо извѣстны: qualitas facti, numerus, locus, modus, tempus, conscii, socii—либо привлекаются къ отвѣтственности и другіе, либо вина преступника усугубляется или уменьшается.

[17] De nobis nihil tale, cum aeque extorquere oporteret quod cum falso jactatur, quot quisque jam infanticidia degustasset, quot incesta contenebrasset, qui coci, qui canes adfuissent.

[18] До насъ дошло письмо Плинія Младшаго, о которомъ упоминаетъ здѣсь Тертулліанъ, и отвѣтъ на него Траяна. См. Plinus Secundus, Epistol. X. 97. 98. Плиній ужаснулся множеству христіанъ и обратился къ Траяну съ вопросомъ, какъ ему поступать съ ними, особенно въ виду того, что за христіанами не имѣется преступленій, достойныхъ казни. Траянъ не нашелъ ничего лучшаго какъ сказать: hoc genus quidem inquirendos non esse, oblatos vero puniri oportet. Это, по выраженію Тертулліана, sententia, necessitate confusa!

Новое доказательство, что Карнеевъ пересказывалъ съ французскаго. Въ текстѣ: Plin. S. cum provinciam regeret... Во французск. пер. Genoude: Pline le Jeune, gouverneur de Bithynie... Карнеевъ: Плиній Младшій губернаторъ Виѳиніи.

[19] Quibusdam gradu pulsis.

[20] Въ текстѣ: consuluit tunc Trajanum imperatorem... Genoude: sollicita de l'empereur T... Il expose dans sa lettre que... Карнѣевъ: спрашивалъ импер. Траяна, какъ поступить. Въ письмѣ своемъ онъ изъясняетъ и т. д.

[21] Въ текстѣ: o, sententiam, necessitate confusam! Genoude: Etrange jurisprudence! monstrueuse contradiction—Карнѣевъ: странный и чудный приговоръ...

[22] Quid temetipsam, censura, circumvenis? Genoude: Pourquoi vous contredire si grossiérement? Карнеевъ: зачѣмъ такъ грубо себѣ противорѣчишь?

[23] In reos majestatis et publicos hostes omnis homo miles est.

[24] Этотъ періодъ мы сочли нужнымъ передать точнѣе, употребляя вмѣсто nomen—имя христіанина, причемъ смягчается сухость латинской рѣчи.

[25] Laniare jubere saceilegium. Что въ точности обозначаетъ laniare—растерзать ли звѣрями или... zerfleischen или..... vos verges d'echirent le sacrilége? Послѣднее мало вѣроятно.

[26] Это была обычная форма отвѣта при допросѣ христіанина на судѣ.

[27] Собственно: я, отвѣчаетъ онъ, то, о чемъ ты доискиваешься, я ли есмь таковой.

[28] Глаголъ—ministret означаетъ здѣсь скрытую агитацію въ человѣческомъ сознаніи, такъ какъ трудно допустить, чтобы здравомыслящіе люди добровольно отреклись отъ формъ, установленныхъ временемъ и здравымъ смысломъ. Тертулліанъ усматриваетъ здѣсь демоническую силу, тайно управляющую людскимъ мышленіемъ. См. de Anima, 1.

[29] На основаніи древнѣйшаго закона. Sallust. Catil. LII: de confessis, sicuti de manifestis rerum capitalium, more majorum supplicium sumendum. Math. XXVI, 65. Ὅτι ἐβλασφήμησε τί ἔτι χρείαν ἔχομεν μαρτύρων; Tertull. ad Scapulam, c. IV. de Spect. c. XIX. Bonum est, cum puniuntur nocentes.

[30] Non licet hoc velle, ïdeo cogitur quisquam negare.

[31] Praevaricaris in leges.

[32] Quid de tabella recitatis illum christianum, cur non et homicidam? si homicida christianus, cur non incestus? vel quodcunque aliud nos esse creditis?

[33] Мѣсто, затруднительное для толкованія. Нѣкоторые принимаютъ это мѣсто, нѣсколько разнящееся отъ рукописной версіи, въ смыслѣ ироническомъ—si nullius criminis nomen reus est—если только въ одномъ имени заключена вина.

[34] Въ подлинникѣ аллитерація въ окончаніи эпитетовъ: quae mulier, quam lasciva, quam festiva; qui juvenis quam lusius, quam amasius.

[35] Χρῖσις, помазаніе.

[36] Язычники называли Христа—Хрестосъ (Chrestus), а послѣдователей Его ученія—хрестіанами.

[37] Coqui etiam ab Apicio. Апицій, прославившійся своимъ обжорствомъ, жилъ во время Августа и Тиберія. Онъ оставилъ сохранившійся до нашего времени трактатъ de Opsoniis et condimentis, sive de arte coquinare. Потративъ огромное богатство на гастрономическіе пиры, онъ отравился изъ боязни умереть съ голоду, когда у него оставалось не болѣе 250000 сестерцій.

[38] Третьей главой кончается вступленіе. Съ четвертой начинается собственно защита.

[39] Северъ воздвигъ гоненіе на христіанъ и извѣстенъ поддержкой старинныхъ законовъ, хотя иногда, какъ видно, отмѣнялъ отжившія или устарѣвшія установленія.

[40] Папій былъ римскимъ консуломъ и жилъ во времена Августа. Lex Papia постановляетъ, чтобы мужчина въ 25, а женщина въ 20 лѣтъ имѣли уже дѣтей, между тѣмъ по Lex Julia въ эти года не позволялось вступать въ бракъ.

[41] Почти непереводимая игра словъ: suffundere maluit hominis sanguinem, quam effundere, что мы постарались передать словами: приливать и проливать.

[42] Тертулліанъ намекаетъ на того М. Эмилія, о которомъ Валерій Максимъ говоритъ, какъ о человѣкѣ, имѣвшемъ особенную привязанность къ

чужеземнымъ божествамъ. Ср. adversus Marcionem, 1, 18. Евсев. Ист. Ц. II, 2. Niceph. II, 8. О богѣ Alburnus ничего неизвѣстно.

[43] О первомъ гоненіи на христіанъ см. у Tacit. Annal. Lib. XV. Cap. 44.

[44] Домиціанъ (81—96) является наслѣдникомъ Нерона по жестокости, съ которой имъ открыто было второе гоненіе на христіанъ. См. Евсев. Ист. Ц. III, 20. Niceph. III, 10. Hieron. ad annum MMCX. Lactant de. Mort. persecut. c. 3. Oros. VII, 7. Sulpic. Sever. H. S. II, 31. Dodwell, Dissert. Cypr. XI. § 16, p. 71.

[45] См. гл. II. Прим. 18.

[46] Христіанъ смѣшивали съ іудеями.

[47] Тертулліанъ въ данномъ случаѣ имѣлъ въ виду апологію Іустина и приложенные къ ней документы.

[48] Прежде въ Римѣ не было защищеннаго мѣста для зрѣлищъ и только въ эпоху развитія роскоши стали защищать зрителей прикрытіемъ отъ зноя.

[49] Сераписа смѣшивали съ Озирисомъ. Его изображали съ головой, снабженной символомъ изобилія, исходящаго отъ него, какъ отъ божества солнца. Изида и Озирисъ—верховныя божества Египта. Гарпократъ—сынъ Озириса и Изиды, богъ молчанія. Его изображали въ видѣ полунагого юноши съ рогомъ въ рукѣ и пальцемъ на губахъ. Кинокефалъ—Анубисъ. Его статуя стояла у воротъ каждаго храма въ видѣ охраны Озириса и Изиды. Храмы Сераписа, Изиды и Гарпократа, находившіеся и въ Римѣ, были разрушены консулами Пизономъ и Габиніемъ.

[50] Срв. Min. Felix Oct. c. 9. Tatian. Orat. ad. Graec. c. 42. Іустинъ муч. Разговоръ съ Триф. 227. Его же Apol. II p. 70. Athenag. Leg. pro chr. p. 38.

[51] Мѣсто, трудное для перевода. Нѣкоторые понимали такъ, что будто бы свѣтильники были привязываемы къ хвостамъ собакъ, которыя, бросаясь внезапно на куски брошеннаго мяса, опрокидывали ихъ и производили темноту.

[52] На островѣ Самофракіи находился жертвенникъ Цереры и Прозерпины, которымъ приносились въ жертву псы. Въ Элевзинѣ, въ Аттикѣ, совершались жертвоприношенія тѣмъ же богинямъ, учрежденныя поэтомъ Музеемъ, ученикомъ Орфея.

[53] Fama malum, quo non aliud velocius ullum, см. Vergil. Aen. IV. 174.

[54] Кинопы—кинокефалы, баснословные народы Индіи, по преданію питались тѣмъ же, чѣмъ и собаки. Скіаподы (тѣнистоногіе)—народы Эоіопіи, получившіе свое прозваніе оттого, что защищались отъ зноя при помощи ногъ. См. Philostrat. vita Apollonnii Tyan. III, 45. Скіаподы обозначены на Tabula Pentingeriana на западной сторонѣ арабскаго залива.

[55] У язычниковъ было обыкновеніе врывать около храмовъ столбы, на которые они сыпали жертвы, послѣ чего все вмѣстѣ сжигалось. Столбы эти носили названіе обѣтныхъ. См. Apul. Metam. VI. 3. Schol. Aristoph. Plut. v. 942. Тиберій изъ этихъ столбовъ сдѣлалъ votivas cruces. См. Plin. H. N. XII. 1. Sulp. Sever. V. S. Martini, c. 10. Ср. Vergil. Aen. II, 714. Ap. Frorid. c. 1 Ovid. Metam. VIII, 723, 745 и друг.

[56] Сатурнъ долженъ былъ убивать своихъ дѣтей мужескаго пола; такой былъ уговоръ у него съ братомъ Титаномъ, который уступилъ ему свои права на владычество съ этимъ условіемъ. Extraneis utique non parcendo. Слово extraneus очень любитъ Тертулліанъ: Apol. c. 1: extraneos facile inimicos invenire... Cap. 7: tot hostes... quot extranei; sequitur, ut extranei и т. д. см. с. 9, 16, 25, 31. ad Nation. I, 17; I, 18; I, 20; II, 13.

[57] Religiosissima urbe Aeneadorum. Эней, по Виргилію, былъ очень благочестивъ. Тертулліанъ говоритъ иронически. См. Iustin Novell. XI, VII. Αἰνείας ἡμῖν ὁ Τρῶς βασιλεὺς τῆς πολιτείας ἐξάρχει Αἰνειάδαι τε ἡμεις ἐξ ἐκείνου καλούμεθα. Tert. de Corona, c. 12. ad Nat. II, 17.

[58] Jupiter Latiaris, см. Athan. c. Gent. p. 21. Tatian. Orat. ad Graec. c. 46. Tert. Scorp. c. 7. Lact. Inst. Div. I, 21 и др.

[59] Иронія. Такъ какъ одинъ Юпитеръ избѣжалъ смерти и участи быть пожраннымъ Сатурномъ.

[60] Homo est et qui est futurus; etiam fructus omnis jam in semine est.

[61] Sallust. Cat. c. 22. Flor. IV, 1.

[62] Женой Юпитера была его сестра Юнона.

[63] Сатурнъ былъ человѣкомъ.

[64] Говорится о потерянномъ соч. de Superstitione. О немъ упомин. также Августинъ, de Civit. Div. VI, 10, приводя изъ него отрывокъ.

[65] Simonem magam. Тертулліанъ слышалъ Semon, имя, которое римляне давали своимъ полубогамъ. Тертулліанъ взялъ это изъ Apolog. II (p. 69, edit. Paris) Іустина Муч.: sancto sauco Semoni Deo Fidio. Другіе: Semoni sauco, Sauco Fidio Semo patri. Ср. толк. Евсев. ист. Ц. II, 13 и Ирин. advers. Haeres. I, 21. Goerres Christ. Mystik, III, 107 и слѣд.

[66] Здѣсь разумѣются сказанія о томъ, какъ Юпитеръ въ видѣ золотаго дождя проникъ къ Данаѣ, какъ въ видѣ лебедя соблазнилъ Леду, подъ видомъ быка унесъ Европу; принявъ видъ Амфитріона, отъ Алкмены родилъ Геркулеса и т. д. Эти-то шалости и изображались на римской сценѣ.

[67] Разумѣются актеры, игравшіе боговъ.

[68] Полуденными бойцами назывались гладіаторы, сражавшіеся въ полдень безъ прикрытія щита, шлема или панцыря; они должны были сражаться до смерти. См. Lips. Saturn. II, 15. Толков. къ Sveton. Claud. c. 34. Senec. Epist. 1, 7.

[69] Древніе вѣровали, что Меркурій отводилъ умершихъ въ подземное царство, поэтому для зрителей онъ представлялся человѣкомъ, испытывающимъ трупы съ помощью раскаленнаго желѣза, дѣйствительно ли это уже трупы.

[70] Плутону приписывалась власть помѣщать мертвыхъ въ тартаръ; поэтому изображавшіе его актеры ходили съ молотомъ въ рукахъ, раздробляя тѣла гладіаторовъ, очень часто еще не умершихъ.

[71] Епона отъ ἵππος, лошадь—лошадиное божество.

[72] т. е. на небѣ.

[73] Diem solis laetitiae indulgemus.

[74] См. толков. къ Ovid. Rem. Am. v. 219, и ad A. A. I. 415. Tibull. I, 3, 18. Horat. Sat. I, 9, 69. Pers. Sat. V, 184. Juvenal. Sat. XIV, 96. Tacit. Hist. V. 4. День Сатурна—суббота (σάββατον).

[75] Оставляемъ непереведеннымъ богохульное и глупое остроуміе язычника.

[76] Подъ дождемъ и бурею разумѣется потопъ, подъ огнемъ — сожженіе Содома и Гоморры.

[77] Менедемъ, послѣдователь Сократа, ученикъ Федра, сынъ плотника, жилъ за 300 л. до Р. Хр.

[78] Царь Инахъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, былъ современникомъ Іакова.

[79] По нѣкоторымъ лѣтосчисленіямъ, Моисей опередилъ его на 59 лѣтъ.

[80] Пріаму предшествовалъ Моисей на 311 л. Разореніе Трои было за 1200 л. до Р. Хр., а рожденіе Моисея за 1567 л. до Р. Хр. По хронологіи Кальмета, Моисей жилъ за 823 года до построенія Рима.

[81] Египетскій историкъ при Птоломеѣ Филадельфѣ.

[82] Жрецъ храма Белуса; онъ извѣстенъ, какъ астрономъ и историкъ, современникъ Александра.

[83] Иромъ или Хирамъ—финикійскій царь, союзникъ Давида и Соломона.

[84] Жрецъ египетскій, живший въ эпоху Августа и Тиберія, написавшій исторію египетск. царей.

[85] Ост. собраніе изъ главн. ист. сочиненій законовъ греческихъ и варварск. царей.

[86] Царь Нумидіи и Мавританіи, между прочими сочин. написавшій примѣчанія къ Ливію.

[87] Грамматикъ египетскій, написавшій ист. евреевъ и египтянъ.

[88] Африканскій писатель, изложившій сирійскую исторію.

[89] Когда сенаторы убили Ромула, Прокулъ возвѣстилъ раздраженному народу, что онъ видѣлъ Ромула, какъ бога, вознесшагося съ горы на небо, и тѣмъ остановилъ порывы народной мести.

[90] Кастор и Поллуксъ—созвѣздіе. По миѳологіи—сыновья Юпитера и Леды. Они возвѣстили римскому консулу Домицію побѣду надъ непріятелемъ. Такъ какъ тотъ не повѣрилъ имъ, то они превратили его бороду изъ черной въ рыжую, отчего Домицій прозывался „рыжебородый“.

[91] Однажды Сибилла ѣхала на кораблѣ, который внезапно остановился среди Тибра. Его никакъ не могли сдвинуть съ мѣста. Тогда пришла одна Весталка, обвиненная въ потерѣ цѣломудрія, развязала свой поясъ и, привязавъ его къ кораблю, потащила судно.

[92] См. кн. царств. 1, 28 ст. 12.

[93] Въ Дельфахъ прорицали козы, а по свидѣтельству Діодора Сицилійскаго (кн. 16) язычники пользовались для прорицаній и столами. Невольно вспомнишь о нашихъ спиритическихъ сеансахъ.

[94] Разумѣется Левкадскій камень, лежавшій близъ храма Аполлона. Съ него любовники, потерпѣвшіе неудачу, бросались, желая уничтожить свою страсть, и убивались до смерти.

[95] См. Числ. гл. 23. Лукіанъ говоритъ, что Аполлонъ не могъ давать прорицаній безъ куреній.

[96] Небесная дѣва—Юнона.

[97] Миносъ — царь Критскій, сынъ Юпитера и Европы. Радаманъ — его братъ, царь Ликійскій. У поэтовъ—адскіе судьи.

[98] Язычники думали, что христіане и іудеи во время молитвы считали облака. При жертвоприношеніяхъ въ Капитоліи воздѣвали руки къ небу. То обстоятельство, что молящіеся приподнимались на пальцахъ ногъ, заставляло думать, что они считаютъ своды потолковъ.

[99] Стеркулъ—богъ, научившій унавоживать поля. Мутунъ — греческ. Пріапъ. Ларентина—знаменитѣйшая римская блудница.

[100] Начальникъ и глава жрецовъ Цибеллы.

[101] На этомъ островѣ находилась пещера, которую считали гробницей Юпитера.

[102] Корибанты—жрецы Цибеллы, стучавшіе въ свои щиты, чтобы отъ этого шума Сатурнъ не могъ разслышать стоновъ своей жены Реи, во время рожденія Юпитера.

[103] Коза Амалеи.

[104] Тарквиній, купивъ Сивиллины книги, отдалъ ихъ подъ охрану двухъ мудрыхъ мужей. Эти, будучи жрецами, гадали по нимъ. Потомъ число гадальщиковъ было увеличено, и при Суллѣ ихъ было до 15 челов.

[105] Намекъ на Сезостриса, царя египетскаго, впрягавшаго плѣнныхъ царей въ свою колесницу. Одинъ изъ нихъ, обративъ вниманіе царя на обороты колеса, указалъ ему на превратность земного счастія.

[106] Кассій Брутъ—измѣнникъ отечества, умершій отъ голода, по распоряженію своего отца.

[107] Намекъ на импер. Коммода, убитаго во время возвращенія изъ пригороднаго мѣста. Убійцы напали въ то время, когда онъ проѣзжалъ между двумя лавровыми рощами.

[108] Оба—любимцы Домиціана, имъ облагодѣтельствованные и вмѣстѣ съ тѣмъ его убійцы.

[109] Это была галлерея, вообще крытое мѣсто для фехтовальныхъ упражненій въ дурную погоду.

[110] Существовало два рода наказаній за грѣхи у христіанъ: отлученіе отъ общенія и покаяніе. При покаяніи были три степени: грѣшникъ, стоя внѣ церкви, просилъ входившихъ во храмъ, чтобы они молились за него. Грѣшнику дозволялось вмѣстѣ съ оглашенными слушать Св. Писаніе, стоя у входа во храмъ. Наконецъ—дозволялось войти въ церковь, чтобы совершить колѣнопреклоненіе предъ амвономъ, а затѣмъ стать вмѣстѣ съ оглашенными.

[111] Анатуріи—аѳинскій праздникъ въ честь Бахуса. Діонисіи—праздникъ въ честь Бахуса, праздновавшійся весною. Аттическія мистеріи—то же, что Елевсинскія мистеріи.

[112] См. посл. къ Евр. гл. 1 ст. 12.

[113] По свидѣтельству Плинія, эти острова нѣкогда были подъ водою и снова появились на поверхности. Plin. Hist. Nat. II, 87, и Ammian. Marcell. XVII, 7 p. 98.

[114] Богатый городъ въ Тусціи, весь сгорѣлъ отъ молніи.

[115] Галлы, жившіе въ сѣверн. Италіи.

[116] Обыкновенно дѣлалось въ ожиданіи какого нибудь бѣдствія, иногда въ честь какихъ-нибудь боговъ.

[117] Индійскіе философы, пренебрегавшіе благами міра и проводившіе жизнь въ созерцаніи.

[118] Таковые передъ выходомъ на смертный бой наѣдались и напивались на публичныхъ пирахъ.

[119] Въ это время христіане съ особенной тщательностью погребали своихъ умершихъ.

[120] У циниковъ подобное поведеніе считалось славнымъ. Одинъ изъ нихъ обругалъ Нерона, проходившаго мимо.

[121] Городъ въ Италіи. Арнобій, кн. 1, говоритъ, что Пиѳагоръ былъ сожженъ живымъ вслѣдствіе домогательства высшей власти.

[122] Есть извѣстіе, что Аристотель отнялъ у своего друга Гермія его наложницу, самъ влюбившись въ нее. Такъ—La Cerda, ссылаясь на разсказъ Аристиппа. *Migne* предлагаетъ чтеніе: „Hermiam turpiter toro excedere fecit“. Прим. 92.

[123] Сынъ Пизистрата Гиппій послѣ убійства своего брата сдѣлался жестокимъ тираномъ, былъ изгнанъ и бѣжалъ къ Дарію. Сражался въ войскѣ персовъ противъ аѳинянъ и былъ убитъ въ Мараѳонскомъ бою.

[124] Въ Дельфахъ при вратахъ храма была надпись: γνώθι σ'εαυτόν.

[125] Намекъ на то, что люди, убитые молніей, не сожигались, а погребались. Они считались свободными отъ наказанія, потому что уже были наказаны Юпитеромъ.

[126] Sarmentici et Semaxii.

[127] Желая разсмотрѣть отверстіе горы, упалъ въ кратеръ.

[128] Дидона, дочь тирскаго царя, основательница Карѳагена.

[129] Философъ скептикъ. На пиру Александра В. на вопросъ царя, чего недостаетъ имъ на пиру? — заявилъ, что недостаетъ головы тирана кипрскаго Никокреона, изъ которой слѣдовало бы приготовить блюдо. Мстя Анаксарху, онъ посадилъ его въ ступу и велѣлъ толочь философа желѣзными пестами, причемъ тотъ успѣлъ сказать: пусть его себѣ дробитъ мое тѣло, когда онъ не въ состояніи коснуться моей души!

[130] Гармодій и Аристогитонъ.

Маркіонъ и его ученіе *).

Особеннаго вниманія со стороны церковнаго историка заслуживаетъ Маркіонъ: онъ стремился сдѣлаться реформаторомъ христіанства въ томъ смыслѣ, въ какомъ, по его мнѣнію, разумѣлъ новую религію ап. Павелъ. Онъ съ жаромъ искренняго убѣжденія защищалъ самобытность христіанскаго откровенія и отвергалъ всякое значеніе ветхаго завѣта въ смыслѣ предуготовленія къ христіанству.

Прибывъ въ Римъ около 140 года, изгнанный, какъ кажется, изъ своей церковной общины за дурное поведеніе собственнымъ же отцомъ, синопскимъ епископомъ, онъ свёлъ дружбу съ сирійскимъ гностикомъ Кердономъ, который и повліялъ на его религіозныя вѣрованія. Кердонъ признавалъ двухъ боговъ: одного высочайшаго, неизвѣстнаго, которому придавалъ эпитетъ добраго, и другого извѣстнаго подъ именемъ Деміурга; послѣдній слился съ матеріей и съ помощью ея, или, лучше сказать, изъ нея сотворилъ міръ. Въ Римѣ и внѣ его Маркіонъ нашелъ себѣ немало прозелитовъ, изъ которыхъ впослѣдствіи образовалъ хорошо организованныя общины. Въ своихъ посланіяхъ и привѣтствіяхъ Маркіонъ называлъ ихъ товарищами въ ненависти, товарищами въ напастяхъ. И на самомъ дѣлѣ, опасность, грозившая чистотѣ вѣры, была настолько велика, что гнѣвъ и ненависть противъ еретика долго не утихали; даже въ серединѣ третьяго столѣтія иногда раздаются жалобы противъ Маркіона, о чемъ свидѣтельствуютъ полемическія сочиненія того времени. Есть извѣстія, впрочемъ мало вѣроятныя, будто Маркіонъ къ концу жизни, раскаявшись въ своихъ заблужденіяхъ, пытался снова войти въ лоно церкви, и будто рѣшено было принять его подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ привелъ къ ней своихъ единомышленниковъ, но что смерть его помѣшала исполненію этихъ желаній.

Маркіонъ отъ другихъ еретиковъ отличается тѣмъ, что онъ не заимствовалъ ничего изъ язычества и держался строго на почвѣ чисто-христіанской, опираясь только на Священное Писаніе. Но характерной чертой его слѣдуетъ признать самое произвольное отношеніе къ Св. Писанію. Изо всѣхъ новозавѣтныхъ книгъ книгъ онъ признавалъ только Евангеліе Луки и 10 посланій ап. Павла, впрочемъ сильно исказивши ихъ въ духѣ своего ученія. Онъ не отрицалъ происхожденія остальныхъ новозавѣтныхъ книгъ отъ тѣхъ именно лицъ, которымъ приписывалъ ихъ общій голосъ церкви, но находилъ, что писатели ихъ не отрѣшились вполнѣ отъ іудейской закваски, а книги притомъ, съ теченіемъ времени, подверглись передѣлкамъ.

Сущность Маркіоновой ереси можетъ быть приведена къ слѣдующимъ главнымъ положеніямъ: Богъ любви и милосердія отличенъ онъ грознаго бога-судьи, ветхозавѣтнаго бога — творца міра. Деміургъ произвелъ міръ,

*) Примѣчаніе къ трактату: противъ Маркіона.

Его высочайшее твореніе былъ человѣкъ, созданный изъ земли, благодаря чему уже по природѣ носитъ въ себѣ злое начало. Деміургъ далъ человѣку душу, но не могъ дать ему духа. Свойства этого Деміурга выказываются въ данномъ имъ ветхозавѣтномъ законѣ: онъ не только правосуденъ, но и гнѣвенъ, лишенъ предвѣдѣнія, не твердъ въ своихъ рѣшеніяхъ. Онъ не зналъ, напримѣръ, того, что Саулъ согрѣшитъ, запрещаетъ трудиться въ субботу, а между тѣмъ приказываетъ въ этотъ день обносить ковчегъ завѣта. Онъ предписываетъ жертвоприношенія и въ то же время порицаетъ ихъ черезъ своихъ пророковъ. Онъ далъ людямъ законъ для того, что бы испытать ихъ повиновеніе его волѣ, чтобы награждать и наказывать по заслугамъ, но не могъ дать имъ силы для исполненія закона. Оттого человѣкъ согрѣшилъ и подпалъ подъ власть демона. Изо всѣхъ народовъ земныхъ Деміургъ избираетъ любимымъ своимъ народомъ только одинъ: этому народу онъ обѣщалъ Мессію, который возвратитъ въ отечество изгнанныхъ изъ него іудеевъ и сдѣлаетъ ихъ первымъ народомъ на землѣ, всѣ же другіе народы, язычники, будутъ жить подъ его скипетромъ. Только черезъ Мессію іудейская религія впервые достигнетъ своего могущества на землѣ. Но милосердный, высочайшій Богъ любви непопустилъ совершиться такой несправедливости по отношенію къ остальному человѣческому роду, и въ 15-й годъ правленія императора Тиверія сошелъ на землю въ городѣ Капернаумѣ Христосъ, принявшій только видимую тѣлесную оболочку. Существуетъ ли какое либо отличіе Христа отъ Бога, на это Маркіонъ не даетъ яснаго отвѣта. Онъ сошелъ для того, чтобы разрушить царство Деміурга.

Отсюда ненависть къ нему какъ Деміурга, такъ и іудеевъ, которые гнали и убили Христа. Послѣ Своей смерти Христосъ сошелъ въ адъ, чтобы вывести изъ него души язычниковъ. Избранные Христомъ двѣнадцать апостоловъ подпали опять послѣ него рабству закона и враждовали съ ап. Павломъ, котораго Христосъ призвалъ особенно торжественнымъ образомъ на апостольское служеніе. Позднѣйшіе Маркіониты помѣщали ап. Павла въ царствіи небесномъ по правую сторону Господа, Маркіона по лѣвую.

Стремясь въ своей дѣятельности единственно къ тому, чтобы сдѣлать изъ христіанства чистую религію милосердія и искупленія, Маркіонъ не оставилъ послѣ себя никакой христологической формулы.

Ученики Маркіона дали впослѣдствіи дальнѣйшее развитіе началамъ, заложеннымъ имъ въ основу своей ереси. Впрочемъ, напр., Апеллесъ, одинъ изъ главнѣйшихъ учениковъ Маркіона, опирался скорѣе на свое внутреннее убѣжденіе или вѣрованіе, чѣмъ на какое-либо философское или историческое основаніе. Онъ высказывалъ мнѣніе, что всѣ вѣрующіе и надѣющіеся на Распятаго спасутся, какого бы исповѣданія они ни держались, если только оправдаются своими дѣлами. [Euseb. V, 13, 5]. Со стороны этической маркіониты забыли строгій уставъ церкви относительно ἐγκράτεια. Послѣдователи Маркіоновой ереси распространили послѣднюю отъ Рима до

Египта и Аравіи, Понта и Сиріи и основывали въ этихъ странахъ свои общины (συναγωγοί). Преимущественно въ Сиріи Маркіонова община достигла наибольшаго значенія и процвѣтала тамъ еще въ третьемъ столѣтіи. Только со временемъ появленія на тронѣ христіанскихъ императоровъ стали приниматься законодательныя мѣры къ подавленію и уничтоженію этой ереси. Однако Θеодоритъ утверждаетъ, что еще въ пятомъ столѣтіи ему удалось въ Сиріи сдѣлать обращеніе около тысячи человѣкъ, исповѣдывавшихъ Маркіонову ересь.

Ересь Праксея *).

Праксей, Ноэтъ и Савеллій—три представителя монархіанской ереси. Они учили, что Божество жило въ человѣкѣ Іисусѣ. Ихъ называютъ также патрипассіанами, потому что, если нѣтъ различія лицъ, то Самъ Отецъ пострадалъ на крестѣ. Подробныя свѣдѣнія объ ученіи Праксея см. у Тертулліана „adversus Praxeam“. Le Clerc въ своей Hist. eccles. p. 789 и Бозобръ тщетно пытались защитить Праксея. Mosheim въ Hist. Christ. s., 2, § 68 разобралъ взгляды Le Clerc'a и Beausobr'a и отчасти соглашается съ ними. Но мы безусловно не можемъ соглашаться съ этими учеными и признать сколько нибудь основательной ихъ защиту монархіанства и въ частности взглядовъ Праксея. О литературѣ предмета см. въ примѣч. о сектѣ Валентиніанъ.

Ересь Валентиніанъ **).

По своему происхожденію Валентинъ былъ іудеемъ изъ Александріи. По словамъ Тертулліана, онъ измыслилъ свою особую систему, получивъ отказъ въ епископской каѳедрѣ, которой добивался. Впослѣдствіи Валентинъ явился въ Римѣ, но дважды отлученный отъ Церкви удалился на о. Кипръ, гдѣ окончательно разработалъ свою систему. Умеръ въ 160 г.

Въ противоположность Маркіону, система Валентина составилась изъ смѣшенія ученій Кабалы съ системами Платона и Пиѳагора, не безъ вліянія Ѳеогоніи Гезіода.

Валентинъ признавалъ вѣчное царство свѣта, названное имъ Плерома. Во главѣ этого царства — верховное божество, первоначальное, вѣчное и непостижимое—Битосъ (Bythos—такъ по Тертулліану и Иринею; у Епифанія—βύθος, глубина, profundum). Пожелавши проявить себя, Битосъ, въ союзѣ со своей супругой Эннойя (ἔννοια) или Сиге (σιγή), которую Валентинъ называлъ также Харитой, породилъ первую пару эоновъ: Нуса (νοῦς—ра-

*) Прим. къ трактату: противъ Праксея.

**) Прим. къ трактату: противъ Валентиніанъ.

зумъ) или Моногенеса и Алетейю (истина). Отъ этой первой пары произошли двѣ новыхъ: Логосъ и Зоя; Антропосъ и Экклезія. Такъ завершилась первая осьмерица божественной Плеромы. Отъ Логоса и Зои произошла еще десятерица божественныхъ сущностей или эоновъ. Антропосъ и Экклезія произвели двѣнадцать новыхъ эоновъ. Получились такимъ образомъ три разряда: огдоада, декада и додекада. Отъ крайняго эона додекады—Софіи произошла Ахамотъ, существо несовершенное, женскаго пола. Отъ Ахамота произошелъ, наконецъ, міръ и самъ Деміургъ, устроившій порядокъ въ хаосѣ и создавшій человѣка. Ахамотъ, невѣдомо отъ Деміурга, вдохнула въ человѣка лучъ высшей, духовной жизни. Для избавленія и очищенія человѣка отъ узъ плоти и приходилъ на землю Іисусъ, одинъ изъ высшихъ эоновъ, созданный всѣми эонами, какъ цвѣтъ Плеромы, въ даръ отцу Витосу (у Епифанія—προπάτωρ, у Тертул. –pater), и т. д. (подробнѣе см. у Migne, T. II, p. 559). Дикость абсолютная, плодъ воображенія ненормальнаго! Однако св. Ириней находилъ нужнымъ опровергать ученіе Валентиніанъ, слѣдовательно въ то время это было необходимо. Отмѣтимъ при этомъ одинъ любопытный фактъ: въ нашемъ вѣкѣ нашлись критики, пожелавшіе дать обоснованіе системѣ Валентина и напомнить объ ученіи никому не нужномъ. Но—vanitas vanitatum! — все стараніе отыскать смыслъ въ безсмыслицѣ оказалось напраснымъ. Они не могли указать здраваго смысла въ хаосѣ фантастическихъ мечтаній, разрушенныхъ еще отцами церкви, доказавшими, что вся система Валентина –плодъ сбившагося съ толку ума. Въ числѣ такихъ реставраторовъ былъ Beausobre въ своей Hist. des Manich., lib. 3, c. 7, § 8 и c. 9, § 9. Онъ поддерживаетъ систему Валентина и старается доказать, что она вовсе не такъ смѣшна, какъ представляется на первый взглядъ, что это былъ родъ мистической системы съ аллегорическимъ характеромъ для обозначенія атрибутовъ и дѣйствій Божества, и что Валентинъ выражалъ свои идеи согласно духу времени и обычаю современныхъ ему философовъ. Его идеи тождественны съ взглядами Платона и Пиѳагора, которые, въ свою очередь, заимствовали ихъ отъ халдеевъ. Онъ склоненъ думать, что отцы Церкви, не понявъ истиннаго смысла системы, напрасно такъ строго порицали ее. На это, конечно, не стоитъ и возражать, защита не заслуживаетъ критики. Кто желаетъ подробнѣе ознакомиться съ недостатками системы Валентина и съ натянутой защитой ея, тотъ можетъ обратиться, напр., къ Mosheim'у, который, изслѣдовавъ дѣло, пришелъ къ выводу, что какъ-бы ни разсматривали ученіе Валентиніанъ, нельзя доказать его осмысленности—настолько лишено оно здраваго смысла! См. Mosheim, Hist. Christ. s. 2. § 53 и Hist. eccel. 2 siecl. 2 pars. c. 15. § 16. 17. Система Валентина была развита полнѣе его учениками: Секундомъ, Маркомъ, Гераклеемъ, Аріоникомъ и др. (см. Neander, Genetisch. f. d. v. gn. syst. Berlin. 1818. Baur, Die christ. Gnosis. 1835. Matter, Hist. critique du Gnosticisme. Paris. 1843. Mansel. The gnost. heresies. Bergier. Dictionnaire de Theol. Paris. Heinrici, Die Valentin. Gnosis. Berlin. 1871. Harnack, Zur Quellenkr. der Gesch. d. Gnostizismus).

Ересь Гермогена *).

Гермогенъ былъ по происхожденію африканецъ, по ремеслу художникъ и жилъ въ концѣ II вѣка. Придерживаясь стоическихъ воззрѣній, онъ основалъ свою собственную школу; изъ учениковъ его извѣстны Гермій и Селевкъ, почему его послѣдователи назывались также Гермійцами, Герміатистами или Герміостами, также—Селевкійцами, матеріалистами и др. Приверженцевъ ученія Гермогена въ особенности много было въ Галатѣ.

Главное заблужденіе Гермогена состояло въ томъ, что онъ, на подобіе стоиковъ, предполагалъ матерію вѣчною и несотворенною. Это предположеніе служило въ его системѣ для объясненія вопроса о происхожденіи зла въ мірѣ. По ученію Гермогена, для рѣшенія вопроса о злѣ можно сдѣлать три предположенія: или Богъ произвелъ зло изъ Себя Самого, или изъ сотворенной матеріи, или изъ раньше, отъ вѣчности существовавшей матеріи. Но изъ себя произвести зло Онъ не могъ какъ духъ: Онъ недѣлимъ, и какъ какъ существо всесовершенное не могъ заключать въ Себѣ зла. Не могло зло произойти и изъ сотворенной матеріи: тогда-де пришлось бы считать Бога творцомъ и виновникомъ зла, что̀ противорѣчитъ Его благости. Остается предположить одно, а именно, что зло явилось изъ предсуществовавшей матеріи, совѣчной Богу, злое начало которой Богъ не могъ искоренить. Коренная ошибка, лежавшая въ основѣ заблужденія Гермогена, состояла въ томъ, что онъ признаетъ зло за какую-то субстанцію, за нѣчто абсолютное, существующее само по себѣ, независимо отъ воли человѣка. Возражая Гермогену, Тертулліанъ указываетъ на логическую невозможность предположенія вѣчности матеріи. Вѣчность—свойство абсолютнаго существа. Слѣдуя Гермогену, необходимо признать два абсолютныхъ существа и т. д. Подробнѣе объ этомъ см. въ изложеніи сочиненія Тертулліана противъ Гермогена. Говоря о полемикѣ Тертулліана противъ Гермогена, Mosheim утверждаетъ, что онъ возсталъ противъ еретика, защищая Монтана. См. подробн. Hist. christ. sec. 1. § 70). Аббатъ Bergier возражалъ Mosheim'у и основательно опровергъ его взглядъ. Dictionnaire de theologie, par l'Abbè Bergier. T. III. p. 258.

Тертулліанъ и гр. Л. Толстой.

Примѣчаніе къ статьямъ Тертулліана: „о призваніи къ цѣломудрію“, „о единобрачіи“, „о постѣ“.

Читая указанныя произведенія Тертулліана, невольно вспомнишь о послѣднихъ произведеніяхъ гр. Л. Н. Толстого—„Крейцерова соната“ и др. и скажешь про себя, что ничто не ново подъ луной! Задолго, почти за 1700

*) Прим. къ трактату: противъ Гермогена.

лѣтъ до нашего писателя, его идеи, выраженныя въ „Крейцеровой сонатѣ“ и другихъ писаніяхъ, выражены были Тертулліаномъ, да—еще какъ! Несравненно ярче, сильнѣе, основательнѣе! Видно, всему свое время, какъ сказалъ мудрый экклезіастъ. Но Тертулліанъ приходитъ намъ на память при чтеніи сочиненій гр. Толстого не по одной проповѣди преувеличеннаго ригоризма. У Тертулліана есть многое и другое, что съ большой пользой могъ бы позаимствовать нашъ писатель.

„Ересь, пишетъ Тертулліанъ въ своемъ сочиненіи de Praescriptionibus, (αἵρεσις, haeresis), какъ указываетъ ея названіе, есть *выборъ*, который дѣлаютъ среди другихъ истинъ, чтобы отвергнуть однѣ изъ нихъ и принять другія. Православіе, напротивъ, принимаетъ все ученіе во всей цѣлости, такъ какъ приняли его отъ Христа и передали всему міру Апостолы“.

Новый христіанскій вѣроучитель полагаетъ, что вся сущность христіанства выражается будто бы въ одной заповѣди о непротивленіи злу. „Какъ только я сталъ понимать эти слова (не противьтесь злу) просто и прямо, какъ они сказаны, тотчасъ во *всемъ* ученіи Христа, не только въ нагорной проповѣди, но и во *всѣхъ* евангеліяхъ для меня стало понятнымъ *все*.“ (Worin besteht mein Glaube? стр. 15).

Логическимъ послѣдствіемъ такого отношенія къ истинамъ вѣры, при избраніи и выдѣленіи изъ органической полноты истинъ одного какого-нибудь частнаго правила или одной истины предпочтительно передъ другими, является всегда искаженіе заблуждающимися книгъ Св. Писанія и произвольное ихъ толкованіе.

„Послѣдователи философовъ (еретики), говоритъ Тертулліанъ, искажали новыя книги христіанъ согласно со своими системами и изъ одного пути они сдѣлали много дорожекъ, такъ что теряется наконецъ всякій слѣдъ. Всѣмъ исказителямъ Евангелія мы возражаемъ, что единая, истинная религія получила начало отъ Іисуса Христа, передана намъ Апостолами, которые предшествуютъ всѣмъ новаторамъ“.

Апостолы восприняли все ученіе отъ Самого І. Христа.

„Какой здравомыслящій человѣкъ могъ бы утверждать, что не знали какого-нибудь пункта христіанскаго ученія Апостолы, которыхъ Спаситель послалъ учить вселенную, наставляя ихъ Самъ прежде, чѣмъ довѣрить имъ миссію наставлять другихъ? Что могло быть скрытымъ отъ Петра или отъ Іоанна, любимаго ученика, которому Спаситель позволялъ возлежать на груди Своей? Что Христосъ захотѣлъ бы скрыть отъ остальныхъ Апостоловъ, спутниковъ Его трудовъ въ Его жизни, провозвѣстниковъ Его ученія послѣ Его смерти“?

Церкви, основанныя Апостолами, вѣрно поняли и вѣрно хранятъ ихъ ученіе. Думать о заблужденіи или затемненіи истинъ Христова ученія въ церкви не позволяетъ сама очевидность. „Правдоподобно ли, восклицаетъ Тертулліанъ, что бы столь многочисленныя церкви соединились въ одномъ

заблужденіи? среди множества возможныхъ случайностей нельзя было бы найти такого общаго и одинаковаго у всѣхъ результата; если бы церкви заблуждались относительно ученія, необходимо оказалась бы разница въ этихъ заблужденіяхъ. Нѣтъ! Что тождественно среди большаго числа людей—не заблужденіе, а преданіе! Пусть послѣ этого осмѣливаются поддерживать мнѣніе, что заблуждались тѣ, которые передали вѣру“!

„Мы владѣемъ истиннымъ ученіемъ, потому что мы восходимъ до Апостоловъ, которые намъ передали его“!

Нашъ авторъ, подобно нашему новому вѣроучителю, впослѣдствіи также уклонился отъ общенія съ Церковію, увлекшись преувеличеннымъ нравственнымъ ригоризмомъ. Но онъ не отвергалъ догматовъ вѣры, не отвергалъ бытія личнаго Бога, Творца, Судіи и Искупителя рода человѣческаго, личнаго безсмертія, всеобщаго воскресенія и будущаго суда. Онъ хорошо понималъ, что всѣ нравственныя правила, включительно съ его преувеличенными нравственными требованіями, останутся безъ почвы, съ отрицаніемъ вышеуказанныхъ христіанскихъ догматовъ. „Безъ страха Божія нѣтъ нравственнаго усовершенствованія!“ восклицаетъ онъ.

Впрочемъ, Тертулліанъ самъ указалъ намъ правило, которымъ мы должны руководствоваться, въ случаѣ возникновенія какого либо лжеученія, прикрывающагося какимъ либо авторитетнымъ именемъ.

„Развѣ мы судимъ о вѣрѣ по людямъ или о людяхъ по вѣрѣ? Никого нельзя назвать мудрымъ, если онъ не остался вѣренъ истинѣ. Никого нельзя назвать болѣе великимъ, чѣмъ истиннаго христіанина. Никого нельзя назвать христіаниномъ, если онъ не останется твердымъ въ вѣрѣ до конца! Человѣкъ! Но вы судите объ иномъ человѣкѣ только по внѣшнимъ фактамъ, вы вѣрите на основаніи того, что вы видите, а вы видите настолько насколько велико поле вашего зрѣнія“.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Отъ автора	V—VI
Библіографія иностранная и русская	XI—XXXIV
Введеніе	XXXV—LXVI
Апологетиконъ	1— 96
Къ народамъ	97—104
О свидѣтельствѣ души	105—110
Противъ іудеевъ	111—117
О давности—противъ еретиковъ	118—137
Противъ Маркіона	138—152
Къ мученикамъ	153—157
О зрѣлищахъ	158—163
Объ убранствѣ женщинъ	164—173
Объ идолопоклонствѣ	174—180
О терпѣніи	181—186
О крещеніи	187—193
О покаяніи	194—204
О молитвѣ	205—208
Двѣ книги къ женѣ	209—215
Монтанизмъ	216—224
О палліумѣ	225—230
Къ Скапулѣ	231—234
Скорпіакъ	235—240
Противъ Гермогена	241—247
Противъ Валентиніанъ	248—251
О душѣ	252—263
О тѣлѣ Христовомъ	264—272
О воскресеніи плоти	273—283
Противъ Праксея	284—293
О покрытіи головы у дѣвушекъ	294—300
О вѣнкѣ	301—307
О бѣгствѣ во время гоненія	308—312
О призываніи къ цѣломудрію	313—314
О стыдливости	315—322
О единобрачіи	323—328
О постѣ	329—332
Примѣчанія	333—353